

"Звоночек 3 (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Михаил Маришин

Звоночек 3

Эпизод 1

— Здравствуйте, товарищ Берия, поздравляю вас с назначением на должность наркома внутренних дел СССР и присвоением звания комиссара госбезопасности первого ранга, — я переступил порог кабинета и поздоровался за руку с вышедшим мне навстречу его новым хозяином.

— Здравствуйте, товарищ Любимов, спасибо, — Лаврентий Павлович, одетый, видимо по случаю первого рабочего дня на новом месте, с иголки, во всё новое, радушно мне улыбнулся. — Вот мы и снова вместе будем работать. Неплохо это у нас раньше получалось! Верно, товарищ Любимов?

— Да уж, изрядно, — я ответил довольно неопределённо, припомнив наши прошлые стычки в главке быстроходных дизелей.

— Достигли многого! Это главное. А кто старое помянет... — хитрый мингрел будто прочёл мои мысли. — Так что нечего от меня бегать, а то вас, товарищ Любимов, чуть ли не в розыск объявлять пришлось, чтоб к наркому вызвать.

— Так это нашему же наркомату спасибо надо сказать. От работы, до выяснения обстоятельств меня отстранили, так что я даже домой попасть не могу потому, что меня в лагерь не пускают. Поселился пока по прежнему месту жительства, пока мои бывшие соседи в тюрьме. Там меня и ищите, в случае чего. Или в Свято-Даниловом монастыре.

— Вот как? Компрометируете органы? — атмосфера нашей беседы от искреннего радушия постепенно скатывалась к двусмысленным подколкам, а там и до ругани было уже недалеко.

— Там размещён приёмник-распределитель для детей врагов народа, в которые прежнее руководство НКВД, скопом зачислило всех, кто имел со мной хоть какие-то контакты. Фриновский не делает ничего, чтобы разобраться в этом деле. Правды добиваться бесполезно. Всё сводится к тому, что приедет новый нарком - наведёт порядок. Раз уж родителям я ничем помочь не могу, так хоть с детьми позанимаюсь. Я им сейчас и нянька и учитель и воспитатель. Это же уму непостижимо! Дети-то ни в чём не виноваты! А их просто закрыли за колючкой, пока с родителями разбираются и никто ими не занимается. Хорошо, хоть мне, как чекисту, разрешают их навещать.

— Вы опять горячитесь, товарищ Любимов. Даю слово, что в кратчайшие сроки мы закроем этот вопрос и невиновные не пострадают, — Берия, видя, как меняется моё настроение, изменил тон, явно идя на попятный. — А вообще, кроме этого, чем вы в последнее время занимались?

— Чем я мог заниматься? КБ разгромлено, сотрудники изолированы. Руководство судостроительного завода арестовано, постройка опытных моторов сорвана. Арестовали даже тех, кто и знает-то меня совсем мало. Военпред ЗИЛа Бойко, например, — я продолжал упрямо долбить в одну точку, думая, что вода камень точит и усилия будут вознаграждены.

— Невиновные не пострадают, как я и обещал. Но к виновным это не относится, — Лаврентий Павлович ответил резко, видимо, раздражённый моим напором. — Я просматривал материалы дела. Бойко умышленно срывает поставки танков в армию, не принимая готовые машины,

придираясь к мелочам. При этом самоходные установки он принимал без вопросов, что привело к фактическому срыву и нарушению планов производства военной техники на ЗИЛе. Руководство завода преступно пошло на поводу у вредителя и сделало упор на самоходки вместо танков. Мы ещё с Рожковым разбираться будем.

— Радиостанция - хороша мелочь! Без радиостанций даже танкового взвода не существует! Только отдельные танки! Танковых войск без радиосвязи нет, а есть фикция! Бойко здесь полностью прав и только честно выполнял свои обязанности, а вы его в тюрьму!

— Во-первых, не мы. Во-вторых, в наркомате обороны считают иначе, — отрезал Берия.

— Вот и разбирайтесь с теми, кто считает иначе. А то мы думаем, будто у нас есть танковая бригада, например, а на самом деле - сплошная показуха.

— Как же вы тогда объясните, что самоходные установки без радиостанций принимались?

— А самоходки, такие как у нас, пусть и с трудом, но можно без радиосвязи применять. Подобно тому, как обычные гаубицы применяются. Достаточно пары раций на батарею, одну на огневые и одну разведчикам. Между машинами можно и голосом командовать.

— Толково вы Бойко выгораживаете, товарищ Любимов. Только в деле есть сведения, которые и сам Бойко подтверждает, что истинной причиной неприятия танков было недостаточное, по мнению Бойко, которое опять расходится с мнением наркомата обороны, бронирование. Вот так. Радиосвязь лишь предлог.

— Ну конечно, в наркомате лучше разбираются, какими должны быть танки! Куда там капитану, командиру роты, потерявшему в танковой атаке ногу! А, между прочим, Бойко и здесь прав. Зачем вообще броня, если она не защищает от вражеского огня? Это перевод труда тысяч советских людей в горелый хлам, да ещё и с человеческими жертвами.

— А как же самоходки?

— А они в первой линии не идут! Если по ним противотанковые пушки стреляют - значит бой организован неправильно!

В это время дверь кабинета открылась и на пороге появился ещё один старый знакомый, которого Берия, видимо, и дожидался.

— Опаздываете, товарищ майор госбезопасности, — сухо бросил ему нарком.

— Виноват, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга, прибыл, как только известили. Никто же не знал, когда товарищ лейтенант соизволит объявиться, — оправдался Меркулов.

— Представлять вас друг другу нет надобности. Скажу лишь только, что товарищ Меркулов назначен начальником воссозданного отдела техники при экономическом управлении НКВД СССР, куда передаётся ваше, товарищ лейтенант, КБ. Он отныне будет вашим непосредственным руководителем. Перейдём к делу, присаживайтесь, — Лаврентий Павлович указал нам на два ближайших к его столу стула, а сам, первый, занял место во главе. Ах, как он меня, что называется, развёл! Вызвал на эмоции, а это, выходит, лишь присказка была. Сказка вот сейчас начнётся, судя по официальному тону наркома.

— Вы присутствовали на совещании Совнаркома четвёртого сентября? — в упор посмотрел на

меня Берия и тут же, не дожидаясь ответа, коротко бросил. — Рассказывайте.

— Ну да, присутствовал. А что рассказывать? Стенограммы наверняка есть, там всё должно быть зафиксировано и полнее и более точно, чем я скажу.

— Товарищ старший лейтенант, я комиссар государственной безопасности первого ранга, нарком внутренних дел СССР. Вы – мой подчинённый. Любая моя просьба, пожелание или простое обращение является приказом, выраженным в вежливой форме. Потрудитесь соблюдать субординацию и не растрчивать понапрасну наше время на элементарную организацию работы.

Вот как ты заговорил, товарищ Берия! Раздельно, ледяным голосом, расставил все точки над "зю". Это тебе, Семён Петрович, не гражданка. Не то, что было три года назад. Теперь мы, все трое, носим, пусть не погоны, но петлицы и о прежней вольнице можно забыть. Не говоря уж о том, чтобы мечом безнаказанно размахивать.

— И не надо обижаться, товарищ Любимов, — глядя на меня в упор сквозь круглые стёкла очков продолжал свою воспитательную работу нарком. — Не ради праздного любопытства вас спрашиваю. Да, я читал стенограмму, но мне интересно ваше собственное мнение. То, что вы думаете на самом деле. А то на совещании вы вели себя больно уж дипломатично, что с вашим характером совершенно не вяжется. Между тем, за задачи, вам поставленные, несёт ответственность наркомат внутренних дел в целом и я персонально. Вот и объясните мне, пожалуйста, в деталях, какой, как вы любите выражаться, "геморрой", вы нам принесли.

Всё знаешь, да? Я и ляпнул-то всего в запале пару раз. Ну, да ладно, к делу, так к делу.

— Как вы, уверен, знаете, поводом для совещания стало то, что наш доблестный флот в конце августа так и не смог во время внеплановых учений перейти по приказу своего наркома Кожанова в боевую готовность номер один. Откровенно говоря, думал, что достанется на орехи именно наркому ВМФ, но вышло всё наоборот. Наш Рабоче-Крестьянский Красный Флот до сих пор находился в положении Золушки, его заказы выполнялись промышленностью в последнюю очередь. Причём по всем направлениям. Зачастую, заводы, например, производящие вооружение, брались сперва за выполнение гораздо более объёмных заказов наркомата обороны, оставляя флотские "на потом". Так как уложиться в план получалось далеко не всегда, это систематически приводило к тому, что к работе по морской теме даже не приступали. Фактически в последнее время флот не получал вооружения совсем, кроме новых 180-миллиметровых пушек, 102-миллиметровых модернизированных пушек, 76- и 45-миллиметровых зенитных пушек. Да и эти орудия современным требованиям не удовлетворяют. Работы по современным 100- и 130-миллиметровым универсальным орудиям фактически сорваны, а к по другим системам даже не начинались. Такое же положение сложилось и в главках морского и речного судостроения. Гражданские заказы выполняются в первую очередь, военно-морские – потом. Это привело к тому, что хоть флот и получает от судостроителей сколько-то новых боевых кораблей, но совсем не получает судов обеспечения. При переходе в готовность N1 даже боеприпасы и топливо на корабли не смогли доставить в установленный срок. Положение с минным и тральным вооружением ещё хуже, заказы на отдельные элементы размещаются где попало и фактически мин и тралов флот не получает совсем. Чуть лучше с торпедами, но их изготавливает всего один завод в недостаточном количестве и устаревшей конструкции. Работы по торпедам с более совершенными двигателями ведутся и получены хорошие результаты, но не решена проблема надёжности, поэтому на вооружение новые образцы не принимаются. Совсем плохо с акустикой. Флотская разведка недавно выяснила, что за рубежом уже давно используются гораздо более чувствительные гидрофоны на иных принципах. Кстати, работы по самонаводящимся торпедам

провалились именно из-за несовершенства нашей акустики. Вот такая картина складывается на сегодняшний день.

Во рту от такого длинного монолога пересохло, я, не стесняясь, взял стоящий передо мной графин, налил воды в стакан и залпом выпил, выигрывая время, чтобы обдумать, что буду говорить дальше. А взвешивать стоило каждое слово. Ну что мне стоило сказать на совещании твёрдое "нет"? Подумаешь, два раза подряд отказал товарищу Сталину! Ан нет, кишка оказалась тонка, опасения перевесили. Мыслишка такая подленькая, сейчас соглашусь, а потом время пройдёт, само собой всё образуется. Не образуется! Покатилось с горы как снежный ком, накручивая на себя всё новых людей. А ведь это только самое начало! Вот теперь Берии объясняй, как совершить невозможное, за которое он, ни в чём не виноватый, несёт персональную ответственность.

— Это нам, товарищ лейтенант, как раз, понятно. Вы к сути переходите, — поторопил меня Меркулов.

— К сути... Ну что ж, перейдём к сути. А она такова. Флот будут поднимать. Планы пересмотрят, выделяют заводы, работающие в основном на ВМФ. Предусмотрено два этапа. Первый - строительство малого флота до конца пятилетки. Это катера, подлодки, сторожевые корабли и тральщики, суда обеспечения. Всем им нужны дизеля. Так как в связи с высокой потребностью в котлотурбинных установках большой мощности для электростанций, установки малой мощности строить не будут. Причём дизеля, по желанию Кожанова, именно спроектированные в моём КБ, как более совершенные в отношении вес/мощность. Коломенский завод, который тоже строит дизеля, нацеливается на увеличение ресурса своих моторов для того, чтобы их срок службы был сравним со сроком службы корабля в целом. Эти двигатели будут использоваться в гражданском флоте в основном. При этом, по словам товарища Орджоникидзе, в дизелестроении у нас кризис. Промышленность фактически достигла возможных пределов в производстве топливной аппаратуры, которые лимитируются наличием высокоточных станков. С окончательным вводом в строй СТЗ все резервы будут исчерпаны. Более того, ожидается спад, так как в настоящее время станки эксплуатируются, фактически, в режиме военного времени и будут выходить из строя по износу. Поступления же нового оборудования в значительных количествах не ожидается. Импорт нам заблокировали, а отечественная промышленность только разворачивает строительство точных станков.

— И? — подтолкнул меня Берия, видя, что я остановился в своём рассказе.

— Что "и"? Что "и"? — нервы, изрядно расшатанные за последнее время, сдали. — Это значит, что завод в Рыбинске мне улыбнулся! Никаких авиамоторов 160-й серии! Будут клепать эти несчастные "Сюязы" М-100, а в Запорожье "Мажоров" французских!

— Успокойтесь, товарищ лейтенант, вопросов авиации мы сейчас не касаемся. Нас интересует только флот. Водички ещё попейте и продолжайте, или могу чего-нибудь покрепче налить, если надо, — терпеливо погасил вспышку моей агрессии Берия.

— Спасибо, не стоит, — отказался я от выпивки и стал обрисовывать ситуацию дальше. — Если говорить только о флоте, то у меня готовы дизель 13-16, 13-8 в 2000 и 1000 сил и на подходе рядный 13-8Р в 1000 сил для подводных лодок типа "М". Проблема в том, что строить эти моторы серийно негде! Единственный завод, который мог бы это делать - ленинградский "Большевик", но там в серии танки Т-28 плюс нагрузка по двигателям для карьерных самосвалов "Кировец". МССЗ, который фактически стал опытным заводом нашего КБ, имеет избыток мощностей для ремонта, но этого совершенно недостаточно для серийного строительства дизелей. Там можно делать, с привлечением смежников, порядка сорока 13-16 в

год. Этого количества, с учётом ресурса и полного сворачивания работ по опытным двигателям, хватит на поддержании в боеспособном состоянии всего пяти больших торпедных катеров. Которых планируется строить не менее сотни. А ещё малые катера, охотники, не говоря об остальном. Даже малый торпедный катер по двигателям – это шестнадцать "Кировцев" или восемь танков Т-28. Заранее предвижу, что договориться о строительстве моторов для флота будет чрезвычайно трудно.

— Это не ваши, а наши, вернее товарищей Кожанова и Орджоникидзе, проблемы и не стоит на них заостряться. Давайте по существу ваших вопросов поговорим, — Берия упорно не давал мне "потерять берега" и неуклонно направлял разговор в нужное ему русло.

— По существу моих вопросов. В ближайшее время придут бумаги с ТЗ на мотор 13-12, а возможно и на 13-6. Это связано с тем, что четырёхходовые ТНВД, применяемые на 13-16 и 13-8, на авиамоторах показали крайне низкий ресурс. У нас всё работало нормально, но увы, к моим аргументам не прислушались. Для оптимизации серийного производства упор будут делать на трёхходовые ТНВД для многоцилиндровых моторов. Поэтому количество котлов должно быть кратно трём. Скорее всего, в форсированных авиамоторах насосы работают с такой частотой, что выходят за какой-то предел, за которым следует стремительный износ. Но для моих судовых дизелей, имеющих сравнительно малые обороты это правило не действует! Я не вижу смысла начинать работу по 13-й серии заново, пусть она и потребует относительно малого времени. А также проектировать новые катера и тепловозы под дизеля 13-12 со всеми вытекающими. Не знаю, удастся ли мою точку зрения отстоять, но терять время на эти заказы откровенно не хочется. Это раз. Далее, у меня на испытаниях оппозитный блок 16-й серии, который может послужить основой для моторов уже знакомых нам схем. Больших проблем не предвижу, так как степень технической новизны этих конструкций низкая. Поэтому заказ ВМФ на 16-12 и 16-6, считай, у нас в кармане. Я бы, конечно, предпочёл варианты 16-16 и 16-8. Флот связывает с этими двигателями большие надежды. В основном потому, что никому они больше не нужны и конкуренции со стороны других потребителей не предвидится. Опять таки, нет завода для строительства этих моторов. Я надеялся на Рыбинск, но в свете проблем с ТНВД, нам не светит. Если только в кратчайший срок, пока вместо М-17 там не стали делать "Испано", не создадим новую топливную аппаратуру, требующую для своего изготовления минимума станкочасов высокоточного оборудования. Резерв станков, кстати, по словам Орджоникидзе всё-таки есть небольшой, но он закреплён за производством патронов. Не знаю, что они там вытачивают, но надо разобраться, может, удастся воспользоваться. По топливной аппаратуре задумки тоже есть. Это можно считать первоочередным заказом, который я сам себе, вернее вы мне выдадите. Только при условии решения этой проблемы возможно поточное строительство многоцилиндровых моторов 16-й серии, да и 13-й тоже. Это два.

— Подождите, товарищ Любимов, — прервал меня Меркулов. — Давайте промежуточный итог подведём. Дизеля 13-12 по заказу наркомтяжмаша, дизеля 16-12 и 16-6 по заказу РККФ и новая топливная аппаратура для них. Так?

— Именно.

— Заказ на топливную аппаратуру выходит за рамки компетенции наркомата внутренних дел, — заметил Меркулов. — Его тоже надо провести через РККФ, а для этого от вас потребуется теоретическое обоснование со всеми вашими, как вы сказали, задумками.

— Тогда у меня к вам встречная просьба, — я немного замялся, подбирая краткое, но ёмкое и понятное описание системы, которая для меня укладывалась всего в двух словах "коммон рейл". — Мне было бы желательно получить всю доступную информацию по топливной аппаратуре для дизелей, использующей принцип единой магистрали высокого давления для

форсунок всех цилиндров.

Я посмотрел на Меркулова, потом на Берию, но не увидел в их глазах понимания, только ожидание дальнейших пояснений.

— Ну, понимаете, там должен быть всего один насос высокого давления. Один плунжер. Большой. Он накачивает топливо в общую трубу и поддерживает там постоянно высокое давление. От трубы существует подводка к каждой форсунке, они открываются в нужный момент специальным механизмом.

— В общем, понятно, — сказал Меркулов. — Должен быть один плунжер на весь мотор. В этом, товарищ Любимов, вы последовательны. Сначала один плунжер на цилиндр, потом один на два-четыре цилиндра, теперь вот это. Но схему всё же набросайте, будет понятнее, что искать. Давайте дальше.

— Дальше... Ну что ж. Я остановился на том, с чем я могу справиться. Теперь третье. На следующую пятилетку партия планирует создание большого, океанского флота. Лично я считаю это огромной ошибкой, но против мнения партии не попрёшь.

— Вы так говорите, будто противопоставляете себя партии, — заметил Берия.

— Бросьте, Лаврентий Павлович, к словам цепляться! — махнул я в сердцах рукой. — Не первый год друг друга знаем. И кто чего стоит, понимаем. Вы спрашивали моё мнение, я его озвучил. Если бы участвовал в каком-то голосовании по этому вопросу, то был бы однозначно "против". Мы большая страна, верно, экономика у нас растёт, тоже верно. Но иметь флот на каждом ТВД, сравнимый хотя бы с японским, у нас пупок развяжется! А ведь для нас армия на первом месте должна быть, не хуже любой другой.

— Партия решение приняла. Мы - бойцы партии, должны его выполнять, а не критиковать! — жёстко возразил мне нарком.

— О чём я и говорю. Против партии не попрёшь! — подвёл я итог, давая понять, что остаюсь при своём мнении.

— И как же вы решение партии собираетесь выполнять? — делая акцент на последнем слове, задал вопрос Лаврентий Павлович.

— Честно сказать - не знаю. Для обучения личного состава "Большого" флота уже сейчас нужны большие корабли, способные ходить в океане. Наши линкоры на это, как показал Бискайский залив, не способны. Моряки задумали перестроить и ввести в строй "Фрунзе", впихнув в него дизельную силовую установку. Заодно и немцам нос утереть с их "карманниками". Вариант с дизелями им, видите ли, показался наиболее дешёвым и реальным! К тому же, позволяющим значительно повысить характеристики корабля, особенно автономность, что для океана актуально. А партия их опять поддержала. Расхлёбывать эту кашу мне.

— Что вы хотите этим сказать? — я даже не понял, то ли это был блик от очков, то ли глаза наркома недобро сверкнули.

— Да, раньше я говорил, что возможно создание дизельных двигателей в несколько тысяч лошадиных сил. Сейчас мы можем рассчитывать, построив 16-16, примерно на 4 тысячи. Это очень хороший результат. Но силовая установка "Фрунзе" - сорок тысяч лошадиных сил, если не больше. А требуется ещё и повышение её мощности для увеличения хода. Значит, моторов

16-16 потребуется не менее десяти штук. В то, что мы сумеем создать силовую передачу для такого количества двигателей и обеспечить их нормальную работу я, простите, не верю. Есть ещё вариант. Иметь по одному дизелю на вал, но сверхмощных, от десяти тысяч лошадиных сил и выше. Теоретически это возможно, сделав 40-50 цилиндрический мотор размерности 160. Увеличить объём цилиндра мы уже не можем - внешние шатуны просто оборвёт или они будут такими тяжёлыми, что сбалансировать их с внутренними, будет невозможно. В любом случае, они хотят получить силовую установку для "Фрунзе" уже через год. Это равносильно тому, чтобы требовать от Циолковского через год запустить в космос ракету с человеком на борту!

— Считаете, что товарищ Циолковский фантазирует? — с лукавой улыбкой задал вопрос Берия.

— Вам, гляжу, товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, палец в рот не клади!

Берия, а вслед за ним и Меркулов, рассмеялись.

— Мы понимаем, что задачи перед нами стоят трудные, но решать их надо...

— Трудные? — перебил я наркома. — Я же сказал! Создать силовую установку для "Фрунзе" за год невозможно! Невозможно!

— Не понимаю я таких людей, товарищ Меркулов, — обратился к майору госбезопасности нарком. — Не можешь - не берись. Зачем говорить товарищу Сталину, что можешь? Если трудности есть, так мы любую необходимую помощь окажем. Или уступи место другому, тому, кто сможет. Но сказать об этом надо прямо и честно сразу, не виляя хвостом. А назвался груздем - так полезай в кузов и не морочь людям голову.

— Сказать прямо, что не нужно и невозможно сразу, скажу честно, духу не хватило, — попытался я оправдаться. — Но то, что работа будет сопряжена с огромными трудностями, и результата я гарантировать не могу - предупредил сразу!

— И вы, товарищ старший лейтенант, наверное, помните, что вам товарищ Сталин ответил? — Берия, конечно и сам знал это, но добивался от меня, чтобы я цитировал вождя вслух.

— Да, помню. Товарищ Сталин сказал, что за четыре года мощность единичного дизеля такой схемы, выпускаемого советской промышленностью, возросла в двадцать раз, со 125 до 2500 лошадиных сил. Так что за год поднять эту мощность в четыре раза нам по силам, — пересказал я слова вождя и тут же их критически оценил. — Но эта пропорция - чистая иллюзия не имеющая никаких реальных оснований!

— Да? А что ещё сказал товарищ Сталин? — продолжал насесть на меня нарком.

— Сказал, что партия в этом вопросе мне доверяет...

— Вот, товарищ старший лейтенант! Это и есть то самое реальное основание, которого вы не видите! Обмануть доверие партии невозможно! Так что невозможное вам предстоит совершить в любом случае, но я бы на вашем месте, всё же создал бы дизель для "Фрунзе", — усмехнулся нарком. — Потому, что при другом исходе последствия будут прямо противоположными.

— Да уж, положение. Надо было на пост наркома соглашаться... — глядя на то, что Берия наряду с пряниками даёт мне понюхать и кнута, я решил не оставаться в долгу.

— Что вы имеете в виду, товарищ старший лейтенант? — насторожился мой самый главный начальник.

— Мне предлагали пост наркома внаудел, а я, дурак, отказался, — усмехнулся я в ответ. — Сидел бы сейчас в этом самом кресле и расписывал последствия кому-нибудь другому.

— Не врётё, товарищ лейтенат, — внимательно глядя на меня, отметил Лаврентий Павлович. — Не врётё. Потому, что такими вещами не шутят. Отчего же отказались? Чекистская работа не прельщает?

— Всяк человек на своём месте хорош. Мне бы к железу поближе. А вам, наоборот, к людям. Поэтому-то я вас и рекомендовал на пост наркома.

— Взгляни, Всеволод, перед нами птица высокого полёта! Орёл! Наркомов пока не назначает, но уже выдвигает кандидатуры! Уже боюсь сам себя спрашивать, вдруг он наркомов и обратно снять может? С Ягодой и Ежовым как-то неладно получилось, дело тёмное. Ценить надо доверие такого человека! — Берия говорил шутливо-издевательски, а потом, жёстко, глядя на меня в упор, спросил. — Так что ли, товарищ Любимов!?

— Не совсем, товарищ комиссар первого ранга... — ответил я неопределённо.

— Поймай, раз ты меня рекомендовал...

— Да, товарищ Берия, всё возвращается на круги своя, — не дал я закончить мысль наркому. — Вы же хотели, чтобы мы работали как в старые добрые времена?

Берия расхохотался, а потом, внезапно прервав смех, просто сказал.

— Молодец. Только теперь у тебя выбора совсем нет. "Фрунзе" будет ходить под дизелями и точка. Работу начнёшь немедленно.

— Не начну. По крайней мере до тех пор, пока не будут освобождены все арестованные по "моему" делу. И не просто освобождены, а с компенсацией издержек, — вот здесь я уступать совсем не собирался, поэтому даже не попытался высказать свой ультиматум как-то помягче.

— В вашем деле ещё разбираться и разбираться. Но все необходимые вам для начала работ люди завтра же будут переведены обратно в Нагатинский лагерь. Работать будем параллельно каждый по своей линии. Вы - по железу, мы - по людям. Не беспокойтесь, дело поручено мной капитану госбезопасности Кобулову. Он грамотный чекист и сумеет всё разложить по полочкам. Хотя кое-кто из тех, кого вы просите освободить уже признались, что копали туннель чуть ли не в Бразилию и готовили побег, а вы вообще - гондурасский шпион. Так ведь вы выражаетесь, товарищ Любимов? — начав приказным тоном, нарком в конце позволил себе шутливый вопрос.

— Товарищ комиссар госбезопасности первого ранга. Я. Каждый день. Буду писать рапорт. На имя своего непосредственного начальника. Майора госбезопасности товарища Меркулова. О том. Что условия для начала работ. До сих пор. Не созданы. Поэтому. Приступить к ним. Не могу! — я отдельно отчеканил свою позицию, позволив себе в конце, для пущего эффекта, ударить кулаком по столу.

— Вы отказываетесь выполнять приказ?! — да, так вывести Берия из себя, что все его эмоции относительно моей скромной персоны отразились на лице, мне удалось впервые.

— Отчего же, я буду выполнять приказ, — на этот раз я напустил на себя показную скуку и вальяжно развалился на стуле. — Один. Сяду и буду проектировать, обсчитывать всё то, что мы наметили. В порядке поступления. И буду это делать лет пятьдесят. Потому, что доверить

такую важную работу кому попало, не могу. Как можно доверять агентам гондурасского шпиона? Не понимаю!

— Вы понимаете, что это саботаж? — рассматривая сложенные на столе руки, вступил в разговор Меркулов, пока нарком делал усилия, чтобы взять себя в руки.

— Конечно, товарищ майор, я отлично понимаю, что отказ создать условия для начала работ, имеющих государственное значение - саботаж. Похоже, вы это плохо понимаете, — пришёл мой черёд расставлять точки над "зю".

Всё, край. Мозг взорван. Они оба и хотели бы меня растерзать, но понимают, что ничегошеньки мне сейчас, в данный момент, сделать не могут. Хоть и петлицы комиссара первого ранга на воротнике, а власти никакой. Остаётся только засесть время, сколько им потребуется, чтобы прийти к следующей здоровой мысли и попробовать договориться, засунув амбиции подальше.

— Чего вы добиваетесь? — браво, товарищ нарком, не успел я додумать свою мысль до конца, а правильный вопрос уже задан.

— Товарищи начальники, я хочу, чтобы вы чётко понимали, что я не выкобениваюсь из вредности, а нацелен на достижение конечного результата наилучшим образом и как можно скорее. Без КБ и опытного производства я бессилён. Любой современный сложный механизм, будь то, мотор, автомобиль или самолёт, крайне трудно создать в одиночку. Чтобы сотрудники КБ хорошо работали, они должны быть правильно мотивированы. Весной КБ работало в таком режиме, что лесоповал моих конструкторов перестал пугать совершенно, скорее они о нём мечтали. А последние приключения должны их привести к мысли, что работать в КБ Любимова, и вообще, находиться рядом с этим человеком, просто-напросто, опасно для жизни. Можно от них ждать хорошей работы? Нет! Короче, кнут исчерпал себя, нужны пряники. Людям нужно дать хоть какую-то уверенность в собственной безопасности и в том, что их работа будет должным образом оценена. Хотя бы в виде послаблений режима или сокращения сроков заключения. Первым делом, надо им объяснить, что произошла ошибка, виновные, её совершившие будут наказаны. Это раз. Направить весь состав КБ в санаторий на месяц, где подлечить их после "следственных мероприятий" и дать хорошо отдохнуть. Причём, я знаю, что жёны моих конструкторов, перебравшиеся поближе к мужьям, тоже были арестованы. Таким надо дать отдых в составе семьи. То же самое касается и вольнонаёмных, которые были арестованы по моему делу. Это два. Наградить за уже проделанную работу. Это три. Вот только после этого можно приступить к решению поставленных партией задач.

— Рациональное зерно в ваших рассуждениях есть, — сказал Берия, постукивая карандашом по столешнице. — Но отпуск в санатории для врагов народа, да ещё и семьями? Это уж слишком. К тому же, мы не можем ронять авторитет органов, оправдываясь перед заключёнными...

— Товарищ нарком, давайте смотреть правде в глаза, — сказал я устало. — НКВД расценивается сейчас вовсе не как правоохранительная организация, оплот правды и справедливости, чего мне очень бы хотелось, а как организация карательная, имеющая власть и силу и применяющая её, зачастую, произвольно. Мы ведём себя как в завоёванной стране, население которой надо скрутить в бараний рог, называя это борьбой с пережитками прошлого. Пора бы уж понять, что это наш народ, наша страна. Сильный, уверенный в себе человек, может признать свои ошибки и исправить их. Только ущербные люди упорствуют в заблуждениях, думая, что признание неправоты уронит их в глазах окружающих. Давайте уже добиваться, чтобы наш народ любил и уважал органы, видя в них своих защитников, а не боялся их. Сила в правде, а не наоборот.

Лаврентий Павлович встал, подошёл к окну, чуть отодвинув штору глянул на улицу и сказал.

— Хорошо. Сотрудники вашего КБ получают необходимый отдых. Надеюсь, и они и вы нас не подведёте.

— Товарищ Берия, это должно распространяться на всех людей, арестованных по моему делу. На того же военпреда капитана Бойко, например.

— Существует определённый порядок, заведённое дело должно быть расследовано. В отношении ваших конструкторов, ради решения поставленных партией задач, мы готовы сделать исключение. Но не более того. Считаю излишним.

— А я, наоборот, считаю необходимым, — твёрдо стоял я на своём.

— Почему?

— Потому, что не только мои конструкторы должны быть правильно мотивированы, но и я сам. Пора бы уж вам определиться, кто я, в конце концов, честный человек, или гондурасский шпион. Если мои знакомые будут оставаться под арестом, значит, верно второе и мне нет никакого резона изобретать дизель для "Фрунзе". Конец-то всё равно один. Верю, что вы сделаете правильный выбор и компенсируете невинно пострадавшим неудобства, связанные с арестом.

— Вы свободны, товарищ лейтенант, — не ответив ни "да", ни "нет", закончил разговор нарком. — Текущие вопросы по работе решите с майором Меркуловым.

Мне не оставалось ничего, кроме как удалиться, но первый эффект от этого памятного разговора одиннадцатого сентября обнаружился уже на следующий день к обеду. Одна за другой к моему старому дому в Нагатино подъехали две легковые машины. Первая привезла семью Миловых, причём, в полном составе, с детьми. На второй приехала Акимова, тоже с потомством.

Больше всего меня поразило то, как они отнеслись к произошедшему. Измождённые, побитые, что можно было понять по осторожным движениям и бросающейся в глаза заботе друг о друге, люди не потеряли веру в советскую власть. Да, произошла ошибка, да обошлись плохо. Но ведь разобрались же? Есть правда на белом свете! Потому, что есть партия и власть народная!

Другое дело, что то, что в больших масштабах оценивалось, в общем, благоприятно, применительно к конкретным людям не работало. В общении со мной все, кроме малышей, вели себя крайне настороженно, осознанно или нет, но считая источником своих прошедших бед, а возможно, и новой опасности.

Со вторым следствием беседы с наркомом я столкнулся через четыре дня, когда заезжал в наркомат к Меркулову за техническими заданиями, среди которых, кроме всего прочего, оказался заказ на комплексную установку вооружения для катера, подразумевающую подключение шестистволок Таубина к системам питания, охлаждения и выхлопа ходовых дизелей.

На стене висела свежая стенгазета, посреди которой, огромных размеров, чтобы всем было хорошо видно, красовался герб. Привычный "щит и меч". Только на малиновой ленте аббревиатура ведомства потеснилась, перекочевав в левую вертикальную часть, составив симметричную пару названию государства справа. В центре же красовался девиз: "Сила в Правде". Оба слова с большой буквы. Как говорится, хотелось бы надеяться. И заранее жаль

острыков, которые решат обыграть дефицит, вернее полное отсутствие, туалетной бумаги.

Эпизод 2

Какой народ самый коварный? Конечно же мингрелы! Сомнения в данном факте у меня полностью рассеялись, когда я бегло ознакомился с делами непрошеного пополнения, которое двадцать шестого сентября доставил в Нагатинский лагерь единственный автозак. Пятнадцать инженеров с ещё дореволюционным стажем, один из них, Василий Васильевич Киреев не просто был хорошо знаком с конструкцией двигателей внутреннего сгорания, но являлся конструктором мотора РБВЗ-6 – сердца легендарного "Ильи Муромца". Вот только все они были "отказниками", выбравшими север и ни под каким предлогом не желавшими работать в тюремных КБ. Арестованные ещё по "делу промпартии", они наотрез отказывались считать себя виновными в чём-либо и не признавали справедливость вынесенных приговоров, а следовательно, не шли на контакт с НКВД. "Инженеры в законе", вдоль их и поперёк! Люди с характером, готовые за правду скорее сдохнуть на лесоповале, чем потерять лицо и честное имя, хотя бы в своих собственных глазах.

Приказ о направлении этого "спецконтингента" в моё КБ подписал Меркулов, но за ним отчётливо поблёскивали очки Берии. Это же надо заранее знать, что у чекистов есть такие резервы! Видимо, ещё по работе в ГУБД, когда мы впервые привлекали зеков к нашей работе, Берии с Меркуловым пришлось с ними столкнуться. Вот теперь они не смогли отказать себе в удовольствии сделать мне такой подарок, приложив к нему приказ приступить к работе немедленно. Нечего сказать, выкрутились. Пусть основной состав КБ гуляет, вот тебе, товарищ Любимов, люди, специально обученные. Заодно и задницу себе прикрыли – помогают, чем могут только. Дерзай, дорогой, ты теперь целый капитан госбезопасности, звание досрочно! Просил же наградить людей за проделанную работу? Вот и сам получи. А то как-то некрасиво, начальник лагеря и вдруг старлей.

— Работать будем? — каждое утро я задавал простой вопрос шеренге хмурых мужиков и, не дожидаясь ответа шёл по своим делам. Мой заместитель Косов, хоть и попавший под раздачу, как мой приближённый, но отказавшийся от отпуска, получил строгий приказ ограничить перемещение новичков столовой, сортиром и баракком отдела "общих видов", где пропадал я сам, и так и сяк прикидывая, как буду ставить целый линкор на ход. Там же на стенах были развешены чертежи моторов, которые вышли на стадию постройки и испытаний опытных образцов.

"Отказники" избегали заходить внутрь, видимо, опасаясь увидеть лишнего и стать секретносителями. Придя к такому выводу, я тут же проинформировал упрямец, что это им не поможет, ибо никто не будет выяснять, интересовались они или нет, если записано, что доступ был предоставлен.

— Что, даже из любопытства не хотите посмотреть? — спросил я через неделю "осады". — Ну и подыхайте со скуки во дворе. Погода как раз подходящая – дождичек на целый день, наверное, зарядил.

Не помогло. Мужики упорно пытались мне своим упрямством что-то доказать, а я делал вид, что мне на это плевать с высоты птичьего полёта. Вот ещё, буду я ради них тут агитацию устраивать! Через неделю "мои" приедут и завертятся тогда, а эти пусть как хотят.

— Во вред советской власти работать будем? Коли уж на пользу ей потрудиться не хотите? — следующим утром вопрос был задан именно так. Дураков, понятно, не нашлось, но в глазах тёртых жизнью зеков, совсем уже растерявших свой былой интеллигентный облик,

промелькнул интерес. — Ну, существойте дальше. Ибо это не жизнь. Как скот в хлеву. Поспал-пожрал-оправился. Тьфу. Будет хоть за что вас расстрелять, а так никому вы не нужны, плевать всем. Правду они высжиживают... Это курица яйца высидеть может, а за правду бороться надо!

С этим я удалился собирать макет "звезды" - одного из вариантов компоновки "большого" дизеля.

Вообще-то их было, скажем, два с половиной, потому что второй и третий, предполагаемые мною варианты, опирающиеся на отработанный рабочий процесс "шестнадцатого" цилиндра, были вариациями на одну и ту же тему - прототипом служил будущий Непир "Дельтик". Их я условно назвал, за конечную форму мотора, "коробочками". Первая копировала суть "Дельтика" полностью, были исключены внешние шатуны, упрощены коленчатые валы, которых, однако, требовалось не менее трёх. В такой конфигурации, имея не более восьми цилиндров в одном блоке из-за опасения за прочность слишком длинного коленвала, работающего в таком же режиме, как и валы моторов традиционной схемы, при разумных общих габаритах двигателя, в "пятигранник" удавалось засунуть сорок котлов. Второй подвариант был модифицированным "Дельтиком", у которого на каждой грани располагалось сразу два блока цилиндров с коленчатым валом между ними. Коленчатые валы, на которые работали "внешние" поршни блоков, как и у "англичанина", находились в вершинах многогранника. Соответственно потоки мощности от "вершинных" и "центральных" коленчатых валов на главный вал мотора передавались через два комплекта шестерён, разного размера, но с одинаковым передаточным соотношением. Тут уже в четырёхгранник, со стороной чуть менее двух метров, получалось запихнуть целых шестьдесят четыре котла, работающие на восемь коленчатых валов.

К "коробочкам" сердце откровенно не лежало. Бросалась в глаза сложность двигателей, огромное количество деталей, большие потери на трение, которые, по предварительным прикидкам, при минимально разумном для корабля ресурсе, не дали бы снять больше ста сил с каждого цилиндра, что ограничивало мощность самого многокотлового мотора цифрой 6400. К этому всему добавлялась неизбывная проблема охлаждения выпускных поршней, которые теперь уже крайне затруднительно было бы просто проливать маслом. К тому же, в моей реальности я не помнил сверхмощных моторов построенных по такой схеме.

Гораздо больше оптимизма внушала звездообразная компоновка, которую я имел в виду, говоря четыре года назад о двигателях в несколько тысяч лошадиных сил. Пример в лице дизелей завода "Звезда" был налицо, а применение "схемы Любимова" обещало ещё лучшие результаты. Но и здесь были свои сложности. Дело в том, что без прицепных шатунов было никак не обойтись, а, как известно, ход поршня, работающего на главный шатун, всегда больше чем ход остальных поршней, что для "схемы Любимова" было абсолютно неприемлемо. Это как минимум означало совершенно новый цилиндр увеличенного рабочего объёма без всякой надежды его уравновесить. Вкупе с проблемой прочности внешних шатунов, работающих на растяжение, всё выглядело совсем грустно.

Не найдя никакого разумного выхода, я решил разрубить Гордиев узел одним ударом и вообще избавиться от ведущего цилиндра, оставив в конструкции лишь его шатун, связанный с прицепными шатунами внутренних, впускных поршней. Это был необходимый минимум, так как внешние шатуны, "вытягивая" на себя колено вала через одетую на шейку шайбу, сами, по идее, должны были принимать правильное положение.

Компьютерное моделирование мне было заказано, за полным отсутствием в текущей реальности вычислительных мощностей, если, конечно, исключить "трансфокатор", которому эта задача тоже была недоступна. За неимением гербовой пишем на простой. Выручили по

старой памяти краснодеревщики ЗИЛа, несмотря на большую загрузку по "Турам", оперативно выполнившие заказ на комплект деревянных деталей, выполненных по чертежам цилиндра и шатунно-поршневой группы "сотого" мотора. Мне пришлось снабдить их только чертежами корпуса, коленвала с удлинёнными шейками, подобного валу Х-образников, и "паразитного" главного шатуна. Модель нужна была для проверки кинематики "звезды", нет ли существенных отличий от таковой же обычного оппозита. Об уравниваемости речь пока не шла. Вот сборкой такой шестицилиндровой, минимально допустимой звезды я и занимался в гордом одиночестве.

— Кхм... — раздалось с порога осторожное покашливание. Я ещё раньше услышал, как кто-то вошёл, но сделал вид, что увлечён работой и ничего вокруг себя не замечаю, чтобы не спугнуть давшего слабину "отказника". Пусть осмотрится, привыкнет, захочет поговорить - сам даст знать.

— А, гражданин Киреев, Василий Васильевич, проходите. Что ж вы в дверях мнётесь? — бросив мимолётный взгляд на бывшего инженера, я вновь сосредоточился на работе, прикручивая шурупами очередную щёку коленвала к шейке. Зек молча прошёл через помещение и остановился у меня за спиной, лишь изредка простуженно покашливая. Вот ненавижу, когда так поступают! А ну он от избытка добрых чувств мне сейчас киянкой по темечку двинет? А что? Тоже выход. Бунт, нападение, а тем паче убийство сотрудника органов - конец тому самому тоскливому существованию, которое недавно я сам им расписал.

— Слушай, Киреев, либо помогай, либо вали отсюда! Не люблю, когда за спиной люди стоят, от которых чего ждать не знаешь, — сказал я не оборачиваясь.

Обойдя большой стол, бывший инженер вошёл в поле моего зрения и просто спросил.

— Чего делать надо?

— Вот тебе половина коленвала, вот тебе недостающие детали. Не дурак, разберёшься, а я пока котлы к половинкам картера прикручу и главный шатун сразу поставлю.

Дурной пример заразителен, уже к вечеру "отказники", поучаствовав в сборке макета и прощупав схему, в буквальном смысле руками, высказывали мнения о её перспективах в виде звезды. Мне только оставалось похвалить себя за точный расчёт, ведь для уважающего себя человека нет худшей пытки, чем то, когда окружающие тебя просто в упор не замечают и не ценят. Зато теперь их будто прорвало, спор шёл до ругани на тему будет или не будет "зависать" мотор с чётным количеством цилиндров. Опасность такая теоретически имела из-за раннего впрыска топлива в котёл, когда он поначалу работает "на торможение", например при резкой даче газа с самых малых оборотов, когда предшествующим цилиндрам могло не хватить мощи преодолеть этот негативный фактор, усугублённый смещением точки приложения силы в сочленении прицепного и главного шатунов. Беспокойство же за рабочий процесс в котле оказалось напрасным, отклонения незначительными, а некоторое торможение поршней в крайних нижних точках из-за того же сочленения, только способствовало лучшей продувке цилиндра. А вот с маслом, охлаждающим выпускные поршни, проблемы были неминуемы, о чём я и рассказал, сославшись на опыт Чаромского с всего лишь четырёхцилиндровыми, применительно к одному ряду, моторами. Мы же уже прикинули, просчитали и собрались воткнуть в каждую звезду целых десять цилиндров, максимально возможное количество. При этом диаметр мотора по внешним картерам получался не слишком большим - около 1950 миллиметров.

— Гражданин начальник, вы про Уфимцева что-нибудь слышали? — присел со мной рядом на

лавочку у крыльца, куда я вышел покурить и привести мысли в порядок, Киреев.

— Уфимцев? Нет, не слышал, — соврал я, хотя сталкивался, в общеобразовательных целях и по работе в прошлой жизни, с литературой, автором которой был автор с такой же фамилией. "Легендарные маятниковые движения", мимо книги с таким названием человек, работающий коротким стволом, не пройдёт. Ещё что-то вспоминалось из научно-популярной литературы в связи с технологией "стелс". Но — всё мимо кассы, из времён "до войны" Уфимцевых я не припоминал.

— Да не может быть! Как же вы, строите моторы в России и не слышали про Уфимцева!? — искренне изумился Киреев. — А ведь он за свой АДУ-4 Большую серебряную медаль получил на Международной выставке воздухоплавания в 1911 году!

— Не бывал, — ответил я сдержанно, — сам из лесу только в двадцать девятом вышел.

Если бы я нарочно хотел чем-нибудь удивить собеседника, то лучшего придумать бы, наверное, не смог, но эффекта хватило ненадолго. Округлив глаза, Василий Васильевич уже через секунду махнул рукой и вернулся к теме, которая, видимо, полностью занимала сейчас его мысли.

— Так я про АДУ-4 что говорю? Замечательный мотор! Пусть, не мощью, не какими-то выдающимися характеристиками, но конструкцией! Биротативный двигатель с внешней несущей рамой! Понимаете? — Киреев даже невольно наклонился в мою сторону и попытался заглянуть в глаза, ища там ответ на свой вопрос. Увы, ухватить его мысль сразу у меня не получилось.

— У АДУ-4 картера как такового вообще нет! — очередное пояснение опять мне ничего не дало и я даже стал опасаться появления комплекса неполноценности из-за осознания собственной тупости.

— Гражданин Киреев! Говорите уж прямо, что вы там хотите сказать! Что вы мне загадки загадываете?!

— Так я и говорю прямее некуда! Мы макет как собирали? Вы сами сказали, что серийные заводы за такой "геморройный" процесс нас каждый Божий день материть будут, чтоб нам до самой смерти икалось! А всё из-за картера будь он неладен. Да он и не нужен вовсе, если главному "паразитному" шатуну впускных поршней добавить пару лёгких "паразитных" шатунов для выпускных, то они друг друга уравновесят. Будет, как и в случае с опозитом, полностью сбалансированная система. Заодно переход к жёсткой кинематике внешних шатунов вместо, пусть теоретически, но "плавающей", добавит надёжности.

— Зато систему усложнит на двадцать пять деталей вместо одного противовеса...

— Зато какой-нибудь внешний поршень на "стопе" не уползёт и на внутренний не ляжет...

— Допустим, а без картера как? — тут я брякнул то, что действительно имело место. — Знаешь, у меня воображения не хватает, представить, что ты хочешь.

— Внешняя несущая рама! Вот краеугольный, в буквальном смысле элемент! — с пафосом, подняв указательный палец в чёрное вечернее небо, приподняв брови и чуть выкатив от возбуждения глаза, изрёк Киреев, оставшись так какое-то время стоять с приоткрытым ртом.

— Ты б хоть чертёж какой изобразил что ли... — я с досады даже плюнул.

— Вот времена! Кому дипломы инженеров дают? Кого главными конструкторами назначают? Из каких соображений? Кто первый на дороге попадётся что ли? — забывшись, рассердился на меня, как на нерадивого ученика Василий Васильевич. — Любой гимназист давно бы всё уже понял!

— Мне непонятливым быть не возбраняется, я недоучка, — усмехнулся я, вспомнив условие получения звания инженера, поставленное самим Сталиным. — Этот дизель - как раз моя дипломная работа.

Зек-конструктор тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ладно, гляди сюда, — Киреев отломил от высаженного летом для красоты и разнообразия куста сирени веточку и, сместившись к пятну света, льющегося из окна, стал чертить на утоптанной возле крыльца земле. — Впредь звезду будем собирать так...

Глядя на вырисовывающуюся схему и слушая пояснения Василия Васильевича я, мысленно взвешивал "за" и "против" его нового подхода. Киреев представил мотор в виде кольца идентичных открытых рам-секторов, внутри которых помещалось всё "хозяйство" отдельного цилиндра - контур охлаждения, арматура подвода горючего, внешние шатуны и система масляного охлаждения выпускных поршней. На стыках рам предусматривались ниши под втулки "паразитных" шатунов так, что разместить главные шатуны можно было между любыми двумя рамами на выбор. Коленвал отдельной звезды опирался на глухую "первую" торцевую крышку и составленную из двух половин "вторую", имея, таким образом, две опоры. Собираться двигатель должен был при вертикальном положении коленвала, который первым делом монтировали в опору торцевой крышки, далее шёл монтаж шатунов звезды с внутренними поршнями. Потом, на торцевой крышке, как на столе, на шатуны надевались по очереди рамы цилиндров, далее - внешние поршни. Всё это скреплялось между собой болтовыми соединениями и накрывалось задней крышкой, или промежуточной, если звезда двух- и более рядная. Второй и последующий ряды монтировались из тех же деталей в таком же порядке. Получившаяся каркасная конструкция закрывалась торцевыми и боковыми панелями из листовой стали, образуя один огромный внутренний объём, и внешне двигатель должен был напоминать бочку. Если конечно не обращать внимания на выводимые наружу выхлопные коллекторы и часть трубопроводов.

Преимуществами схемы, несомненно, была простота сборки. Каждая отдельная деталь была довольно простой и имела относительно небольшой размер, что позволяло обрабатывать их на универсальном оборудовании заводов. Самой большой виделась "первая" торцевая крышка, диаметр которой не мог быть меньше 650 миллиметров, но, скорее больше, около метра, так как необходимо было сделать её жёсткой, хорошо связанной с внутренним каркасом, добавив радиальных рёбер. Но в сравнении с чугунными отливками картера первоначального проекта, внутренним диаметром 640 миллиметров, длиной в полметра, с окнами цилиндров и внешних шатунов, эта крышка казалась сущей мелочью в плане сложности изготовления. Каркасная рама с цилиндром выходила радиальным размером около 650-660 миллиметров, а внешний дуговой зависел от того, шесть, восемь или десять котлов мы хотим иметь. Чем больше цилиндров в моторе, тем меньше размер детали. Вал, поршни и шатуны для обеих схем были идентичные. Самым же большим соблазном заняться именно скелетным мотором было то, что мы разом избавлялись от проблем с отводом охлаждающего масла от выпускных поршней. Чаромский не смог с ними справиться, имея всего четыре цилиндра в ряду, что уж говорить о десяти? Но в таком объёмном бочонке масло просто самотёком будет свободно стекать вниз, туда, где и будет установлена помпа.

Недостатки же были обратной стороной достоинств. Множество деталей, которые надо было

собрать с высокой точностью относительно друг друга, не вдохновляли. Не ясно было, что произойдёт при нагреве каркаса. Вдруг его "поведёт"? К тому же, даже "на глаз", предполагался повышенный вес, что, впрочем, для мощного судового дизеля не особо важно.

— Ну, что ж. Благословляю. Быть вам, Василь Василич, ведущим конструктором по "звезде", а бригаду вашу вы лучше меня знаете. Спецов, кое-какой опыт по компрессорам и ТНВД добавлю и держайте! Для проверки схемы, чтоб не слишком накладно вышло, забабахаем шестицилиндровую звезду на базе сотого мотора с максимальным использованием серийных деталей. Если непреодолимых подводных камней не окажется, следующим уже сорокацилиндровый судовой мотор будет, четыре звезды по десять. Больше не впихнуть.

Эпизод 3

— Как дела? — вопросом встретила меня Полина после возвращения с работы. Едва дождавшись моего обычного "всё хорошо", она вывалила на меня все подробности очередного дня, хозяйство-соседи-новости-сплетни, вполне удовлетворившись "да, не может быть, неужели", которыми я обозначил своё участие в разговоре. Дождавшись, пока я разделся и умылся, жена позвала за стол.

— Пойдём покормлю, я уже собрала. Сами-то мы давно поели... — в последних словах содержался толстый намёк. Время было уже позднее, дети спали, но всё бы ничего, если бы такое не происходило ежедневно. Да, как говорится, проблема имела место быть.

— Хочу в детский сад воспитательницей устроиться, как считаешь? — затронула Поля очередной больной вопрос. Свято место пусто не бывает. Полина вернулась из Севастополя только в середине октября, одновременно с основным составом КБ, проведя за счёт РККФ недурной почти двухмесячный, без недели, отпуск. Библиотека же должна была работать, как минимум с начала учебного года и туда взяли другого человека. Ругаться и качать права было не к лицу, да и правда, по совести сказать, была не на нашей стороне, поэтому пришлось оставить всё как есть. Другое дело, что теперь Поля маялась от безделья, "на раз" управляясь с домашним хозяйством. Развлекательные мероприятия в виде театров и кино не могли здесь помочь потому, что ходить туда без меня моя дорогая супруга считала категорически неправильным и, хотя всячески пыталась поднять мой "культурный уровень", это шло в разрез с работой КБ, которая была для меня на первом месте. Спа-салонов ещё, слава Богу, не придумали, да и в обычную парикмахерскую Поля ходила только по очень важному поводу, вроде какого-нибудь официального мероприятия. Привыкнув с детства трудиться от зари до зари, она нуждалась именно в работе, каком-нибудь полезном деле. И эта проблема тоже имела место быть.

— Солнышко, это терпение ангельское надо иметь, — высказал я своё мнение относительно садика. — Если считаешь, что оно у тебя есть, попробуй.

— Думаешь, не справлюсь? — жене что-то в тоне ответа явно не понравилось.

— С детьми? Не сомневаюсь, — я набрался духу и постарался быть максимально тактичным и мягким, но при этом честным. — Взрослые постараются тебя выжить. И родители и работники. С твоей-то репутацией. Предвижу склоки, придирки и скандалы без конца и края.

— Ну, да. Ведьма ведь! Куда ж мне тогда?

— Не знаю, поищи ещё что-нибудь.

— Помочь не хочешь? Может, у тебя для меня работа какая есть?

— Говорили же уже! Чертёжницей пойдёшь? Да ты от скуки заплесневеешь! Нет, я верю, что с этой кропотливой работой ты справишься. Но всё равно языки будут чесать, будто ты ничего не умеешь и не делаешь, за тебя работают зеки, а я жёнушку в тёплое место пристроил.

— Что же делать?

— Говорю, не знаю! Думай сама, — я откровенно отмахнулся от Полиных проблем, своих более чем. — Пойду поработаю, Кожанов письмо прислал, ответить надо.

Жена только тяжело вздохнула. Вздохнул и я, прочитав ответ и очередные замечания к своим "Соображениям по морской пехоте". Месяц ушёл на то, чтобы уломать "специалистов", каких я и сам не знаю, но скорее всего Кожанов консультировался, кроме своих родных морпехов ещё и с обычными сухопутчиками, чтобы даже не доказать необходимость, а уговорить попробовать вооружить штурмовые подразделения автоматическим оружием, как основным. Ближний бой, даже теми, кто только что "сломал" очередную войну, виделся исключительно как штыковой. К тому же - штыку патроны не нужны. Дёшево и сердито. Если солдатских жизней не считать. На вооружении МП уже стоит самозарядная винтовка Шпагина, плотность огня столько-то пуль в минуту, не менее чем в два раза больше равного по численности батальона любой иностранной армии. Какие ещё автоматы нужны? Тем более конкурсы на вспомогательное оружие для комсостава, пистолеты-пулемёты, регулярно заканчивались безрезультатно.

Автоматы, натуральные, за отсутствием боеприпаса заглохли, но со скрипом согласились объявить очередной конкурс на ПП. Раз такое дело, то я не упустил шанса добавить в требования к оружию возможность бесшумной стрельбы. Видел я, в своё время, пару таких китайских поделок, использующих тот же самый патрон ТТ, но с удлинённой и утяжелённой пулей. При этом необходимо было обеспечить стрельбу и обычными массовыми патронами, как более высокоскоростными, что помогало точнее попадать в цель, и дешёвыми.

Предложение, разумеется, было встречено "в штыки". Вооружать всех автоматчиков бесшумным оружием посчитали расточительным. Мне, в ответ на приведённый пример с захватом бронепоезда, тактично указали, что в том случае можно было обойтись и БраМитами на наган или винтовку Мосина, которые уже приняты на вооружение. Вот теперь мне предстояло пробивать головой очередную стену, доказывая, что копеечные изменения конструкции ПП, сводящиеся к увеличению хода затвора и одного из габаритов магазина, зато позволяющие комплектовать БраМитом, как здесь называли глушитель, любой из стволов, нужны. А для тех, кто пользуется бесшумным оружием сейчас, вообще требуется не навинтная, а эффективный интегрированный глушитель. Впрочем, и здесь конструкция не слишком далеко убегала от серийной.

— Ты скоро?

— Ну что ещё? — от внезапности потеряв над собой контроль я выплеснул на жену накопившееся за день раздражение на работу по дурацкому заданию, на всё новые "вводные", разгрести которые не хватало рук, на трудноосуществимые собственные "хотелки", на этих вот крохоборов, упирающихся, словно назло, по любому поводу.

— Раньше ты таким не был... — отчуждённым голосом сказала Полина, выходя босиком по деревянному полу из-за плеча, одетая в украшенную кружевами длинную белую ночную рубашку, которую я ещё не видел и ставя на стол два бокала с красным крымским вином. Пока я смотрел на неё широко открытыми глазами, жена развернулась и, совершенно бесшумно, словно привидение, вышла.

Капля чернил, сорвавшись с кончика пера, превратилась в жирную кляксу, обесценив труды последних двадцати минут. Ну и шут с ними! Завтра будет ещё один день, а семья у меня одна. Да, раньше я таким не был. Раньше я делал мотор ради жены, чтобы быть к ней ближе. Теперь же работа всё больше и больше отрывала меня от Поли, заполняя все мои мысли. Чего ради я надрываюсь? Ради бесполезного "утюга" "Фрунзе"? Ради малого флота? Чтоб было и хотя бы годом раньше? Зачем? Война будет на суше и мы её, уверен, выиграем. Сейчас совсем другие люди работают на победу напрямую, тот же Гинзбург с Чаромским, а меня куда-то в сторону повело. От других сейчас зависит и то, какой кровью нам победа обойдётся.

Я мысленно вошёл в поток чистой, чуть тёплой, прозрачной воды, уносящий далеко-далеко всё дурное и вышел на противоположный берег другим человеком. Работа, железки-шестерёнки, административные неувязки, сверхцели и сверхзадачи – всё осталось на исходном. Есть только я и самые близкие мне люди. Остальное второстепенно.

— Прости, — прошептал я чтобы не разбудить детей, войдя в спальню и сев на высокую перину простой железной кровати. Поля, отвернувшись к стене только всхлипнула в ответ. Я положил ей руку на плечо и стал ласково поглаживать, если не словами, то прикосновениями стремясь преодолеть ту обиду, которая вдруг встала между нами.

— Тебя люди боятся... и от страха ненавидят.

— Догадываюсь, — ответил я, припоминая пойманные на работе взгляды вернувшихся с отдыха инженеров.

— И я тоже боюсь, — вдруг призналась жена. Вот от неё, с таким-то характером, никак не ожидал. Жила в деревне, где каждая собака считала её ведьмой, одна! И это её ничуть не беспокоило! А тут на тебе!

— От тебя не знаешь, чего ждать! — истолковала Полина моё молчание по-своему. — То чуть ли не безработный, то Сталин к тебе в гости ходит, деньги то есть, то нет, и вообще ты с огнём играешь и я не пойму зачем! Любому десятой доли твоих приключений хватило бы, чтобы испугаться и замереть, а ты всё куда-то лезешь! То всё войны боялся, каждый день про неё твердил, а сейчас вдруг успокоился, даже не вспоминаешь, сказал раз, что точно теперь победим и всё! Что изменилось-то? Лучше б ты по бабам гулял или пил, чем гадать, что у тебя в голове происходит!

— Зачем гадать? Ты же кино прямо в бобине смотришь! — подколот я жену, стараясь перевести разговор именно "на баб", поскольку водка однозначно идёт мимо, а потом, за отсутствием состава преступления, и вовсе закруглить.

— Я мысли не читаю, я их чувствую. У тебя одни железки на уме. Не человек, а счётно-решающий прибор без всяких переживаний, вот! — выдала она сгоряча.

— А вместо сердца – пламенный мотор, ага. Ты про счётно-решающие приборы откуда знаешь? — на сей раз я не стремился увести разговор в сторону, мне действительно было интересно и... страшно. За жену. Не дай Боже ей до моей памяти докопаться!

— Сам о нём думал, понять можно только так. Когда с расчётами сидел. Думал, что будь у тебя большой прибор, которого ни у кого нет, ты бы ему расчёты скормил, а он бы тебе готовый результат выдал. Жутко и представить такое.

— А ещё? Ещё о чём я думал? Давай, признавайся, что ты там подсматривала?

— Думаешь всё просто так? Залезла, покопалась, достала что искала? Даже у обычного человека не понять, куда он следующий шаг ступит, направо или налево, если только он не будет очень сильно хотеть. Ты как бумаги открыл да посмотрел, что внутри, так тебе твой прибор очень сильно захотелось. А ещё ты хочешь, чтоб мы победили, но уже не так сильно, редко об этом думаешь, чаще – чтобы крови поменьше было. А я хочу, чтобы ты обо мне и детях также сильно думал!

— Сидел на попе ровно и не дёргался... — закончил я по-своему мысль жены. Та недовольно дёрнула плечом, стряхивая мою руку.

— Значит так. Со своей жизнью и работой я ничего не могу сделать, влез уже по самые уши, — терпеть "наезды" от кого бы то ни было, пусть даже от любимой женщины, я, в силу склада характера, просто не мог, поэтому сейчас говорил жёстко. — Если это тебя так пугает, подавай на развод. Я всё понимаю и зла держать не буду. К тому же, если со мной что-то случится, ты с малышами не пострадаешь. Или лучше мне с тобой развестись?

— С ума сошёл? — Поля резко перевернулась на спину и посмотрела на меня сердитым взглядом. — Я тебе что, мешаю? Или я тебе надоела и ты просто избавиться от меня решил?

— Вижу, что вариант с разводом не устраивает нас обоих, уже хорошо, — сказал я, не отвечая на вопросы. — Тогда предлагаю жёсткое разделение по времени. Я не тащу работу домой, а ты не бегаешь в КБ. А то неудобно, право слово! Мамки детей зовут, и ты тут же: "Сёма, пойдём обедать"!

— Тогда ты есть совсем забудешь! Ни разу сам домой не пришёл и не спросил! Телефон домой прикажи провести, звонить тебе буду, — ну вот и ладненько, лучше обсуждение условий перемирия, чем эскалация конфликта.

— Но только по очень важному делу и не каждые пять минут, а то провода обрежу самолично.

— Хорошо, — согласилась Поля, не забыв обиженно надуть губки. Но ура, согласие, хоть в чём-то, достигнуто!

— Обещать твёрдо не могу, но буду стараться, в первую очередь, заниматься нашими делами, а потом уже всем остальным, — тут я, можно сказать, совсем капитулировал, пусть Полина считает, что добилась своего. Жаль, что всё это лишь намерения, жизнь не даст отгородиться в маленьком мирке. Но никто же не может запретить желать семейного счастья, покоя и уюта?

Моё солнышко обхватило мне шею руками, притянуло к себе и чмокнуло в губы.

— На работу устроиться поможешь? — взгляд вплотную заставил меня ловить фокус то на одном, то на другом глазу. Я освободился и выпрямился потому, что человек с бегающими глазками вызывает подозрение во лжи, после чего зашёл с другой стороны.

— А ты сама, чем хотела бы заниматься?

— Что?

— Ну, ты ищешь что поближе, что попало, короче. А к чему душа лежит?

Немного подумав, Поля меня огорошила.

— К химии.

— Что? — пришла моя очередь переспрашивать и удивляться.

— Понимаешь, в моём ремесле травки, корешки, ещё кое-что используется. Всё это смешивается или приготавливается другим способом для достижения нужного результата. Вот я и подумала, что химия что-то очень похожее. Я уже и книг много прочла. Да, мне это нравится и легко даётся.

— Задумала, значит, повышение квалификации? Оно и верно, что химики из алхимиков выросли, а те, в свою очередь, из шаманов каких-нибудь. Тогда тебе не работать, а учиться надо! Готовься и со следующего года поступай в институт.

— Да я уже старая, что я там делать среди комсомольцев буду? И что, получается, до лета без дела сидеть?

— Глупостей не говори. Старая она чтобы учиться... Я, студент, то ли недоучка, то ли переучка, сразу не понять, а тебя старше. И до лета полгода всего, переживём.

— Ты лучше с дядей Исидором поговорил бы, — пропустив мимо ушей мой ответ, сказала Поля. Палец на отсечение, что у неё был план, а я попался!

— Можно. Но он ткачихами заведует, а мы вроде как по твоему призванию хотели...

— Ткани красить надо и не только. Вот взяли бы меня хоть кем в лабораторию, где они краски изобретают, мне было бы довольно. И перед институтом какая-никакая практика с приработком.

— Какими словами заговорила, — заметил я. — Пять лет назад всего прачкой подрабатывала, а тут только дивись!

— Так я и в библиотеке работала. Или ты думаешь, что у тебя жена - дура? — с наигранным подозрением спросила Полина.

— Напротив, я всегда думал, что ты у меня умница, — сделал я комплимент, без которого невозможно было обойтись. — Скажи, а ты всё прямо от моего прихода домой спланировала?

Жена тихо рассмеялась и сказала начистоту.

— Можно и так сказать, но план, как ты говоришь, был немного другой. Без обид, ссор и прочих глупостей. Даже совсем-совсем наоборот, — она сладко потянулась. — И не всё ещё потеряно, если, конечно, ты одобряешь и поддерживаешь.

— Конечно, одобряю и поддерживаю, — поддакнул я, за что был тут же раздет и затащен в постель.

Эпизод 4

Седьмое ноября - красный день календаря. Обязательный выходной и необязательный "нагрузочный". А выпить не с кем! Полина была права полностью, говоря, что меня все боятся, а поэтому ненавидят. Может быть, только сгустила краски, но отчуждение у всех людей, с которыми я общался, присутствовало. Их можно понять, моей роли в истории с их арестом они не знали, но то, что я в этом деле замазан по самую макушку, были уверены. А то, что всё обошлось благополучно и в конце их даже обласкали, так это надо нового наркома внудел благодарить, товарища Берию и, конечно же, лично товарища Сталина. А Любимова, кстати, не

обласкали. Присвоили капитана, который ему и так по должности был положен, и на этом всё. Что-то с ним не так, лучше подальше держаться.

Да, шарахались от меня все. Все, кроме капитана Бойко. Этот, как я понял, вообще ничего не боялся, ни Бога, ни чёрта, ни начальства сверху, ни кляузников снизу. А чтобы делать какие-то выводы о человеке ему нужны были веские основания, а не измышления и сплетни. К тому же Бойко со своей деревянной ногой и воинским званием не мог идти в общей колонне ЗИЛа, а побывать на Красной Площади и посмотреть парад ему хотелось.

Я тоже мог участвовать в мероприятии только в качестве зрителя, взяв с собой жену и старшего сына. Поэтому я заранее навестил капитана на заводе, чтобы договориться о совместных действиях, где встретил ещё одного старого знакомого.

— Любимов! Чертяка, живой! — шлепок по плечу сзади во время разговора с Бойко заставил меня вбитым на тренировках ещё в далёком будущем движением уйти по непрогнозируемой траектории и обернуться в сторону опасности.

— Простите, товарищ капитан госбезопасности, обознался, — загорелый дочерна, наверное прожаренный насквозь, раз загар не сошёл до ноября, полковник погранвойск смутился и хотел было ретироваться.

— Седых, стой! Здорово, командир!

— А я-то голос слышу... — вглядываясь в меня пограничник забыл, что хотел сказать и ляпнул. — Эх, тебя приложило. Горел? У нас одна "БАбушка" сгорела, так никто не выскочил.

— Это где? — тут же задал важный для себя вопрос Бойко. Горелые танки и БА - его оружие в борьбе с управлением механизации РККА.

— Капитан Бойко, военпред на заводе ЗИЛ, был командиром танковой роты на Кавказе. Полковник погранвойск Седых, был моим командиром в Грузии, командовал бронепоездом, защищавшим Батум, — представив их друг другу, я коротко обрисовал и боевой путь каждого.

— Это в совсем Средней Азии. Прибыл сюда вслед за Фриновским, который там у нас командовал, новую матчасть получать, — как можно более обтекаемо, поняв видно что ляпнул что-то лишнее, очертил весьма широкие географические пределы Седых.

— И как оно случилось? — не отставал Бойко.

— Ки... Басмачи, заразы, пушку в дом затащили, как раз напротив въезда в цитадель. А там машина через ворота впритирочку проходит, дверей не открыть. Ну и жажнули. А потом сразу сбежали, гады, так мы их и не нашли. Нашим хана, у "БАбушки" бензобак как раз над головой водителя и стрелка. Туда и попало.

— Бронеавтомобили - вообще вредительство! — в сердцах брякнул Бойко, одержимый своей "идеей фикс". — Их толком не забронируешь, шасси не позволяет. А наши-то, в УММ, специально всё танковое производство в Подольск перенесли, чтоб я им мозг не клевал.

— Постой, что ЗИЛ танки больше выпускать не будет? — я напрягся, огорчённый новостями. Московский Т-26, несмотря на паршивую бронезащиту, для 41-го года, а тем паче для более ранних времён, был неплохой машиной с мощным вооружением и хорошими механизмами, установленными на надёжную ходовую часть.

— Точно так. Чувствую, убрать меня отсюда у УММ руки коротки, так они танки подальше от меня убрали. Теперь в Подольск будут уходить только агрегаты, а взамен они нам корпуса БАТов присылать будут. Это заводское название, в армию они как БА-11 пойдут. С БАСом пока неясно, примут ли на вооружение. Недалеко он от машин на шасси ГАЗ ушёл. Что, посмотреть хотите? — поймал наши заинтересованные взгляды Бойко.

— Конечно! — возбуждённо согласился Седых.

— Могу посодействовать. Хотя и не положено, — набивал себе цену военпред. — Только, БАС здесь, а все БАТы, и опытные, и первые серийные забрали на парад, там посмотрим.

— Да веди уже скорее! Показывай, что там Гинзбург навалял! — я тоже поддался настроению пограничника.

— Так это не он, а Важинский. У нас так: всё, что на гусеницах — то Гинзбург. А колёса — Важинский.

При первом взгляде на машину, спрятанную в том самом ангаре, где собирали теплопаровоз, сомнения в авторстве, если и были, то отпали. Две броневые радиаторные решётки в вертикальном кормовом бронелисте, столько же глушителей на нём же, давали понять, что двигатель установлен недалеко. Сразу вспомнился разговор после стычки с Дыренковым, когда я ещё Лихачёву рассказывал свой замысел броневики. Ну-ка, посмотрим. Точно, рессоры обоих мостов опираются на броню, значит корпус несущий. А вообще наиболее точно и ёмко внешний облик бронеавтомобиля описал Седых, едва увидев его.

— Экий крокодил в цилиндре!

Действительно, зауженный, с большими углами наклона бронелистов нос, опирающийся на переднюю балку-балансир, к которой были выведены передние концы полуэллиптических рессор моста, задними своими концами опирающихся на приваренные к броне уголки, производил именно такое впечатление. Я б его даже гавиалом назвал, очень хорошо.

А вот остальной корпус, начиная со средней части, имел простые вертикальные борта, без расчёта на рикошет, но в целом, размеры его были минимальны. Опыт войны в Грузии был явно учтён, водитель, размещённый по центру, из своей гранёной рубки, должен был иметь хороший обзор как вперёд, так и в стороны через три окна, прикрываемых в бою броневыми крышками со смотровыми приборами.

Квадратное в плане подбашенное отделение было размещено строго в центре, его борт простирался от переднего до заднего колеса и был дополнительно прикрыт колесом-запаской с возможностью вращения. Это должно было, по идее, предохранить от посадки днищем на грунт, но мне показалось лишним. Короткой базы и большого дорожного просвета было вполне достаточно, чтобы ничего не опасаться.

Завершала конструкцию корпуса короткая корма, которая чуть была чуть уже боевого отделения, чтобы разместить двускатные колёса заднего моста, прикрытые сварными коробчатыми крыльями. Её верхний лист имел наклон от башни назад, что было очень похоже на корму Т-26, а вертикальная стенка была отнесена назад ровно на длину рессор, поэтому задний свес был минимальным.

Всё это венчалось башней БТ-5 с кормовой нишей, той самой "шляпой-цилиндром", вносящей дисгармонию во внешний облик бронеавтомобиля. Коническая была бы здесь куда более к месту.

— Вот такой он, наш БАС. Бронеавтомобиль средний, экипаж три человека. Полноприводный, проходимый, используются агрегаты серийных ЗИЛов, двигатель, коробки, раздаточная и передач, мосты. Всё портит башня из которой ни черта не видно. И, конечно, броня.

— Не грехи напрасно, товарищ Бойко, — подошёл главный конструктор общеавтомобильного КБ ЗИЛ Важинский, которому, видимо, кто-то сообщил, что его бывший приятель-соперник Любимов заявился на завод. — Сам знаешь, этот броневик по защите все наши танки превосходит. Кроме Т-28 может быть. Корпус сварной, до тридцати миллиметров брони нос борта и корма, круговая защита от противотанковых ружей, а лоб корпуса и пушка противотанковая не берёт!

— Зато во всё остальное берёт! — не сдавался Бойко. — Зачем он вообще такой нужен? Как ни изощрайся, а всё равно все резервы по грузоподъёмности шасси вы исчерпали и усилить броню невозможно!

— Положим, не все. Чуток осталось, — Важинскому тоже не хотелось уступать. — Вот поставим на него башню с Т-26М, тогда точно всё. Даже пушку на сорокапятку сменить придётся, чтоб полегче был. Защита больше не станет, зато обзор улучшим. Что для разведчика и требуется, а броня толстая ему ни к чему, подвижность важнее.

— Тогда уж лучше защиту полегче, но чтоб плавать мог, — вставил я свои пять копеек, после чего Бойко посмотрел на меня как на предателя.

— Тебе не угодишь, товарищ Любимов, — мои слова возмутили и Важинского, — или ты шутишь так неудачно?

Вот у кого претензий к броневикам не было, так это у пограничника. Седых обежал машину кругом и только переспросил.

— Дизель ведь? ЗИЛ-5 в броне? Ай, молодцы! Давно пора. Да на нём, наверное, в тысячу километров переходы делать можно! У нас только бензиновые были, хотя мы просили дизельных.

— До тысячи не дотянули, но восемьсот гарантируем, — ответил Важинский.

— Значит, такие машины нам дадут? Замечательно!

— БАТы вам дадут, побольше. Вообще не понимаю, чему вы, товарищ полковник, радуетесь, — недоумевал Бойко, — это ж гробы!

— А мне главное, чтоб ехать могли на одной заправке как можно дальше и не ломались. Были у нас в отряде грузовики ЗИЛ-5, так мы к ним "БАбушек" на переходах цепляли и так на буксире тащили. Чтoб топливо и ресурс мотора сберечь. А тут два удовольствия в одном!

— Вы ещё БАТов не видели, там ещё и вооружение ого-го! — Важинский был явно доволен такой лестной оценкой своей машины.

— Ага, и дорогие ого-го! — продолжал портить настроение конструктора военпред. — Для армии полноприводные грузовики стали делать - все двухосные. На трёхосные карданных шарниров жалко. А на эти гробы, выходит, не жалко? Лучше бы вместо одного БАТа два ЗИЛ-5В выпускали.

— Нечего спорить, о том, чего не видим. Приглашаю присутствующих составить мне и моей

супруге компанию на параде. Там я своё мнение и скажу. А потом к нам домой, отмечать праздник! — остановил я бесполезные пререкания, которые могли бы затянуться не на один час, дай спорщикам волю.

...

Вот, примерно, в таком составе мы и поехали на Красную площадь. Не было Важинского, который сказался больным, зато добавился Гинзбург с супругой. Причём последний вымотал нам все нервы, пропав на заводе и вынырнув из проходной в последний момент, когда мы все, включая его дражайшую половину, уже готовы были ехать, боясь опоздать к началу.

— Ну, где ты там пропал!?

— Прости, дорогая, на вахте сказали почту фельдегерь доставил. Я не удержался и просмотрел, — ответил довольный, как обожравшийся сметаны кот, Гинзбург. — Пляши, товарищ Бойко, сломали мы их! Подумать только, целый год прошёл!

Тут Гинзбург вздохнул полной грудью, расправил плечи, посмотрел в осеннее небо и, словно делиась с ним своей радостью, сказал понятные только ему и военпреду слова.

— Сорок пять по новому ТЗ. Сорок пять! Если сварщики не подведут, то первыми будем, у нас всё готово считай.

С этим он полез в багажник к полковнику Седых, благо кузов ГАЗ-А позволял устраивать там дополнительные места, иначе всемером мы в машину бы не влезли. В принципе, я догадался о чём идёт речь. Это не могла быть масса танка, больно большой и неоправданный по сравнению с Т-26М перебор. Калибр орудия? Возможно, но такой радости бы это не вызвало. Скорее огорчение, ибо было шагом назад. Оставалась только толщина бронезащиты. Совсем недавно, три года назад, начали строить большими сериями танки с противопульной бронёй. Только-только сделали второй шаг, перешли на тридцатимиллиметровую противоосколочную, а тут сразу третий! Сорок пять миллиметров. Как на легендарной тридцатьчетвёрке. Такую броню мелкокалиберные противотанковые пушки, по идее, не пробивали. И это было несомненным шагом вперёд, дающим новое качество. Бронирование становилось противоснарядным.

— А что в праздник-то? — вместо того, чтобы обрадоваться, недовольно буркнул военпред. — Рабочих дней мало?

— Постановление подписано вчера. Вопрос разбирали на самом верху. Видимо, вставили "управленцам" хорошего фитиля и они засуетились, стремясь скорее отчитаться.

Я не стал влезать в это дело. Мужики двигаются в правильном направлении и им можно пожелать только успеха. Сейчас конец 34-го года, пусть уйдёт год на разработку и испытания танка, плюс зазор на освоение в серии. Получается, что с 36-го в войска пойдут средние танки, приблизительно равные тем, что были у нас в 41-м году моей прошлой жизни. Будет время выявить все детские болезни и освоить технику в войсках. И "ушатать" машины до полного исчерпания ресурса времени не так уж и много, хотя, дурацкое дело не хитрое. В целом, очень и очень хорошо.

Недавно я из тех же соображений облегчил своё КБ на группу вольняшек-артиллеристов, попросив Меркулова выделить их в отдельное бюро и пристроить на какой-нибудь мало-мальски приспособленный завод. Заниматься миномётами самому у меня не осталось никакой возможности, время на проверку не резиновое, его не растянешь. Я только дождался, когда у меня появится полная уверенность, что люди всерьёз заинтересованы и 160-миллиметровый

миномёт не бросят. К этому моменту у нас уже был готов основной боеприпас, теоретический чертёж ствола и общая схема системы. Напортачить там теперь очень и очень затруднительно. Один-два года максимум и оружие пойдёт в войска, а там и до следующего, 240-миллиметрового калибра недалеко. Если, конечно, "теоретики" палки в колёса вставлять не будут. Конструкторы-артиллеристы, в свою очередь, взаимно были рады-радёшеньки от меня избавиться. Получилось, что и волки сыты, и овцы целы.

На Красной площади наша компания, построившись клином во главе с полковником погранвойск Седых, у кого орденов-вездеходов было больше всех, спрятав Гинзбурга и женщин в задние ряды, продвинулись до самого края толпы зрителей, обеспечив себе наилучший обзор. Не подумайте ничего плохого, никакого насилия, достаточно было вежливо попросить. Орденосцев уважали и, как бы ни было тесно, но люди расступались, давая нам дорогу.

Пропустив мимо ушей речи вождей, без особого интереса посмотрев начало действия с рапортами и громогласными "ЗдравЖлав!!!" выстроенных спинами к нам коробочек, я едва дождался начала прохождения техники.

— Вот они! — толкнул меня под локоть Бойко, обращая внимание на выруливающие вслед за лёгкими БАИ-Д, бронемашин. Да, родовое сходство, безусловно, есть, но масштаб! Если БАТ можно было бы назвать колёсным вариантом БТ, то БА-11 был явной попыткой создать аналог Т-28. До трёх башен не дошло, но в удлинённых боковых гранях подобной БАСу водительской рубки, позади окон, симметрично разместились две шаровые пулемётные установки. Стрелки, их обслуживающие, явно сидели по бортам, уступами за местом водителя. Из-за этого корпус броневика удлинился и башня, которая, кстати, была заимствована с Т-26М и вооружена штатной КТ, сдвинулась назад. Моторный отсек остался таким же коротким, но теперь он едва дотягивал по длине до шин задних колёс, свес, таким образом, полностью отсутствовал, а законцовки крыльев были сделаны шарнирными, чтобы не оторвать их при преодолении препятствий. Вот это всё опиралось на три ведущих моста, каждый из которых, включая передний, имел двускатную ошиновку. В целом машина производила внушительное впечатление массивностью и "свирепым внешним видом", легко при этом двигаясь и хорошо поворачивая, видимо, благодаря короткой базе и сдвинутому к передней оси центру тяжести. Её экипаж должны были составлять не менее шести человек.

— Нравится? — хмуро спросил военпред у погранца, буквально, захваченного зрелищем.

— Ещё как! С такой пушкой можно и артиллерию с собой не брать. Только возиться с ней, загружая-выгружая в машину и обратно.

Как бы подтверждая слова полковника, вслед за танками, прошли ЗИЛ-5 со 122-миллиметровыми гаубицами в кузовах. Всё как обычно, но на этот раз грузовики были не простые, а с полным приводом. Можно поставить себе плюстик.

— Вот так и мучаемся, — кивнул на колонны техники Седых.

— Погоди, лиха беда начало. Будут новые пушки, тогда будете их просто к машине цеплять.

Как бы подтверждая мои слова, на площадь вышли ярославские грузовики. Тоже вездеходы и тоже двухосные. За собой они тащили гаубицы-пушки МЛ-20, которых я тут раньше не видел, или что-то на них крайне похожее.

— Как тебе такой вариант? — шутливо пихнул я полковника в бок кулаком.

— Ки... — опять запнулся Седых, — как бишь их, басмачи от одного вида обгадятся. Нам такие

не положены, у нас трёхдюймовка за счастье. А то всех соседей перепугаем.

— Боятся, значит любят, — вывел я новое правило большой политики.

— Ага, дожидайся, — не поддержал меня полковник.

А потом, после кавалерии, пошли коробочки и последней, перед самым оркестром, шла пехота. Морская. Батумский батальон, который так и не добрался пока до Балтики, зато разжился новой парадной формой, в "сочинении" которой я принимал самое деятельное участие. Как и раньше, на зимнюю парадку у "сочинителей" ума не хватило и бравые морпехи чеканили шаг в беретах и кителях "родного" чёрного цвета, сверкая полосатыми пятнами тельников на груди. Такого зрелища я не видел, можно сказать, с самого детства, и сердце ёкнуло. Да, были парады в прошлой жизни, да красиво, но под конец там шли солдаты совсем не той армии и совсем не того государства. Не было ощущения стоящей за ними всеокрушающей мощи, готовой в любой момент уничтожить любого, абсолютно любого, кто дерзнул бы лезть к нам "с мечом". Не было этого ощущения раньше и здесь, холодный рассудок, реально оценивая силу РККА начала 30-х, всегда расставлял всё по своим местам. А тут! Вроде ничего не изменилось, всего-то один батальон, но ощущение победителей, почти религиозное, как будто прикоснулся к святыне, возродилось именно сейчас.

С комбатом батумцев, майором Касатоновым, я был немного знаком, приходилось вместе работать, утрясая штаты и прорабатывая схемы действий, на основе которых, в том числе, должен был родиться боевой устав МП. Так уж получилось, что батальон, будучи предпоследним, прошёл мимо нас дважды. Один раз поближе к зрителям, а потом, возвращаясь, ближе к мавзолею. Вот, когда строй был к нам ближе всего, Касатонов позволил себе вольность, посмотрев в мою сторону и отдав воинское приветствие. Я, захваченный чувствами, чуть замешкался, а Седых, чуть толкнув меня в тесноте локтем, вскинул ладонь к виску и довольно сказал.

— Узнал, чертяка. С этими ребятами мы не одно ведро крови пролили, и чужой, и, что поделаться, своей. Да... Надо бы повидать товарища.

— За чем же дело стало? Заглянем после парада в наркомат ВМФ, они прямо там временно квартируют.

Так мы и поступили, поскольку смотреть на колонны пролетариата было не так интересно. Седых пришлось выкручиваться, его "пленили" морпехи и не хотели отпускать, но и мне он тоже, вроде как, обещал. Сошлись на том, что сначала поедет ко мне, а потом пограничник с десантниками продолжат по собственной программе. План был хорош, но в мой "Газик" мог влезть от силы ещё один большой человек или полтора маленьких. Взяли, понятно, Касатонova с гитарой.

Забросив тёплую компанию домой, я смотался за детьми к Миловым. Маша после ежовской "гостиницы", несмотря на лечение, никак не могла оправиться и чувствовала себя неважно, поэтому на демонстрацию не пошла, согласившись приглядеть за малышами. А вот Петра пришлось дожидаться, не пригласить своих друзей и бывших соседей было бы просто некрасиво.

Наконец, компания была в сборе и мы сели за стол. Сам себе я при этом дал слово не говорить и не думать о работе ни при каких обстоятельствах. В конце концов, я этот сабантуй устроил именно для того, чтобы чуть-чуть расслабиться. К счастью, Касатонов, заряженный агитацией "морская пехота - острие штыка пролетариата" на полную катушку, спровоцировал спор какой

род войск круче. Седых, признавая достоинства морпехов, настаивал, что пограничники не хуже. И уж совсем не согласился с майором капитан Бойко. Весь разговор закрутился вокруг наглядных примеров из недавнего героического прошлого, размеры осетров при этом неумолимо росли. Женщины, Гинзбург и Милов, слушая поначалу с интересом и восхищаясь, откровенно заскучали и только сын, Петя-младший по-прежнему внимал рассказам с широко открытыми глазами.

— Да хватит вам уже спорить, всё равно друг другу ничего не докажете, — махнул я рукой.

— А ты, Семён, рассуди нас, — попытался меня втянуть Бойко. — Ты-то представление обо всех имеешь, всех знаешь. Кто из нас прав?

— На этот счёт песня хорошая есть. Если ты с майором мне её сыграете, то я попробую спеть.

— Давай, давай! Помню, как ты в санатории вечерами пел! А песни какие, заслушаешься! — подбодрил меня Седых.

— Насвисти мотивчик, что ли, — видя настроение собеседников и опасаясь урона репутации морпехов, которых я приравнивал ко всем остальным, что для Касатонова было ересью, он, тем не менее, взял гитару в руки. Отступить было бы не к лицу.

Я "налялякал" один куплет без слов, помогая себе ритмом, который отбивал прямо по столу. Мотив совсем простой, Касатонов справится точно, Бойко с баяном будет труднее, но без него можно обойтись.

— Ну что, готовы? — посмотрел я поочерёдно на музыкантов, а потом на всех остальных. — Про кого поём, за тех и пьём. Последние строчки куплетов помогайте все. Поехали!

В нас нету ни злобы, ни страха к врагу,
Ему не оставим мы шансов в бою.
Мы парни в беретах черного цвета,
Мы грозные силы *Советской* России!

Касатонов гордо приподнял голову, а присутствующие подняли стаканы.

И нету усталости в нашем строю,
Границу мы держим надёжно свою.
Мы парни в беретах зеленого цвета,
Мы грозные силы *Советской* России!

— Стоп, стоп! Какие береты? У нас фуражки же! — придрался к словам Седых.

— Поменяйте! Дёшево, красиво и удобно. Не песню же из-за вас переписывать! Из неё слова не выкинешь, — мой шутливый "отлуп" вызвал на лице полковника возмущённое выражение, а все остальные рассмеялись.

И нет бездорожья повсюду везде,
Огнём мы проложим дорогу себе.
Мы парни танкисты и артиллеристы,
Мы грозные силы *Советской* России!

Бойко, несмотря на деревянную ногу, даже встал и так, стоя, выпил. Тем более, что в третий раз последнюю строчку куплета все подхватили дружно. И Седых с Касатоновым в том числе.

И нет больше в мире таких молодцов,
Как бравые дети наших отцов.
Во всех точках света знают об этом,
Мы грозные силы *Советской* России!
И нет нам завета вернее, чем этот,
Мы верные силы любимой России!

Коркин Алексей, написавший песню в далёком будущем, молодец. Три аккорда, простые слова, но как заряжена! Аж до мурашек пробирает. Вот и сидящие за столом заметно воодушевились.

— А про себя чего не спел, скромник? — спросил Петя Милов.

А что? Штирлиц я или нет?

И нет нам покоя и в мирные дни,
Пока кто-то хочет России беды.
Мы парни в гражданском - разведчики в штатском,
Мы грозные силы *Советской* России!

Все, включая мою собственную жену, уставились на меня. Полина, конечно, имела какие-то подозрения, но чтобы так в лоб!

— Ну, я немного, конечно, преувеличил, — оправдался я, понимая, что "Остапа понесло". — Вы пить будете или не заслужил? А лучше, давайте за взаимодействие родов войск и видов вооружённых сил!

Как говорится, за это нельзя не выпить. Потом было ещё много хороших песен и военных, и революционных, но больше всего, конечно, народных. Вечер удался на славу, а Бойко, утащив с собой полный текст "Сил России", за исключением куплетов про ракетчиков, десантников и спецназ, запустил "новый хит" в массы. Он стал, чуть ли не гимном, для всех защитников Родины, где бы они ни служили, чем бы ни занимались, и его обязательно крутили на радио каждый год двадцать третьего февраля.

Эпизод 5

Ковыряться с железом, обсчитывать, искать решения возникающих проблем - одно удовольствие. Во всяком случае, для меня. Беда в том, что я внезапно сделал для себя открытие на практике, что перерос уровень обычного инженера-конструктора и стал руководителем коллектива, движущегося по разным, хоть и параллельным, направлениям. Это значило, что административные вопросы стали отнимать всё больше и больше времени, которое на конструкторскую деятельность приходилось буквально выкраивать. Хорошо, хоть зам толковый. Косов избавил меня от всей "низовой" текучки, но распределять работу между конструкторами и координировать её, кроме меня было некому. То же самое ожидалось и потом, когда дойдёт дело до изготовления и испытаний опытных образцов, когда надо будет хорошо подумать, определяя время использования немногочисленных измерительных приборов и стендов.

Пока что КБ было разделено по направлениям и "резервным" отделам, сочетая в себе, таким образом, "бригадную" структуру, когда группа конструкторов занималась исключительно, например, компрессорами, с персональной ответственностью, когда группа конструкторов под руководством конкретного человека занималась мотором целиком. Последний по порядку принцип, в действительности стоял на первом месте, поэтому основным было разделение по

отделам. Отдел 130-х моторов, отдел 160-х моторов, отдел "звёзд" и так далее. В узкоспециализированные же "резервные" бригады зачислялись несколько, но самых лучших специалистов, которые придавались отделам в усиление по мере необходимости. За исключением бригады топливной аппаратуры, которая занималась целиком по своему заданию, проектируя "коммон рейл".

Отделы, в зависимости от сложности работы и её первостепенности тоже были далеко не равны по составу. Где-то людей было меньше, где-то больше, а топливная бригада могла смело соперничать по численности с иными отделами. Дело в том, что единственная внешняя информация по подобным системам подачи топлива пришла почему-то из Харькова, хотя там были чертежи и описание опытного французского дизеля "Котален". На мой взгляд, этот мотор был очень и очень похож на несостоявшееся здесь семейство В-2, что наводило на интересные размышления. Собственно, главное отличие было именно в топливной аппаратуре. Развединформация имела, главным образом, моральное значение. Сомнения подчинённых в том, что схема работает, отпали, не надо было тратить время и нервы на убеждения их в правильности выбранного курса. Другое дело, что французский "коммон рейл" был чисто механический, а то, что терпимо для 12-ти или даже 16-цилиндрового мотора, никак не подходило для 40-цилиндрового. Поэтому, решив сделать ставку на электричество, я пополнил бригаду, с оперативной помощью Меркулова, кроме механиков и гидравликов ещё и электромеханиками.

Расставляя приоритеты в работе я руководствовался сразу несколькими соображениями, принимая в расчёт своё мнение о первостепенности того или иного изделия и соотнося его с пожеланиями "заказчиков". Таким образом, самым мощным оказался 160-й отдел, который занимался исключительно двигателем 16-16 в "морской" конфигурации, с временным обычным четырёхходовым ТНВД, но уже с внешним наддувом от вспомогательного двигателя, чтобы не "красть" мощность с гребного вала. Заказанный же ВМФ двигатель 16-12 я зарубил своим произволом с самого начала. Дело в том, что после предварительных проработок мы сообщили в наркомат ВМФ примерные мощности и массогабариты создаваемых по его заданию и в инициативном порядке моторов. Ленинградский НИИ военного кораблестроения на основании этих данных сделал заключение, что наиболее перспективной для "Фрунзе" будет схема дизель-электрохода с моторами 16-16, а чисто механический вариант с единичными сверхмощными двигателями на вал, следует считать резервной. Такое положение вещей меня устраивало как нельзя больше и я, оставив на "звезде" исключительно "киреевцев", которые сейчас занимались проверкой общей работоспособности схемы, бросил основные силы на 160-го "большого". Этот дизель, при расчётных 4250 лошадиных силах, даже в случае, если он не пригодится для линкора, обязательно пойдёт на корабли малого флота – большие охотники, тральщики и прочие. С другой стороны, высокооборотные генераторы для тепловозов под дизель 13-16 мы до сих пор не получили, прислали с большим опозданием пока только один генератор под 13-8Р, что вызывало некоторые опасения за "Фрунзе". Но, как говорится, это уже были не мои проблемы, так как от меня требовались только сами дизеля. Вот если бы выбор пал на 16-40, тогда отвечать за силовую установку линкора пришлось бы полностью.

Вторым по значению был дизель 13-8Р для подводных лодок типа М. Тут работа уже близилась к завершению и был смысл напрячься, чтобы впоследствии высвободить "рабочие головы" для других задач. Сам мотор на конец ноября 1934 года находился в стадии изготовления второго опытного образца по откорректированным чертежам. Потребовалось внести, по сравнению с первым вариантом изменения в конфигурацию выхлопного коллектора и трубопроводов от компрессора к цилиндрам. Оба опытных мотора должны были быть установлены прямо у нас на островах в комплекте с генераторами, батареей, электродвигателями и подключены к гидронасосам, имитирующим реальную нагрузку. Всё это должно было быть размещено в

деревянных срубках, которые были уже готовы, приблизительно соответствующих по внутренним габаритам отсекам подводной лодки. Испытать всё это на натурном макете и закрыть вопрос надо было не позже, чем до конца февраля. На весну планировалась закладка очередной серии "Малюток".

Ещё одно направление работы, четвёртое по значимости, я нашёл себе сам. Очень уж не хотелось отказываться от 160-х авиамоторов. Через Яковлева и Туполева, которых мне удалось каждого по-своему заинтересовать, я вышел на руководство ГВФ, которое имело свои не только авиационные мастерские, но и небольшой моторный завод в Филях, выпускающий на данный момент вариант 13-2 в 300 лошадиных сил. Резон у меня был простой. Два 16-х, дефорсированного варианта в 650 сил, на АНТ-9 легко заменят три 13-х. Это в полтора раза выгоднее в плане изготовления и эксплуатации и требуется 2 дефицитных ТНВД, а не три. В ГВФ пересчитали всё в рублях, получили менее выгодную мне пропорцию, но всё равно польза от принятия моего предложения была налицо и заказ я получил. Через недовольного таким оборотом дела Меркулова. Мало того, что я отвлекаюсь от решения основной задачи, так ещё и действую в обход начальства. В итоге - выговор.

Вот такие у меня складываются дела. Дела, которые я вынужден бросить и лететь в Ленинград. Берия не зря говорил, что поиск места развёртывания массового производства - не моя проблема. За моим КБ в середине ноября закрепили серийный завод. Им оказался "Русский дизель" в северной столице. Старейшее предприятие в России, выпускавшее двигатели такого типа с 1899 года. Доверием можно было гордиться, да и название было с намёком. До меня уже доходили слухи, что именно так, с лёгкой руки итальянцев, "за бугром" называют мои оппозиты.

В настоящий момент ленинградский завод имел мощность в 600 лицензионных дизелей "Зульцер" в год, правда, при этом систематически не выполнял план. Разбираться в чём там дело и налаживать серию уже принятых флотом 13-х моторов было попросту некому, так как "вольных" в моём КБ не осталось, а конвоировать в Питер зеков и держать их там, обеспечив при этом нормальные условия для жизни и работы, я посчитал рискованным. Оставалось только ехать разбираться самому, надеясь найти на месте какое-никакое СКБ - серийно-конструкторское бюро. Впрочем, в последнее время, после первых массовых выпусков советских вузов, положение с инженерными кадрами стало полегче. На бумаге. Опыта они ещё набраться не успели.

Эпизод 6

Конец ноября 1934 года выдался довольно тёплым, температура крутилась вокруг нуля, снег то выпадал, то таял, к вечеру всё замерзло, а небо очень часто было затянуто серой хмарью, но самолёты аэрофлота летали регулярно. Вообще, на советскую гражданскую авиацию я не мог нарадоваться, полюбовавшись в здании аэровокзала на большой плакат с картой-схемой рейсов ГВФ, дотянувшегося своими регулярными трассами не только до крупных промышленных центров и столиц союзных республик, но и, например, до таких городов, как Архангельск и Мурманск.

До того, чтобы обыскивать пассажиров перед посадкой в самолёт, слава Богу, ещё никто не додумался и я вылетел, помня старые свои приключения, во всеоружии, прихватив с собой не только табельный ТТ, но и "парадно-выходной" меч, который нагло цеплял к чекистской форме в особо торжественных случаях. Не забыл я прихватить с собой и свой единственный орден. Представляться новому коллективу, по моим соображениям, следовало во всей красе, сразу обеспечив себе какую-никакую фору в деле завоевания авторитета у новых сотрудников. В общем, только шпор не хватало для полного счастья.

Полёт был совершенно рядовой и занял меньше четырёх часов, поэтому, вылетев утром во вторник 27 ноября, к обеду я был уже в Ленинграде, на Комендантском аэродроме. Автобус, совсем не похожий на новые московские, а натуральный "скотовоз" на удлинённом шасси ЗИЛ-5, видимо, местная поделка какого-нибудь авторемонтного завода, доставил меня в центр города и я опять поселился в гостинице "Англетер", где для меня был заранее забронирован номер.

Вторая половина дня была выделена мной на избавление от лишнего багажа в виде посылок и писем, которые, воспользовавшись оказией, передали со мной подчинённые Гинзбурга, бывшие ленинградцы. Чтобы не заставлять меня разносить "почту" по разным концам города на Неве, мы заранее договорились проверить "окончательную" доставку через третьи руки, а именно, через друзей-коллег из КБ завода имени Ворошилова. Тут наши интересы полностью совпадали, так как мне тоже было чрезвычайно интересно их посетить и "подсмотреть" серийное производство моторов 13-го семейства, чтобы как можно быстрее организовать их выпуск на новой площадке.

Решение высших инстанций о выделении под морские моторы нового завода, по зрелому размышлению, показалось мне полностью оправданным. Танковые движки, которые собирались на 174-м заводе, равно как и их двухцилиндровые младшие братья для "Кировцев", не были форсированы на полную катушку, имея всего 600 и 300 лошадиных сил соответственно. Хотя танковый 13-4 можно было разогнать и до 700. Эти моторы не имели тех многочисленных изменений, направленных на увеличение ресурса, характерных для морских 13-16, зато производились серийно. Внедрение 13-х морских неизбежно привело бы к компромиссам между новой и серийной конструкцией и мы рисковали получить в итоге нечто нежизнеспособное и в мизерных количествах. В общем, 174-й завод работает и лучше ему не мешать. Там есть своё хорошее СКБ, которое уже внесло свои коррективы в мотор, направленные на приспособление к имеющимся технологиям, упрощение и удешевление серийных изделий при сохранении исходных характеристик.

Договориться о передаче технологических карт, которые могли пригодиться при освоении серии на заводе "Русский Дизель", не составило особого труда. Цеха 174-го завода, где делали сами двигатели, тоже показали без проблем. А вот само танковое производство, тем паче, опытное, согласились продемонстрировать только с личного согласия Сиркена и Барыкова. "Невская битва", в ходе которой, я попортил немало крови местным танкостроителям, давно отгремела, ГУБД кануло в лету, после многих реорганизаций танковый дизель 13-го калибра стал совсем своим, отвечало за него КБ 174-го завода полностью, а вот, поди же ты, осадочек остался.

Серийные танки Т-28 практически не отличались от того, что я виде в Кремле. Разве что тяжёлое 12,7-миллиметровое противотанковое ружьё Шпагина научилось стрелять очередями и было названо танковым крупнокалиберным пулемётом. Магазин его, правда, так и остался пятизарядным, поэтому, фактически, прогресс свёлся к более звучному имени. Более интересной была огнемётная модификация машины, оружие к которой перешло "по наследству" от ленинградских Т-26, которым не хватало артвооружения. В ОТ-28 башен было только две, а вместо третьей пулемётной, которая располагалась правее мехвода, стоял макет. Место стрелка под ней занимал объёмный бак для огнесмеси.

Огромный Т-35 стоял в сборочном цеху как "линкор" среди десятка "крейсеров" Т-28. В него как раз подавали краном и монтировали коробку передач, которая на глаз, была даже больше и явно массивнее самого двигателя. Проектировали её, судя по всему, "по подобию" и "чтоб работало". Всего три передачи и большие размеры валов и шестерён обязаны были обеспечить надёжную работу табуна в тысячу двести коней в одной упряжке. Пятидесятитонная машина

при таких механизмах могла разогнаться всего до тридцати пяти километров в час, зато держала эту скорость в любых условиях, лишь бы не развалилась подвеска и не порвались траки.

А вот ленинградские самоходки стали для меня сюрпризом из-за которого я опять поспорил с конструкторами заводского танкового КБ. Их было всего две опытных машины. Одна на шасси Т-28 называлась СУ-18, вторая на шасси Т-35, СУ-19 соответственно. Конструкция их была, в целом, подобна. Танковые шасси были развёрнуты кормой вперёд, так что трансмиссия и двигатель теперь находились в носу. Место мехвода было в обоих случаях оборудовано слева от коробки передач. Сказать, что оно было слишком тесным – приукрасить действительность. Вряд ли там мог разместиться человек даже среднего роста. Зато у мехвода был хороший обзор в 180 градусов, так как его голова прикрывалась маленькой башенкой с тремя смотровыми щелями. Так как габарит движков в длину и высоту был невелик, боевое отделение разместилось в низком корпусе строго по центру, представляя собой коробку, защищавшую расчёт от пуль спереди и с боков. Сзади же располагался объёмный бронированный ящик, соперничавший размерами с БО. Там размещался боекомплект. Причём у СУ-19 отсек БК оборудовался электрическим мостовым краном для подачи снарядов к орудию. СУ-18 была вооружена гаубицей-пушкой МЛ-20, которую здесь почему-то называли 152-мм пушкой образца 1934 года, а СУ-19 могла похвастаться гораздо более мощной Б-4. В целом от СУ-14 "из прошлой жизни" машины отличались компактностью в высоту, которая лимитировалась необходимостью обеспечения отката орудия при максимальном угле возвышения, который в обоих случаях был ограничен 45-ю градусами.

— Зря вы это, ребята, затеяли, — сказал я откровенно. — Чтобы эти колесницы использовать как надо, нашей армии ещё расти и расти. Да и другим армиям тоже. И начинать надо с приборов управления огнём и обучения артиллеристов, а не с самих самоходок. А пока обычные гаубицы с тягачами рациональнее. Вот штурмовая САУ, стреляющая прямой наводкой, с хорошей бронёй и 152-миллиметровой пушкой была бы кстати. В комплекте с таким же танком и штурмовым транспортёром пехоты на одном шасси. Этой троице по зубам прогрызть любую линию обороны, только хруст стоять будет.

— Опять вы со своей критикой, товарищ Любимов, — поморщился руководитель ОКБ-174 Барыков. — Что нам УММ РККА заказывает, то мы и строим. Если вам что-то не нравится – обращайтесь туда. К тому же, в Москве СУ-5 как выпускались, так и выпускаются. В своём глазу соринки не видите, а в чужом... Не хорошо.

— Хорошо-нехорошо, а всё же слова мои в виду имейте. Чтобы потом с голым задом не оказаться, когда УММ затребует, причём срочно, то, о чём говорил. В Москве, слышал, начали работу над новым танком с бронёй 45 миллиметров. Вам тоже такое задание спустили?

— Да. Но мы старым обойдёмся. У Т-28 уже сейчас во лбу башен 30 миллиметров основной брони и 15 миллиметров экран. А если его в круговую 45-миллиметровой бронёй защитить, то вес до тридцати двух тонн вырастет. Для механизмов и подвески допустимо. Вот с Т-35, конечно, сложнее, но придумаем что-нибудь.

— Конечно, придумаете. Больше полусотни тонн танк делать нельзя – стандартная железнодорожная платформа не позволит. Толще броня – меньше башен. Пока одна-единственная не останется. Иного пути нет.

— Ты ещё скажи, что с самого начала предвидел... — буркнул Барыков.

— Конечно. Только нет пророка в своём отечестве. Скажи я сейчас, что тяжёлый танк из Т-28

растить надо, вы меня от души пошлёте, угробите кучу денег на разработку нежизнеспособных монстров, а будет в конце концов по-моему.

— Я тебя услышал, — подвёл итог бесполезному спору Барыков, — только мы не свободные художники, мы технические задания выполняем...

— Учитесь у Гинзбурга. Вы с ним в равном положении. Однако, протолкнул толстую броню именно он, — оставил я за собой последнее слово.

Эпизод 7

Чем заняться командированному свободным вечером в городе, претендующем на звание культурной столицы? Конечно пойти в кино! Ведь, как сказал Ленин, оно является для большевиков важнейшим из искусств! Но не сразу. Сперва я попросил водителя дежурной машины завода N 174, которого Сиркен, стремясь избавиться от моей назойливости, выделил в моё распоряжение, высадить меня у ближайшего к "Англетеру" отделения милиции. К блюстителям порядка у меня было важное дело. Ведь когда по вечернему мирному городу расхаживает человек вооружённый мечом, пусть и в форме капитана НКВД, — это непорядок. А в гостинице оставлять клинок я просто побоялся.

Немало подивившись моей просьбе, милиционеры меч на ответственное хранение приняли и выдали мне соответствующую расписку, за что я им мысленно поставил "плюсик". В моё время стражи порядка из меня бы всю душу вынули, докапываясь что, почему, зачем, согласовывая "наверху, а на самом деле, боясь принять решение. Зато теперь я мог спокойно идти в ближайший кинотеатр, чтобы получить удовольствие от просмотра новинки советского кинематографа - фильма "Чапаев". Видел я его, конечно, уже много раз. Но вот на большом экране, совсем "свежего", да ещё и в подходящей по духу обстановке - никогда. Это вам не на диване с пивом сидеть! И вообще, здесь я ещё ни разу в кино не был, надо хоть на разведку сходить. А то Полина и так уже толсто намекает, что пора её культурным развитием всерьёз заняться.

Что такое советский кинотеатр образца 1934 года? Пусть даже и в самом центре второго по значению города в стране? Невеликих размеров зал с установленными в нём простыми неокрашенными деревянными скамьями, центральным проходом и установленным в нём проектором. Окинув взглядом помещение, я понял то, что постеснялся спросить в кассе. В приобретённом билете был указан лишь ряд, а место каждый мог выбирать себе сам. Закономерно, что первые пришедшие находились в заведомо более выгодном положении, а опаздывающие, в числе которых оказался и я, довольствовались тем, что осталось. Причём, зачастую получалось так, что лавка была уже занята во всю ширину, и вновь подошедшим приходилось просить соседей потесниться.

В силу своей неопытности в приобретении билетов, я оказался на краю скамьи на "галёрке" почти перед самым началом просмотра. Молоденький киномеханик с важным видом закончил последние приготовления, застрекотал аппарат и в этот момент в зале погас свет. Сеанс начался. Зрители затихли.

— Можно пройти? — резкий шёпот у самого уха заставил поёжиться, но, захваченный зрелищем, я не думая потеснился и пропустил мимо себя не слишком вежливого жителя культурной столицы. Маленькому человеку с непропорционально большой головой, живо мне напомнившему своим силуэтом одного из политиков будущего, пролезть удалось довольно легко и он принялся втискивать своё сидище между мной и ближайшим соседом, так как тот оказался гораздо более опытным в вопросах удержания занятого плацдарма, чем я, и не

пропустил хитреца. Тут-то я и осознал свою ошибку, ибо треть моей собственной задницы оказалась в подвешенном состоянии.

Мало того, реакция зрителей на разворачивающиеся в фильме события была довольно бурной, но мой новый сосед-карлик вообще похоже перепутал кинотеатр со стадионом и вёл себя так, что самые отпетые футбольные фанаты 21-го века, посмотрев на него, удавились бы от зависти. Вскочить с места, помахать руками, потрясти соседей, чтобы разделить с ними свои чувства и впечатления, было для малыша в порядке вещей. Вместо речёвок, правда, из него сыпались цитаты классиков марксизма и лозунги.

— Чёрный ворон, чёрный ворон, что ж ты вьёшься надо мной, — поддавшись общему настроению сопричастности, вслед за киношным Чапаевым, я тихо затянул одну из самых любимых моих песен.

— Тише ты! И так ничего не слышно! — шикнул на меня сосед и попутно слегка пихнул локтем. Я лишь тяжело вздохнул, подумав, что в кино больше ходить не буду. Чего я здесь не видел на полсотни лет вперёд? Лучше б в Мариинку на разведку заглянул. Всё-таки театр. Культурная атмосфера.

Фильм, между тем, шёл своим чередом, уже уехал Фурманов, Чапай вволю настрелялся из "Максима" с чердака, а Петька героически подорвал гранатами броневик. Пришла очередь бравому комдиву переплыть Урал.

— Ну же, держись! Давай, давай, плыви! — карлик болел за Чапаева как-то по-детски непосредственно, до глубины души. — Второй, второй рукой гребь!

— Он не может, у него в другой руке чемодан с планом кампании! — брякнул я в сердцах, вспомнив бородатый анекдот.

— Какой ещё чемодан! — даже в отблесках света с экрана, казалось, глаза соседа блестят как-то нездорово. — Ах, гады!

Это он киношным белым пулемётчиком. Пара минут и драматический заплыв окончен. Сосед от горя уткнулся лицом в шапку-ушанку и даже успешная контратака красных не изменила ему настроения. Фильм кончился, зажёгся свет.

— Товарищ, а что за чемодан? Вы там были? — карлик вцепился мне в рукав и, видимо, отпустить без ответа не собирался.

— Не был. Один хороший товарищ рассказывал.

— Что рассказывал-то?

— Выплыл Чапаев из Урала, высыпал из чемодана картошку и говорит Петьке: "Здесь белые. Здесь наши. А впереди я. На лихом коне!"

— Так убили ж Петьку...

— Это военная хитрость была! Ты что, шуток вообще не понимаешь?

Буйный сосед нахмурился, посерел лицом и вперёд меня выскочил из зала, а я лишь усмехнулся ему вслед. Вроде взрослый мужик, а эмоции скачут, как у подростка.

— Товарищ, стойте! — выйдя из здания кинотеатра, я не успел даже до ближайшего перекрёстка, как меня со спины окликнули. — Предъявите ваши документы!

— Знакомые всё лица! — обернувшись я увидел спешащего ко мне милиционера, одного из тех, кому я всего около часа назад сдавал на хранение меч, за которым как раз намеревался вернуться. — Я что-нибудь нарушил?

— Предъявите документы! — настойчиво повторил страж порядка.

— Он это! Точно! Это я его выявил! Так и запишите! Николаев моя фамилия! — из-за спины милиционера выглянула несуразная голова соседа по скамейке, которому захотелось от души отвесить подзатыльник. К сожалению, моя форма НКВД и присутствие постового начисто лишали меня этого удовольствия, поэтому я только в сердцах плюнул.

— Товарищ Николаев утверждает, что вы издевались над памятью комдива Чапаева, — пояснил мне причину задержания милиционер. — Придётся дать объяснения. Пройдёмте в отделение.

— Туда и шёл. Забрать кое-что, — буркнул я недовольно, но документы предъявлять не стал, а милиционер же, в свою очередь не рискнул настаивать и бодаться с целым капитаном НКВД.

— Так значит, — хмуро сказал дежурный по отделу, который, из-за малочисленности личного состава исполнял одновременно и обязанности дознавателя. — Значит, вовсе вы не насмехались над памятью героя Гражданской войны, как утверждает товарищ Николаев? Значит, вы просто не можете поверить, что такой человек, как товарищ Чапаев, мог утонуть?

Дядька с пышными седыми усами и спрятанными под густыми бровями колючими глазками отложил лист бумаги, на котором были записаны мои показания и посмотрел на меня очень внимательно и сурово.

— Вот именно, — не моргнув глазом ответил я. — Великие люди просто так не уходят. Да и в фильме показали, что Фурманов уехал, а сценарий-то именно он писал. Значит не мог он видеть, как Чапаева убили. И вообще никто не мог видеть, раз Чапай один в конце остался. Так-то. А раз убитым не видели его, так он и живым может оказаться. Мы-то с вами прекрасно знаем, что раз нет тела, то и дела об убийстве тоже нет. Может Чапай ещё живой объявится.

— Ладно вы, товарищ капитан госбезопасности, в... объясняете, — усмехнулся старый милиционер. — И упрекнуть-то не в чем. Забирайте свою железку и ступайте. А о происшедшем мы в вашу парторганизацию сообщим, пусть там разбираются.

Последние слова он выговаривал очень жёстко, можно сказать, зло. Дал понять, что ни на грамм мне не поверил, просто связываться недосуг. Был бы я простым пролетарием, хрен бы я просто так ушёл.

Эпизод 8

Первого декабря 1934 года, наевшись бессовестных "завтраков", я решил плюнуть на формальности и заявился в Смольный, в обком партии. Бюрократические проволочки могут вывести из себя кого угодно, поэтому, после двух неудачных попыток попасть на приём к Кирову, который, по словам секретаря, либо ещё не вернулся из Москвы, либо был занят, решил просто устроить на Сергея Мироновича "засаду", дожидаясь его лично у кабинета. Должен же он хоть когда-нибудь явиться на работу?

Дело же к "пламенному трибуну" у меня было архиважное. Завод "Русский дизель", не слишком

большой, пожалуй, даже меньше МССЗ, выпускал исключительно двигатели. И это было хорошо. А вот то, что он имел полный набор особенностей старого, дореволюционного производства, мне не нравилось. Как и следовало ожидать, в техническом плане, ни о каком конвейере речи не шло. При этом, коллектив, в основном, был старый, с большим стажем и сложившимися традициями. Техническая интеллигенция была представлена главным инженером и двумя его помощниками-заместителями. Правда, до начала 34-го года здесь работали немцы, помогавшие освоить выпуск лицензионных дизелей для подлодок, но в марте они уехали. В настоящий момент, завод ритмично строил эти моторы и имел на удивление малый процент брака, что объяснялось наличием очень и очень грамотных мастеров, на которых и лежала основная нагрузка. Меня поразило, что когда я, осматривая цеха, пришёл на участок коленчатых валов и меня представили, мастер, покопавшись в лежащих на отдельном верстаке бумагах, достал чертежи вала 13-16, высланные сюда заранее, и сходу ткнул меня носом в ошибки и пробелы. Видимо, схлтурили мои подопечные при копировании. Но, палец на отсечение, на МССЗ, да и на любом другом заводе, сначала сделали бы по тем бумагам, что есть, убедились, что детали невозможно состыковать без "обработки по месту напильником", и только потом забили в колокола. Здесь же всё всплыло в момент, без лишней практики. Это какое пространственное воображение надо иметь, чтобы просто заподозрить неладное?! Признаюсь, у меня самого представить всё "в объёме", хотя двигатель был мой и все детали я знал, буквально, на ощупь, получилось не сразу. В общем, сел я в лужу. И орден с мечом не помогли.

Зато здесь всё делалось точно по чертежу и строго соблюдалась технология. Даже в ущерб темпам производства. Никакой подгонки "по месту", как на иных старых заводах, не допускалось. Сказывались "скандинавские традиции", да и сама специализация предприятия. Но, при этом, производственные циклы не были согласованы и, например, литейка, выдавала больше продукции, чем токарное производство, получался "задел", ставший моей головной болью. Токари же, перфекционисты, чтоб их, не спешили его ликвидировать, так как брак приходилось оплачивать из собственного кармана. Здесь же крылась разгадка того, почему завод не выполняет план. Наверху ориентировались "по передовикам", считая, что остальные должны, кровь из носа, "подтянуться".

"Русский дизель" с весны легко перешёл на продвигаемую партией параллельную систему оплаты труда, поэтому все заготовки и полуфабрикаты, которые уже выпущены, но не будут востребованы при переориентации на выпуск других дизелей, были так или иначе оплачены из кармана пролетариев. Государство при смене продукции в этом случае потерь не несло, а вот рабочие... В общем, вопрос, кто будет платить неустойку и упущенную выгоду, повис в воздухе. Вернее, полетел в поднебесные выси, сначала в главк, потом в НКТП, который обратился с ним в НК ВМФ и так далее. Чувствую, пока не дойдёт до Самого, не решится. А на "Русском дизеле" будут выпускать "Зульцер" пока не израсходуют весь задел по нему, это ещё месяца два-три как минимум. Так решил трудовой коллектив, зная, что готовые двигатели оплатят всё равно. Больно уж дефицитный товар. Признаюсь, такая оригинальная и неочевидная форма забастовки, поставила меня в тупик, и я решил, что раз всё пошло наверх, двинуться коротким путём прямо из Ленинграда, минуя наркоматовскую бюрократию, выйдя на Сталина через Кирова, который, вроде как, неплохо ко мне относится. А попутно надавить через партию на 174-й завод, который наотрез отказал мне в просьбе прикомандировать на время освоения на "Русском дизеле" моторов 13-16 и 13-8Р часть своих инженеров.

Плотно пообедав в обкомовской столовой я принялся расхаживать по коридору возле кабинета Кирова, опасаясь просто-напросто уснуть на сытый желудок если где-нибудь присяду. Кроме того, на ходу я успокаивался и мне хорошо думалось, что давало возможность правильно подготовиться к разговору и найти нужные слова.

Гулял я так из стороны в сторону, будто тигр в клетке, уже более получаса, как вдруг из-за поворота коридора прямо на меня вышла долгожданная цель моей засады – Сергей Миронович собственной персоной. Киров узнал меня сразу и, подходя, широко улыбнулся, протягивая руку для пожатия.

— Товарищ Любимов! Какими судьбами?

Ответить я не успел, так как в этот момент из-за того же угла выскочила ещё одна фигура, которую я узнал сразу. Киров был невысок сам собою и "стукачок" Николаев, хоть и был тщедушен, спрятаться за ним не мог. Встретившись со мной глазами, он запнулся и дёрнулся, чтобы развернуться и убраться восвояси, но вдруг его лицо скривилось в истерической гримасе и он дёрнул из кармана пальто правую руку, выхватывая револьвер.

В "прошлой жизни" мне довелось некоторое время поработать телохранителем и рефлексы, вбитые на тренировках, на которых я лил пот и за совесть, и, в особенности, за страх, чтобы не пролить своей крови, оказались как нельзя кстати. Вырвав Кирова на себя и вправо за протянутую для рукопожатия руку, я заставил его "провалиться" и тем самым убрал с линии огня. Сам же, чуть приседая и смещаясь в ту же сторону, чуть замешкался и когда щёлкнул первый выстрел, пуля оцарапала мне левое плечо, порвав гимнастёрку. Мелькнули изумлённые глаза Мироныча, а я уже, как в танце развернув его на сто восемьдесят, прижал правой рукой к плечу и всей массой своего тела, оттолкнувшись от пола, направил наше общее движение в обратную сторону – вниз и влево. Николаев, промахнувшись первый раз, дёрнул оружием вслед за ускользящей целью и, нажимая курок, пронёс ствол слишком далеко в сторону, отчего вторая пуля прошла правее нас. Уворачиваясь от смерти, мы сблизились с новоявленным киллером всего на три шага и я, толкнув Кирова под стреляющую руку и оттолкнувшись от него, дёрнулся в другом направлении, что заставило Николаева чуть промедлить, выбирая кого из нас отправить к праотцам в первую очередь, поэтому в третий раз выстрелить в цель он просто не успел. Захватив вооружённую кисть его руки, я резко, разрывая связки, вывернул её наружу, заставляя злобного гномика споткнуться об упавшего на четыре точки Кирова и влететь головой в стену. Разоружить и заломать руки попавшему убийце-неудачнику, растянувшемуся на полу, было уже делом техники.

— Ах, ты ж сука! — как-то растерянно выдавил из себя поднявшийся на ноги Киров. Его бледное лицо в первую секунду выразило растерянность, но потом стало очень жёстким.

— Сильно зацепило? — спросил у меня Сергей Миронович, некультурно показывая пальцем на почерневшую от крови гимнастёрку.

— Царапина. Повезло. Дай чем связать, — отрывисто ответил я, чувствуя, как меня начинает потряхивать. Вообще, то что я начинаю пугаться, когда всё уже закончилось, в критический момент действуя трезво и расчётливо, я считал одним из главных своих достоинств, но в этот раз отходняк пришёл как-то рано. Давненько у меня такой практики не было. Считаю с самой Грузии.

В коридоре послышался топот и из-за поворота выбежал чекист.

— Где тебя носит!?! — вспыхнул Киров. — Забери этого! И врача сюда!! Живо!!!

Ага, полезли из всех щелей на крик. Что-то когда стреляли никто носа не высовывал. Я отрёшённо, стараясь успокоиться, смотрел как коридор заполняется народом.

— Пойдём ко мне, там доктора подождёшь, — приобняв за поясницу, подтолкнул меня Киров к своему кабинету.

— Садись, — сказал он, закрывая дверь. Я не заметил, как на столе образовалась бутылка водки и пара стаканов.

— Спасибо, обязан, — ровным голосом сказал Сергей Миронович, налив по половинке, но когда он поднимал стакан, я заметил, что его рука подрагивает.

— Сочтёмся, — мы выпили не закусывая и посидели молча с минуту, пока Киров не спросил.

— И чего он в меня стрелял?

— Мне показалось, что он в меня стрелял... — хмуро буркнул я.

— Что, повод есть?

— Да, как сказать... Я тут не совсем удачно пошутил, он на меня в милицию донёс, а та отпустила.

— Глупости какие.

— Тоже верно. Да и шёл-то он за тобой, Сергей Миронович, — я поднял глаза и встретился с Кировым взглядом. — А на меня случайно наткнулся, не ожидал он такого поворота. Охрана твоя, надо сказать, никуда не годится.

— Сам не понимаю, как такое произошло! Всегда со мной, пока в кабинет не войду...

— А именно сегодня, стало быть, накладка?

— Что ты имеешь в виду?

— Бережёного Бог бережёт. Надо связаться с Москвой, с наркомвнуделом Берией. Что-то перестал я местным чекистам доверять.

С разрешения Кирова в кабинет вошёл доктор и наложил мне повязку. Всё это время хозяин сидел молча, а когда эскулап вышел, позвонил напрямую Сталину и коротко изложил обстоятельства дела. Что ответил вождь, мне было неизвестно, но спустя пять минут раздался звонок. По мою душу. Берия приказал мне лично обеспечить безопасность секретаря ленинградского обкома до прибытия из центра оперативной группы. О полученном распоряжении я известил Кирова, который занервничал.

— Мне что, под замком сидеть и дрожать?! У меня в шесть собрание партактива! Мне доклад делать надо!

— Может, оно и к лучшему. Если мы имеем дело не с одиночкой, а с чем-то более серьёзным, лучше находиться на виду. Чтобы не сказали потом, что Сергей Миронович Киров так распереживался, что заперся в кабинете, напился и умер. На людях по-тихому доработать очень и очень трудно, а шуметь — выдать себя, показав, что был заговор.

— Слушай, такое дело. Считай, что личная просьба. Давай во время разбирательства будем придерживаться версии, что стреляли всё-таки в тебя, — осторожно попросил Киров.

— Что, скелеты в шкафу? — я усмехнулся. — Будешь должен. Заодно с последствиями моей шутки, из-за которой Николаев распереживался, разобраться сможешь.

— А что там? — встрепнулся Киров. Я коротко рассказал историю своего похода в кино.

— Дурак ты, — упрекнул меня Сергей Миронович. — Языком мелешь что попало. Но это пережить можно. Поручусь за тебя, что делать.

— Ага, поручишься. И дело быстро решишь, с которым я к тебе пришёл, — с момента покушения прошло уже больше получаса и первый шок прошёл, теперь фамиллярное обращение "на ты", казалось мне неуместным, но именно сейчас надо было ковать железо, пока оно горячо.

— Давай после партактива? Времени в обрез. Мне доклад в памяти освежить, тебе переодеться. Сейчас всё органирую, — Сергей Миронович поднял телефонную трубку.

М-да, пока оно горячо. Не успел.

Эпизод 9

Во дворец имени Урицкого, ранее называвшийся Таврическим, мы с секретарём областной парторганизации едва не опоздали. Поспорили из-за водителя, от которого я предпочёл на всякий пожарный случай избавиться, рулить пришлось самому. На партактиве я уверенно, можно сказать даже нагло, занял место в президиуме, слева от Кирова, наплевав на глухое возмущение ленинградских коммунистов. Здесь за позицией своего тела по отношению к "первым лицам" следили не менее ревниво, чем в Москве. Пусть говорят и думают, что хотят, мне главное не заснуть.

Впрочем, собрание оказалось не таким уж и скучным. Линия партии в связи с последним пленумом практически не изменилась, а вот то, как её собирались проводить на Северо-Западе, мне было по-настоящему интересно. Фактически речь зашла о промышленной автаркии района, наиболее рациональном использовании его ресурсов. Киров, ратовавший за всемерное увеличение добычи торфа, отчитался, что в сезон 1934 года его заготовили фрезерным способом с использованием мощных челябинских и харьковских тракторов, а также торфяных комбайнов "Красного Путиловца", чуть ли не в двести раз больше, чем ранее в лучшие годы. На повестку дня был поставлен вопрос о переводе всего коммунального хозяйства с дров и угля на это топливо. Соответственно, лесозаготовительные организации в зимний сезон 34-35 годов следовало полностью переориентировать на экспортную и деловую древесину и увеличить объёмы её добычи, направив туда технику с торфоразработок. Вырученные же от экономии и незапланированных изначально доходов средства, обком намеревался направить на опережающее развитие энергетики района, построив несколько ГРЭС, сжигающих в топках котлов всё тот же торф. Кроме того, в связи с намеченным на будущий год началом разработки карьерным способом железорудных месторождений Карелии и успехами в поисках способа прямого восстановления железа из руды с использованием торфяного синтез-газа, строилась опытно-промышленная установка. Ленинградцы намеревались, в конечном итоге, перевести чёрную металлургию Северо-Запада на местные ресурсы, сделав упор на выплавку качественных электросталей.

Не припомню, чтобы в эталонной истории что-то подобное было в Ленинграде в таких масштабах. Насколько мне известно, под карельскую руду был выстроен Череповецкий комбинат много позже войны. Впрочем, не зря на последнем съезде каждый, кто касался вопросов чёрной металлургии, говорил о её отставании от машиностроения. Видимо, ленинградцы решили приложить все усилия и использовать неожиданные резервы для ликвидации перекоса, что, несомненно было хорошей новостью.

А вот ориентирование местных автопредприятий, по возможности, на машины Горьковского завода, не обрадовало. Причины этого казуса лежали на поверхности. Дизтопливо было нужно

критически важным тракторам и карьерным самосвалам, а своей нефти не было. Выход видели всё в том же торфе и, отчасти, дровах, под которые можно было переделать бензиновые двигатели "полуторок", сделав их газогенераторными. Об этом я и решил поговорить с секретарём обкома по пути на квартиру Кирова на Каменноостровском проспекте, когда собрание закончилось.

— Сергей Миронович, я, конечно, человек посторонний, московский, но в автотранспорте кое-что понимаю. Если перевести полуторки на газогенераторное топливо, то мощность их двигателя неминуемо упадёт. И намного. Сам газогенератор надо где-то размещать, поэтому объём кузова уменьшится. Всё это приведёт к снижению реальной грузоподъёмности машин, которая и без того мизерная. Применительно к автохозяйству в целом, это будет означать крайне низкую эффективность работы по сравнению с машинами ЗИЛ. Много маленьких грузовичков, много водителей, увеличение времени погрузки-разгрузки в пересчёте на тонну перемещаемого груза, которое потребует дополнительного увеличения количества машин и грузовиков. Не очень-то хорошо получается.

— Ай, да всё мы понимаем, не дети малые, — сказал Киров с досадой. — Но вы же свои московские дизельные грузовики на синтез-газ перевести не можете? А помнишь, о чём на съезде говорили? Зачем хотели всемерно добычу торфа на Северо-Западе увеличить? Транспорт у нас хромает, а мы донецкий уголёк и бакинскую нефть через всю страну возим. А перейдём на торф, сразу нагрузка на железные дороги упадёт. Руда тоже будет полностью своя, три месторождения в Карелии открыты. Близко к границе, правда. Но не беда. Мы ещё и на торфяной кокс перейдём. В Гражданскую в центральном районе только так сталь и варили, Донбасс-то под белыми был. Про электростанции и электропечи я уж и не говорю. Честно признаться, не ожидал, что столько местного топлива заготовим. А хранить его долго хлопотно, надо использовать. А на будущий год торфа ещё больше заготовим, раза в два, наверное. Вот под это и строим электростанции в соответствии с курсом партии на опережающее развитие энергетики. Лишь бы "Электросила" справилась с объёмами.

— Хорошо, что напомнили, — когда речь зашла о делах, без преувеличения, государственных, я невольно перешёл на "вы", — мне как раз ещё ленинградских электротехников проведать надо. Посмотреть, как у них дела с генераторами и гребными электродвигателями для "Фрунзе". Мы им наши предварительные расчёты послали, а в ответ ни слуху, ни духу. А с торфом, кажется мне, вы увлеклись. Не вышло бы, как с кукурузой.

— Какими генераторами для "Фрунзе"? — забеспокоился Киров, пропустив мои последние слова мимо ушей. — Почему ленинградцы? Я об этом в первый раз слышу!

— Ну как же. Московский завод "Динамо" взял на себя всю электротехническую часть для подводных лодок и тепловозов. А "Фрунзе" поручили "Электросиле", коль скоро он у вас модернизироваться будет. По крайней мере, я информирован именно так.

— Серго мне ничего не говорил, — озадаченно сказал Сергей Миронович. — И из наркомата ВМФ вестей не было. Генераторы для "Фрунзе"! Да у "Электросилы" план такой, что туда лишнего рубильника не впихнуть! Буду разбираться. Срыва строительства электростанций на Северо-Западе не потерплю! У нас же на них всё завязано! Нам что, из-за этого старого корыта всю пятилетку псу под хвост!? Насколько я помню, на политбюро речь шла об установке дизелей, а про электричество речи не было. Дизеля - пожалуйста! Ставьте на здоровье! Корпусные работы и прочее - тоже! Но "Электросилу" не трожь! Завтра же с товарищем Сталиным говорить буду!

Чёрный "Тур" летел по набережной Невы, каждый из нас был занят своими мыслями. Не знаю,

что сейчас происходит в голове у Кирова, насупившегося рядом на переднем сидении, наверное обижается, что в его хозяйстве кто-то решает вопросы в обход секретаря обкома. А мне, пожалуй, пора начинать паниковать. Очевидно, что "Фрунзе" как дизель-электроход не состоится. На повестке дня электрификация всей страны и индустриализация. Строится множество новых электростанций и заводов, которым нужны станки. Это всё – генераторы и электродвигатели, арматура. Заводов, выпускающих всё это, три. В Москве, Ленинграде и в Харькове. Мощностей не хватает, чтобы удовлетворить все потребности. Про дефицит электротехнической меди и алюминия и говорить не приходится.

Об этом мне явно следовало подумать раньше и не питать напрасных иллюзий. Ведь перед глазами был живой пример с тепловозами, генераторы для которых так и "подвисли" где-то на заводе "Динамо". И это при том, что для подводных лодок генераторы и электродвигатели прислали, лодкам без них никуда. СССР мог позволить себе только то, что абсолютно необходимо.

В складывающейся ситуации у меня было всего три варианта действий. Первый – сыграть под дурачка. Построить 16-16, который нужен в любом случае, и сделать круглые глаза, когда окажется, что электрической части под них нет. Вины моей в том не будет, но колоссальные средства, затраченные на перестройку "Фрунзе" пропадут зря. Безопасно, но не совсем честно. Второй вариант – настаивать на чистом теплоходе. Велик риск и в любом случае, нужно дополнительное время, так как работы по "бочонку" у меня на стадии экспериментов. И последний, третий вариант – попытаться вообще купировать эту затратную и бестолковую затею с линкором. Этот трюк, думаю, вообще смертельный. Товарищ Сталин любит большие корабли.

Так мы и ехали молча до самого дома Кирова, когда я, заметив необычное скопление людей и машин, выругался и, прибавив газу, пролетел мимо по Каменноостровскому. Бережёного Бог бережёт.

— Не дури, товарищ Любимов, возвращайся, — поморщился Сергей Миронович. — "Туров" в Ленинграде всего два. Один у меня, второй у товарища Медведя. Если и его подозревать, то не знаю, кому вообще-то верить можно...

Когда мы подъехали, между начальником местных чекистов и секретарём обкома произошёл короткий разговор, в ходе которого Медведь поделился последними новостями насчёт Николаева. Несостоявшегося убийцу пытались допросить, но с ним случился нервный припадок и им сейчас занимались медики, получить сколько-нибудь связную информацию не удалось. В связи с неясностью ситуации Медведь убедительно просил не только вернуть на место личную охрану Кирова, но и усилить её.

— Могли бы в таком случае ещё у дворца Урицкого встретить, — недовольно буркнул Киров, которого явно стесняла такая суета вокруг его персоны. — Из Москвы вам подмога едет, а пока у меня товарищ Любимов погостит. Завтра же с утра жду машину и охрану в обычном порядке. Всё, что могло случиться, уже случилось, нечего после драки кулаками махать. Мы с Любимовым первые что ли? Вон, даже в товарища Сталина стрелять пытались, да не вышло.

— Как хотите, товарищ Киров, но наружную охрану вашего дома я всё-таки приказал выставить, — Медведю как-то надо было реагировать на ситуацию и такой ход, которому Киров не мог противиться, был, пожалуй, единственным.

— Как знаете, это ваше дело, — подвёл итог Киров и распрощался.

Ночевать пришлось на раскладушке в кабинете. Киров отрекомендовал мне это ложе, сказав, что все его друзья, в том числе и Серго Орджоникидзе, оставаясь у него на ночь, не жаловались. Но мне на новом месте после бурного дня не спалось, не давал покоя треклятый линкор, ситуацию с которым я обдумывал с разных сторон, решая, к кому следует обращаться с этой проблемой в первую очередь. Налицо были ведомственные неувязки, а наркома ВМФ Кожанова, который был мне искренне симпатичен, подставлять не хотелось. С другой стороны, действовать в обход своего начальства, обостряя с ним и без того непростые отношения, не хотелось. В общем, уснул я только к утру.

— Всё равно проспал, товарищ Любимов! — издевательски сказал Берия, нюхая кончик клинка, когда я, почувствовав во сне прямой взгляд, сорвался с кровати и, ещё не проснувшись, но уже стоя на ногах, готов был драться. — И чего это вы постоянно за меч хватаетесь? Пистолет же есть! Ладно, так как вчера молодцом себя показал, сегодня ругать не будем. Просыпайтесь, приводите себя в порядок и срочно выезжайте в Москву. У вас ЧП. Вчера вечером, перед самым моим отъездом сюда, Меркулов доложил, что в вашем лагере случился пожар, сгорела опытная силовая установка для подводных лодок, погиб человек. Разберитесь в кратчайшие сроки! Думаю, вам не надо напоминать, что закладка лодок запланирована на март месяц следующего года?

— И вам, товарищи, доброе утро, — хмуро брякнул я, глядя на Берию и стоящего за ним, улыбающегося Кирова, после чего убрал оружие. — Как вы так быстро здесь оказались-то? Шесть часов утра!

— На поезде, товарищ Любимов, на поезде! А вам надо на самолёт! И как можно скорее! Рапорт по вчерашнему случаю напишете и немедленно отправляйтесь! — продолжал наседать на меня Лаврентий Павлович.

— А здесь всё бросить? Ну, уж нет! Я что, зря приезжал? В Москве всё равно уже ничего не поправить, а здесь серия под угрозой! Я, кстати, к вам, товарищ Киров, с этим вопросом и шёл вчера!

— А в чём дело-то? Завод вам выделили. Какие могут быть проблемы? — нахмурился Киров.

Я коротко изложил суть моих затруднений и был неприятно удивлён той легкомысленностью, с которой к ним отнёсся секретарь обкома.

— Всего-то? — усмехнулся он. — Собирайтесь, заедем с вами на "Русский дизель", на 174-й завод, а потом вас отвезут сразу на аэродром.

К моему удивлению, всё произошло именно так, как говорил Сергей Миронович. Ему стоило только дважды произнести зажигательные речи о том, как космические корабли бороздят просторы вселенной, в смысле, пролетариат всего мира с надеждой смотрит на СССР, которому срочно необходимы новые мощные моторы, как трудовые коллективы обоих заводов добровольно взяли на себя обязательства освоить в серии моторы 13-16 досрочно. Рабочие Кирова любили. Мне даже стало как-то неудобно и я спросил секретаря обкома.

— А деньги как же?

— А что деньги? Их при коммунизме вообще не будет! — подмигнул мне Сергей Миронович. — Поговорю с Серго, передадим задел на Коломзавод и всё. Никого не обидим. А ты думал, только крикни "даёшь", так сразу все и побежали? Нет, чтобы иметь авторитет в пролетарской

среде, необходимо о простом рабочем человеке заботиться. Тогда и люди горы свернут, если потребуется.

Кстати, я зря подозревал руководство и коллектив "Русского дизеля" в обычном нежелании что-то менять в налаженном серийном производстве. В ходе экстренного совещания, собранного тут же, главный инженер доложил, что по его предварительным расчётам завод способен выпускать порядка девятисот новых моторов ежегодно, независимо от конкретной модели. 13-16, 13-8 или 16-я серия с обычным топливным насосом – без разницы, ибо технология производства практически одна и та же. Кроме того, возможен выпуск вдвое большего количества комплектов деталей, таких как поршневые кольца и внешние шатуны, подлежащих замене при капремонте. Узкими же местами, лимитирующими выпуск дизелей, являлись коленчатые валы и топливная аппаратура, что было заранее ожидаемо.

Прикинув в уме цифры, я с удивлением пришёл к выводу, что-либо в штабе ВМФ сидят провидцы, либо я чего-то не знаю. Во всяком случае, программа строительства ста больших четырёхмоторных торпедных катеров, двухсот малых и пятидесяти подводных лодок типа "М", оказывается, имела реальную основу и могла быть выполнена по моторам за два года с учётом необходимости второго комплекта двигателей для поддержания полной боеготовности. Хотя, в случае с Балтфлотом этим можно было пренебречь, всё равно Финский залив замерзает и времени на ремонт более чем достаточно.

Эпизод 11

Завершив в форсированном режиме все свои ленинградские дела и удовлетворившись обещанием секретаря обкома проследить за организацией на "Русском дизеле" полноценного серийно-конструкторского бюро, которое возьмёт на себя всю нагрузку по серии, я едва успел на Комендантский аэродром. Кирову даже пришлось специально звонить туда и просить задержать рейс Ленинград-Москва-Харьков, который обслуживался АНТ-14. Этот самолёт, построенный, как писали газеты, всего в трёх экземплярах, первый из которых получил собственное имя "Правда" в честь центральной газеты и был зачислен в агитэскадрилью, побывавшую, наверное уже во всех уголках Союза ССР, был, по сути, пассажирским вариантом ТБ-3. Такая "родословная" определила и силовую установку аэроплана, в которой, вместо изначально предполагавшихся пяти 480-сильных М-22, применили четыре 700-сильных дизеля АЧ-130-8, как и на бомбардировщиках.

Это обстоятельство стоило мне полкило нервов, так как на подлёте к Москве характерный гул двухтактников был разорван натуральным выстрелом. Лайнер вздрогнул и его затрясло, но спустя секунд десять тряска прекратилась, а самолёт слегка качнуло влево. Как раз в ту сторону, где и находилось моё место. Не удержавшись от тревожного любопытства я выглянул в окно и увидел, что капот крайнего левого мотора буквально разворочен и дюралевые ошметки полоскаются по ветру, а деревянный винт этого двигателя лениво вращается только под напором встречного потока воздуха.

— Не беспокойтесь, — вышел в салон бортпроводник, — ничего страшного не произошло. Сломался один мотор, но у нас есть запас мощности и беспокоиться не стоит. Прошу занять всех свои места и не скапливаться на левом борту.

Свежо предание, да верится с трудом. Бледноватый вид стюарда только подтверждал опасения, что не всё то так радужно. Однако, пассажиры, которых, к счастью, было не слишком много, бурча, расселись по креслам. После этого проводник попросил занять свободные места правого борта, чтобы разгрузить аварийную левую часть самолёта. Прилегающие к крылу кресла он попросил освободить особо.

Как только с перемещением "грузов" было покончено, в салоне нарисовался бортмеханик, который сняв деревянные панели внутренней отделки у самого пола, принялся что-то откручивать ключом "на девятнадцать". Заинтересовавшись его действиями, я выглянул наружу ещё раз, чтобы понять, какие детали в конструкции самолёта экипаж посчитал на данный момент лишними.

Увиденное, надо сказать, меня не вдохновило. АНТ-14, по случаю зимнего времени, был переставлен на лыжи. И вот теперь, левая, обрубленная спереди, без носка, к которому крепилась расчалка, под действием встречного потока наклонилась вниз и повисла почти вертикально, став воздушным тормозом. Лететь в таком положении явно не просто, а сесть так и вовсе невозможно. Решение экипажа, вовсе избавиться от одной ноги шасси, начав с фюзеляжного подкоса, я внутренне полностью одобрил и попытался расслабиться, положившись на их профессионализм.

Глядя на себя со стороны, я удивился собственному отношению к складывающейся ситуации. Намечается натуральная авиакатастрофа, а мне всё равно! А что делать? Паниковать? Или предложить механику помочь? Да и остальные пассажиры, хоть и обсуждают между собой приключение, но ведут себя более-менее спокойно. Вот что значит отсутствие телевидения и вбитых в голову стереотипов. Вернее, стереотипы присутствуют, но совсем не те. Авиации всего-то двадцать-тридцать лет и аварии, скорее, считаются нормой. А раз самолёт летит, а не падает, то и вовсе всё хорошо.

А может, оно и к лучшему? Вот гробанусь сейчас, некому будет ставить на ход "Фрунзе". СССР сэкономит драгоценные ресурсы вместо того, чтобы вбухивать их в безнадежное и бесполезное дело. Сказано же, если хочешь разорить развивающуюся страну - подари ей крейсер. Надо бы этот афоризм запомнить, чтобы сказать в нужный момент кому надо "наверху".

Пока я был занят своими мыслями, механик, закончив свои дела в салоне, отчего самолёт стало потряхивать, видимо освобождённая нога шасси стала болтаться под действием потока, слезил с крыло и, повозившись там минут десять с гайками, ножовкой и зубилом, избавил АНТ-14 от одной "лапы". Лайнер вильнул в сторону, приподняв левое крыло, но выправился и встал в вираж в сторону аварийного двигателя. Время шло, а мы продолжали кружить, вырабатывая топливо.

— Долго нам ещё так вертеться? — тихо спросил я проходящего мимо проводника.

— Ещё часа четыре. Мы в Харьков без дозаправки в Москве летаем. А может и больше, моторов-то меньше на один стало.

— Тогда я посплю, — ответил я, опять удивившись своей беспечности.

— Одеяло принести?

В ответ я утвердительно кивнул и стал устраиваться поудобнее.

Эпизод 12

Садилась мы уже в сумерках. Когда самолёт стал снижаться, я замандражировал, как и перед любым опасным предприятием, на исход которого я никак повлиять не мог. Но мои опасения оказались напрасными, пробежав большую часть лётного поля на одной лыже, в конце АНТ-14 мягко лёг на крыло, чуть развернулся и встал. Пассажиров пригласили на выход. Всё бы хорошо, но уже первые вышедшие на лёгкий мороз, стали возмущаться, почему их не посадили на Центральный аэродром. Наверное, москвичи, или уже летали этим маршрутом.

— А где это мы? — задал я волнующий всех вопрос, глядя на собравшихся вокруг самолёта людей, машины, в том числе "скорые" и "пожарную".

— Аэродром Раменское. Товарищи, не переживайте, тут недалеко железнодорожная платформа, откуда поездом можно добраться до города.

— Тьфу, блин, завезли! — плюнул я в сердцах себе под ноги.

— Как всегда шумишь, Семён Петрович? — похлопала сади по плечу чья-то рука, а смутно знакомый голос заявил. — Радоваться должен, что всё обошлось!

— Андрей Николаевич! Какими судьбами? — обернувшись я увидел прямо перед собой Туполева.

— О, узнал! А я думал, в этой шубе меня от медведя не отличить! А я, брат, тебя сразу заметил! Смотрю — меч, значит, товарищ Любимов! Больше таких оригиналов в СССР не водится! — балагурил Туполев, видимо маскируя истинные чувства, глаза его были грустными. — А мы тут с Александром Александровичем за пробежками СБ приехали понаблюдать. Знакомьтесь товарищи! Товарищ Архангельский, товарищ Любимов. А тут радио! Авария АНТ-14! Вот мы и остались посмотреть, в чём дело. А то что вас на Центральном не посадили... Сам посуди, что бы было если вы у всех на глазах гробанулись? Пойдём, глянем, ты же по моторам дока, а до Чаромского теперь далеко.

Смотреть было, в общем-то, не на что. Суть происшествия была ясна с первого взгляда. Нижний правый поршень АЧ-130-4, оборвав внешние шатуны, вылетел из цилиндра как из пушки и, пробив лёгкий дюралевый капот, повредил лыжу, которая теперь валялась где-то на маршруте.

— Опять двигателисты виноваты! Все беды от вас! Такой самолёт чуть не угробили! — разошёлся Туполев не на шутку, выдав свои переживания. "Правда" была, что ни говори, его любимым детищем, а "Максим Горький" Туполева в этом мире не состоялся, это имя было уже присвоено пассажирскому варианту малосерийного бомбардировщика Калинина К-7.

— Товарищ Туполев, ты не прав. Нет, конечно, авария произошла из-за мотора, но вот в причинах надо разбираться. К тому же это АЧ-130-4, боевой двигатель с небольшим ресурсом, а вы его на пассажирский самолёт, — не дал я тружеников своего "цеха" в обиду. — Где бортмеханик? Сколько моточасов отработал этот мотор?

Летун, задвинутый в задние ряды высоким начальством, вышел вперёд и, помявшись, выдал такое, что у меня чуть ноги не подкосились от осознания риска, которому я подвергся во время перелёта.

— Перед вылетом было четыреста тридцать два, да три часа до аварии летели. А что? Вон, соседний мотор четыреста пятьдесят часов, а не ломается!

— Вы с ума сошли!? — я аж чуть не подпрыгнул от злости. — У этих движков ресурс сто пятьдесят! Вы его втрое уже превысили! Тут удивляться надо, что раньше аварий не было! Вы ж людей возите!

— Так это на полной мощности сто пятьдесят, а здесь она только на взлёте используется, — вступился Туполев за аэрофлотовцев.

— А за моторами мы следим, после каждого рейса полный осмотр и обслуживание. Что

износилось - сразу меняем, — насутился бортмеханик. — Перед вылетом никаких замечаний по мотору не было!

— Короче, понятно. Буду ездить поездом или летать "девятками", на них гражданские моторы хоть стоят. Неужели не понятно, что раз указан гарантированный ресурс, то после его выработки мотор надо менять, а не гонять до тех пор пока не сломается! Есть же предел прочности, микротрещины образуются, которые простым глазом не углядишь, а потом шатуны обрывает. И вы ещё говорите, что двигателисты во всём виноваты! А сами военные моторы на пассажирские самолёты ставите и гоняете их пока не посыпятся! — возмущению моему не было предела.

— Ну да, ну да, — ввязался в спор Туполев, — а где они, гражданские моторы нужной мощности? Нет их! Вы даже то, что обещаете, выполнить не можете! Одно и то же по десять раз из-за вас переделывать приходится! Алксниса сняли, слышал? А знаешь за что? А за то, что три четверти всех ТБ-3 выше трёх с половиной километров летать не могут! Обещали движки с двухскоростным нагнетателем, а валом гнали с односкоростным! Две скорости, видите ли, сложно и брака много! А с СБ история? Мы на самолёт уже четыре разных мотора ставили! "Райт" отняли для истребителей. Ладно, всё равно "Испано" лучше. АЧ-100-8 был хорош, но тоже отняли. Теперь вся надежда вот, на АМД-37.

— Не знаю, о чём говоришь, товарищ Туполев, — холодно отмёл я обвинения, по крайней мере, в свой адрес.

— А... — Андрей Николаевич махнул рукой, — не о тебе речь. Саша Микулин перемудрил. Хотел Чаромского обставить, да не рассчитал. Вознамерился свой АМД-35 и легче и дешевле и мощнее, чем АЧ сделать, а в итоге вышла хлипкая конструкция. Про 36-й и говорить нечего. А у Чаромского харьковские моторы вышли более-менее надёжными. Пришлось выкручиваться, пытаться гонку заново начать, на трёхходовой насос кивая. С Алексея Дмитриевича всё как с гуся вода. Что ему стоит 12-цилиндровый мотор изваять, 8-ми и 16-цилиндровые имея? А Микулин ошибки учёл, конструкцию усилил и 6-цилиндровый рядный чемодан АМД-37 выдал. В итоге имеем два авиадизеля с практически одинаковым "лбом", у АЧ гондола диаметром около метра с небольшими уплощениями по бокам, а у АМД шириной шестьдесят и высотой метр сорок. У АЧ мощность 960, у АМД 980. Высотность тоже одинаковая, до пяти на первой передаче нагнетателя и до девяти на второй, но ещё на полкилометра можно за счёт динамического наддува поднять, испытания СБ покажут. Мы самолёт под АЧ делали, но этот мотор приспособлен для установки вооружения в развале верхних блоков, а микулинский чемодан - нет. Вот и забрали АЧ на истребители, а нам всё переделывать, включая шасси.

— Это что, наша тактическая авиация на дизеля пересаживается? — ухватил я главное, пропустив мимо ушей мышиную возню за первенство.

— А ты бы хотел? — усмехнулся Туполев. — Хотеть не вредно. Дизеля получают только истребители сопровождения дальних бомбардировщиков и морская авиация. Сухопутчики на карбюраторных М-25 и М-100 летать будут, им большая дальность не нужна, а топливные насосы - дефицит.

— Ну, хоть так.

— На новый морской бомбардировщик взглянуть не хочешь? Здесь недалеко, вон ангар стоит, — пригласил меня Андрей Николаевич. — Сегодня пробежки нормально прошли, думаем завтра, если погода будет, в воздух поднять.

От таких предложений я не отказываюсь. Пока мы шли до ангара, я обратил внимание на стоящий под брезентом, несуразный из-за короткого носа, самолёт, размахом крыльев не уступавший "Правде".

— Это что ещё такое?

— Это? Это РД, просто с него двигатель демонтировали. Будем на АМД-37 с ВИШ менять, а с ним, чем чёрт не шутит, может, в Америку без посадки махнём. С 35-м опасно было на такое предприятие идти, а теперь будем пробовать.

Осмотрев новенький СБ, я засыпал Туполева вопросами.

— Пикирующий? А дальность? А бомбовая нагрузка? Торпеду поднимет? А шасси не коротковато, хвост торпеды землю не заденет при взлёте?

— Вот пристал! — осерчал Туполев, уже жалея, что решил похвалиться. — Александр Александрович, ты ведущий конструктор, вот и будь добр, отвечай.

Архангельский, был доброжелателен, но очень краток. Самолёт новый и пока главное - достичь на нём максимально возможной скорости, остальное потом. Прочность конструкции допускает бомбометание с пикирования. Нагрузка - тонна. Торпеду пока не планируют подвешивать, ввиду отсутствия этих самых боеприпасов. Когда моряки соизволят дать изделие или хотя бы массогабариты, тогда и примеривать будут.

— Знаете, я на вашем месте размещение экипажа изменил бы, — сказал я обходя вокруг самолёта, припоминая легендарный Пе-2. — Штурмана-бомбардира надо посадить спиной к лётчику, пусть он обслуживает верхнюю оборонительную точку, а стрелок только нижнюю.

— Глупости, — не согласился Туполев. — У штурмана в полёте и так дел полно, ещё за небом смотреть. А бомбардировщик у нас скоростной, сейчас и истребителей-то таких нет, которые его догнать могут. Если атаки и будут, то только сверху-сзади, разгоняя истребитель в пикировании. Нижняя точка, считай, не нужна. Так, на всякий случай.

— Сейчас, может, нет. А через пару лет появятся. Что тогда?

— Тогда у нас ещё более скоростные бомбардировщики появятся! Что за вопросы?

— Ну, как знаешь.

Может, и не прислушается ко мне Туполев, но есть у меня средство, как на него надавить. Никто Андрея Николаевича за язык не тянул, когда он говорил, что дизельные бомбардировщики предназначаются для моряков. Ещё один повод, чтобы переговорить с глазу на глаз с наркомом ВМФ, флагманом флота первого ранга товарищем Кожановым. А с АНТ хоть шерсти клоч, организовал доставку моей персоны домой, в качестве компенсации переживаний, испытанных в полёте на АНТ-14, и ладно.

Эпизод 13

— Давненько мы так не прогуливались, — сказал нарком ВМФ Кожанов, поглядывая на возвышающуюся по правую руку Кремлёвскую стену. — Что на этот раз? Надеюсь, Советская власть вне опасности?

Да, давно. Полгода как. Вместо жары и пыли мороз и снег. И всё совсем наоборот. Тогда под

угрозой был я, а сейчас тучи сгущаются над наркоматом ВМФ. Пора бы отдать должок.

— Смех смехом, товарищ флагман первого ранга, а обсудить наедине есть чего. В ваших же интересах, — не поддержал я шутливого тона.

— Ну, давай, выкладывай, конспиратор, что там стряслось.

Я рассказал о ситуации с "Электросилой". К моему удивлению, Иван Кузьмич отнёсся к сообщению весьма спокойно.

— Да? — переспросил он и, сделав несколько шагов по свежему снегу, сказал. — Может оно и к лучшему.

— Конечно к лучшему! Перестройку "Фрунзе" надо отменить! А средства направить на малый флот!

— Не твоего ума, прости, это дело. Да и не моего уже. Людей надо учить и обкатывать, а как это делать, если "Парижанку" и "Октябрину" с "Маратом" в океан не выпустишь? А топливо они кушают как вся Украина. Учебный линкор нам нужен. А ещё он нужен ЦК, вопрос престижа СССР. Так-то! К тому же, работы уже начаты. Сейчас демонтируют котлотурбинную установку, срезают надстройки и переустанавливают башни.

— Значит мне триндец. Надо форсировать работы по "бочонку", а у меня там конь не валялся. Да и вам придётся перестройку останавливать. Новая силовая - новый проект. Как бы наши головы не полетели.

— Нам-то что за беда? Я заказ сделал, Орджоникидзе его принял. Не выполнит - с него спрос. Тебе тоже заказ выдан определённый и ты его исполнишь. Беспокоиться не о чем.

— Как это не о чем? Формально да, мы ни при чём. Но средства будут истрачены, а корабля не получим!

— И виноват в этом будет Серго! — завершил мою мысль по-своему Иван Кузьмич.

— Что-то я вас, товарищ флагман флота первого ранга не пойму, — такое отношение к делу меня зацепило за живое. У нас нет ни лишнего времени, ни лишних ресурсов, а тут целый линкор, хотя бы не как корабль, а "в эквиваленте" денег, металла, труда людей, намереваются просто профукать. — Вы что же, решили наркома тяжёлой промышленности подсадить? И ради этого похерить труды целого завода в течение года-двух? Не считая смежников, к которым и я отношусь.

— А что тут такого? Ума вложить никогда не поздно. А то, что именно "Фрунзе" для этого подвернулся - случайность, — снисходительно улыбнулся мне Кожанов. — В сентябре на ципках бегали вокруг меня. Как же! Давайте поднимем флот на должную высоту! Даёшь пятнадцать линкоров за третью пятилетку! Три месяца прошло и всё на круги своя вернулось! Задвинули на заднюю полку, как будто, так и надо! Орджоникидзе, пакостник, даже не извещил!

— Знаешь, Иван Кузьмич, в каком там вы порядке будете на мавзолее стоять - меня мало волнует! Я сюда пришёл не для того, чтобы интриги затевать! — раздражению моему не было предела. Только в подковёрной возне мне не хватало поучаствовать! — Если мы в эту сторону уклонимся, так я пошёл своими делами заниматься. НКВД, точнее Берия, несёт ответственность за машины "Фрунзе" и он уже в курсе складывающейся ситуации. Будешь

страуса изображать - будешь иметь бледный вид. Точно так же, как и нарком тяжёлого машиностроения.

— Хорошо, будем считать, что ты меня поставил в известность, хотя и не должен был, — холодно согласился со мной Кожанов. — У тебя всё?

— Что "всё"!? — тут я вышел из себя. — Что мне делать-то?! Вы ж меня подставили! Был мизерный шанс успеть с "бочонком" если бы с самого начала занялись им вплотную. А сейчас из-за вашей "дезы" и этого нет! Силы брошены на обычные движки!

— Это какой "бочонок"? Десятитысячник? — уточнил нарком. — Его всё равно мало будет. "Фрунзе" необходимо гораздо больше, чтобы иметь скорость на уровне 24-25 узлов и выше. Чтоб не меньше, чем у английских линкоров.

— Что за бред? Вы что, прямо на ходу желаемые ТТХ из пальца высасываете? У англичан, между прочим, кроме линкоров ещё и линейные крейсера есть, которым ваш шедевр на один зуб! Как вы представляете себе "гораздо больше"? Это всё равно получается не меньше двух моторов на вал! С электрикой не срослось, а таких механических передач никто в мире не делает, это фантастика!

— Немцы сделали. Это раз. Корпус "Фрунзе" быстрее не разогнать, какие машины ни ставь, но нам нужна максимально высокая скорость. Это два. Я не инженер-кораблестроитель, а командующий флотом, в технические тонкости вникать не обязан. Решать вопросы будешь с ответственными за это дело товарищами.

— Красиво, нечего сказать! Я не разбираюсь, но дайте мне такую игрушку и не... в общем, всё равно, как вы это сделаете! Потому как уже заплачено! Так, что ли? Будённый, между прочим, в лошадях разбираться не гнушается. Может лучше заняться тем, в чём командующий Красным Флотом хоть что-то понимает? Морской пехотой, например? Танковые роты в штат батальонов ввели, а высаживать их как? Со шлюпок? Давайте уже о десантных баржах, желательно быстроходных, думать, а не об бесполезных утюгах! Им-то работа в войне всегда найдётся. И по прямому назначению и как канлодкам, минзагам. Да мало ли чего! Надо развивать то, в чём мы понимаем, наши сильные стороны! После Мировой войны сколько мин вытралили? А как у нас сейчас с этим делом? Тральщики есть?

— Знаешь, товарищ Любимов, выслушиваю от тебя всё это только потому, что на больных не обижаются, — вот тут и сам Иван Кузьмич не выдержал и, сбросив показное равнодушие, стал сердиться. — Занимайся своим делом, а в чужие не лезь! Что у тебя там по подлодкам? Будут моторы в срок? Причину пожара установили?

Не в бровь, а в глаз! Пожалуй, я действительно перебрал.

— Комиссия решила, что произошёл взрыв гремучего газа из-за выделения водорода из аккумуляторной батареи. Как раз определяли минимальное время зарядки на "стопе" и оба дизеля работали на генераторы на полную мощность. Тут и полыхнуло. Хорошо, что аккумуляторы в отдельном срубе были установлены и внутри в тот момент был только один человек. Вся экспериментальная установка утрачена, но её быстро восстановим. Хорошо, что весь лагерь не сгорел, еле отстояли. Электрики советуют увеличить ёмкость аккумуляторной батареи не менее, чем в двое, и продумать вентиляцию, так как устранить выделение водорода из батареи они не могут.

— Выговаривать он мне тут будет! А мне что теперь делать? Подлодки будут заложены в Сормово в марте, проект переделывать поздно, а принимать в состав флота лодки с такими

дефектами нельзя!

— Может, запретить форсированную зарядку? Или, на крайний случай, оставить только один генератор, а на место второго дополнительные аккумуляторы поставить? — спросил я растерянно.

— Горе луковое, — с сожалением отмахнулся от меня нарком. — Смысл был в чём? В дублировании!

— Ну, не знаю...

— Не знает он. Зенитные установки где?

— А вот здесь, Иван Кузьмич, промахнулся. Дизель-гатлинг нам не прислали. На запрос ответили, что автомат переделывают под новый боеприпас. Так что моей вины в том нет.

— Чёрт знает что! — выругался нарком. — От тебя, товарищ Любимов одни неприятности.

— Положим, не от меня. Просто так выходит, что мне выпадает о них сообщать. Видимо, подчинённые не спешат расстраивать высокое начальство.

— Разберёмся.

— Разберитесь уж. Два года, без малого, резину тянем. За это время можно было бы и обычные зенитные автоматы до ума довести.

— А... — Кожанов махнул рукой, — с ними вообще не понятно, что происходит. Завод подтянули, как могли, качества добились. Всё по уму, а пушки всё равно, то работают, то нет. С конструкцией что-то не то. А тут ещё новый патрон. Инженеры разбираются. Хорошо хоть, после того, как Ленинградские КБ переключили на флот, по остальной артиллерии дела пошли. Выходим на уровень ведущих морских держав! Унивесалки среднего калибра в 100 и 130 миллиметров уже на подходе, через год-два валом будем выпускать. А кое-где и впереди мы уже. Новый наш крейсер будет иметь самый мощный главный калибр в классе! Девять стволов в 180 миллиметров! Вес залпа вдвое больше, чем у одноклассников!

— Это тот, у которого три ствола в башне и все в одной люльке по-итальянски? — переспросил я, припомнив первую серию советских крейсеров.

— А ты откуда знаешь? — насторожился нарком ВМФ.

— Догадался. Итальянцам лицензию на мой мотор явно не за красивые глаза передали, — спохватившись, я начал врать, на ходу придумывая объяснение своей осведомлённости. — Девять 180-миллиметровок в лёгкий крейсер не впихнуть, если только не применить "фишку" с единой люлькой. Правда, "Марина" больше двух пушек в башню не ставит. Но мы же настоящие большевики! Знаете, товарищ флагман флота первого ранга, такое обезьянничание может и позволяет иметь вдвое больший залп, но страдают скорострельность, из-за калибра, и точность, из-за близости траекторий. К тому же исключается рассеивание залпа башни по дальности, а это проблемы с пристрелкой. В результате сильный "на бумаге" крейсер в реальном бою может наполучать от заведомо более слабого, опять-таки, "на бумаге" противника.

— Прах тебя раздери, Любимов! Самый умный? Думаешь, в советском ВМФ артиллеристов нет? Этот вопрос обсуждался и решение принято! — взорвался Иван Кузьмич.

— А я чего? Я ничего! — развёл я в ответ руками. — Но мой вам совет. Вы же серию крейсеров наметили? Вот подготовьте резервный вариант, чтобы в случае чего, после испытаний головного корабля, выправить положение.

— Смысла нет, — буркнул задумавшийся нарком. — По первоначальному проекту два ствола было, как ты хочешь. Но тоже оба в одной люльке. Добавив ствол, мы увеличили залп, имея все те же ограничения, которые были. И мы это хорошо осознаём. Не надо нас учить.

— Ну, ну. Однако время у вас на разработку нормальной двухорудийной 180-миллиметровой башни, или каких-либо других вариантов вооружения, ещё есть.

— Настаиваешь? Знаешь, товарищ Любимов, тебе чего ни скажи - на всё своя особая точка зрения. И говоришь, вроде, по делу, верю я тебе. Но давай посмотрим, что у нас в итоге получается. Вот перестали мы туполевские глиссера строить, а взамен что? Два года без катеров? Только-только новую серию запустили. А могли бы, пусть на плохих, но настоящих катерах людей учить. С зенитками, торпедами, теперь ещё и с подлодками то же самое - много разговоров, суеты и мало дела. И так во всех делах, куда ты свой нос суешь.

— Так, значит? — слова наркома задели меня за живое. — А если чуть шире посмотреть? Флот не получил несколько десятков катеров за два года? А то, что дюраль в гражданскую авиацию ушёл и теперь мы имеем материальную основу для корпуса морской пехоты, пускай до него ещё далеко, который можно быстро перебросить на решающий ТВД? А то, что мы можем содержать и вооружать те батальоны МП, которые уже имеем? Не за счёт ли личного состава и средств, которые флот сэкономил на катерах? И ты, Иван Кузьмич, прекрасно понимаешь, что новые катера, которые поступят на флот уже в 35-м году - реальная боевая сила, в отличие от глиссеров. Лучше уж двумя-тремя годами позже, но реальные боевые единицы, чем сразу барахло. Не знаю, что у тебя там с торпедами не ладится, но после того, как я туда свой нос сунул, упал процент брака. Без меня и того не имел бы, что сейчас имеешь. Зенитные автоматы я видел собственными глазами, могли бы принять их так, как есть. А с подлодками ситуация тоже на благо. В следующих проектах ёмкость аккумуляторной батареи придётся увеличить, фактически вчетверо против первоначальной "М" с "Зульцером". Значит и время пребывания под водой возрастёт, что для малых прибрежных лодок очень важно. И с башнями крейсеров, поверь мне, так же будет! Если им, конечно, не только по берегу стрелять придётся. Я тебе больше скажу! Вы ведь наверняка не одни башни купили, а проект крейсера целиком?

— Ну, положим. Ты это к чему? — насторожился нарком.

— И не только крейсера, но и эсминца?

— Мало, очень мало я о тебе, как вижу, знаю, — мрачно констатировал факт Кожанов. — Скажешь, что догадался? Не верю. Нечестно это, товарищ Любимов. Я к тебе со всей душой, а ты? Откуда-то ты информацию получаешь. Не по рангу. И у Сталина бываешь чаще любого другого конструктора. И совсем не по инженерным делам. Ты вообще чей?

— Свой, свой собственный. И заметь, Иван Кузьмич, плохого я тебе никогда не советовал и, тем более, не желал, — немного помолчав, я вернулся к техническим проблемам. — Итальянцы свои корабли для Средиземного моря строят. Такие для Чёрного моря и для Балтики подойдут. Но не для Севера и Тихого океана. Тут уже совсем другая прочность и мореходность нужна. Советские эсминцы обязаны выдержать любой шторм. Итальянские корпуса слабоваты, учти. И расположение котлотурбинной установки надо сразу поменять на эшелонное. Чтобы с затоплением одного отсека корабль не лишался хода. Или это всё равно будет сделано потом. Тем, кто придёт на твоё место.

— Даже так? И через меня перешагнёшь? — в голосе наркома прозвучало не только искреннее удивление, но и обида.

— Да при чём здесь я? Про Алксниса слышал?

— Там совсем другое дело! Он по известным тебе материалам проходил!

— Проходил, не проходил, а взяли его за то, что напрямую с политикой не связано. Прецедент, так сказать, создан. При Ягоде военных сажали за происхождение, при Ежове формально за политику, а фактически вообще по первому доносу дело раскручивали. Новый же нарком хитёр, обрабатывает "материалы", но не спеша, не вызывая подозрений в общем провале, выискивая другие причины. И если он эти самые "другие причины" в твоём хозяйстве, Иван Кузьмич, найдёт, придётся тебе сухари сушить.

— Ерунда какая-то... Флот с нуля строим, ясное дело, что не всё гладко будет. Шишек ещё набьём не одну и не две. Но чтобы за это командующих снимать? Кадров не напасёшься...

— Молодым везде у нас дорога, Иван Кузьмич, — процитировал я строку известной песни и, чуть погодя, после взятой на раздумья паузы, предложил. — Хочешь, набросаю тебе перечень направлений по которым могу дать дельные советы? Не детальные, конечно, а так, на познавательном уровне. Ты ознакомишь меня по ним с текущим состоянием дел и сразу будет понятно, в каком направлении следует идти.

— Вообще-то, подозреваю, у тебя ко всем гостайнам допуска нет. И если я тебя проинформирую, получится, что разглашу. Лошадка ты, вижу, тёмная.

— Сомневаться и выбирать, Иван Кузьмич — твоё право. Хочешь — молчи и рискуй. Хочешь — шепни по-тихому. Хочешь — оформляй официальный допуск. Но предупреждаю, для меня это только лишняя морока, я по морской пехоте до сих пор твоим отписываюсь. Хотя, конечно, дела можно провернуть хорошие, нужные и всем полезные. Вот и пришли, — сказал я останавливаясь возле своей машины. — Бывай, товарищ нарком! Подумай крепко обо всём, о чём говорили.

— И ты бывай, товарищ конструктор, жди приглашения в межведомственную комиссию по "Фрунзе" и постарайся выполнить всё, что должен.

Эпизод 14

Вся вторая половина декабря 1934 года и начало января следующего 1935 года прошли в бесконечных заседаниях комиссии с участием представителей Госплана, ГУ морского судостроения НКТП, моряков и нас, чекистов-инженеров. Точнее говоря, инженера и начальника отдела техники, так как компанию мне составил Меркулов. В СССР наступил Новый Год, а мы всё никак не могли согласовать силовую установку линкора.

Рассматривались различные варианты двигателей и трансмиссий, в том числе, чисто механических. Последнее навело меня на мысль об арочных эвольвентных зубчатых передачах, которые были по опыту 21-го века легче, прочнее и тише шевронных. Я подал заявку на авторское свидетельство, но была одна маленькая трудность, за разрешением которой я обратился к своему непосредственному начальнику. Дело в том, что подобные передачи, известные с 50-х годов двадцатого века, никто не мог долгое время изготовить просто и дёшево. Ситуация разрешилась только с применением станков ЧПУ. В общем, ситуация: знаю, что хочу, но как сделать — не знаю.

— А я тебе чем могу помочь? — искренне изумился Меркулов. — Что ты мне эти шестерёнки суёшь, если их сделать нельзя?

— Не совсем так. Можно их делать. И массово. На токарном оборудовании. Но как именно — ума не приложу. У вас же, товарищ майор госбезопасности, и таланты и стимулы найдутся.

— Кстати, если тебе это интересно, станки, которые зарезервированы за патронной промышленностью, предназначены для обточки стальных сердечников, — молча согласившись со мной и приняв бумаги с чертежами зубчатых колёс, как бы между прочим, сказал Меркулов. Я от возмущения чуть на месте не подпрыгнул. Не сказал в ответ ничего, но на следующий день отправил заявку на авторское свидетельство на метод поперечно-винтовой прокатки сердечников пуль и после этого опять обратился к Меркулову.

— Опять сделай так, не знаю как? — возмутился майор. — Ладно один раз! Ты что, хочешь мне всю работу завалить? Или, может, у меня целая академия в загашнике? Я первую-то твою задачку не знаю, кому поручить, а ты уже вторую суёшь!

— Да тут всё элементарно. Но ковыряться с этим просто некогда! Зато, когда это внедрим, получим стальные сердечники для пуль отличного качества в огромных количествах. А токарное оборудование высвободим для обработки плунжерных пар. И выпустим больше моторов. А точить сердечники пуль, по сути — расходный материал, вручную — дурость. Это ж сколько станков и квалифицированных токарей там без толку зависло?

— Хочешь знать? Не так уж и много. У нас в ЭКУ дело в работе. Ковыряются с 29-го года, а пуль со стальным сердечником, кроме бронебойных, которых кот наплакал, в РККА как не было так и нет. Опыты, исследования, эксперименты, кучу средств израсходовали, а воз и ныне там. И кто-то за это ответит, — поделился Меркулов.

— Товарищ майор госбезопасности, вам сказка про мужика, убравшего камень с дороги, известна? — начал я издали. — Тягали-тягали тот камень толпой и ничего поделывать не смогли, а мужик пришёл и в яму его в одно лицо зарыл. Вот так и тут. Наточить на всю Красную Армию — циклопический труд. А сделать так, чтобы всё было абсолютно одинаковым по весу и размеру, пожалуй, только автоматика способна. То есть камень нужно было трактором тащить. Или зарыть. Вот я тебе лопату и принёс. А дело закрывайте, за консерватизм не судят. Нет таких статей.

На этом мои потуги на ниве изобретательства закончились, всё время уходило на бесконечные заседания по линкору, на которых всяк норовил переложить самую гиблущую работу на других. Я, как мог, отбрыкивался от использования "десятитысячников", которые не мог дать в разумные сроки, следовательно, остался бы виноватым. Всё, что я мог твёрдо обещать — моторы в четыре тысячи сил. Но их, чтобы удовлетворить запросы НК ВМФ, пришлось планировать по четыре на вал! Проектировать такую трансмиссию для неререверсивных движков я категорически отказался, переведя стрелки на судостроительные заводы, которые должны были иметь опыт создания турбозубчатых агрегатов.

Инженеры и руководство ГУ морского судостроения, в свою очередь, осознавая разницу между турбинным и дизельным редуктором в плане обеспечения заднего хода, давили на Госплан, убеждая изыскать резервы и строить электроход. Представители же наркомата ВМФ нервничали и давили сразу на всех. И их можно было понять. Работы на "Фрунзе" шли, а окончательного проекта всё не было. Близок был тот момент, когда всё лишнее из корпуса будет удалено и встанут во весь рост один за другим два вопроса. "Что дальше?" и "Кто виноват?".

Именно в ведомстве Кожанова родилась идея, оказавшаяся минимально приемлемой для всех. В один прекрасный момент моряки представили отчёт об испытаниях дизеля 13-16, оснащённого гидроредуктором, изготовленным в Ленинграде заводом "Судомех" для верфи погранохраны НКВД, где строились катера МО. О таком решении проблемы малошумности катера-охотника я с наркомом ВМФ говорил ещё весной или в начале лета, но к работам мы не приступали. Что ж, свято место пусто не бывает.

В отчёте было сказано, что хотя редуктор получился без масла даже немного легче механического, который устанавливался на торпедные катера, не требовал глушить двигатель для переключения направления вращения гребного вала и полностью оправдал ожидания в отношении шумности, особенно на малых оборотах. В плюс ему шла простота устройства, которое включало в себя гидронасос дизеля и две закреплённые на гребном валу гидротурбины переднего и заднего хода. В минусе была потеря мощности на перекачивание масла, которая составляла до пяти процентов мощности дизеля. Особо было сказано о комплексных установках нескольких двигателей, работающих на один вал.

ГУ морского судостроения было вынуждено согласиться, что литьё бронзовых колёс центробежных насосов и турбин в принципе не сложнее изготовления гребных винтов, и уж куда проще шевронных шестерён механических редукторов. Моряки смирились с некоторой потерей мощности единичного двигателя. Компенсировать её увеличением числа моторов. Сначала речь шла о четырёх 16-16, скомпонованных на минимальном расстоянии от турбин параллельно гребному валу. В этом случае общая мощность на валу, с учётом вероятных потерь, могла составить четырнадцать с половиной тысяч лошадиных сил. Представители НК ВМФ признали это недостаточным, потребовав ввести пятый мотор, устанавливаемый с торца гребного вала и довести мощность на валу до восемнадцати тысяч. На этом и остановились окончательно в самый канун Рождества, но я попросил зафиксировать моё особое мнение, что подобную силовую установку необходимо всесторонне испытать на опытном судне, прежде, чем ставить на линкор.

Приехав под конец рабочего дня к себе в КБ, которое уже почти два месяца работало фактически самостоятельно, без моего бдительного присмотра, я вознамерился было устроить "начальственный набег" на отделы, чтобы своими глазами посмотреть истинное текущее положение дел, а не отчёты начальников. Но человек предполагает, а выходит всё совсем по-другому, раздался телефонный звонок и Киреев, через конвойного, попросился на приём.

— На ловца и зверь, Василий Васильевич, — приветствовал я начальника отдела, работавшего по "бочонку". — Если что-то важное, можем здесь поговорить. Но если не очень, то пойдём к вам в отдел, обсудим по дороге.

— Хм, гражданин начальник, — замялся конструктор. — Четыре дня не мог вас застать. Так что, получается, подарок аккурат к Рождеству.

— Ты это о чём? — от такого резкого изменения темы разговора я несколько растерялся и, по своему, отшутился, заставив задуматься уже Киреева. — Я мзды не беру, мне за державу обидно.

— Так я не о том... То есть подарок имеется... Тьфу! Как сказать? Всей державе подарок то есть!

— Ну, раз так, веди, показывай, — слова старого инженера меня не на шутку заинтриговали.

— На завод идти надо. Пока мои все ещё там.

Чтобы не терять времени даром, на МССЗ мы выехали на моей машине и уже через десять минут, миновав проходную подъехали к примыкавшей к механическому цеху лаборатории. Войдя внутрь, сопровождаемый Киреевым, я обнаружил прямо посреди помещения блестящую некрашеным металлом бочку и стоящих вокруг неё зеков-инженеров.

— Неужели? Он самый!? А что ж вы там в лагере у себя в отделе собирали?

— Он самый! Мотор "КД"! — с нескрываемой гордостью ответил Василий Васильевич. — А в лагере тренировочный макет на основе "сотки", мы на нём отдельные элементы конструкции отработывали.

— А это? Неужто 130? — сказал я, глядя на диаметр двигателя, значительно превышавший полтора метра.

— Да. Так просто удобнее оказалось. Топливная аппаратура для 13-16 была уже готовая, коленвал, шатуны, поршни, помпы, компрессор тоже из неиспользованного задела по 13-8. Нам оставалось только сам каркас и главные шатуны с нуля изготовить. Такие дела. Зато шестнадцатилиндровая двойная звезда в минимальные сроки.

— И как? Работает? — спросил я о самом важном.

— Вхолостую запускали, а под нагрузкой пока нет. Завтра, с вашего разрешения, установим на стенд и будем испытывать. От результатов будем к КД-16-40 плясать.

— Ну, что ж, граждане инженеры, — обратился я ко всем присутствующим. — Начинается ночь под Рождество, время дарить подарки. Ваш мне понравился. Если такими же темпами будете работать по "десятитысячнику" и дадите рабочий дизель в минимально короткий срок, обещаю приложить все усилия, чтобы ваши дела были пересмотрены. Независимо от результатов пересмотра, ваша работа не останется вознаграждённой. Спасибо.

УК

Эпизод 1

Если считать, что новый год начинается не с первого января, а с какого-то заметного события, то 1935-й начал для меня свой отсчёт с двадцать второго числа своего первого месяца. Воспользовавшись тем, что Пётр Милов с семьёй перебрался в отдельную квартиру в Кожухово, получив её от ЦНИИМаш, куда его, после получения диплома, пригласили заведующим лабораторией электрогазосварки, я, прямо скажем, воровски залез в старый дом Полины подчистить тайники с разной мелочью вроде пластиковых карт, думая что там никого нет. Расчёт был верный, жена Акимова должна была быть на заводе, а малыши в детском саду. Но, мы предполагаем, а Господь располагает. Женщина оказалась дома и не одна, а в объятиях своего любимого супруга. Ввалился я, можно сказать, в самый пикантный момент.

Гневу моему не было предела. Арестант, отправленный на МССЗ, по факту, совершил побег, а его конвоир боец Сафонов сидит в полуподвале и решает задачки по физике! Налицо грубейшее нарушение социалистической законности и воинской дисциплины. Да что там УК с уставом! Они меня ни в грош не ставят!

Справедливости ради, следовало признать, что и моя вина в этой ситуации была. Ещё два месяца назад, после того, как на МССЗ доставили не инженера, а однофамильца из лагерной obsługi, приказал закрепить за каждым, кто работает "на выходе", персонального конвойного. Вот они и снюхались.

Короткий допрос выявил, что я не до конца представлял себе глубину задницы, в которую попал. Акимов получал от сотрудничества понятно что, а в замен подрабатывал у Сафонова репетитором, готовя того к поступлению в институт. Мотив понятен, призывали в последнее время в основном пролетариев, людей к железу равнодушных, а уж посмотрев, какие дела в моём КБ творятся, возжелал товарищ Сафонов быть инженером. Беда была в том, что образования было всего пять классов и дембель весной, времени на подготовку катастрофически не хватало, поэтому и был написан неделю назад рапорт на сверхсрочную. Помню, Косов, который, между прочим, должен был по негласному договору держать на контроле дисциплину, радовался. Двадцать три рапорта почти разом! А нужно от силы трое-пятеро. Можно привередничать и выбирать лучших! Залётчики, сами полностью раскаявшись, впрямую товарищей не выдали, но сложить два и два ничего не стоило. Это ж выходит, что в моём хозяйстве завёлся пушной зверёк! Косов, зараза, чем занимается?!

Если б свалившаяся на меня проблема имела меньшие масштабы, я бы, пожалуй, мог рубануть сгоряча и наломать дров, но не в этом случае. Шутка ли, я мог разом лишиться всех наиболее продуктивно работающих сотрудников КБ с неминуемым срывом работ по "Фрунзе". Этого одного было более чем достаточно, чтоб получить по совокупности всех прегрешений перед советской властью в целом и отдельными её высокопоставленными представителями в частности высшую меру социальной защиты. А тут ещё и массовый сговор охраны лагеря с заключёнными. Отобрав у конвойного патроны и штык, которые мне, в принципе, не угрожали, но единственно для обозначения моего недоверия, я, тем не менее, заставил его нести свою винтовку самостоятельно, чтоб случайные прохожие не могли подумать, будто у нас что-то неладно. По прибытии в лагерь я сразу за воротами КПП объявил Сафонову трое суток ареста "за уклонение от установленного маршрута". Что было чистой правдой.

Со старшим лейтенантом НКВД Косовым получился исключительно тяжёлый разговор. Вломившись в кабинет политрука, а именно на этой должности официально числился мой зам, ибо натурального заместителя мне по штату не полагалось, я застал его в состоянии, с моей точки зрения, ещё более постыдном, чем Женю Акимова. Весь его стол был завален черновиками, а толстая стопка переписанных набело листов лежала на краю, придавленная (о Боже!) табельным оружием. Сам старлей увлечённо марал очередную страницу.

— Was ist das?

Этим вопросом я удивил сам себя, чего уж говорить о моём заместителе, который автоматом начал отвечать: — Das ist...

— Вот ты и попался, шпиён немецкий! У-у-уу, контра! Донесение резиденту пишешь?! — ничего такого я заранее не планировал, но тут меня просто понесло от всех переживаний.

— Да ты что, Петрович! Вырвалось, вырвалось у меня! — как баба затараторил обычно уверенный в себе старлей. — При главке вечерний факультатив по немецкому языку организовали, там на уроках только шпрехать разрешается, вот и вылетело! А это не донесение вовсе а проект Уголовного кодекса!

— Та-а-ак... — протянул я, бегло глянув на лежащую сверху, страницу, прибрав заодно ствол. А пусть не разбрасывает! А то, что он себя сейчас не в своей тарелке чувствует, мне только на руку. Объяснений, в принципе, не требовалось. Судя по объёму готового чистовика, мой зам мучается законотворчеством с самой публикации для народного обсуждения проекта новой конституции в начале декабря. Картина маслом. Я выше крыши занят железом, мотаюсь по заводам-смежникам, среди которых первое место сейчас уверенно занимает Люберецкий электромеханический, политрук занят писаниной, командиры взводов ходят начкарами через

двое суток на трети с предшествующими подготовками к караулу и последующими выходными, в итоге личный состав предоставлен сам себе. С учётом всех обстоятельств, я, пожалуй, не прав. У меня, наоборот, всё благополучно! А ведь бойцы от упоения свободой могли бы какую-нибудь "Аврору" к Кремлю подкатить и жажнуть!

Это, как говорится, присказка, а вот потом началось. Рассказав Косову о случившемся, но умолчав о женщине, так как хотел разобраться с директором МССЗ Белобородовым, который единственно мог санкционировать её "отгул", келейно, я предложил ему тихо замять дело. Старлей же, не отрицая своей вины за состояние дисциплины и выражая готовность (вот дурак!) понести наказание, настаивал на ограниченном расследовании, только в отношении Акимова. Чтоб другим было неповадно. Вторым не менее важным аргументом было то, что совершенно скрыть произошедшее практически невозможно. С чистой совестью можно лишь стоять на том, что случай единичный, а более не знаем ничего. Тут было о чём задуматься. Если раньше все выдвигавшиеся обвинения в мой адрес были либо смутными догадками, либо просто притянуты за уши, то в этом случае мы имеем легко доказуемый "залёт". Легко потому, что если оговаривать охотников могло и не найтись, то чистую правду выложить - партия велела! Специфика эпохи, ничего не поделаешь.

Такая концепция меня не устраивала категорически. Во-первых, я лишился ведущего специалиста с той же перспективой срыва сроков работ. Во-вторых, если хотя бы средненький следок начнёт крутить... В общем, сколько верёвочке ни виться, а конец найдётся. Риск в любом случае огромный, но лучше уж не давать формального повода к полномасштабному расследованию, ограничив всё дисциплинарным взысканием Сафонову. Уговоры не дали никакого результата, пришлось приказывать. Косов справедливо возразил, что контрреволюционных приказов выполнять не будет. Пришлось пригрозить сделать его крайним. Сработало! Репутация - великая вещь! Я двух наркомов внудел пережил, а тут какой-то старлей.

Ради примерного наказания виновных, равно как и стремясь помочь им же в благом порыве приобретения знаний, мы свели всех написавших рапорта в первый взвод, добавив туда комсомольский актив во главе с самим комсоргом для полного укомплектования. Было объявлено, что взвод отныне именуется учебным и предназначен для выявления пятерых лучших, которые останутся на сверхсрочную. Для этого была создана специальная система обучения и зачётов, включавшая в себя и полную школьную программу по всем предметам. Ответственными преподавателями были назначены "подозреваемые" с другой стороны колючки. Так сказать, я перевёл стихийное незаконное движение в легальное русло. И сделал его до предела интенсивным. А чтоб жизнь вообще не казалась мёдом, наказал сам себя усиленной физподготовкой с новоявленными "академиками", а Косова - политинформацией, изучением уставов и законов СССР. В общем, к чему ребята стремились, то они и получили, да с разбега! Двум другим взводам тоже хулиганить стало просто некогда, потому, что первый заступал в караул исключительно в субботу.

Эпизод 2

Двадцать третьего февраля мне представился случай легализовать свою "Сайгу". Ловкость рук и никакого "мошенства". Подобно угонщикам автомобилей более поздних времён, я воспользовался документами на реальную опытную самозарядку, первый образец-макет которой, изготовленный исключительно для проверки работоспособности автоматики, был гладкоствольным. Времени прошло достаточно, чтоб история подзабылась, а бумаги остались. У "Сайги" пришлось заменить пластиковые приклад, цевьё и пистолетную рукоятку на деревянные да изготовить металлический корпус нового магазина, переставив туда "потроха" родного.

Дело оставалось за малым - продемонстрировать "подделку" людям. Шанс выпал в "День Красной Армии и Флота". Накануне дежурный принял телефонограмму из наркомата лёгкой промышленности. Дорогой дядюшка, Исидор Любимов, приглашал меня на охоту и велел прибыть к восьми утра к его "пентхаузу" на Мясницкой. Без женщин и детей. В принципе, идея встретить праздник в чисто мужской компании за достойным её занятием мне понравилась. Вот только на кого именно охотиться собрался нарком Любимов мне не сообщили, забыв или посчитав несущественным, а перезванивать было как-то неудобно. Пришлось собираться по полной программе. Кроме обычного "бытового" комплекта, тёплой одежды, лыж и "Сайги", к которой у меня была только мелкая дробь, взял "мосинку" валяющегося в санчасти с простудой бойца. И к ней два десятка пулемётных патронов с пулей "Д", списанных на пристрелку оружия. Кто знает, как нынче наркомы развлекаются? Вдруг он за лосятиной собрался, или того пуще, медведя поднять?

Кроме Исидора Любимова в назначенное время меня прямо на улице встретил и незабвенный Иван Кузьмич Кожанов, при машине, вооружённый и довольный собой.

— Доброго утречка, товарищ флагман первого ранга! Поздравляю с праздником! — поприветствовал я наркома ВМФ "не по уставу", потому, как мы оба не в форме, заглушив двигатель "газика".

— Взаимно! Здорово! — энергия из морячка плескала через край. — Рад видеть тебя, Семён Петрович! Эх бабахнем сегодня! Страшно сказать, на охоте с Гражданской не был! Да и там, больше, поневоле. Готов помочь трудовому крестьянству истреблением волков?

— Волков? — я немного смутился, зверь серьёзный, да и стая - это тебе не шутки.

— Не журишь! Народу много будет, помогут, — заметив мою реакцию ответил нарком. — Вообще, это Орехово-Зуевские текстильщики Исидора пригласили. Стая у них в районе безобразничает, так чего начальству не сделать приятно, а?

— А ваши как же? Сегодня день такой, поздравить всех надо, а нарком в лес сбежал.

— Не дети, перебьются, — нахмурился Иван Кузьмич. — Я телом мелкий и как Ворошилов пить не могу! Здоровье дороже!

— А, все в сборе, как погляжу, — на улицу вышел и пожал нам руки одетый в овчинный тулуп главный организатор мероприятия. — Нечего время терять, давайте грузиться.

Для поездки был изначально запланирован "Тур" наркома ВМФ, так как он имел полный привод и мощный двенадцатицилиндровый мотор, в отличие от лимузина капитана лёгкой промышленности, а на моём "газике", хоть он, наверное, и был здесь лучшим по проходимости, везти двух наркомов было бы непредставительно. Пока складывали пожитки и оружие в салон "флагманского" автомобиля, Исидор Любимов, намеренно выставлял напоказ свою вертикалку, под конец не выдержав и откровенно похваставшись. По нынешним временам комбинированный "Меркель" со стволами 7,92 и 12 был, пожалуй, даже не предметом роскоши, а произведением искусства. Кожанов, отдав должное "немцу", не ударил в грязь лицом, продемонстрировав обычную боевую СВШ, но с подарочной пластиной на прикладе "от рабочих Тулы герою РККФ" и оптическим прицелом, что вызвало мой живейший интерес. Сам я участвовать в соревновании "у кого длиннее" не хотел, но подначки наркомов по поводу "мосинки" и предложения вооружить меня получше за свой счёт, заставили расчехлить "Сайгу", якобы "собственной работы". Судя по реакции наркомов, я их обошёл вчистую. Никакие мои заверения, что как охотничий этот карабин можно принимать весьма условно, не

помогли. Оба захотели точно такие же. Пришлось послать их в Тулу.

Так как хозяин лимузина был небольшого роста, а сидения в машине не регулировались, пришлось мне поработать водителем. Конечно, у Кожанова был персональный шофёр, но именно сегодня нарком предпочёл преодолеть некоторые трудности и приехать на Мясницкую самостоятельно. А кандидатура Исидора Любимова как управляющего транспортным средством, вследствие малой практики и утреннего барского настроения, вообще не рассматривалась. Надо сказать, это меня ничуть не расстроило. Ехать за рулём "Тура" было настоящим удовольствием. Несмотря на вес, машина сидела на дороге, как влитая и легко управлялась на ходу, а табуны под капотом позволяли плавно, но энергично ускоряться и сбрасывать перед поворотами без использования тормозов, которые, из-за пневматической конструкции, были, единственный минус, резковаты. Про комфорт внутри и говорить не стоит, а вот "прибамбасы" я для себя отметил особо. Только мы уселись и тронулись, как Кожанов, сидевший спереди, откинув крышку бардачка и достав оттуда по отдельности огромные наушники и микрофон, щёлкнул тумблером скрывавшегося там же радиопередатчика. Меньше, чем за минуту прибор нагрелся и сигнальная лампа загорелась зелёным светом. Нарком, поставив переключатели на приёмнике и передатчике в одно положение, связался с дежурным по своему наркомату и, обменявшись числовыми паролями, поздравил своих подчинённых.

Меня удивило, что Иван Кузьмич проделал всё лично, без какой-либо помощи специально обученного радиста. На выраженное мной восхищение его способностями он с удивлением ответил.

— А что тут сложного? Пять фиксированных радиоканалов, выбрал нужный и всё, можно говорить. Если, конечно, дальше десяти километров не уехал.

— И частота не плавает? Подстойка не нужна?

— Связисты проверяют каждое утро, пока случаев, чтобы я без радио остался, не было.

— Неужто, наши такие передатчики делают?

— А что тут странного? Машины, трактора, подлодки, эсминцы, торпеды делаем, а радиостанции, выходит нам не по зубам? Недооцениваешь отечественную радиопромышленность, товарищ Любимов. Это в тебе твой "тяжелопромышленный шовинизм" говорит. Вот погоди, пожалуй, товарищу Артюхиной, она тебя проработает, чтоб не задавался. Достанется не меньше, чем Серго... — на этих словах Кожанов запнулся и резко сменил тему.

— Как у тебя с машинами для "Фрунзе" дела?

— Положа руку на сердце, плохо! — не стал кривить я душой. — С механикой туда-сюда, а с электротехникой вообще затык. Люберецкий электромеханический только-только дал первые образцы электромагнитных клапанов и датчиков оборотов вала. И то, и то ерунда. С клапаном в размер кулака ещё можно смириться, а вот с точностью плюс-минус пару сотен — никак! Я уж про главный прибор не говорю. Для него даже закон изменения подачи топлива, в зависимости от наддува, оборотов и нагрузки не определён! Кручу сейчас десяток двухцилиндровых блоков с ручной регулировкой для определения оптимальных параметров на всех режимах. Но, метод научного тыка требует времени. И немалого. Полагаю, рабочий образец дам к середине весны. 1936 года. Не раньше. Если голову не снимут. Во избежание трагического исхода предлагаю смириться с установкой пяти 16-16 в катерном варианте, с собственными компрессорами и

обычными ТНВД, на один вал. Потребуется двадцать штук. Могу дать к концу мая. Если "Русский дизель" не подведёт.

— Везучий ты человек, Семён, — глядя в окно сказал нарком ВМФ. — В других условиях за такую подделку я б сам первый твоей крови потребовал. Но, к весне корпусные работы по "Фрунзе" закончены не будут. Новаторы-рационализаторы взялись делать були и третье дно сварными, да ещё дополнительное бронирование в подводной части включить в силовой набор. А корпус линкора из трёх разных по составу сталей собран, да ещё мороз, на котором, оказывается, варить вообще нельзя. В итоге работы на восемьдесят процентов выполнили, когда приёмка трещины в швах обнаружила. Всё насмарку. Переделывать будут летом, сейчас эти самые швы протачивают до чистого металла.

Тут я не сдержался и тихонько с облегчением выдохнул. По всему выходило, что судьба подарила мне минимум полгода.

— Радуетесь, что громы-молнии не тебе достались? — усмехнулся Иван Кузьмич. — Напрасно. Надоели мне выкрутасы наркомата тяжёлой промышленности. 130-миллиметровые пушки для эсминцев, несмотря на ТТЗ, не универсальные и ресурс 100 выстрелов всего! Два года работы и такую ерунду мне впаривают! Зачем мне новая пушка, которая хуже старой Б-7? К чему оправдания, что из-за высоты линии огня зенитную стрельбу только в башне обеспечить можно? Этого что, сразу понять нельзя было? Теперь обещают башни, не раньше, чем через два года. А эсминцы мне чем вооружать? И так во всём!

Повисла неловкая пауза, которую сам Кожанов, немного успокоившись, прервал.

— Совнарком дал добро на предварительные натурные испытания дизель-гидравлической силовой установки. Как только лёд на Неве сойдёт, поставим на Адмиралтейский завод "Ворошилов". Это старорежимный недострой. Машины у него такие же, как на "Фрунзе". Заменим на паре валов турбины на дизеля и посмотрим, как это будет на ходу. Так что, будь добр, обеспечь. На упрощёнку глаза, так и быть, закрою. Всё-таки, "Ворошилов" не линкор, на контроле в ЦК его не держат.

Слушая Ивана Кузьмича, я напрягался всё больше. Дело в том, что он говорил именно то, что я хотел бы больше всего услышать. Возможно, за исключением полной отмены этой затеи высшего руководства. Вот только необходимости сообщать мне об этом именно здесь и сейчас, не было никакой. Наоборот, наркому было бы выгодно, чтоб я землю носом рыл, стараясь не прогневить ЦК. А происходящее было больше всего похоже, как на бойне успокаивают быка, прежде чем прирезать.

Я весь внутренне подобрался, ожидая подвоха. Был бы передо мной Берия, о характере и поступках которого я знал что-то заранее, было б легче. Но с наркомом ВМФ всё моё знакомство опиралось исключительно на личный опыт. Без подсказок из несостоявшегося будущего. Хоть и был Кожанов чем-то похож на Ежова, но вот поведение их различалось кардинально. Взлетев высоко, Иван Кузьмич умудрился не оторваться от "земли", или, в его случае, "палубы", оставаясь всё тем же "матросским флагманом", близким и понятным любому военному моряку и пользующимся за это любовью и уважением. Военно-Морской Флот ставил в своей жизни на первое место и искренне старался подготовить его к грядущим испытаниям как можно лучше. Из известных исторических личностей, больше всего он, пожалуй, напоминал мне фельдмаршала Суворова. И при всём при этом, предвоенной чистки, видимо, не пережил. Не помню я его фамилию среди героев войны, да и после неё тоже. А человек такого калибра безвестно затеряться не должен был. Значит убрали недоброжелатели. Вот только кто? Ворошилов? Да, не может он смириться, что моряки от него сбежали, но тогда-то такого

не было. Александр Васильевич, коли уж я его вспомнил, и перед самим императором встать за правду не сробел, за что и попал в опалу. Есть над чем подумать, стоит ли к такому человеку приближаться. Впрочем, особого выбора у меня нет, с сухопутными я в контрах, а дело делать надо. Общие противники сближают.

Пока я развлекал себя такими размышлениями, умолкнувший было на несколько минут нарком, видимо, твёрдо решивший не дать нам умереть со скуки, снова подал голос.

— А вот наркомат лёгкой промышленности для меня, как бальзам на душу. Всё что ни попросишь, дорогой Исидор Евстигнеевич предоставит. Если б ты знал, Семён, как Клим ругался, когда мы форму нового образца на две бригады морской пехоты получили. У него заявки годами не отовариваются.

— Уж скажешь, тоже, годами, — насупился дядюшка. — Не больше чем на шесть месяцев. И не от нас это зависит, а от сезона. Если они мне в ноябре заявки присылают на следующий год, а овец стригут в мае? Кстати, Семён, работает твоя идея. В степи дорог нет, но как просохнет, кати куда хочешь! Четыре-пять прицепов к "пятому" ЗИЛу и вперёд! Мы так уже считай, не только наш Туркестан в оборот взяли, но и Монголию, и Синьцзян. Но последнее не от автопоездов больше зависело, а от наведения порядка. Молодцы пограничники. Удобно всем получилось. Нам шерсть. А мы туда топливо, стройматериалы, корма какие, ну и так, поторговать мелочь разная. Был бы буржуем, эх я б развернулся там! Рефрижераторов бы! Не даёт ни госплан, ни наркомфин. Говорят, вы уж нас совсем стеклом и химией своей объели, у других наркоматов хлеб отбираете.

— Хоть за дело пеняют-то? — обернулся назад Кожанов. — Успехи есть?

— Не наседал бы ты на меня со стеклотканью, Иван Кузьмич! Одно расстройство от неё! Рассчитывай на ближайшее время на стекломочало. Не так аккуратно выходит, как племянник говорит, но бакелитовый саман неплох. Сам понимаешь, от смолы и все недостатки. Ты бы поискал по заграницам рецепты, а то своя разведка только у тебя.

— Если что будет, сообщу обязательно, — кивнул Кожанов.

Слушая этот разговор, я невольно обращал внимание, что, не имея "забугорных" образцов с готовыми названиями, наши люди вполне успешно подбирали свои, интуитивно понятные. Так, "мочало" не могло относиться ни к чему иному, кроме как к распылению жидкого горячего стекла сжатым воздухом, а "саман", естественно, предтеча всех композитов.

— Ну, а с искусственным волокном... Вискоза и близко не стоит, к тому образцу. Чувствую, спросят меня за такой расход средств на сомнительное дело. Лабораторию по последнему слову химической науки оборудовали, средства только туда вливаем, а толку пока нет. Не могли обмануть нас? Может эти нити как-то естественным образом получаются? Не может такого быть?

— Концов не найти, Исидор Евстигнеевич. Источник, после случая с Ежовым, сами немцы ликвидировали. Пробовали по наработанной им агентуре пройтись, так там островитяне нарисовались. Два провала. Такое впечатление, что им известно достаточно много. Пока выжидаем и смотрим. А сомнения насчёт сведений и у меня появились, Семён. Тот фторопласт, по твоей формуле, флотская лаборатория порохов и боевой химии, получила. Оказывается, это порошок! Да, скользкий. Но! Разлагается меньше чем при трёхстах градусах на ядовитые составляющие и при выстреле из пушки сгорит. Чистая деза!

— Пусть дальше работают! Даже порошок - просто отличный результат! Его в

трансмиссионную смазку хорошо добавлять! Ресурс в разы! И есть способ его получения в виде покрытий и крупных кусков. Это химическая и электроизоляция, детали трущихся узлов. Пусть ищут! — я испугался, что работы свернут.

— Ты так уверенно говоришь, Семён Петрович, а ведь иных подтверждений этой информации нет. Всё с твоих слов. Разведка ничего не дала. И у меня создаётся нехорошее впечатление, что ты нам не доверяешь и придержишься информацию. При этом хочешь, чтоб мы верили тебе на слово. Или ты думаешь, что мне пороходелов-химиков озадачить нечем? — наехал на меня нарком ВМФ.

— Источник, как вы сами сказали, мёртв, а мне добавить нечего, — уйти "в отказ" было, в данном случае, единственно верным решением, но холодок между нами в этот момент перестал быть красивой фразой, кожа вдоль хребта пошла мурашками.

— Ладно... — сказал Кожанов, всем своим видом показывая, что дела обстоят как раз наоборот, и сменил тему. — Мы тут с твоим дядей посоветались и вот что решили. Семён Петрович, не желаешь ли ты сделать карьеру в наркомате внутренних дел?

— Желаю я или не желаю, в данном случае, не имеет никакого значения, — тут я даже позволил себе от души повеселиться. — Берия не такой дурак, чтоб не только таскать чемодан без ручки, но ещё и набивать его камнями. Думаете, он не понимает, что рано или поздно уронит и отдавит себе ноги?

— Никто и не говорит, что всё будет просто. Но у Лаврентия неустойчивое положение. Ежов, в своё время, провёл переаттестацию, чтоб расставить на ключевых постах своих людей или просто тех, кто был ему обязан всем. Фактически, сейчас Берия свой наркомат контролирует слабо и будет от этой слабости избавляться различными структурными изменениями. Для нас это шанс продвинуть тебя повыше. А точка опоры и влияния в НКВД исключительно важна. Хотя бы, как лишняя гарантия безопасности для нас всех. Позиция товарища Сталина по тебе, с августа не изменилась, хотя то предложение и было жестом отчаяния под прессом кадрового голода. Орджоникидзе и Киров тоже за тебя встанут в случае чего. Смело можем вопрос о твоём назначении хоть в ЦК продавливать. Лаврентий это понимает и артачиться не будет.

Выслушав увещевания Кожанова я ответил категорическим отказом. Что значит "точка влияния"? Или в наркомате вудел от приказов к интригам перешли? Кто поддержит, кто не поддержит, продавить, сесть повыше — от всего этого меня буквально воротило. Как и от того, чтобы кого-то либо что-то контролировать, вместо того, чтобы делать самому.

— Ты, надеюсь, не думаешь, что мы тебя сразу в кресло замнаркома посадим, раз уж от главного портфеля отказался? — в разговор вступил Исидор Любимов, придвинувшись сзади чуть ли не к моему уху. — Ты сначала до конца выслушай, а потом уж руби. В ближайшее время ваше ЭКУ переформируют в ГЭУ. Главное Экономическое Управление. Меркулов вместо ВРИО станет полномочным хозяином, а управлений станет четыре. Промышленности, Торговли и финансов, Транспорта, Сельского хозяйства. Понимаешь? Берия строит структуру по отраслевому принципу, вместо прежнего, целевого. Так вот, мы тебя продвинем на отдел в первом управлении. Отдел двигателей внутреннего сгорания. Твоё ненаглядное КБ при этом, при тебе же и останется. А возможности, представляешь, как возрастут? Все КБ, все заводы будут у тебя под контролем!

Захваченный нарисованной перспективой, я упустил главное, спустя пять секунд, меня будто прострелило. Откуда они могут знать?! Вопрос, заданный в лоб заставил Кожанова отвернуться и сделать вид, что занят изучением пролетающего мимо подмосковного пейзажа.

— Ты, товарищ флагман, давай, нос не вороти. Как вижу, у тебя он в пуху. Вы что, за Берией шпионите? С ума сошли?! Это ж и под попытку организации контрреволюционного переворота подвести можно!

— Раздражаешь, товарищ Любимов, — в сердцах ответил нарком. — Сидя в мазуте всё нос свой длинный высовываешь, а чуть что, так обратно нырнуть норовишь. Ты уж определись, пойдёшь в люди или нет. Шпионим? Не было б большого греха, если б так. Что Ягода, что Ежов — чекисты были так себе. Третий раз обжечься неохота. Но, всё санкционировано, не переживай. Наблюдали за ежовцами, хозяева кабинетов поменялись, а приказа сворачиваться не было. Забыли, наверное, так мы не напоминаем.

— Берия не простит, — сказал я очевидное.

— Плевать. Не до этого ему сейчас. А года через два мы тебя на первое управление поднимем, если молодцом будешь. Тут уж Исидора вообще не свалить, а об меня Лаврентий и сейчас зубы обломает.

Оптимизма соучастников нашего заговора я отнюдь не разделял. Но уж больно приманка была вкусной. Контроль над всем двигателестроением! Я сам не заметил, как стал составлять планы на ближайшую перспективу. И мне было абсолютно всё равно, что коготок уже увяз. Просто потому, что времени сбыться мечтам "моих" наркомов не хватало. А война сама покажет, кто чего стоит и всех расставит по своим местам.

Получив моё формальное согласие, наркомы-заговорщики успокоились, беседа потекла куда как благодуще. Поговорили о бабах. И вообще и персонально о моей Полине, а потом о товарище Артюхиной.

Жена отличилась тем, что стала козырять родственными связями, заставляя лабораторию работать сверхурочно. К тому же она без зазрения совести вынудила собственного начальника заняться репетиторством. В общем, сплетен до небес. Точнее до самого наркома лёгкой промышленности. Обещал разобраться и надрать задницу. Отговорили.

Александра Фёдоровна же, расстроенная очередным провалом испытаний кислородных торпед, с пожаром ещё на этапе подготовки, решила лично разобраться, в чём причина. Торпеды были первым крупным успехом "шефа" точной промышленности и всё с ними связанное Артюхина принимала особенно близко к сердцу. Кожанов с восхищением рассказывал, как добрая, милая женщина, устроила такой аврал, что от военморов только перья летели. Чистота в торпедном хозяйстве, и не только, стала практически стерильной, а грязь под ногтями матроса становилась чуть ли не поводом к комсомольскому собранию. Инструкции по эксплуатации выполнялись неукоснительно. В итоге, впервые, нормально работающие по отдельности на стендах агрегаты, "спели хором" в стрельбе реальными торпедами. Кислородная, с японскими воздушными хитростями, 533-миллиметровая торпеда с 300-килограммовой инертной боеголовкой и турбинным двигателем, показала дальность в 75 кабельтовых и скорость 45 узлов. Большой шаг вперёд даже по сравнению с "фиумской" торпедой, которая на такой скорости шла только 22 кабельтовых. Работы предстоит ещё много — внести в конструкцию различные режимы хода на разную дальность, отработать контактный и электромагнитный взрыватели, увеличить мощность боеголовки и, возможно, установить систему маневрирования или самонаведения, но уже в таком, предельно упрощённом виде, торпеда рабочая, в отличие от капризной перекисной "сестры".

Пошутив на тему того, что Александре Фёдоровне надо бы присвоить флагманское звание, раз уж она так хорошо справляется. Посетовав на то, что в Гражданскую могли и из бойцов и в

начдивы шагнуть, если талант был, наркомы постепенно съехали на воспоминания. Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы где вместе рубились они. Пусть не вместе, но рядом. Исидор Любимов был начальником тыла фронта у Фрунзе в Туркестане, когда Кожанов десант в Энзели высаживал. Как водится, память сохраняла всё, но говорить хотелось о чём-то весёлом. Поэтому, спустя три часа после выезда из Москвы, вскоре после полудня, проскочив Орехово-Зуево, мы въехали в большое село Губино и остановились у старообрядческой церкви, которая была открыта как ни в чём ни бывало. Видимо, староверам всё равно, никонианские гонения или большевистские. Жить-то надо.

Тут же перед церковью уже собралась немаленькая толпа как людей, так и машин, и тракторов. Легковые "газики" привезли к месту сбора директоров текстильных фабрик района. А вот "шассики" СТЗ, поставленные передними колёсами на самодельные лыжи, были местными вездеходами. Именно на них, разместившись на грузовых платформах, нам предстояло двигаться дальше. Последние трое суток днём устойчиво держалась плюсовая температура, снег осел и уплотнился, напившись водой, поэтому лёгкие СТЗ двигались по целине уверенно, проваливаясь сзади не больше чем на треть колеса и хватко загребая мощными грунтозацепами стальных колёс.

Выехав за околицу, мы немного спустились на поросшую кое-где чахлыми деревцами равнину, наводящую на мысль о болоте. Но местные егеря чувствовали себя уверенно и уже вскоре стали руководить расстановкой номеров, не делая различия между наркомом и простым колхозником, принявшим участие в волчьей облаве из-за того, что имел ружьё. Всего стрелков было около тридцати, расположившихся на дистанции от около пятидесяти метров по широкой дуге перед небольшим берёзовым леском. Именно там была замечена стая.

Встав на место, я приготовил "сайгу", снарядив в магазин пять патронов с крупной картечью, выцыганенных у родственника, твёрдо решив стрелять только если зверь выйдет прямо на меня. Как-то не нравился мне такой способ охоты. Понимаю, так проще и быстрее всего избавить округу от хищников, но элемент состязания почти полностью отсутствует. Конечно, я не кержак, идущий на медведя с засапожником, но предпочёл бы действовать один или небольшой группой, выслеживать, устраивать засады, пытаться перехитрить зверя. А тут? Мы стоим, считай, в чистом поле. Ветер от нас к лесу, шума до небес. И подавляющее численное и качественное, как говорят военные, превосходство. Этой охоте вполне подходит эпитет "американская".

Улыбнувшись своим рассуждениям, я не заметил, как пролетело время и загонщики, движущиеся через лес частью на лыжах, а то и прямо на тракторах, выгнали стаю на стрелков. Серые тени метнулись туда, где было пониже, стараясь скрыться в низинке, но там и снег был более влажный и тяжёлый, бежать было трудно. К моему удовлетворению, это происходило метрах в трёхстах от меня, за дальностью прицельного выстрела моего дробовика. Зато вокруг поднялась такая стрельба, что мне остро захотелось упасть и окопаться. Кожанов лупил чуть ли не очередями, попал или не попал, но два магазина он отстрелять успел. Дядюшка пальнул разок пулей и, перезаряжаясь, пару раз картечью. Остальные тоже от них не отставали. Подумалось, что шкуры теперь особой ценности представлять не будут.

По итогам охоты, осмотрев туши, единодушно решили, что матёрую волчицу, главу стаи, подстрелил собственной персоной Исидор Евстигнеевич Любимов. Ещё одного крупного волка, "присудили" наркому ВМФ. А остальных троих по справедливости распределили между иными уважаемыми людьми. Пытались и меня наградить таким образом, но я, улыбнувшись про себя таким детским приёмам расположить к себе начальство, честно заявил, что не участвовал.

Всего охота заняла два с половиной часа чистого времени и в животе уже начало урчать,

поэтому праздничный обед в столовой Губинской текстильной фабрики был как нельзя кстати. Особым разнообразием меню не отличалось, суп, мясо, рыба, солёные огурцы и грибы, картошка, но было сытным, что по нынешним временам и являлось мерилом богатства стола. Пили много, благо поводов хоть отбавляй. Я, зная, что ещё нужно обратно ехать, воздерживался, чем вызывал нездоровый интерес. В конце концов, под предлогом, что каждый должен произнести тост, меня таки вынудили поднять бокал красного вина. Встав, я замялся, не находя, что сказать. Но вдруг мне на ум пришла интересная мысль и я, прокашлявшись, как мог выразительно, запел.

Если на Родине вместе встречаются
Несколько старых друзей.
Всё что нам дорого припоминается,
Песня бежит веселей.
Встанем и чокнемся рюмками стоя мы,
Выше бокалы с вином!
Выпьем за Родину нашу привольную,
Выпьем и снова нальём!
Выпьем за русскую удаль кипучую,
За богатырский народ.
Выпьем за армию нашу могучую,
Выпьем за доблестный флот!

Последний куплет я просто опустил, не сумев сходу его изменить, чтоб не пугать никого "гвардией", но концовка получилась актуальной и, в целом, песня была принята исключительно хорошо. Немного недовольным был только Иван Кузьмич.

— Почему это сначала армия, а потом только флот? — было видно, что нарком уже слегка набрался.

Праздновали наркомы в Губине, пока не стемнело. Я же, тишком сбежав, завернувшись в неостребованные сейчас тулупы, успел до отъезда выспаться в "Туре". Впрочем, оба моих попутчика прекрасно добрали своё в дороге. На подъезде к Москве, около девяти вечера, я разбудил просившего об этом Кожанова. Нарком связался по радио с дежурным по своему хозяйству и переменялся в лице. Сон и хмель с него как рукой сняло.

— Сам требует немедленно.

— Что, даже не переоденешься?

— Дежурному приказано доложить о передаче вызова. Едем в Кунцево, — принял решение флагман.

— Меня по дороге домой завезите! — засуетился проснувшийся от наших голосов Исидор Любимов, которому совсем не улыбалось, на ночь глядя, в непотребном виде, ехать по чужому вызову к фактическому главе государства.

— Нарком с лимузина - мотору легче! — грустно пошутил Кожанов. — Пять лишних минут нас не устроят.

Проезжая Мясницкую, избавились от балласта и, знакомым с августа прошлого года маршрутом, я летел по ночной Москве, которая и не думала спать. Стоя на одном из перекрёстков, мы с Кожановым слышали, как из открытых окон ресторана несло.

— Мы парни танкисты и артиллеристы, мы верные силы Советской России! — комсостав гулял, а я удивлялся, как быстро разошлась песня в народе.

В Кунцево вышла заминка. В шлюзе охрана обратила внимание на сложенные в салоне машины длинные стволы. Пришлось ждать Власика, который, увидев меня на месте водителя, поморщился, но дал добро. Одновременно он же и успокоил Кожанова.

— Что там? — кивнул нарком на открывающиеся ворота.

— Гуляют.

Признаюсь, мне было до жути интересно, что происходит внутри. В своё время успел нахвататься рассказов о полуночных пирах вождя со всевозможными излишествами. Однако, после личного общения со Сталиным, мне казалось, что всё изрядно преувеличено. К сожалению, в настоящий момент, я был ни кем иным, кроме как водителем и моё место было в караулке. А ведь я уже придумал, как четвёртый куплет переделать. Вместо "Встанем, товарищи, выпьем за гвардию" следовало пока петь "Вспомним товарищи Красную Гвардию". Ничего, в другой раз, а потом, как пойдёт. Но, я уж постараюсь, чтоб для "Волховской застольной" причин не появилось.

Ближе к пяти часам утра, на наркомовском "Туре", я заявился к родному порогу. Полине, видимо, не спавшей и вышедшей на крыльцо в накинутом прямо на рубашку пальто, я устало сказал словами Маэстро.

— Вот, принимай аппарат. Махнул не глядя.

— Заходи уж, горе луковое. Вернулся сам и то ладно.

Эпизод 3

Прошло две недели и предсказание о реформе ЭКУ НКВД сбылось. Восьмого марта, прямо в международный женский день, который кроме СССР нигде не праздновали, я был вызван на большое совещание, которое проводил лично товарищ Берия. Большинство участников мне были незнакомы, узнал только три-четыре лица, включая Меркулова.

Лаврентий Павлович открыл совещание вступительной речью, посетовав на отставание роста потенциала ЭКУ по пресечению контрреволюционной деятельности в экономике от роста советского народного хозяйства. Выход он видел в масштабной реорганизации по отраслевому принципу. Теперь, в новом ГЭУ, уже не будет общих оперативного и следственного отделов, которые занимались и финансовыми преступлениями и вредительством на производстве. Наоборот, теперь будет много небольших отделов, "заточенных" на своё направление, а уж в них будут собственные оперативное, следственное и иные отделения, например техническое. Всё это должно было повысить эффективность борьбы с контрреволюцией, в конце концов, совсем её искоренив. Так на бумаге.

Фактически же использовался и экстенсивный путь, чему свидетельством было количество присутствующих, каждый из которых был назначен, минимум, начальником отдела. Увеличение штатов, кроме замены кадров на "своих" людей, давало ещё и увеличение количества рабочих мест, пространство для карьерного роста для них же.

Впрочем, был объявлен трёхмесячный организационный период, в ходе которого нужно было создать костяк ГЭУ НКВД, который наполнится летом, после партмобилизации выпускников советских вузов, партийных и комсомольских органов. Нечто подобное Берия провернул и в

эталонной истории, значительно оздоровив наркомат внутренних дел.

Далее нарком официально назначил начальником ГЭУ НКВД старшего майора ГБ Меркулова и предоставил ему слово. Всеволод Николаевич зачитал список назначений рангом пониже, осчастливив всех присутствующих, и призвал именами Маркса, Энгельса и Ленина, не ударить в грязь лицом, выявлять и душить любую вражескую деятельность в зародыше.

Теперь я стал начальником "отдела двигателей внутреннего сгорания управления промышленности ГЭУ НКВД". Звучит внушительно и привлекательно, если не знать, что я ещё, по совместительству, начальник техотделения моего же отдела и начальник одного из КБ этого же техотделения. "Одного из" потому, что мне всучили ещё станкостроителей, которые пытаются воплотить в металле мои "изобретения". И на всё это хозяйство у меня младший лейтенант НКВД Сотников Сергей Иванович и два сержанта того же ведомства, Федосеенко и Иевлев. Наверняка все трое по гроб жизни обязаны Меркулову или кому-то из его команды. Умещаемся в одном кабинете. Места хватает с запасом. Пару-тройку столов ещё можно поставить смело. Скелетом назвать всё это язык не поворачивался, пожалуй, даже эпитет "зародыш" приукрасит нерадостную действительность. Чувство обманутого ожидания было таким острым, будто в детстве на день рождения, вместо подарка, просто погладили по голове. С другой стороны, того, что будет легко, мне никто не обещал.

Переспав с мыслями о своей новой должности, с самого утра девятого марта побежал напрашиваться на доклад к начальнику управления. Какого чёрта?! Если Берия протаскивает свою команду, то почему мне нельзя поступать точно так же? Косов спит и видит, чтоб вернуться на следствие, а мне как раз нужен начальник этого отделения. Не могут выделить личный состав? Их есть у меня! Взвод академиков будет только рад остаться в кадрах в полном составе. А в моторах каждый из них разбирается получше некоторых старших майоров ГБ. Остальному со временем научатся.

— Представляюсь по случаю назначения на должность начальника отдела ДВС! — влетел я с утра пораньше в кабинет новоиспечённого начальника управления Кобулова через пустую приёмную в которой не было даже секретаря вслед за хозяином, которого я издали увидел в коридоре. — Капитан государственной безопасности Любимов!

— А, товарищ капитан. Здравствуй. Будем знакомы, поработаем, — снимая шинель и не приняв моего официального тона, ответил Богдан Захарович. — Я-то вас хорошо знаю, хоть встречаться нам и не приходилось. С какими бедами ко мне ни свет ни заря?

— У меня на весь отдел один младлей и два сержанта госбезопасности. Такими силами никакие задачи выполнять невозможно! Прошу усиления кадрами и имею кандидатуры, которые прошу рассмотреть.

— Стало быть, хозяйство вчера приняли? — дружелюбно улыбнулся майор, садясь за стол и жестом предложив мне сделать то же самое.

— Так точно!

— Ну вот и хорошо. Значит первый шаг, точнее первый пункт плана формирования вы выполнили, — по-доброму спокойно, тихо, но тем самым пробуждая какое-то неуютное чувство, будто находишься на приёме у врача-психиатра, сказал Кобулов. — Будем и дальше вместе выполнять план начальника главка, утверждённый самим наркомом. Уверяю вас, невыполнимых задач перед вами никто ставить не собирается. Вы в отдел к себе заходили?

— Нет ещё, — я невольно смутился, почувствовав, что сделал что-то не совсем правильно. —

Вас в коридоре увидел.

— А если б зашли, то знали бы, что через час назначено совещание управления, где я доведу начальникам отделов ближайшие задачи. Там же у вас будет возможность задать интересующие вас вопросы и сделать инициативные предложения. У вас ещё есть время подготовиться.

Намёк был более чем прозрачный и я, спросив разрешения, побежал к себе. Хоть и выпроводил меня начальник прямо сейчас, но надежду оставил. А вот времени нет. Если всё делать по уму, то мне, перво-наперво, нужен свой продуманный план действий. И не просто продуманный, а изложенный на бумаге. И не рукописью, а отпечатанный на машинке. Это раз. Пополнение личным составом. Расход, сколько и кого на какие должности. Характеристики на всех. Это два.

— Здравствуйте, товарищи! — моё приветствие застало подчинённых в самых разных позах, но заставило, в силу своей официальности, вытянуться по стойке смирно. Не обошлось и без накладок, Иевлев уронил от неожиданности шинель, а Сотников, уронивший что-то под стол, пребольно ударился головой и его сморщенная физиономия говорила сейчас гораздо красноречивее всех слов.

— Вольно, слушай приказ! Водители есть? — с ходу взяв быка за рога я ошаршил подчинённых напором, что сыграло со мной злую шутку, так как личный состав зажался и, похоже, даже испугался излишне энергичного командира — Есть водители, спрашиваю? Чего молчим? Или всю оставшуюся жизнь свои таланты скрывать будете?

— Есть. То есть я. В смысле, могу, но не очень чтобы уж, — как-то неуверенно признался сержант ГБ Федосеенко. И тут же получил ключи и приказ совершить на командирском "Газике" вояж до Нагатино и обратно. Привезя в отдел, все до единой, полученные там от Косова бумаги. Последнего я мог и по телефону заранее предупредить, поэтому на записках сэкономили и сержант побежал к не успевшему ещё остыть транспорту.

— Теперь вы, сержант Иевлев. Сколько вам времени необходимо, чтобы добыть пищущую машинку?

— Ну, товарищ капитан государственной безопасности, если заявку прямо сейчас составить и кое-где кое-кого подтолкнуть по-приятельски, так через неделю можно получать.

— Отставить, — буркнул я, поняв свою ошибку. Правильно постановка задачи, дающая подчинённому максимум информации для её выполнения — уже половина успеха. — Машинка нужна временно, до десяти ноль-ноль.

— Разрешите я? — выступил вперёд Сотников. — Сержанта заберу, чтоб донести помог.

— Добро, хоть и рассчитывал на тебя, что ты мне план накидать вчерне поможешь. Даю пятнадцать минут, больше не могу.

— Есть! Есть! — и остатки моего воинства скрылись за дверью, а сам я сел набросать черновик.

Прежде, чем бороться с чем-то или кем-то, надо узнать врага в лицо. В моём случае, это означало необходимость сбора, обработки и анализа информации со всех подконтрольных заводов и учреждений. Включая сюда как выписки из ведущихся местными чекистами дел, так и другие источники, включая рекламации организаций-эксплуататоров двигателей. Большое, как известно, видится издали, поэтому таким способом можно выявить закономерности,

которых не видно на каждом отдельно взятом предприятии. Если повеет чем-то интересным, то для дополнения и уточнения данных, потребуется вербовка агентов или внедрение своих людей в ключевых точках. Вот тут-то, здраво рассуждая, оперативники из пролетарской среды, с опытом общения с инженерами спецКБ, вооружённые дополнительными техническими знаниями, приходится как нельзя лучше ко двору. Во всяком случае, предпочтительнее вчерашних студентов. На том и будем стоять.

Таким образом, оперативное отделение, фактически - оперативно-аналитическое, в силу изначально ожидаемого большого объёма проходящей информации, спланируем самым многочисленным. Бойцов двадцать, всех кого можно, и Сотникова во главе. Всё равно будут работать под моим присмотром. В смысле не за работой я буду присматривать, а за людьми. Как говорится, ищем таланты. А вот следствие отдадим Косову. И бойцов пять ему в придачу. Пока длится оргпериод, можно затребовать любое, хоть первое попавшееся дело в центр для практики. Моему заму молодость вспомнить и молодых поднатаскать. А остатки "взвода академиков" в техотделение, обеспечивать и координировать работу спецКБ. И пойдут сюда самые-самые головастые, отличники точных наук. Чтоб не мотало их по всей стране и учиться дальше могли без препятствий. В итоге, начеркав едва три-четыре строки, я убедился, что дельных мыслей, в общем-то, больше и нет. Мне б, дураку, не мучить память, вспоминая, какие моторы у нас "пошли", а какие "не пошли", какие "были бы желательны" в эталонной истории и не строить планы ускорить-протолкнуть-зарубить, а с умными людьми о вещах более актуальных посоветоваться. Так нет, вообразил себя уже серым кардиналом. А на поверку выходит, что кардиналитель-то и нечем.

— Разрешите? — не дожидаясь ответа младлей Сотников распахнул дверь пошире и, не обращая на меня более никакого внимания, пропустил в кабинет девушку, взглянув на которую, я, признаюсь, расслабил челюсть и едва не пустил слюну. Тем более, что с женой, ввиду её загруженности учёбой, последнее время было как-то нечасто, во-первых, и без огонька, во-вторых. — Проходите, Даша, знакомьтесь, это наш начальник отдела капитан Любимов, кавалер ордена Ленина, всесоюзно известный инженер-конструктор и вообще, человек всяческих положительных качеств, которому категорически требуется твоя срочная помощь. Выручай!

— Очень приятно, — скромно произнесла одетая в строгое синее гражданское платье обладательница потрясающе гармоничной фигуры и волос цвета белого золота, собранных в пучок высоко на затылке, стеснительно опустив голубые глаза. Пока я, молча, ибо на язык пытались выскочить почему-то сплошные глупости, смотрел, как Даша идёт, нет, шествует вслед за приглашающим жестом младлей к свободному столу, в кабинет, пыхтя от натуги, ввалился Иевлев с тяжелой печатной машинкой на руках, разрушив своим потным видом всё очарование. И, слава Богу. Теперь, глядя на окружающих меня людей, я подметил объединяющую всех, да и меня, скорее всего, судя по горящим ушам, тоже, особенность и в шутку обыграл её, обобщив всех одним эпитетом.

— Ну, что, краснокожие, поработаем? — чем загнал девушку и Сотникова в ещё большую краску, а Иевлев, даже обиделся, пробурчав под нос, что ему ни разу не до глупостей, за что был отведён в сторонку и озадачен походом в магазин. Сам признался, что созерцание прекрасного его не интересует.

Как ни странно, эмоциональная встряска не только не отвлекла меня от работы, наоборот, добавила энергии и позитива, благодаря чему, мы, совместными усилиями, с шутками-прибаутками, составили документ в двух экземплярах, которые я тут же и подписал. Тут же и Федосеенко, совершенно вымотавшийся меньше чем за час, привёз характеристики. К сожалению, времени распределять кандидатов уже не было. Да и заниматься этим в спешке -

дурной тон. Всё, что я мог, уже сделал и сейчас оставалось только одно – идти отстаивать свою позицию.

Первое совещание "промышленного" управления началось с лекции Кобулова на тему общего состояния отечественной промышленности в разрезе чекистской работы на текущий период.

— Как вы знаете, товарищи, индустриализация, проводимая под чутким руководством партии большевиков и товарища Сталина лично, двинула советскую промышленность вперёд семимильными шагами и нам, работникам наркомата внутренних дел, чрезвычайно важно не отставать. Ведь что означает наше отставание? Это значит, что враги советской власти смогут нанести вред отечественной промышленности. Конечно, это индустриализацию остановить всё равно не сможет, но темпы роста могут упасть. Таким образом, получается, что мы тянем назад. Этого допускать ни в коей мере нельзя, — здесь майор многозначительно помолчал, обведя всех присутствующих глазами, убеждаясь в том, что слушатели прониклись серьёзностью момента. — В настоящее время, благодаря мудрому курсу партии на сплошное внедрение "параллельной" системы, нашим врагам стало трудно вредить непосредственно. Благодаря тому, что сами рабочие коллективы кровно заинтересованы в результате и эффективности работы, резко пошла на спад случаи умышленной порчи станков, умышленного брака, особенно, заведомо негодных инженерных проектов. Оно и понятно, в этом случае, либо вредители расплачиваются за содеянное из собственного кармана, либо рабочие сами находят врагов и своевременно сигнализируют в органы. Такое положение привело к тому, что некоторые наши товарищи расслабились, решив, что контрреволюция побеждена, другие, что ещё хуже, от безделья стали искать врагов там, где их нет. Сейчас мы разбираемся, товарищи ли они нам вообще, или это такая новая форма вражеской работы – обвинить честного человека и дискредитировать органы. Уже не раз были случаи, когда трудовые коллективы отстаивали таких мнимых "врагов", доказывая их невиновность. Надо ли говорить, какой вред наносят авторитету органов внутренних дел такие случаи? Имейте ввиду, и старший майор ГБ Меркулов, и комиссар ГБ первого ранга товарищ Берия, и сам товарищ Сталин требуют от нас не количества разоблачённых врагов, а порядка на вверенном нам участке работы. Все случаи превышения полномочий будут жёстко пресекаться. Историю Фриновского никому напоминать не надо?

Кобулов опять поиграл с нами в гляделки, а, между тем, история вышла некрасивая. Бывший замнаркома НКВД попался на пытках и выбивании показаний в ходе расследования "армейских" дел. Но, от высокопоставленных военных ниточки потянулись в промышленность и тут нашла коса на камень. Хороший, оборотистый директор завода или грамотный главный инженер, да вообще любой "капитан" промышленности, по нынешним временам – великая ценность. Текучка в этом слое страшная и, чтобы усидеть на месте, надо справляться с делами, минимум, на "хорошо". Соответственно, терять такие кадры непонятно из-за чего, трудовые коллективы не захотели. В общем, когда арестованных было директоров выпустили, они первым делом начали писать жалобы в вышестоящие партийные органы и газеты, хай поднялся до небес. В итоге арестовали уже самого замнаркома и всех кто, как говорится, с ним "засветился".

— Вижу, что вы понимаете меня правильно, товарищи. Вернёмся к главному. Хоть и кажется, что контрреволюционная деятельность в промышленности пошла на спад, это всего лишь иллюзия. Враг никуда не делся. Он существует. Пусть он сейчас обескуражен, но он ищет новые формы борьбы. Убедившись, что мы научились бороться с примитивным вредительством и отличать его от обычной глупости и криворукости, он пытается действовать на более высоком уровне. В последние случаи участились попытки разложения трудовых коллективов. Это может выливаться в сопротивление проводимой партией политики сплошной "параллельной системы". Такие случаи особенно характерны для молодых коллективов вновь

построенных заводов с неотработанным, неустоявшимся производством. Обращаю особое внимание на нежелание некоторых заводов, занимающих исключительное положение монопольных производителей какого-либо вида продукции, переходить на выпуск новых образцов, вместо уже не нужных, устаревших. Под видом нежелания рабочих терпеть убытки в ходе освоения новых изделий советское правительство фактически шантажируется. Либо довольствуетесь старьём, расходуя народные средства на утиль, либо строите, минимум, ещё один завод в качестве соперника-противовеса, опять-таки разбазаривая ресурсы на излишек мощностей. В этих случаях организованной контрреволюционной работы доказать не удалось, но это совсем не значит, что её нет. Просто недостаточно упорно ищем. Надо либо найти, либо полностью исключить. В первом случае, сам факт разоблачения хоть одной такой организации даст нам могучий аргумент в борьбе за умы работников трудовых коллективов, сведя вражескую работу на этом направлении на нет. Не исключены и иные формы вредительства, с которыми мы ещё не сталкивались, в том числе и в вышестоящих эшелонах - планирующих и управляющих органах. Теперь перейдём к конкретике.

Далее началась раздача ЦУ. Кобулов по отделам, перечислил кому, куда и какие дела с ведущие их следственные группы передаются, обратил внимание на важные направления, где следует развернуть или усилить оперативную работу, поставил или подтвердил задачи входящим в техотделения шарагам, оставив мой "моторный" на закуску. Несомненно, майор сделал это именно потому, что заведомо знал о моих инициативах.

— Капитан государственной безопасности Любимов, в вашем секторе на текущий момент наши товарищи из местных подразделений справляются хорошо. Поэтому, никаких расследований в ближайшее время вам вести не придётся, но будьте готовы при нужде дать техническую консультацию. В особо сложном случае, если дело будет требовать большого объёма специфических знаний, тогда заберёте его в центр, а мы выделим вам резервную следственную группу. Будем надеяться, что таких несчастий с нами не случится, — двусмысленно пошутил Кобулов. — Вашей главной заботой должна стать организация эффективной работы всех трёх ваших спецКБ. Кадров для укомплектования техотделения вам выделили, конечно, в обрез, но зато опытных именно в таком деле. В КБ, которое занимается сердечниками для пуль, дела идут хорошо. А вот то, у которого шестерёнки, что-то никак не справляется с заданием. Обратите на него особое внимание. Никакой работы спустя рукава, а тем более, саботажа! О вашем "родном", дизельном КБ, вы лучше меня знаете. Найдите возможность ускориться и уплотниться. От наркомата ВМФ поступил заказ на прежний адрес, нужен особый двигатель для речных катеров и мониторов. Его надо дать в минимально возможные сроки, так как он задерживает проектирование и строительство уже запланированных кораблей.

— У меня складывается впечатление, товарищ майор государственной безопасности, что вы мне не доверяете.

— Напротив! — даже восторженно воскликнул Кобулов. — Мы вам, товарищ капитан, очень, очень доверяем! Мы вам доверяем именно то, в чём вы очень хорошо разбираетесь. Но, к сожалению, в следственной и оперативной работе вашего опыта недостаточно. Вам надо сначала осмотреться, поучиться, а не бежать впереди паровоза. К счастью, сейчас мы можем дать вам такую возможность.

— Как учиться, ничего не делая? Вы что, лекции мне читать будете? К тому же, у меня в поле зрения есть отличный сотрудник с богатым опытом следствия. Это старший лейтенант Косов. Считаю, что он достоин должности начальника отделения. Кроме того, у меня есть целый взвод бойцов, желающих остаться в органах, которых готовлю я лично. Ими можно укомплектовать отдел уже сейчас, приступив к полноценной работе по всем направлениям. В крайнем случае, вы, как было сказано, всегда можете помочь резервной группой.

— Как вы не понимаете, что мы как раз стремимся уйти от зачисления в органы НКВД всех подряд. Подождите лета. Тогда пополним ваш отдел за счёт комсомольского актива выпускников технических вузов, — предпочтя не заметить Косова, повторил Кобулов слова наркома во время вступительной речи.

— Мои бойцы - не "кто попало"! На любом этапе нашей работы они будут находиться в естественной, привычной для них среде. Они могут поддержать разговор и знают подход и к рабочим, и к руководству заводов, и к инженерному составу. А в моторах они, наблюдая за их созданием, подозреваю, разберутся получше студентов-выпускников не имеющих ещё практики. И, повторяю, их можно привлечь немедленно! Вот, я и план работы и укомплектования составил.

— Мне нравится ваша хватка, товарищ Любимов! — похвалил меня хитрый армянин. — Давайте сюда ваш план. Я его рассмотрю, представлю начальнику главка и, если он не будет возражать, согласую с основным планом формирования управления. Всё, товарищи, все свободны, приступайте к работе.

В кабинете раздался звукдвигающихся стульев и даже если бы я что-то хотел сказать, меня бы попросту не услышали. Или сделали вид, что не слышат. Глядя на происходящее, я пришёл к выводу, что меня просто-напросто задвигают. Назначили, несмотря на нежелание прямых руководителей, начальником отдела? Можно попрыгать от радости. Но по факту ничего не изменилось! Как ковырялся в своих любимых железках, так и буду ковыряться. А для гарантии, чтоб мыслей дурных не возникало, нагрузки добавили.

В принципе, если засунуть амбиции подальше, то жить можно и так. До первого крупного ЧП в подконтрольном секторе, после которого крайним, как пить дать, сделают именно меня. Последствия могут быть самыми плачевными, по минимуму - разжалуют обратно в начальники КБ и вся эта история с моим назначением обернётся пшиком.

Эпизод 4

Время идёт, дело стоит. Две недели прошло с тех пор, как я подал Кобулову свою записку, но воз и ныне там. Большие совещания в управлении проходят еженедельно, в прочих случаях начальник приглашает только тех, кого непосредственно дело касается. Так вот, меня ни разу не пригласил. Он вообще будто делает вид, что меня и моего отдела не существует. Каждые семь дней, когда от моего присутствия не отвертеться, задаю вопрос насчёт укомплектования отдела. Ответ один и тот же - рассматривается наверху, ждите. Обращаться напрямую к начальнику главка субординация не позволяет, а разрешения спрашивать бесполезно.

Не то чтобы я совсем ничего не делал. Попробовал попросить совета у Кожанова, заглянув вечером к нему домой. В конце концов, это он меня в это дело втравил, с дядюшкой на пару. Заодно и от последнего "заказа" попытался отбиться. Получилось не очень удачно. Чуть не разругался с наркомом ВМФ на почве речных мониторов в пух и прах. А началось всё именно с движков, которые ему хотелось иметь плоскими, чтобы даже в машинном отделении самого мелкосидящего корабля располагались ниже ватерлинии.

В отношении бронекатеров это понять можно, но ведь воевали в "эталонной" истории БКА с ГАМ-34! И совсем неплохо! Терять время на работу, без которой можно обойтись, не хотелось. А уж когда мне Кожанов сказал про мониторы, то я высказал крамольную мысль, что они не стоят тратившихся на них денег. Нужны обычные плавбатарей с возможно более мощными или дальнобойными пушками!

— Товарищ главнокомандующий флагман, — с подначкой, но фактически верно, не придерёшься, начал я высказывать свою точку зрения, — вы, как моряк, представляете себе броненосец в узком проливе с мелями и минами, берега которого утыканы вражескими батареями? Это же кошмар любого адмирала! Вспомните Дарданеллы! Почему для реки, когда ситуация совпадает в точности, критерии другие? А стада танков с пушечным вооружением по берегам? Ваши мониторы получают всего лишь огромной, маломаневренной и легкоуязвимой мишенью. Они обречены погибнуть, не нанеся противнику вреда, потому, что умный враг не даст себя обнаружить и будет бить из-за укрытия или вызовет авиацию. Единственный способ для крупных речных боевых кораблей выжить - это держаться подальше от линии фронта. Река - это вам не море, где с корабля никуда не денешься. Надо решительно отказаться от стереотипа и руководить боем с берега. Корректировать огонь должны группы морской пехоты, оснащённой самыми совершенными приборами артиллерийской разведки и наводки, на бронированной вездеходной амфибийной технике, способной действовать вдоль рек, в том числе и в заболоченной местности. Вот куда надо средства вкладывать, а не в бесполезные утюги вроде "Ударного"! Я это к тому, что плавбатареям ни броня, ни плоские дизеля не нужны. Они вообще несамоходные могут быть!

— Складно говоришь, — качнул головой Кожанов, — вот только на КВЖД получилось как раз наоборот. Наши "мишени", как ты их называешь, раскатали всё в пух и прах в пределах видимости. Это настоящий факт, товарищ Любимов, а не теории какие-нибудь. Против него не попрёшь.

— Ёрш вашу медь! А Вещий Олег свои ладьи на катки поставил и ходил "посухо аки по морю". Согласно летописям это тоже настоящий факт! Какие же мы из этого, в разрезе советских речных флотилий, должны выводы сделать?

— Ну, ты и сравнил, Семён, — нарком ВМФ был уязвлён в лучших чувствах. — Это когда было-то? А бои за КВЖД - шесть лет назад всего. Для корабля это вообще не возраст.

— А ничего, что против китайцев воевали, которых до сих пор только ленивый не бил? А ничего, что шесть лет назад танки были МС-1 в лучшем случае, а сейчас Т-26М? А какие танки ещё через шесть лет будут? А тягачи? ЗИЛ-6 корпусную пушку тянет только в путь, главное, чтоб гусматики не горели! А пикировщики у китайцев были? А?!

— Чего разошёлся-то? — рассмеялся Иван Кузьмич. — За битых китайцев отомстить решил?

— Бесполезную, лишнюю работу делать не хочу! Будто у меня забот других нет! А ты заставляешь!

— Хошь расшибись, но вынь да положь, — добродушно, но непреклонно отрезал нарком. — Планы утверждены и подписаны. Или ты опять работу, минимум, двух наркоматов прахом пустить хочешь?

— Хорошо, зайдём с другой стороны, — тут я набрал в грудь побольше воздуха и, отбросив всякое человеколюбие, спросил. — Какие самые мощные орудия сейчас выпускаются для флота? Нет, если военно-морская тайна, Иван Кузьмич, так ты не говори. По лицу твоему и так всё видно.

Действительно, красный флагман выглядел сейчас так, будто над ним морально надругалась сразу вся мировая буржуазия. Я, признаться, внутренне готовился, но такого эффекта не ожидал. Впрочем, понять Кожанова было можно - под его нужды переориентировали почти все ленинградские артиллерийские производства, а выпускать-то в серии, по большому счёту, и

нечего!

— Если гадость хотел сделать, так у тебя получилось, — пробурчал нарком. — Только к чему это?

— Иван Кузьмич, сам давеча проболтался про пушки, не взыщи, — развёл я руками. — Поэтому и спрашиваю, насколько загружены мощности и не прилетит ли тебе по шапке за это. Как видишь, о тебе же беспокоюсь.

— Нормально загружены, — буркнул флагман. — "Большевик" Б-1 гонит да царское наследство модернизирует, а "Путиловец" полковушки, КПТ (Краснопутиловская танковая, КТ-28) и 15/28.

— Короче, либо сырое, либо старое и на флот непригодное.

— Нет, ты скажи, что делать, раз такой умный! Много вас таких! Вот на "Большевике" с 30-го года Б-13 и Б-14 мучили, а результат? Первая неуниверсальная, живучесть ничтожная, клиновой затвор не работает, пневматический досылатель такой же, разве что полегче за счёт 45-калиберного ствола чем старая Б-7 (ттз на Б-13 февраля 1932 г). А у второй даже противооткатные устройства нормально не работают. Ничего, самые умные теперь в "Крестах" свой талант покажут, дай срок. Сейчас просто момент такой, на "Большевике" умников бестолковых проредили и разработку больше чем одной пушки они не потянут теперь. Приказал им поэтапно модернизировать Б-7 заделом по Б-13 и далее до универсалки, раз сразу сделать не могут. Знаешь, помогло! На днях представили уже Б-7 с гильзовым заряданием, поршневым затвором, пружинным досылателем вместо пневматического, смещённой назад по люльке линией цапф и уравнивающим механизмом. 45 градусов угол возвышения. Если на испытаниях отстреляются нормально, пойдёт в серию как Б-7М1. Хотя бы для береговых батарей. А эсминцы "сотками" придётся пока вооружать. Отдал эту тему с заделом по Б-14 на "Красный Путиловец". Они опыт в таких делах кое-какой имеют. Л-5 с затвором по типу Лендера и не связанным с ним пружинным досылателем уже стреляет, капризов терпимо, отладят. Неуниверсальная Л-4 для лодок тому порукой, до угла 45 градусов отстрелялась без замечаний. Правда, досылателя на ней не стоит. Теперь очередь за Л-6 в спаренной палубной установке с двумя стволами в одной люльке, там некоторые детали "зеркальные". Если всё нормально пойдёт, то Л-6 вместо "стотридцаток" установим на корабли седьмого проекта. Тришкин кафтан латаем, но деваться некуда. Хоть "на бумаге" замена равноценная – общий вес залпа примерно такой же получится, а установки даже легче Б-7 и боезапас числом больше.

— Откровенно говоря, думал, что всё гораздо хуже. Но, выходит, на данный момент готовые к серии или уже выпускающиеся пушки от ста и выше по воздуху работать не могут и на корабли по этой причине не годятся?

— На подлодки и береговые батареи пойдут, — возразил, так, что фактически ответил утвердительно, Кожанов.

— То есть туда, где артиллерия крайне малоэффективна, — подвёл я жирную чёрную черту под словами наркома.

— Почему это?! — прямо-таки взвился флагман флота. — Одна пушка на берегу стоит трёх-четырёх на кораблях! А на лодках экономится торпедный боезапас для важных целей за счёт уничтожения корыт попроще из пушки.

— Смотри сюда. Война длится некоторый нефиксированный промежуток времени равный для обоих противников. Победа достанется тому, кто, среди прочего, вывалит за это время на врага больше снарядов. В таком разрезе, надо стремиться к тому, чтобы в каждый момент времени

по врагу работало максимальное количество стволов, идеально – все. А любая бездействующая пушка – фактически дезертир. Если она не стреляет по врагу – она бесполезна и даже вредна, так как требует иметь при ней боекомплект, который могли бы выстрелить другие орудия и расчёт, который тоже мог бы не просто жрать, а приносить пользу, — тут я перевёл дух и задал вопрос. — Ну, и как после этого относиться к береговым батареям, которые не в силах хоть на миллиметр приблизиться к врагу, чтоб достать его снарядами? Получается, мы ставим свою победу в зависимость от воли или глупости врага. Даст он нам шанс пострелять по нему или нет. Или, в случае с лодками, артиллерия которых, годная только безоружные транспорты расстреливать, сразу станет бесполезным грузом при введении противником системы конвоев.

— Береговые пушки и подвижными можно сделать. Вон, наши тяжёлые транспортёры. Хочешь на Балтику, хочешь на Дальний Восток при нужде перебросить за месяц можно.

— Да уж. Тяжеленные четырнадцатидюймовки можно, а "сотки", "стотридцатки" и "стовосьмидесятки" ? нет. Странно, правда?

Кожанов встал, прошёлся, взъерошил волосы, сел, навалившись грудью на стол и коротко бросил.

— Говори!

— Вот, смотри. Это понтон-книжка, — я нарисовал карандашом на листе бумаги звено парка ПМП. — Перевозится, скажем, 9-тонным ЯГ-10В. Грузоподъёмность – двадцать тонн. Состыковываем пару-тройку, или сколько там понадобится, таких понтонов, монтируем на палубе сборную раму-паука, на которую устанавливаем 100-, 130- или 180-миллиметровую пушку с круговым обстрелом. Тут же размещаем боезапас, средства связи и управления, вспомогательную силовую установку, если используем привод, а не работаем вручную, ставим брустверы из мешков с землёй для защиты и втыкаем в мешки зелёные ветки. После этого пришвартовываем 4-6 таких понтонов к речному берегу и тяжёлая дальнобойная батарея к стрельбе готова. Засекли расположение – мотор-вёсла в воду и перешли в другое место. Подходит враг – разобрали всё, погрузили на грузовики и уехали на другую реку воевать. Эти же пушки на этих же разборных основаниях и на береговых батареях монтируются. Флот не воюет – разобрали и уехали на действующий. Не надо вмуровывать пушки в бетон! Лучшее средство защиты – стрельба с закрытых позиций. И никаких вам утюгов-мониторов. Потому, что на "Ударном", если мне память не изменяет, только два орудия ГК. А "Большевик" и "Красный Путиловец" загрузить надо, иначе заберёт Ворошилов обратно за простой. Вот такая моя теория. Специальных дизелей она не предусматривает. А для катеров, если плоский охота, рекомендую танковый мотор от Т-35, выпуска завода имени Ворошилова. 1200 лошадиных сил при высоте от дна картера до верхней точки около восьмидесяти сантиметров. Полмотора уж точно ниже ватерлинии будет. Или ты, Иван Кузьмич, боишься маршала задеть, на его моторы лапу наложив? Это полбеда. Вот если ты из "стовосьмидесятки" с понтонов стрелять начнёшь, то сам Бог велел у наркомата обороны 12-дюймовые гаубицы пятнадцатого года образца отобрать. На реке при перебазировании котлованов рыть не нужно, знай, плыви куда требуется.

— Плавает, сам знаешь что... — думая о своём, по привычке брякнул Кожанов.

— Так я о нём и говорю. Но маршалу всё равно неприятно будет, если твои покажут эффективное применение таких калибров в маневренной войне.

— Подумаю, но ничего не обещаю, — подвёл итог нашему спору флагман. — Ты только за этим пришёл?

— Вообще-то, нет. Понимаешь, какое дело, меня затирают. Причём чуть ли не в открытую, — тут я поведал Ивану Кузьмичу свои горести связанные с должностью начальника моторного отдела, но тот отнёсся к новостям легкомысленно.

— Переживаешь, что работать не дадут? Наоборот, радоваться должен! Ты бумагу написал, теперь ход за ними и пока решения не будет, ты ни за что ответственности не несёшь. Только с инициативами ты явно погорячился. Надо было просто зафиксировать в письменном виде состояние вещей, а как решать — сами пусть думают.

— Да придумали уже. Ждать до июля, — тяжело вздохнул я в ответ.

— А у тебя, что, свербит? А дай ход они твоему плану? Кто за всё отвечать будет в случае чего? Ты! Так что сиди и не дёргайся, хватит на твой век ещё приключений, будь уверен.

— Не сможешь, стало быть?

— Чем? — в недоумении Кожанов даже развёл руками.

— Да хоть советом.

— Жди. Вот тебе мой совет. Они на тебя, считай, дают сейчас в открытую. Посмотрим, у кого нервы крепче, хоть ты и уже проигрываешь "по очкам", ко мне прибежал, суетиться начал. Не к лицу. Давай-ка ты орден на грудь, палаш свой на пояс и выше нос! Шпоры можешь не одевать.

С этими словами нарком ВМФ выпроводил меня восвояси, время было уже позднее. Не знаю, что он там насчёт вброшенных мной идей организации речных флотилий решил, но задачу на двигатели с меня не снял. Только сдвинул сроки, аж на конец пятилетки. Как говорится, и на том спасибо.

Эпизод 5

Не дают навести шороху по всей отрасли? Может оно и к лучшему. Принимая дела, я навел на подчинённые мне два станкостроительных спецКБ. Фактически это были две самостоятельных части одной организации, размещавшейся в областной тюрьме на Таганке, поближе к промышленному югу города и как раз на полпути между Лубянской и Нагатинским лагерем. Уже пять с лишним лет здесь живу, а на Малых Каменщиках бывать не доводилось, поэтому, впервые попав в эти корпуса красного кирпича, я испытал давно забытое чувство. Чувство прикосновения к утраченному прошлому. Именно к утраченному, как в прошлой жизни, ведь "настоящее прошлое" нынче стало суровой действительностью, ничего общего с уже один раз написанной историей не имеющей. Казалось, будто попал в какой-то музей.

СпецКБ занимали две камеры в самом конце коридора одного из корпусов. Условия спартанские и от жизни обычных хат уголовников отличались в лучшую сторону лишь меньшим количеством квартирантов. Всего, судя по пустым по случаю рабочего времени койкам, обитало здесь двадцать восемь человек, причём в первом жилом помещении, которое занимала группа продольно-винтовой прокатки, жило только семеро, остальные числились в группе арочных шестерён.

Рабочий день у зеков-инженеров начинался в восемь утра. Сразу после завтрака их выводили в помещения бывшей слесарной мастерской, которую разделили на сектора, исключая взаимное общение групп. Обедали там же, с часу до двух, после чего продолжали трудиться до семи часов, когда всех возвращали в камеры и кормили ужином. А на следующий день в шесть

утра вновь подъём и так без просвета до окончания срока заключения. Без поощрений, выходных и даже прогулок. Зато карцер заработать было легче лёгкого, потому, что начальником обоих спецКБ, по совместительству, числился комендант тюрьмы, который, недовольный темпами выполнения задач, таким методом стимулировал энтузиазм проектировщиков. Неудивительно, что дела и там и там шли, откровенно говоря, из рук вон плохо.

В КБ станков продольно-поперечной прокатки сам станок для изготовления сердечников 7,62-миллиметровых пуль, не представлявший абсолютно ничего сложного и включающий в себя уже выпускающиеся отечественной промышленностью комплектующие, "нарисовали" очень быстро. Уже взялись за большие калибры, составив план до 45-миллиметровых бронебойных включительно. Но, только на бумаге. Как изготовить из твёрдой стали сам формообразующий валец с выемками переменной глубины, важнейшую часть станка, никто ответить не мог. И, кажется, не хотел. Ибо задание было выдано исключительно на проектирование, а как на заводе будут воплощать в металле, никого не волновало.

Ещё меньше надежды у меня было на то, что двинется вперёд дело с арочными эвольвентными шестернями, но ошибся. Когда я оформлял заявку на изобретение, иных способов получить желаемое, кроме как использовать станки ЧПУ я и представить себе не мог. Поэтому, уже "взведённый" в первом КБ, знакомясь с коллективом, первым делом справился о количестве математиков, которые смогут изобрести и построить некий вычислительный механизм, который будет управлять станком. Моё заявление, которое слышал весь состав КБ шестерён, вызвало ступор. Люди растерянно переглядывались, но никто ничего не отвечал.

— Математики, выйти вперёд! — коряво скомандовал я, рассудив, что к неорганизованно стоящей группе следует обращаться именно так. Никакого движения.

— Что, нет среди вас математиков? Электромеханики? Или кто там, чёрт возьми, способен сваять разэтакий управляющий программируемый арифмометр?

— А зачем? — робея, но честно принимая удар на себя, спросил ЗК Перегудов, которого мой сопровождающий представил как старшего инженера группы.

— Я же сказал! Для точного управления станком с четырьмя степенями свободы, на что человек не способен! Или как вы собираетесь арочные зубья нарезать? — даже где-то с издёвкой, свысока спросил я у сжавшегося в ожидании начальственных громов и молний заключённого.

— Позвольте, я вам кое-что покажу, — вдруг как-то сразу воспрянув, ответил Перегудов, — подойдите сюда. Попробуйте обвести по контуру эту фигуру.

Встав у кульмана, и взглянув на закреплённый поверх ватмана, видимо магнитом с обратной стороны, сектор шестерни, вырезанный из тонкого стального листа, рядом с которым уже стоял наготове карандаш, вставленный в систему взаимно пересекающихся тяг, связанный ею с таким же карандашом на другом конце, я догадался.

— Получится этот же сектор? Я его скопирую? — спросил я не сомневаясь в утвердительном ответе.

— Точно так, — не разочаровал меня Перегудов. — Мы создадим металлическую модель готового изделия, с некоторыми припусками, обеспечивающими плавный ввод инструмента, заполним её до формы первоначальной заготовки пластилином и выточим его первичной режущей частью станка. Что бы фрезеровщик ни делал, фальшрезцы по пластилину, ни при

каких обстоятельствах не смогут войти в стальную модель. Более того, чтобы начисто удалить заполнение, модель может, по необходимости, не быть закреплённой жёстко, а проворачиваться, либо перемещаться иным образом под воздействием первичного инструмента, к которому такое же правило взаимно применяется. Например, фрезеровщик подаёт головку к детали, а та, не в силах в неё углубиться напрямую, выбирает мягкие участки, либо смещаясь сама, либо смещая заготовку. Это первичная часть будущего фрезерного станка-полуавтомата. Она жёстко, при необходимости через бустеры-усилители, связана с вторичной частью, где всё уже без детских игрушек. Настоящая заготовка и настоящая фреза, совершающие точно такие же действия, как и первичные. В результате, фрезеровщик по пластилину, имеющий, однако понятие, что на самом деле он работает по стали либо иному металлу и не нарушающий режимов резания, выточит точную копию изначально заданной модели. По этому же принципу, разумно создать иные, например, токарные станки для тиражирования с высокой точностью каких-либо ответственных деталей. Управлять ими, в принципе, может даже выпускник фабзавуча.

После всего услышанного, я стал смотреть на мир широко раскрытыми глазами. Хотелось петь и смеяться. В общем, самообладание от внезапно свалившегося счастья, я потерял. Вот что значит стереотип! А ведь именно из-за него я с самого начала видел только один, долгий и затратный, путь решения проблемы. А люди, не отягощённые багажом готовых решений, нашли иной! Впрочем, смотря глубже, это одно и то же решение. Просто в первом случае модель используется цифровая, а во втором самая натуральная металлически-пластилиновая. Но самое важное в том, что Перегудов упомянул в самом конце. Можно тиражировать с высокой точностью детали любой, самой сложной формы. Игрушечный резец по пластилину никогда не вгрызётся в стальную модель. Даже если станок будет саму человеческую руку копировать и художник, рисуя по вощёной доске, параллельно твердосплавным резцом будет создавать гравюру по стали. Так-то. Пожалуй, Шпагин теперь просто "обязан жениться" на этом спецКБ, с его-то затворной рамой СВШ.

Вдохновлённый произведённым впечатлением, Перегудов стал разворачивать свои мысли дальше, предполагая связывать в обрабатывающие комплексы один задающий и несколько исполнительных механизмов, чтобы обрабатывать одновременно две и более заготовки. Либо разместить исполнительные механизмы по окружности заготовки, обрабатывая одновременно два и более зуба будущей шестерни. Однако, когда дошли до реально проделанной работы, всё оказалось далеко не так радужно. Перегудов отчитался, что найдены оптимальные пропорции зуба арочной эвольвентной передачи и спецКБ находится на этапе создания пробной модели для проверки теории практикой. Таким образом, все токарные, фрезерные комплексы сейчас не более чем эскизы, в лучшем случае, чертежи.

— Интересно, а как же вы собрались первоначальную модель создавать без станка?

— Точно так же, гражданин начальник, как великий грек вывел формулу длины окружности, разделив её на бесчисленное количество прямолинейных участков, — "умывать" меня, похоже, входит у Перегудова в привычку. — Делим модель на множество с минимальной толщиной и в каждом сечении работаем как с двумерной деталью, после чего собираем в пакет. Это требует известного времени.

Что ж, на эту работу мне времени не жаль. Если всё получится, производительность, даже при использовании малоквалифицированной рабочей силы, от которой, по большому счёту, требуется только аккуратность, будет бешеная. В свете предстоящей войны, женщин и детей, работающих с подставок, по двенадцать часов в смену, впроголодь, это очень, очень важно! Про чисто технический эффект от более лёгких, компактных, малозумных зубчатых передач я уж не говорю. Но ведь тут не только шестерёнки! Скажем, самая массовая продукция войны -

боеприпасы. О тружениках тыла, перевыполняющих план по снарядам в 3-5 и более раз, в те тяжёлые годы писали центральные газеты, их награждали орденами и почётными званиями, не говоря уж о деньгах. А тут каждый работник вместо одной заготовки будет обрабатывать 2-3, а может и пять. Каждый! Значит, наша армия сможет обрушить на головы врага во столько же раз больше металла и взрывчатки, нанося ему потери и сокращая свой путь к победе.

Цыганка с картами, дорога дальняя.
Дорога дальняя, казённый дом.
Быть может старая, тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждёт.
Таганка, все ночи, полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Топая в состоянии лёгкой эйфории коридорами тюрьмы по направлению к её коменданту, я неосознанно мурлыкал себе под нос саму собой вспомнившуюся песню. Но, обернувшись на сопровождающего при проходе через очередную отсечную решётку и заметив его взгляд, показавшийся мне излишне задумчивым, осёкся и даже, сам от себя такого не ожидал, смутился и пару раз кашлянул, пытаясь это скрыть. Хотя... Чего мне, бывшему колчаковскому контрразведчику, бояться? Тьфу, как говорится, на всё. Я таких песен могу напеть, что у того, кто будет пытаться анализировать, мозг взорвётся.

Комендант Таганки не разделил моей озабоченности условиями содержания спецконтингента, заявив, что тюрьма переполнена и моих неплохо вообще было бы переселить в одну камеру. Что ж, идея объединить два этих КБ вполне себе дельная. По крайней мере, по методу Перегудова можно изготовить вальцы для прокатки сердечников пуль. Но для этого сперва следует сваять токарный полуавтомат. Вот пусть и помогут друг другу. И, пожалуй, попрошу Кобулова дать разрешение переселить всю эту компанию в Нагатино. Там места хватает, а условия по сравнению с областной тюрьмой – просто курорт. Заодно и под присмотром будут.

Эпизод 6

Беда прискакала откуда не ждали. Обычно, начиная свой день в Нагатино с "усиленной зарядки" со взводом "академиков", после завтрака я ехал в центр и, если там по-прежнему было тихо, возвращался к себе и занимался работой по моторам. Вот по пути с Лубянки, уже почти на подъезде к КПП лагеря, я нагнал старого знакомого – военпреда ЗИЛа Бойко, спешащего на костылях так, что казалось, будто он машет крыльями и пытается взлететь. В ответ на моё приветствие и предложение подвезти бравый капитан матерно меня обругал и в резкой форме поинтересовался, какого, извините, рожна арестовали Гинзбурга.

— Угомонись, во-первых. Откуда я знаю? Я от тебя эту новость впервые услышал! — без ругани, но возмущённый таким к себе обращением, жёстко ответил я вопросом на вопрос.

— Не ври! О твоём назначении в "Заводском листке" писали! А то, что вы с Рожковым вась-вась каждой собаке известно!

— Погоди, так каши не сварим, — поняв, что на дороге с разбегу мы ничего не решим, да и просто не поймём друг друга, остановил я пререкания. — Поехали ко мне, расскажешь за рюмкой чая о ваших приключениях. Посмотрим, чем можно беде помочь.

Ничего не ответив, насупившись, Бойко забрался в "газик" и через две минуты мы уже

проезжали через шлюз на остров.

— Ну, давай, сперва ты рассказывай, — проведя капитана в свой кабинет и предложив присесть, начал я беседу.

— Ищи дурака! "Рассказывай!" - Бойко даже состроил гримасу, передразнивая меня. — Знаю я вас! Я ничего не натворил чтобы "рассказывать"! Ты давай рассказывай, я тебе вопрос первому задал.

— Твоё настроение мне не нравится, но коли ты так хочешь, могу и я начать, — выразил я своё согласие. — Сегодня я встретил хорошего человека с которым раньше мы, вроде, неплохо ладили. Он меня обматерил непонятно за что. Больше мне добавить нечего. Ну, и как тебе такая моя история? Что молчишь? Узнал, чего хотел? Тогда свободен! Я тоже, знаешь ли, в дурь попереть могу!

— Ладно, — перевёл дух военпред, достал папиросу и, не спрашивая разрешения, закурил. — Конфликт у них с Рожковым был из-за моторов. На танк с противоснарядным бронированием. Поначалу, вроде, было всё просто. Как раньше Т-26М на агрегатах ЗИЛ-5 делали, так же и новый танк прорабатывали, но уже с ЯГовским мотором, коробкой и далее по списку. Машина из-за большой высоты выходила тяжёлая. С 45-миллиметровой бронёй вкруговую под двадцать три - двадцать четыре тонны, если не больше. А всё из-за кардана в боевом отделении. Вот я и придумал сдвинуть его влево до упора, под места наводчика и командира. Заряжающему в таком случае неудобно будет, только если башню больше чем на сто градусов в сторону повернуть. Вправо-влево немного по-разному, но, по моему опыту, в бою такое случается нечасто. Да и то, орудие всё равно обслуживать можно. Водителю тоже привычка нужна будет. Коробка ведь от него слева получается и передачи левой рукой втыкать придётся. Однако, англичане, говорят, ездят так и ничего. Всё упёрлось в мотор. Серийный ЯГовский плоский оппозит не подходит, нужен мотор с жёстким блоком вместо отдельных цилиндров. Чтобы шестеренчатую гитару прямо на блоке смонтировать и вывести вал из левого нижнего угла моторного отсека. В общем судили-рядили и сообразили, что дизель вообще надо повернуть вертикально. Он в высоту всего метр десять выходит и МТО не выше боевого получается. Зато, разместив узкий двигатель в левой половине кормы, в правой можем ставить что угодно! Хоть бак, хоть боеукладку, хоть командирскую радиостанцию, хоть всё вместе взятое! И танк при этом низкий получается, лёгкий, около двадцати тонн.

Вошёл боец и принёс поднос с двумя парящими стаканами чая в фигурных подстаканниках, прервав излишние разговоры Бойко. Я же, пользуясь передышкой, представил себе описанные машины. С первой было всё просто - это прямой аналог немецкого "панцерфир", но с низким моторным отсеком. Если бортики в корме добавить, не мешающие, однако, обстрелу из башенного вооружения, для танкового десанта удобно получается. Этаким прообраз БМП, вернее БМД. А вот второй... Вторым получался короткий, как любой другой танк с передним расположением ведущих колёс. И в то же время низким. Забронированный объём меньше, компоновка рациональнее. Но, при стрельбе строго назад, заряжающий сидит на корточках на кожухе вала, при подрыве мин под левым траком велика опасность повреждения трансмиссии и, самое главное - новый двигатель.

— С техникой мне всё понятно. Дальше-то что?

— А дальше... Дальше вони до небес. Гинзбург хочет новый мотор и двигательный отдел общеавтомобильного КБ, в принципе, готов его быстро создать с высокой степенью унификации с серийными моторами, а Рожков не хочет иметь в серии две модели одной и той же мощности. Говорит, что сборочной линии на ещё один мотор попросту нет, а план он

срывать не даст. И так и пошло. Мы через наркомат обороны протолкнуть пытаемся, а Рожков через Лихачёва Орджоникидзе жалуется. Всё понятно. Но арестовывать-то зачем?

Всем же понятно, что Гинзбург никакой не вредитель. Не ожидал от Рожкова подлости такой, — с нескрываемой горечью и разочарованием высказался Бойко и, нервно теребя, расстегнул ворот, глубоко вдохнув вдруг ставший каким-то вязким воздух.

— Понятно. Кто конкретно арестовывал Гинзбурга? Когда, при каких обстоятельствах?

— Я почём знаю? Он сегодня не вышел на работу. Бросились звонить домой, а жена говорит, что ночью забрали.

— В общем, дело ясное, что дело тёмное. Вот что, дорогой мой капитан Бойко, — я встал, подошёл к танкисту и, слегка наклонившись, положил ему руки на плечи, глядя при этом прямо в глаза. — Душевно тебя прошу не шуметь. Вообще ничего не предпринимай. Не хватало ещё, чтобы ты прицепом пошёл. Я сам попытаюсь узнать, в чём там дело. Уговор?

— Ладно... Коли не шутишь.

Проводив военпреда с дежурной машиной, я стал прикидывать варианты своих дальнейших действий. Как ни крути - это уже явное вторжение именно в мою епархию. Весь сыр-бор из-за движка, а меня даже не удосужились проинформировать, поручив дело кому-то другому. И никаких "хорошо справляющихся местных товарищей" тут и близко быть не может. Во-первых - завод московский, в этом случае всё сразу передаётся в центр, судя по тому, как Кобулов распределял материалы на первом совещании управления. Во-вторых - даже Бойко знает, что дело вышло на уровень наркоматов. Теперь-то мне есть что конкретно предъявить Кобулову, но торопиться не будем. Надо сперва собрать всю доступную информацию. Причём лично, потому как официально никакого расследования я не веду.

С такими мыслями мне прямая дорога ко второй стороне конфликта - директору ЗИЛа Рожкову. Никогда бы не подумал, что он способен кого-либо оклеветать. Ведь, по сути, Бойко прав полностью - вопрос чисто технический и должен решаться в НКО, НКТП и Госплане, а отнюдь не в НКВД. И Рожков не может этого не понимать. Неужто за то время, что я его не видел, он совесть начисто потерял?

Вот примерно так я рассуждал ещё на входе в кабинет директора, но тот смог меня удивить. На мою просьбу покаяться в грехах и снять с души камень, Рожков заявил, что догадывается, что Гинзбурга забрали из-за спора о моторах, но он к этому никакого отношения не имеет! К нему самому вчера приходили чекисты и под протокол заставили рассказать обо всей суете. Звание и фамилия старшего, лейтенант ГБ Калюжный, мне ни о чём не говорили. Зато об этом могли знать на Лубянке.

В моторном отделе пять за оперативную работу честно заработал младший лейтенант ГБ Сотников, установив через своего агента, известного как "Даша из машбюро", что товарищ Калюжный числится в автотракторном отделе нашего же управления. Всё, круг замкнулся. Кобулов с чистой совестью отмажется, что завод автомобильный, соответственно и работу поручили автотракторному отделу. Однако рапорт я напишу. Вода камень точит.

— Докладываю, что проведёнными мной оперативными мероприятиями, установлено, что конфликт руководства завода ЗИЛ и руководства бронетанкового КБ того же завода имеет в основе различные мнения по поводу двух разных дизель-моторов, тем не менее, чрезвычайно близких по конструкции. Прошу передать дело в отдел ДВС по следующим основаниям. Первое. Дело требует специфических знаний, которыми именно я обладаю в наибольшей

степени. Второе. Работая на заводе ЗИЛ с 1929 года, имею там обширные оперативные возможности, знаю всех фигурантов лично и непосредственно. 29 марта 1935 года. Капитан госбезопасности Любимов, — вслух прочёл спустя пару часов Кобулов и устало поднял на меня глаза.

— Что, товарищ майор госбезопасности, надоел я вам? — проявил я своё участие. — Жить спокойно не даю?

— Хоть я и не должен тебе об этом говорить, Семён Петрович, — не отреагировал на провокацию начальник управления, а наоборот, перешёл на доверительный тон, — но дело там совсем не в моторах. Гинзбург написал на Рожкова, одного из лучших директоров заводов, донос, якобы тот срывает работу. Вот мы и пытаемся сейчас выяснить, как Гинзбург хотел нашими руками сорвать работу целого автозавода. И, в любом случае, ему придётся нести ответственность за ложный донос и клевету.

Из меня будто воздух выпустили. Сдулся в буквальном смысле этого слова.

— Бред какой-то... Не может быть... — пробормотал я растерянно.

— Что, жалеешь дружка своего? — с явным превосходством, но участливо, спросил майор.

— При чём тут личные отношения? Друг, брат, сват какая разница! — вспыхнул я. — Речь о главном конструкторе танкового КБ! Его арест влияет на обороноспособность СССР напрямую! И как это вы так с ходу поняли, что донос ложный? А вдруг нет? Дайте-ка я угадаю. Рожкова, как вы говорите, коллектив не отдаст? Взяли кого попроще? Я настаиваю, чтобы дело немедленно передали мне для объективного, подчёркиваю, объективного расследования.

— Товарищ капитан государственной безопасности, — вернулся к официальному обращению начальник управления, — почему вы думаете, что вы более объективны, чем работники автотракторного отдела? Которых, заметьте, с Гинзбургом не связывают никакие личные отношения? Вы считаете, что вы один стоите на страже советской власти? Другие чекисты здесь в бирюльки играют по-вашему? Идите и работайте, выполняйте поставленную перед вами задачу. И не лезьте, дайте другим тоже работать.

Кобулов, посылая меня на трудовые подвиги, тем самым дал понять, что ответы на заданные им же вопросы его не интересуют. Поэтому я посчитал возможным задать свой собственный.

— Могу я поговорить с Гинзбургом?

— После того, как революционный суд вынесет приговор.

— Жаль, — сказал я вслух, додумав про себя: "не сработались, товарищ Кобулов". После чего встал и молча покинул кабинет.

Эпизод 7

Если раньше я как-то ещё надеялся, договориться, подобрать ключики, то теперь противодействие мне со стороны непосредственного начальства стало очевидным. По сути, мне ставили препоны и совали палки в колёса в любом самом малом деле. Перебазировать станкостроителей, кстати, Кобулов тоже отказался, зато дал добро на их "уплотнение" в одну камеру. Слово мне назло! Понятно, что майор не сам по себе действует, а с ведома Меркулова, которому мою записку доложить был просто обязан. Молчание начальника главка — красноречивее любых слов.

Дурацкая ситуация получается. Берия - он не сам по себе. У него команда. И именно она, в совокупности мне и нужна для душевного равновесия, как гарантия сохранения внутривластной стабильности перед и в ходе грядущей войны. В то же время, нельзя игнорировать очевидный факт, что эта самая "бериевская команда" устроила против меня борьбу, невозможно. Любое моё активное противодействие, учитывая, что все мои устремления абсолютно прозрачны, законны и только на пользу СССР, а у недоброжелателей, соответственно, получается наоборот, может отправить Лаврентия Павловича вслед за Ягодой и Ежовым. Хотя... Меркулов с Кобуловым вполне могут считать, что действуют во благо, придерживая выскочку сомнительного происхождения, который, к тому же, опасен почему-то именно для наркомов внаудел. Молодцы, нечего сказать, сами себя, фактически, взяли в заложники и шантажируют меня, вынуждая бездействовать. В свете грядущих событий - преступно бездействовать.

Пережив с такими мыслями выходные, в понедельник первого апреля, с самого утра я отправился записываться на приём к наркому. Тему для беседы берёт специально для такого случая, заставив Косова отпечатать готовые материалы по его проекту уголовного кодекса на пишущей машинке. Теперь оставалось только ждать, когда Лаврентий Павлович соизволит выделить для меня время. Целых десять запрошенных мною минут. Ещё до обеда звонил Кобулов, интересовался и напоминал о субординации. Успокоил его тем, что имею на руках крайне сомнительную теорию, распространять которую, в том числе и в промышленном управлении ГЭУ, без ведома наркома, считаю невозможным. К моим прямым обязанностям вопрос отношения не имеет, проходит по партийной линии, следовательно, субординацию, как точно такой же большевик, как и я, можете засунуть, товарищ майор.

Вечером, уже после окончания рабочего дня "для всех", но не для наркома, Берия выкроил-таки в своём расписании запрошенное мной время.

— Здравствуйте, товарищ Любимов, — я уже давно заметил, что называть меня "капитаном" наркому почему-то неловко, — проходите. Как ваши дела? Жена, дети не болеют? Не расстраивают главу семьи?

— Благодаря верной линии партии, жизнь налажена. Жена, дети здоровы и довольны, слава Центральному Комитету. А у вас?

— А у меня совсем скоро от рук отобьются, пока отец на работе. Времени ни на что не хватает, — посетовал Берия. — Работы - непечатый край и Авгиевы конюшни. Уж и не знаю, когда всё до конца разгребём. Но мы же большевики! Верно, товарищ Любимов? Нам работа только в радость! Рассказывайте, с чем пришли.

— Да, дело у меня к вам, я бы сказал, щекотливое, — начал я издали. — Как вы знаете, в парторганизациях по всей стране сейчас всю обсуждают проект новой конституции СССР, вносят предложения и дополнения. Вот и мой непосредственный подчинённый вздумал сочинить уголовный кодекс, о чём я сам узнал случайно.

— Это кто? Кажется, старший лейтенант госбезопасности Косов? — не особо-то напрягая память, сделал предположение нарком. Уверен, что личные и деловые качества моего единственного заместителя он знал, поэтому угадывать здесь, в общем-то, было нечего. Кроме старлея, под моим началом до недавнего времени было очень уж мало людей с образованием хотя бы в семь классов.

— Точно так, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга!

— Ну и что? Почему не действуете обычным порядком? Обсудить в парторганизации, выдвинуть наверх предложение, защитить. И так до самой конституционной комиссии.

— С кем обсуждать? Я своих бойцов на технику-механику натаскиваю, на юриспруденцию времени, уж извините, не хватает. Читка уставов и действующих законов – потолок. Тут уж, извините, нужен профессиональный, — от этого слова я скривился, натерпевшись за свою жизнь от "профессионалов", — государственный подход. Среди кухарок, простите, этот проект обсуждать не только бесполезно, но и вредно. Уж больно идеи там, я бы сказал, оригинальные. Разнесут сплетни, может получиться много вреда.

— Даже так? Вредный уголовный кодекс? — переспросил Берия смеясь. — Хорошо, что вы не вредитель, товарищ Любимов! Вы по мелочи не играете! Уж если валить советскую власть, так под корень!

Направление разговора перестало мне нравиться и я не стал отвечать, а нарком, немного успокоившись, вроде как в шутку спросил.

— Ведь не вредитель же?

— Судите сами, товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, — я старался отвечать как можно более холодно и ровно, давая понять, что такие шутки мне не по душе. — Я бы мог сразу с этим вопросом пойти к своему хорошему знакомому, секретарю партийной конституционной комиссии, члену ЦК партии товарищу Кирову. Однако, уважая вас как честного человека, преданного партии большевика и главного, на данный момент, специалиста Союза ССР в поднятом вопросе, пришёл к вам. Впрочем, если вы не готовы, то я могу уйти.

— Зачем вы так сразу в штыки всё принимаете? Ми знаем, что вам доверяют многие уважаемые товарищи, — Берия откинулся к спинке стула. — Некоторые, правда, не доверяют. Но больше тех, кто доверяет. Как мы можем не прислушаться к мнению товарищей? Просто работа у нас такая, что мы проверять должны. И тех, кому не доверяют, и, особенно, тех, кому доверяют. Враги советской власти не дураки. Они как раз и стремятся втереться в доверие к уважаемым товарищам. Чтобы потом побольнее ударить исподтишка. Поэтому обижаться нечего. Тем более, вы сам теперь настоящий чекист и должны набираться опыта оперативной и следственной работы.

— Где-то я это уже слышал, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга, — ответил я с лёгкой иронией. — А, припоминаю... Этим постоянно тычет мне майор госбезопасности Кобулов. Забывая, видимо, что Ягоде моего опыта следственной работы хватило с избытком. А про оперативную мог бы Ежов рассказать. Да вот беда – уклонился в сторону моря.

— Вам просто повезло, что выкрутились, — расслабленно махнул рукой нарком внаудел, всем видом демонстрируя, что сказанное ему абсолютно безразлично.

— Как сказать, как сказать, товарищ Берия. Один раз – везение. Два – совпадение, — тут я, глядя до того на сцепленные на столешнице руки, резко поднял глаза и в упор спросил. — Вы ведь не хотите вывести закономерность?

— Сколько лет я вас знаю, товарищ Любимов, вы всегда ведёте себя вызывающе и питаетесь мной угрожат. Бесполезно. Тем болэе, что у вас самого рыло в пуху! Вы предпочлы нэ замэтыт контррэволюцёного сговора ваших подчынёных. Значыт самы замэшаны и являетэс скрытым врагом!

В том, что наступат, я и не сомневался, но чтоб самому наркому?

— Чтобы подобное утверждать, надо возбудить дело, провести следствие, передать в суд и дожидаться приговора. Но можно взглянуть на ситуацию и с иной стороны. Товарищ Берия, как получилось, что вы назначили на ответственную должность человека, которого подозреваете во вражеской деятельности?

— Это оперативная необходимость, товарищ Любимов, — на чистом русском, спокойно, Лаврентий Павлович продолжил словесное фехтование. — Подозреваемого, пока тот явно не проявил себя, лучше держать поближе и под присмотром, перекрыв ему возможности для контрреволюционной деятельности.

— Значит, работа отдела ДВС промышленного управления ГЭУ саботируется с вашего ведома?

— Оперативная обстановка в отрасли опасений не вызывает и позволяет проводить такие операции.

— Откуда это вам доподлинно известно? У вас есть ещё один такой же, только тайный, отдел?

— Пожалуй, вы правы, товарищ Любимов, — усмехнулся Берия, — вы уже можете справиться с чекистской работой. Понемногу. Давайте перейдём к делу, ради которого вы пришли. Расскажите о этом вашем новом уголовном кодексе.

— Он, собственно, не мой, — я чуть растерялся от такой резкой смены темы разговора и полез в портфель за бумагами, — это проект старшего лейтенанта госбезопасности Косова. Вот, возьмите готовую часть.

— Не имеет большого значения сейчас. Изложите суть...

— Если самую суть, то... — я немного запнулся, не зная, как начать. — В общем, глядя на внедрение партией в промышленности параллельной системы движения денежных средств и продукции, резко повышающей её, промышленности, эффективность, товарищ Косов задумал применить это правило к работе наркомата внутренних дел. Действительно, ведь мы не знаем, насколько эффективно работает НКВД! Допустим, вору в год крадут какую-то сумму, а на какую сумму защищает наркомат? Уж не обходится ли он советскому государству дороже воров? Может, лучше пусть воруют, а наркомат вообще ликвидировать?

— Достаточно!

— Но, товарищ Берия, я ещё даже не начал...

— Я уже успел заранее познакомиться с этим вражеским планом по уничтожению НКВД, — усмехнулся нарком и одновременно с его словами в кабинет ввалились четыре дюжих молодца. — Вы арестованы, гражданин Любимов, сдайте оружие.

Четверо. Уважает, зараза. Не валить же его, он мне нужен! А потом что, с боем прорываться? А потом?

— Ну и дурак же ты, Лаврентий Павлович! — в сердцах брякнул я, расстёгивая португую.

Эпизод 8

Внутренняя Лубянская тюрьма - место паршивое. Крашенные стены, кафельный пол, холодок и

снаружи, и внутри, чего греха таить. Больно уж на мозги давит замкнутое пространство. Камера без окошка с пристёгнутыми к стенам индивидуальными дощатыми щитами-лежанками.

Зато компания весёлая. Когда меня поместили в "двушку", было сколько-то времени, чтобы подумать о душе своей грешной в полном одиночестве. А потом дверь открылась и конвоир впихнул "соседа". Лицо побито, но узнаваемо.

— Седых?! Какими судьбами?

Бывший командир, услышав шум, сфокусировал на мне взгляд не заплывшего правого глаза.

— А, товарищ Любимов. Добро пожаловать. Располагайся, будь как дома. За что тебя?

— Ерунда, сказал Бери, что наркомат внутренних дел Союзу дороже воров обходится, — я заметил, что командир увильнул от ответа на мой вопрос, будто не расслышал, но не стал заострять на этом внимание.

— Аххаха... — Седых засмеялся и тут же натужно закашлялся, а потом схватился за рёбра и, согнувшись, начал заваливаться на пол. Я подскочил и не дал ему упасть, подведя к нарам, свободной рукой отстегнул их от стены и мы сели. Скорее всего, это было нарушением внутреннего распорядка, но мне было плевать.

— Узнаю тебя, стервеца, — отдышавшись сказал Седых. — Ещё тогда, в Грузии, подумал, что язык твой тебя подведёт.

— Раз со мной, брат Апполинарий, — в отместку за "стервеца" я назвал командира по имени, от чего тот, в меру телесных повреждений, попытался сморщиться, — всё ясно, не расскажешь ли, за что ты загремел в эту обитель?

— Говорят, что хотел Восточный Туркестан к СССР присоединить. По заданию японской и английской разведок. Чтобы внести разлад в советско-китайские отношения, — мрачно, раздельно отчитался Седых.

— Ну, хоть за что-то существенное, не как я, по дурости.

— Ага, существенней того, что Фриновский в Алтайской Добровольческой Армии был мой непосредственный начальник, не придумаешь. До тех пор, пока его в Москву не вызвали. Вот и вся любовь.

— Какой-какой армии? — переспросил я изумлённо. Нет, Тува была, Монголия была. Алтай? Неужели это я наворотил?!

— Чего так испугался? Наши это. Чоновцы. Англичане вон, говорят, на фекалии исходят, любая паршивая газетёнка предсказывает, что мы Восточный Туркестан аннексировать хотим. Подлецы. Сами же там народ и мутят. В общем, по политическим соображениям армия наша - Алтайская, — тут Седых усмехнулся. — А форма, чтоб никто ничего не догадался - белогвардейская.

— Ну дела... — сказал я чтоб как-то прореагировать и поддержать разговор, лихорадочно, между тем, пытаясь сообразить, я это натворил каким-то образом или нет.

— Не дела, а полдела. У меня там и самых натуральных беляков полно было. Не веришь? Я б

тоже не поверил никогда, что на одной стороне биться будем. Бектеев, белый полковник, сейчас вместо Фриновского командует. Однако же...

— Погоди, погоди, а с кем вы воевали-то?

— Не поверишь, с кем попало. И с уйгурскими повстанцами и с 36-й дунганской дивизией Гомиьндана, которая их поддержала. А защищали местного дубаня. Стерву такую. Придушил бы заразу. И плевать мне, что он в ВКП(б) хочет вступить. Нечего принимать его, подонка. Царёк мелкотравчатый, эксплуататор и мироед. Тьфу. Нам бы ещё папу римского с ним за компанию в партию принять для полного комплекта. А нас, рядовых большевиков, зачем спрашивать? Тут большая политика, ети её. Сделал дело - гуляй смело. Алтайцев мы по договору вывели, усиленный кавполк остался только. Договор! Зачем перед Гомиьнданом унижаться и соблюдать его, если не с Нанкинским правительством заключали, а с дубанем местным, который его тоже соблюдать не хочет? Ты вот себе представить можешь, что у нас руководство Белорусской ССР с Польшей договорится о вводе панских войск на нашу территорию с целью свержения Советской Власти? А в Китае такие фокусы на каждом шагу! Какой смысл в этом цирке плясать? Отгородиться от этого дурдома и всё! И уйгуры, и сами китайцы, даже наши белогвардейцы в один голос просят не бросать их. Как только уйдём - грабежи, насилия и убийства. Дубань, кстати, тоже хочет, чтоб остались. Боятся за свою шкуру, собака. А мы политесы с Гомиьнданом паршивым устраиваем, забыли уже 29-й год, дружим против японцев теперь. Да был бы в этом, хоть какой смысл! Китайцы Восточный Туркестан совершенно не контролируют, весь доход с провинции в карман дубаня заворачивает. А Нанкинское правительство, друг наш заклятый, от нас только помощи просят а нам от них толку никакого. Вред один. Предадут они нас при первой возможности. 36-я дивизия никуда не делась, окопались недалече, момента удобного ждут, чтобы опять ударить.

— Понятно. Значит, воевали-воевали, а в результате шишь. Обидно.

— Да чёрт с ним! Там через год опять резня в полный рост будет, вот увидишь! Опять будем думать, как бы эти банды на нашу территорию не перешли. И единственный способ это безобразие прекратить - перекрыть перевалы в Британскую Индию, чтоб вдохновители, казначеи и организаторы не пролезли. А сделать это надёжно только советские пограничники могут.

Слушая Седых, мне подумалось - ну, прям как в Чечне в девяностых-двухтысячных, один в один. И, пожалуй, диагноз и способ лечения товарищ чоновец, на пару с беляком Бектеевым, видят верный.

— Вот такое моё мнение. И никогда я его не скрывал. А британская и японская разведки - шалишь! Так и передай, тем, кто тебя подсадил. Англичанам и японцам наоборот выгодно, чтоб мы как можно скорее убрались оттуда, — Седых порывисто встал, хотя далось это ему нелегко, отстегнул вторую койку и улёгся на неё, отвернувшись к стене и давая понять, что разговор окончен.

— В приличном обществе, Апполинарий, за такие мысли в морду бьют. И за язык я тебя не тянул. И даже мнение твоё разделяю. Только вот, поверь, никому от этого ни тепло, ни холодно. Прав ты, не прав, не докажешь ничего, получишь свой четвертак и привет!

— Ага, признай всё и не мучайся, да? То-то я думаю, что это меня сегодня отпустили так рано с допроса. Может даже и поспать получится.

— Да нет, Седых, не к тому я. Гляжу вот на твою морду побитую и как-то мне не хочется такое

терпеть. И чего ради? Всё равно расстрел либо лагеря на всю оставшуюся жизнь. Сажу и думаю – надо Берию в заложники было брать и бежать, пока такая возможность была. Однако, дельные мысли сильно опосля в голову приходят. Поскорей бы сдохнуть...

Горы здесь плечом
Держат небосвод,
И восток опять в огне.
С солнечным лучом
Сразу оживёт
Золочёный барс на броне.
Спросят нас в селе: "Ходите под кем?
Ваши командиры где?"
Броневи́к-батор,
Пулемёт-мерген
И великий хан РПГ!

Тихонько напел я, подогнав слова под стандарты текущей эпохи.

— Что это? — обернулся Седых.

— А не обращай внимания, тебя послушал само в голову пришло, — соврал я, выдав "Песню улаганских партизан" с небольшими поправками для соответствия текущим реалиям за собственное сочинение.

— А РПГ что такое?

— Ручная противотанковая граната. Или гранатомёт, — сказал я как о чём-то само собой разумеющемся. В самом деле не петь же мне "РГД", когда вопрос с ручными гранатами мною же и закрыт и названия теперь совсем другие? А РПГ... До РПГ-40 всего ничего, идеи витают в воздухе.

— Бойцам понравилось бы.

— Что, гранатомёт?

— Нет, песня, — с этими словами Седых перевернулся на спину и, посмотрев на меня, спросил. — А дальше?

Дай ума, туман!
Чай, уйми-ка дрожь!
Научи, терпенью, дождь!
Из железа нож
И винтовка тож,
Из железа клёпан и Вождь.
Пусть два дня едим
Пайку пресной,
Двести грамм овса вразвес.
Пусть они сыны
Поднебесной,
Мы же дети гневных небес!
С давних детских пор
Верный талисман —
Каменный в кармане кистень.

Заревёт мотор,
И Отец наш сам
Выстрелом разбудит день.
Через перевал
Потечёт отряд,
Унося в долины смерть.
Будто на врага
Установкой "Град"
Рухнула Алтая твердь!
Броневики, Броневики-батор!
Броневики, Броневики-батор!
Он от жадных глаз,
Загребущих рук
Сторожит покой древних гор.
Мы от жадных глаз,
Загребущих рук
Сторожим покой древних гор.

— Вот! Правильно! От загребущих рук беречь надо! — пропустив слова про установку "Град", решительно, а главное, громко поддержал меня в главном Седых.

— Эй, вы там! А ну замолчали! — не злобно, для порядка, посмотрев через "глазок", обозначил своё присутствие надзиратель.

— Слушай, командир, а что нам терять? Отсюда замечательный вид на тот свет открывается, хоть экскурсии проводи. Конечно, если не повезёт и сразу не шлёпнут, тогда четверть века лагерей. Больше вариантов выхода отсюда нет. Оно нам надо? Чего ради всё это терпеть? Мы что, встретившись, даже спеть не можем от души? А ну, давай, помогай! А придут порядки свои наводить, так я им живым сдаваться не собираюсь. Смысла нет никакого, — я говорил не приглушая голоса, чтоб за дверью было слышно, а потом бодро запел песню Николая Емелина "Егорыч старшина". Она почему-то показалась наиболее уместной, видимо, организму нужен был "тонирующий" эффект. Седых, послушав куплет, тоже приободрился, повеселел и помог мне с припевом.

Егорыч старшина как видно не женат, к сорока готов ко всему готов.
Егорыч старшина как видно не женат, к сорока готов ко всему готов.

— Эй, кому сказал! Заткнулись живо! Или здоровья вагон?! — уже весьма и весьма сердито подал голос надзиратель.

— Да пошёл ты! — коротко, весело, без адреса, чтобы не отвлекаться от песни, отозвался я.

— Ну, контрики, сами напросились! — в коридоре раздалось буханье сапог бегущего человека.

Справа горы, слева речка, деревенька за спиной,
Сузилось кольцо в колечко, может быть последний бой.

Грохот шагов в обратном направлении был гораздо более дробным, к нам спешило явно больше двух человек. А и плевать. Камера узкая, а дверь тем более.

Жаль патронов маловато и подмоги нехрен ждать,

Зазвенели ключи в замке. Ну сейчас начнётся!

Старшина сказал: ребята, некуда нам отступить!

Дверь распахнулась и здоровенный мужик огромного роста, видимо, надеясь на свою силу и габариты, нагнув голову, попытался ворваться внутрь, сыграть роль тарана. Жалеть его здоровье мне было вовсе ни к чему, поэтому я его просто "порубил" ударом ногой в колено. Сломал или нет – не знаю, но туша с воплем рухнула при входе, помешав остальным. Второй герой воспользовался паузой пока я восстанавливал стойку и сумел таки впрыгнуть в помещение, отвоёвывая плацдарм. Однако, это и всё, что он успел сделать. Не дожидаясь, пока противник поймает равновесие, я пошёл вперёд и нанёс серию ударов руками в голову и по корпусу. Пробить защиту не вышло, но "каратель" отступая назад, споткнулся об своего товарища и полетел спиной вперёд в дверной проём, получив вдогонку ногой в живот для ускорения.

При входе и в нём самом теперь возились уже двое, выполняя роль баррикады и в ближайшие секунды нападение на меня было невозможно. А вот Седых был в трудном положении. Его спарринг-партнёр влетел в камеру третьим, пока я был занят. И, поскольку по центру валялся гигант, он не мог помочь товарищу со мной, зато прямо перед ним был мой бывший командир. Когда я освободился, Аполлинарий, обхватив надзирателя, просто пытался прижать его в угол, чтобы тот не мог бить. Противник же его, из неудобного положения, но наносил чувствительные для уже подорванного здоровья пограничника удары. Спасая командира, я, схватив, потянул их обоих на центр и они, споткнувшись, завалились на всё того же несчастного "первопроходца", по которому я ещё и потоптался ногами.

Пока я вытягивал назад командира, в исступлении не хотевшего отпускать тюремщика, в коридоре оценили обстановку и раздалась команда:

— Назад!

Драка закончилась. Не видя стоящих на ногах противников, я оттащил Седых к лавке, а тюремщики споро "эвакуировали" своих и закрыли дверь.

— Ты как? — спросил я командира.

— Нормально, нормально, — тяжело дыша, два раза повторил он, — ещё повоюем.

— Тогда будем ждать второго раунда, — согласился я. В ответ Седых только согласно кивнул.

Откровенно говоря, в тот момент я был разочарован. Ну, что это такое? Никаких следов побоев на мне нет, чтоб у Лаврентия Павловича вид был побледнее, когда меня выпускать будут. В том, что суэта в связи с моим арестом уже поднялась, я почти не сомневался. Оглядываясь назад, подумал, что подобную ситуацию я даже где-то предвидел, предупредив Полину, что собираюсь на приём к наркому внутренних дел. Да и без того, если Кожанов и вправду подслушивает чекистов, то в наркомате РККФ сейчас аврал. Это же надо понимать, что если кого-то взяли, все связи отрабатываются. А связи у меня, наверное, уже всем известно какие. С другой стороны, я до сих пор не верил, что Берия решил на меня посягнуть. Бог с ним, с линкором "Фрунзе", КБ работает и результат даст, даже без меня. Этим пренебречь можно. А вот Любимов-старший, Кожанов и, особенно, Киров – другое дело.

Пока я рассуждал о делах своих скорбных, вновь нарисовались посетители. Комендатуре Лубянки надо ставить "пять" за изобретательность, хотя, может этот вариант у них был уже отработан. Едва дверь распахнулась, внутрь камеры ударила жёсткая, ледяная струя воды из брендспойта, легко сбивавшая человека с ног. Нечего и говорить, что на этот раз наша попытка защитить вход провалилась. Да и просто ближний бой превратился в возню на мокром

полу под кучей брыкающихся, душащих и норовивших выкрутить руки надзирателей. На сей раз, удача была на стороне "больших батальонов", не преминувших физически выместить на побеждённых горечь первого поражения. Но, без садизма, а для вразумления на будущее. После чего меня отделили от командира и поместили, связанного, в холодный карцер метр двадцать на метр двадцать. Хорошо, что потолок располагался там, где и должен был быть, стоять можно было в полный рост.

Эпизод 9

Господи, как же холодно! Мокрая одежда облепила тело и скидывать её нет никакого смысла. Гольшом ещё холоднее будет. Хорошо, что вода, стекая на путы, размочила узлы и я смог освободить руки. Можно помахать немного для разогрева. А ещё от холода хочется по малой нужде. Уже давно и сильно. Приходится терпеть. Не в угол же облегчаться, а потом в этой луже стоять? Сколько я уже здесь? Может двадцать минут, а может и полтора часа уже. Темнота искажает восприятие времени. Просить, чтобы вывели, бесполезно. И стучал и кричал и ругался, игнорируют полностью.

Звякнули ключи, дверь пошла в сторону и сквозь открывающийся проём хлынул нестерпимо яркий свет от которого я попытался защититься рукой, подняв ладонь выше глаз.

— Развязался, — тревожно прошептал "ключник" в сторону и, повысив голос, предупредил. — Не дури! Оправляться и переодеваться пойдём! Руки за спину! На выход! Лицом к стене.

Дурить сейчас я даже и не думал, очень уж в туалет хотелось, да и переодеться было бы неплохо, а то уже с носа течёт в два ручья. Но выполнял команды не спеша, давая глазам привыкнуть к электрическому свету. Выходя, бросил взгляд по сторонам и убедился, что в коридоре, отрезая любые пути побега, стоят ещё двое. Причём одного из них я узнал!

— Привет Слав! Или теперь "гражданин Панкратов" к тебе надо обращаться? — не дожидаясь ответа, видя растерянность чекиста, я продолжил. — Седых, кстати, тоже здесь. Недавно с ним в одной камере сидел. Помнишь такого?

— Семён! — много позже отозвался мой бывший телохранитель. — Вот значит что за зверь такой, который Захлюстина покалечил! Бузить не советую! Ты меня знаешь, но и я тебя знаю! К тому же, нас здесь двое таких. Специально ради тебя вызвали из опергруппы особого назначения. Обрати внимание, чтобы доставить в целости и сохранности куда надо.

— А надо-то куда? — живо поинтересовался я.

— Разговорчики! Налево! Пошёл! — вмешался надзиратель и мы начали движение.

— Там узнаешь, — всё же буркнул на ходу Слава.

Спустя пару минут я уже философствовал на тему, как мало человеку нужно для счастья, а потом, меня не только переодели в сухое, причём, моего размера и с уже пришитыми знаками различия, но и переобули в новые сапоги. А вот затем меня попытались побрить. Понятно, что реакция моя была самая бурная. Дать зарезать себя опасной бритвой за здорово живёшь я не собирался. Скажут потом - самоубийство под тяжестью вины и привет. Моё предложение побриться самостоятельно встретило, как ни странно, точно такое же возражение. Слава, а именно он был старшим "эскорта", ссылаясь на приказ, категорически отказывался давать мне в руки хоть что-то острое, чтобы я не мог нанести себе вред.

— Слушай, если так, то сам посуди, — стал я урезонивать сопровождающего, — будешь ты меня

брить, я головой когда не надо дёрну и всё. Получится, что ты меня и прирезал. И как это будет выглядеть в свете твоего приказа? Плохо будет выглядеть! Давай бритву сюда и отойди, мало ли, толкнёшь. Или пойду небритым, мне всё равно. Да и не сказать, что с утра сильно зарос. Который час ныне?

— Около полуночи, — автоматически отозвался Панкратов.

— И куды ж мы в такую рань?

— Не надоедай, сказано - увидишь.

— Да, знаешь, если вы меня под белы рученьки да домой, — ответил я намазывая мыльную пену на физиономию, — это одно дело. А если меня во всё чистое переодели, чтоб я на том свете поприличнее смотрелся, так совсем другое.

— Не могу сказать, — отрезал чекист, — но гарантирую, ни по пути, ни на месте, твоей жизни ничего не угрожает.

— Ладно, поживём - увидим.

Спустя двадцать минут меня ввели в просторное помещение с окрашенными светло-зелёной краской стенами, впрочем, насчёт противоположной от входа, я не уверен, ибо оттуда, прямо в глаза мне светил прожектор, не настольная лампа, а именно прожектор. Такие, наверное, используют в театре, чтобы сцену подсвечивать, но тут единственным артистом был я, а зрители прятались в слепящих электрических лучах. Присутствовало, кроме оставшегося в комнате конвоя, ещё одно действующее лицо. Сбоку от меня, у стены, в самом углу стоял стол за которым сидела девушка-стенографистка. Симпатичная и совсем молоденькая, одним своим видом, не смотря на наигранно-строгое выражение лица, вызывавшая добрую улыбку. Казалось, что она вот-вот не сдержится и прыснет смехом. От таких мыслей я не удержался и подмигнул своим единственным не подбитым правым глазом.

— Садись, — то ли приказал, то ли предложил Слава, имея ввиду стоящий чуть впереди стул. Не табуретку, как я ожидал, а стул со спинкой и даже не прикрученный к полу! А ну как я его в "президиум" запульну? Следовательно, мокрый кот, совсем, наверное, страх потерял.

— Приступайте, товарищ Берия, — голосом Сталина сказал свет.

— Гражданин Любимов, не желаете ли вы разоружиться перед партией и чистосердечно признаться в своей вражеской деятельности? — хороший вопрос, Лаврентий Павлович.

— Ночи доброй, товарищ Сталин. И вам товарищ Берия всего самого наилучшего, — не удержался я от того, чтобы не поздороваться. — Стесняюсь спросить, вы что-то серьёзное накопили? Или опять какие-то смутные подозрения?

— Во-первых, вы для нас не товарищ, гражданин Любимов! Обращайтесь к нам взаимно. Во-вторых, вопросы здесь задаю я! Повторяю свой вопрос, не желаете ли вы раскаться и этим облегчить свою участь? — нарком вступил демонстрировал исключительную жёсткость.

— Зачем же вы так, товарищ Берия? — изобразил я обиду. — Для меня и товарищ Сталин, и вы, всегда останетесь товарищами и обращаться я к вам буду именно так. Несмотря на то, что вы, товарищ Берия, в последнее время изволите не по-детски шалить, расстраивая меня до невозможности. Надеюсь, моя позиция не повлечёт применение специальных методов допроса, как в случае с моим командиром, товарищем Седых?

Я нарочно проигнорировал и "во-первых", и "во-вторых", попутно упрекнув Берия в применении пыток, которые клеймил как позорное явление Кобулов. Что же выходит? Нельзя, но если очень хочется, то можно? Пусть побесится, Лаврентий мне тоже нервов немало потрепал.

— Вижу, сотрудничать со следствием вы, гражданин Любимов Семён Петрович, не хотите. Или вас гражданин подпоручик Лебедев называть? Как вам ближе? Мы восстановили вашу биографию, но хотели бы уточнить некоторые моменты. То, что вы сын погибшего в 1905 году под Мукденом капитана Лебедева Семёна Петровича, нам известно. Проживали в Петрограде. В 1915 году поступили в Николаевское инженерное училище. По окончании четырёхмесячных курсов, в чине прапорщика, направлены на Юго-Западный фронт, участвовали в Брусиловском прорыве. К весне 1917 года дослужились до чина подпоручика. В начале лета дезертировали из разлагающейся армии Временного правительства и всплыли только в 1919 году у Колчака, засветившись скандалом и требованием ареста французского капитана Зиновия Пешкова. Знаете, гражданин подпоручик, тут я вас очень понимаю. Я бы на вашем месте тоже возмутился. Сын Максима Горького, брат Якова Свердлова, французский капитан и советник адмирала Колчака - слишком уж в глаза бросается. Но, почему-то только вам. Не сошлись во взглядах с командующим и направлены на фронт. Участвовали в колчаковском отступлении, так называемом "Ледяном Сибирском походе". Последний раз вас видели в Чите, там след теряется. Однако, осенью 1921 года в Москве совершил кражу и был осуждён революционным судом на шесть лет тюремного заключения некто Гусев Павел Сергеевич. Скажите, Любимов, вы себе почему так псевдонимы выбираете? Бойтесь забыть, как вас на самом деле зовут? Впрочем, неважно. Важно то, что на предъявленной нами фотографии Гусева член ЦК ВКП(б) товарищ Артюхина, товарищи Лихачёв, Важинский и многие другие, уверенно опознали Любимова Семёна Петровича до аварии во время показа автомобиля ЗИЛ-4. Ну что, гражданин Лебедев, царский офицер, белогвардеец и уголовник, будете и дальше отпираться?

— Предлагаю вам, товарищ Берия, пари. Выиграете вы - признаюсь в чём угодно. Если же удача будет на моей стороне - отпускаете товарищей Гинзбурга и Седых.

— Здесь не базар, не казино и не цирк, гражданин Лебедев! Не хотите раскаться - шут с вами. Этим вы только усугубляете свою вину, которая, фактически уже доказана.

— Неужели? Спорим, что дактилоскопическая экспертиза не подтвердит идентичность отпечатков пальцев гражданина Гусева и капитана государственной безопасности Любимова?

В "президиуме" возникло лёгкое замешательство. Видимо, заиклившись на "политике" с её подсматриванием, подслушиванием, логическими построениями и косвенными доказательствами, следствие совершенно упустило из виду простые, но железобетонные приёмы и методы из арсенала уголовного розыска. Признаться, я и сам, не будь у меня в прошлой жизни знакомых оперов с их анекдотами о снятии отпечатков пальцев со швейных иголок, не сообразил бы.

— Пусть товарищи организуют, — сказал свет голосом Сталина, — охрана нам здесь не нужна.

— Действуйте, — отдал "исполнительную" Берия и мой конвой исчез за дверью. Спереди послышалось шуршание переключаемых бумажных листов.

— Перейдём далее. Вы признаёте, что продали на базаре в Вологде три серийных штык-ножа с нацистской символикой? — задал нарком очередной вопрос.

— Признаю, куда деваться. Там-то мои пальчики могли остаться, — легко согласился я.

— Откуда они у вас?

— Были при мне, когда очнулся в лесу, — умудрился я ни капли не соврать.

— Не юлите и отвечайте, где вы их взяли! — Лаврентия Павловича, гляжу, на мякине не проведёшь.

— В рюкзаке, — тут самое главное - честные глаза.

— Вы понимаете, что наличие у вас таких ножей головой выдаёт вашу причастность к немецким национал-социалистам, которые провозгласили Советский Союз своим злейшим врагом и строят планы нас уничтожить?

— Это в корне неверно. Немецкие национал-социалисты не строят планов по уничтожению СССР, — позволил я себе не согласиться.

— Гражданин Лебедев вдруг резко изменил свою точку зрения? Вы ведь проели плешь всем своими рассказами, что немцы на нас нападут! — Берия, своим показным сомнением явно провоцировал меня на откровенность.

— Немецкие национал-социалисты всего лишь выполняют план по уничтожению СССР, а строят планы те, кто НСДАП, а теперь и всю Германию, финансируют. Точнее говоря, план уже в действии. Я в последнее время не следил за международными новостями, но на днях Германия объявит, или уже объявила всеобщую воинскую обязанность, после чего увеличит армию в сорок раз. Гитлеру потребуется около трёх лет, чтобы обучить и оснастить войска, а потом, в 38-м он перейдёт к действиям. Антанта будет накачивать немецкую мощь и поочерёдно, без какого-либо сопротивления сдаст Рейнскую область, Австрию и Чехословакию. Как мы знаем, в последнюю входит Закарпатская Украина. Она-то и предназначена стать поводом для нападения на СССР. В один прекрасный момент украинские националисты попросят у Гитлера освободить их от преступного большевистского режима.

— Это вам точно известно? — подогрел Лаврентий Павлович мою говорливость.

— Послушайте, гитлеровская партия ведёт активную политическую борьбу с начала 20-х годов, издаёт собственную ежедневную газету, имеет собственные отряды штурмовиков. И всё это в нищей, разорённой стране, которая должна Антанте немислимые репарации. Глава партии числится писателем и больше нигде никогда не работал, имея в активе единственную книгу. За чей счёт, позвольте спросить, банкет? А ведь это огромные деньги! Сейчас же траты просто колоссальные, приходится оплачивать милитаризацию целой страны. Мы проводим индустриализацию исключительно за счёт собственных резервов и можем примерно представить себе размер расходов. Мне было бы вполне понятно желание заказчиков войны их минимизировать, а тот путь, который я указал - кратчайший.

— Это достоверные сведения? Откуда вы это узнали?

— Это мой прогноз, который я составил на основании открытой общедоступной информации, почёрпнутой исключительно из советских газет и радиопередач. Кстати, обратите внимание, что в 1932 году нацистская партия выступила на выборах бледно, а уже в 1933-м провела просто шикарную избирательную кампанию в Рейхстаг. Правда и в этом случае подавляющего большинства, более половины голосов, получить не удалось. Меньше тридцати процентов в итоге, если не ошибаюсь. Поэтому Гитлера канцлером Гинденбург просто назначил, для чего незадолго до этого приняли специальный закон. Кто бы мог такое повернуть? Помню, выступал на ЗИЛе перед рабочими и просил товарища Сталина не допустить фашистов к

власти в Германии. Оглядываясь назад, понимаю, что просьба моя была практически невыполнима. Как говорится, против лома нет приёма.

— Значит, вы всего лишь, посредственный аналитик и вовсе не причастны к нацистским организациям Германии? Откуда тогда у вас те самые три ножа? Зачем они вам? Вспоминайте! Кому вы должны их передать? Это элементы опознавания агентов? Вы потеряли память потому, что вас ударили по голове? Кто на вас напал?

— Товарищ Берия, что вы пристали, как банный лист? Здесь сейчас может судьба мира решается, а вы лезете со своими глупостями. Никто меня не бил, я стригся в Вологде налысо, можете найти цирюльника и порасспрашивать.

— Если вас не били по голове, отчего вы потеряли память?

— Да откуда ж я знаю, если ничего толком, кроме того, что о себе рассказал, не помню?

— Вы имели дело с гипнозом? — а вот такие вопросы уже опасны, но приходится рисковать, чуть подвирая.

— В шарлатанство не верю.

— Имели или нет?

— Сколько себя помню - не имел.

— То есть, с октября 1929 года?

— Как минимум.

— Проверим.

— Проверяйте.

— Формирование особого подразделения, которое вы лично обучаете диверсионным навыкам, которые почему-то не забыли как всё остальное, из лиц, совершивших воинские преступления, о которых вам стало известно, поэтому лично от вас зависимых, тоже отрицать будете?

— Я догадываюсь, что вы имеете в виду. Однако, мне неизвестно о совершении каких-либо воинских преступлений во вверенных мне подразделениях, равно как и о расследовании таких преступлений. Зато мне известно, что мой первый взвод состоит из комсомольцев, отличников боевой и политической подготовки, имеющих огромное желание учиться и стать, несмотря на любые трудности, инженерами. Я гоняю их и в хвост и в гриву. Они, по сути, только учатся и спят, заступая в качестве выходного раз в неделю в караул. По пять обучающихся на одного преподавателя всего! Я от такой жизни и сам взвыл бы, а они терпят. И мне чрезвычайно лестно, что такие замечательные парни, наша прочная опора в самом ближайшем будущем, видят во мне пример для подражания. Что касается диверсионной подготовки, то рукопашный бой и стрельба являются обязательными элементами боевой подготовки, я лишь немного расширил их рамки. Вы, конечно, товарищ нарком внутренних дел, — я намеренно обратился именно по должности, — желая упрятать меня за решётку, можете трактовать всё по-своему. Но тогда, обрубив мальчишкам крылья на взлёте, получите в итоге три десятка яростных врагов советской власти. Вы, а не я создадите почву для создания антисоветской организации.

— Ваши рассуждения никак не оправдывают тот факт, что, имея информацию о нарушениях,

вы предпочли их не заметить и обернуть в свою пользу. Вместо того, чтобы действовать в строгом соответствии с революционной законностью. И у вас почти получилось. Подвела вас ваша же лихость. Решили в наркомат внутренних дел своих выкормышей под благовидным предлогом протащить? Кавалерийским наскоком? Или вы думали, что мы, кого попало, сюда берём? Ваше наплевательское отношение к советским законам в данном конкретном случае мы обязательно докажем в ближайшем будущем. Перейдём к следующему эпизоду вашей подрывной деятельности, где вы уже посмели посягнуть на сами основы советского законодательства, отвергая воспитательный характер исправительной системы и ставя под сомнение моральное право пролетариата карать врагов советской власти соразмерно тяжести их преступлений вплоть до высшей меры социальной защиты. Скажите, некто Косов писал свой пасквиль под вашу диктовку?

— Я категорически протестую против такой постановки вопроса! С какой стати проект уголовного кодекса товарища Косова, без широкого обсуждения на партийном уровне или хотя бы на уровне Конституционной комиссии, называется пасквилом? Кто это решил?

— Я это решил, гражданин Лебедев, — жёстко ответил Берия. — От этого, противно сказать, документа, просто несёт буржуазным торгашеским духом, подрывающим сами основы ЧК. Страшно подумать, если эта популистская брошюрка с красивыми лозунгами, но гнилым содержанием, найдёт поддержку среди огромной слабо разбирающейся в юридических тонкостях части ВКП(б). Вы, гражданин Лебедев, умышленно, с целью парализовать работу НКВД, дискредитировать его и унижить, дать дорогу врагам советской власти, пытаетесь всучить партии этот подрывной материал!

В это время в дверь пару раз тукнули и сзади раздался Славин голос.

— Специалист доставлен, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга!

— Се-се-сержант го-госбе-безопасности Ще-ще-щеглов! — отрекомендовался вошедший.

— Не волнуйтесь товарищ Щеглов, — успокоил Сталин чекиста, — работайте аккуратно, мы подождём.

У эксперта всё уже оказалось наготове и он, прокатав мне валиком полностью обе ладони, подвёл меня к столу стенографистки, так как я от яркого света, хоть и прятал глаза, но уже почти совсем ослеп. Там поочерёдно, на отдельных листах, он сделал оттиски и, спросив разрешения, удалился. Вся процедура заняла не больше пяти минут.

— Так вы признаёте, что являетесь автором так называемого проекта уголовного кодекса?

— Нет, не признаю.

— А гражданин Косов дал показания, что это вы его вдохновляли, — немного растягивая слова, живо напомнив мне мультяшного кота Матроскина, поддел меня Берия.

— Не буду спорить, так как свой проект Косов стал составлять, глядя на одобренную съездом партии параллельную систему, у истоков которой когда-то стоял я. Да вы сами это должны хорошо помнить, товарищ Берия. Да, были времена... Помню, товарищ Киров тоже тогда называл параллельную систему буржуазной. Тем не менее, она доказала свою эффективность в советском народном хозяйстве.

— А я от своих слов не отказываюсь, — услышался ещё один знакомый голос, — да и сейчас так же думаю. Но, как временную меру, как этап на пути к истинному коммунизму, считаю

небольшое отклонение допустимым. Владимир Ильич точно так же выступил за НЭП.

— Здравствуйте и вы, товарищ Киров. Ценю ваше мнение. А по поводу проекта товарища Косова вы что думаете?

— Гражданин Любимов, или Лебедев, или как вас там! Вы только отвечаете на вопросы, а не задаёте их! — Берия, видимо, допекло.

— А действительно, товарищ Берия, — спросил Иосиф Виссарионович, — о чём вы говорите? Где этот проект?

— Товарищ Сталин, к сожалению, сейчас я не могу вам его предоставить, так как имеется единственный экземпляр и он отдан на юридическую экспертизу с целью установить и систематизировать все нарушения и противоречия с действующим законодательством. Если бы этот допрос не был организован так скоропалительно, то у нас были бы на руках и подрывной текст, и результаты экспертизы, — ничуть не оправдываясь, а где-то даже с упрёком, сухо сказал Берия. — Тогда допрос можно было бы провести более предметно.

Я, не сдерживаясь, рассмеялся.

— В чём конкретно противоречия? Да во всём! Во всём! Ничего общего!

— Отметьте в протоколе, что подозреваемый признал общий антисоветский характер материала, — холодно и спокойно отозвался Берия.

— Э нет, товарищ Берия! Тут уж дудки! С какого перепугу ваши законы вдруг советские? Как при Иване Грозном в ссылку, в острог, на плаху, так и сейчас на спецпоселение, в лагерь, к стенке. Разницы никакой! Законы ваши — прямое наследие феодально-буржуазного режима и ничего советского в них нет! За тем исключением, что за преступления против советского государства наказывают куда строже, чем за преступления против личности. Может это как раз проект Косова советский?

В противоположном конце комнаты из-за такого оборота воцарилась чуткая тишина, да и стенографистка, в сторону которой я, пряча от прожектора, отвёл глаза, открыла рот и перестала записывать.

— Допустим, законы такие же наши, какие и ваши, товарищ Любимов, — первым нашёлся Сталин, но не вполне, так как с обращением он всё-таки оговорился. — Расскажите нам, пожалуйста, об этом проекте уголовного кодекса.

— Э нет, товарищ Сталин! Я в прошлый раз товарищу Берии стал рассказывать, так меня после первых слов дюжие молодцы в камеру засунули и подрихтовали. А если я вам пересказывать начну, так меня, боюсь, вообще пристрелят.

— Вы злостно нарушали режим содержания, гражданин Любимов! Вы напали на конвой! В таких случаях охрана просто обязана применять оружие! Будьте благодарны, что вообще живы! — вышел из себя Берия и сыграл мне на руку, явно ляпнув лишнее.

— Так меня что, чуть не убили? Мамочки родные! — я показушно приложил ладони к щекам.

— Перестаньте, наконец, паясничать! — это уже не утерпел Сталин. — Думаете, мы здесь просто так среди ночи собрались, и у нас дел других нет? Разъясните свою позицию по поводу уголовного кодекса.

Тут уж шутки в сторону, вождя сердить не стоит.

— Итак. Возместительная система. Граждане, объединяясь в государство, устанавливают правила общежития, то есть законы. Функцию защиты от нарушителей правил (законов), большей частью граждане возлагают на государственный аппарат, оплачивая ему эту услугу налогами и оставляя себе минимально приемлемые права на самозащиту. Суд и институты наказания преступников находятся в ведении государства полностью.

Что из этого следует? Если совершено преступление и гражданину нанесён ущерб, то государство просто обязано немедленно его возместить. Функция защиты от преступности на нём, а налоги гражданин всю жизнь исправно платит. Равно это же касается и различных учреждений, общественных или государственных. Не бывает такого, что гражданин, учреждение или предприятие, ставит уплату налогов в зависимость от того, пойман ли преступник, вернули ли украденное. То есть, государство немедленно исполняет свой долг перед потерпевшим, компенсируя ему ущерб и далее взаимодействуют только преступник и органы борьбы с ним. Практикуемые ныне взаимоотношения потерпевшего и государства, когда первому возвращают краденое, в частности, когда и если найдут, являются со стороны государства мошенничеством. Ещё раз. Государство, взяв налог вовремя и обязавшись защищать, должно возместить убытки немедленно. Если же, например, украденное впоследствии найдено, гражданин имеет право выкупа своего имущества, цена которого изначально определена. В случае отказа государство может распорядиться имуществом по собственному усмотрению.

Теперь, взаимодействие государства и преступника. Принимаем за аксиому, что преступность существует. Уже фактом своего существования преступник наносит гражданам убытки, заставляя их оплачивать органы охраны правопорядка. Но это некий теоретический, неконкретный преступник, который персонифицируется в момент совершения реального преступления. С этого момента с него уже можно требовать, как с конкретного лица, возмещение расходов, которые несут граждане, финансируя органы охраны правопорядка. То есть, теоретически, если в конкретный финансовый период, например год, будет поймано и представлено на суд два преступника, совершивших равные по тяжести преступления, то справедливо будет присудить им поровну выплатить в бюджет сумму содержания за этот же период органов охраны правопорядка, плюс конкретный ущерб, который нанёс каждый из них в отдельности. Понятно, что в настоящее время заставить работать такую систему практически невозможно. Поэтому, компенсировать гражданам постоянное содержание органов охраны правопорядка целесообразно присуждением каждому конкретному преступнику кратного возмещения нанесённого ущерба в зависимости от тяжести конкретного преступления. Кроме того, с момента совершения преступления, или с момента когда о нём стало известно, к раскрытию преступления и задержанию преступника привлекаются конкретные силы органов охраны правопорядка, расходы на которые нам достоверно известны. Преступник обязан возместить эти расходы. То есть, за работу органов охраны правопорядка он платит дважды. Первый раз за то, что граждане вообще вынуждены их содержать до момента совершения преступления. И за конкретную работу после этого рубежа.

Государство же выплачивает органам охраны правопорядка вознаграждение в виде заработной платы, равной минимальной заработной плате на производстве. Это меньшая часть дохода сотрудника органов. Большую часть составляет премия, вытекающая из соотношения зафиксированного ущерба к раскрытому на подконтрольной территории за какой-либо стандартный промежуток времени, например месяц. Для наглядности разберём на пальцах, изначальная ставка премии сто рублей, зафиксировано один миллион рублей ущерба, раскрыто на полмиллиона ущерба, следовательно, к премии прибавляется минус пятьдесят процентов. Получите свой полтинник, распишитесь и работайте лучше. Конечно, возможны и

обратные ситуации, когда к раскрытому ущербу добавляются давнишние преступления, но в долгосрочной перспективе это соотношение не может быть больше единицы, а в идеале должно ей равняться.

Что касается взыскания убытков с преступника. Приоритетом системы исполнения наказаний является взыскание убытков, понесённых гражданами, прямо или опосредовано, в виде налогов на содержание органов охраны правопорядка, с преступника. Наказание в виде поражения в правах преследует исключительно цель наискорейшего возмещения убытков и совершенно не преследует цели мщения или устрашения. Поражение в правах может выражаться в присвоении статуса государственного должника с ограничением расходов прожиточным минимумом, лишением права на отпуск, ограничением свободы передвижения маршрутом на работу и обратно, абсолютно необходимыми бытовыми перемещениями, лишением права посещать культурные мероприятия (театры и пр.), массовые мероприятия, участвовать в выборах. В случае, если преступник имеет доход, не обеспечивающий погашение задолженности в разумные сроки, либо уклоняется от возмещения ущерба, либо совершил преступление высокой социальной опасности, он может быть, решением суда, принудительно направлен на другую работу с лишением свободы либо без такового на срок полного погашения долга, по усмотрению органов системы исполнения наказаний. Во всех случаях базовая ставка оплаты труда осуждённого не должна отличаться от таковой же обычного гражданина на аналогичной работе, за исключением выплат за экстремальные условия работы, коих преступникам не положено.

В некоторых случаях защита от преступников возлагается на самих граждан, но органы охраны правопорядка и пр., обеспечивают взыскание убытков с задержанного гражданами преступника.

Например, карманники. Поймать их возможно только за руку, советская милиция такие преступления эффективно расследовать не может. С распоротыми сумками приходиться в отдел и требовать возмещения ущерба не надо. Зато если поймаете кого за руку, то можете написать в заявлении при сдаче преступника милиции, что в кошельке был миллион.

Что нам это даёт? Мы будем точно знать, на какую сумму и каких совершено преступлений, на какую сумму и каких предотвращено преступлений и на какую сумму и каких раскрыто преступлений. Равно как и общий размер расходов на содержание НКВД. В идеале наркомат должен приносить прибыль. То есть обходиться народному хозяйству дешевле воров. Я закончил.

— А как же с убийцами быть, товарищ Любимов? — спокойно спросил меня Сталин. — Как мы сможем компенсировать убитого человека? Тем более, сразу? Как потом взыскать с преступника?

— Товарищ Сталин, а кто будет платить пенсию семье, потерявшей кормильца? Кто возместит государству ущерб за убитого работника, который до пенсии мог бы трудиться? Кто, в конце концов, оплатит патрон, которым палач застрелит убийцу? Между прочим, "Русская правда" Ярослава Мудрого предусматривала виру за различные преступления. Видимо, неспроста.

— Переводить всё в деньги просто аморально! — возмущённо прозвучал ещё один голос, на сей раз женский. — Если преступник знает, что его покарают смертью, он ещё двадцать раз подумает, прежде чем решиться на убийство. А если ему надо будет всего лишь отработать деньги, пусть и большие?

— И вам доброй ночи, товарищ Артюхина, давненько не виделись, Александра Фёдоровна. А

насчёт убийц так скажу. Их стреляют, вешают везде, во всех краях, а они всё не переводятся. Как и другие нарушители закона. Так отчего не попробовать другой подход? С паршивой овцы хоть шерсти клок! Нет! Я ни в коем случае ни на чём не настаиваю, но согласитесь, этот вопрос стоит широко обсудить в партии и пусть уж она решает, как быть. А не рубить с плеча единолично, вопреки советским принципам, как товарищ Берия.

— Ра-ра-раазрешите? — Щеглов, постучав в дверь и получив согласие, тихо-тихо вошёл в помещение.

— Доложите результаты, — эксперт ещё только открыл рот, а Берия, экономя время, уже предвосхитил его вопрос.

— До-до-докладываю, до-до-доставленный м-м-мне о-о-обра-азец о-о-один и-и-и в-в-взятый м-м-мною о-о-обра-азец д-д-два, со-со-со... — фраза для Щеглова видимо оказалась слишком длинной, — со-со-со...

У меня при этих звуках чуть глаза на лоб не вылезли! Неужели совпадают?!

— Рожай уже, не томи!!! — не выдержал я.

— Соблюдайте порядок, гражданин Любимов!!! — отозвался Берия.

— Нэ волнуйтэс, товарищ Шэглов, пэрэдохнитэ, — одной фразой заставил всех замолчать Сталин.

Эксперт закрыл рот, сильно зажмурился, напрягся и, одним духом, быстро-быстро, скороговоркой выпалил.

— Совершенно не совпадают!!!

— Вот молодец! Это точно?! — воскликнули я и Лаврентий Павлович одновременно.

— А-а-абсо-олютно! По де-де-девяти п-п-признакам! Ка-ак и п-п-положено!

— Вы свободны, идите, — с явной досадой отпустил Щеглова нарком.

— Теперь, когда мы абсолютно точно знаем, что я это я, — медленно и отдельно произнёс я, повысив в конце голос, — может, выключим к чёртовой бабушке этот тыканый фонарь?!

— Допрос ещё не окончен, гражданин Любимов!

— Да хватит уже, Лаврентий Павлович! Не понимаю вообще, на что вы надеетесь.

Свет потух и в глазах воцарилась тьма, которую разнообразили сжимающиеся от периферии к центру зелёные круги.

— Поддерживаю, — впервые выступил Орджоникидзе, — мы так ничего не добьёмся.

— Зачем нужна была эта спешка? — воскликнул Берия. — Вы нарочно не дали мне подготовиться к допросу!

— Лаврентий, помнишь весной 32-го года, ты не дал мне назначить товарища Любимова главным конструктором центрального КБ? — спросил Орджоникидзе. — Тогда ты тоже ему не доверял. А что в итоге? В итоге товарищ Любимов не работал по специальности целых два

года! Да каждый день его работы на вес золота! И я не шучу! Ты сам прекрасно знаешь, что с 31-го по 33-й мы полностью обеспечили моторами ЗИЛ строительство драг для Колымского золотоносного района и в прошлом году поставили рекорд добычи, положив в казну больше, чем за все годы советской власти вместе взятые! Не считая всего прочего. Два года, Лаврентий! Не слишком ли мы дорогую цену платим за твои ошибки?

— Предлагаю рассмотреть в ЦК вопрос об освобождении товарища Берии от занимаемой должности, — хмуро заявил Киров.

— Я готов понести любое наказание, но клянусь всем, что мне дорого, дело с Любимовым нечисто! Он скользкий, как угорь и ни с какой стороны его не ухватить, но я нюхом чую, что он не наш, он действует по какому-то своему плану с неизвестными нам целями! Моя интуиция меня не подводила ни разу! Надо дождаться прибытия специалиста по гипнозу и поработать с Любимовым ещё раз!

— Товарищ Берия, тут нужно что-то гораздо весомее вашей интуиции, — подал голос Кожанов. — И вы можете гарантировать нам, что ваш специалист, копаясь в мозгах товарища Любимова, там ничего не вывихнет?

К этому времени мои глаза немного пообвыкли и я удивился представительности присутствующей при допросе делегации. Кроме уже названных, за столом сидел Ворошилов, а позади него — Молотов, которого вживую я видел впервые.

— Товарищи, товарищи! — я не на шутку испугался, хотя и делал в последнее время всё, чтобы события свернули именно на этот путь. — Нельзя товарища Берию отстранять! Нас же буржуазная пропаганда сожрёт с потрохами! Что это за страна социализма такая, где нарком внутренних полгода в должности удержаться не может?! Он ведь ещё только начал работать! Дайте же ему показать себя!

— И что же нам с вами двумя делать? — не скрывая раздражения, спросил Сталин. — Если вы друг без дружки не можете, а как вас сведёшь, так сцепляетесь сразу как бешеные?

— Может... — опасливо начал я, — провести через ЦК или совнарком решение, что меня нельзя без их санкции разрабатывать, а содействовать обязательно?

Ворошилов заржал.

— Щас! Держи карман шире! А контролировать тебя кто будет с твоими выкрутасами? Я как ту шестистволку вспомню, так у меня по спине мурашки! Попомните мои слова, товарищи, если за этим деятелем не приглядывать, он точно изобретёт что-то, чем можно уничтожить весь мир начисто!

— Если кто-то из членов ЦК посчитает возможным за меня поручиться, то обещаю отчитываться о своих действиях по первому требованию.

После моих слов повисла строжкая тишина. Неужели? А я-то уже думал, что я теперь как у Бога за пазухой! Неужели никто не рискнёт? Я рассчитывал на Кожанова, но поздно сообразил, что он в ЦК не входит. Артюхина? Хорошая женщина Александра Фёдоровна, добрая, отзывчивая, только знает наверняка, что со мной не сладит, оттого и молчит. Ну, хоть Киров! У Мироныча свои тараканы в голове, хоть я ему и жизнь спас, а построение социализма важнее! Куда мне с такими немарксистскими заскоками? Орджоникидзе не подаёт голоса и его тоже можно понять. Наркомат тяжёлой промышленности вырос до столь огромных размеров, что ему чихнуть некогда. Где уж за мной уследить? А Иосиф Виссарионович всегда,

как гордый орёл, парит над событиями.

— А и я, пожалуй, подам голос за Любимова и поручусь за него! — удивил меня до глубины души Ворошилов. — Всё под присмотром будет. У меня не забалуешь!

— Пятый час утра уже, — посмотрел на часы Киров, — предлагаю сейчас разойтись и собраться завтра, то бишь, уже сегодня, в ЦК, внеся в повестку дня поставленные вопросы. Товарищ Берия, прошу передать проект товарища Косова в конституционную комиссию для всестороннего обсуждения.

— А товарища Любимова надо отпустить домой. Он что-то неважно выглядит, — по сути, поддержал Сергея Мироновича Сталин. — За кого вы там просили, товарищ Любимов?

— За товарища Седых и за товарища Гинзбурга. Седых мой бывший командир в Грузии, его обвиняют, будто он Восточный Туркестан присоединить хотел. Так я в том ничего плохого не вижу, например. Другое дело, если бы он приказ нарушил. А за желания не сажают. А второй, товарищ Гинзбург, вроде как донос написал на директора ЗИЛа. Так он никуда не сбежит, а я дело себе заберу и всё улажу по совести, на заводе я не чужой.

— Вот и этих товарищей освободите, товарищ Берия. Проспорили всё же, — усмехнулся в усы Сталин.

Баржа имени наркома. Пентаплекс

Эпизод 1

Взлетели мы ещё затемно, пользуясь электрической подсветкой полосы Центрального аэродрома, должной демонстрировать достижения самого многочисленного и передового Гражданского Воздушного Флота в мире, принадлежащего, без преувеличения, великой стране. Сидя на месте отсутствующего в этом экипаже штурмана грузового АНТ-9 я, через панорамное остекление передней кабины, по мере набора высоты, наблюдал, как одесную от меня небо сперва посерело, наливаясь со временем малиновым светом и, наконец, показался густо-жёлтый краешек солнечного диска, несущего новый день, пятнадцатое мая тысяча девятьсот тридцать пятого года. Подумалось, глядя на неумолимо движущуюся подо мной по земле алую волну, прорывающуюся вперёд по вершинам, заливающую поля и добывающую последние остатки вчерашней тьмы в низинах и оврагах, что именно в таком ключе буржуазным обывателям должны сниться кошмары о вторжении Красной Армии в Европу. А симпатизирующим СССР гражданам, наоборот, мерещиться наступление того самого, воплощённого в Солнце, светлого будущего.

Восхититься же столь величественным зрелищем я смог, благодаря, в том числе, своим собственным усилиям. Ведь самолёт, который нёс меня сейчас в ставший уже почти родным Ленинград, был совсем необычным! Все прочие АНТ-9 были трёхмоторными, а этот нёс всего два 630-сильных дизеля Д-16-2А. Шифр "А" означал сразу и "авиационный", и "алюминиевый", и "Акимов". Последнее - по заслугам. Женя был настоящим фанатом этого мотора. Поняв с самого начала, что не сможем тягаться в мощности двухцилиндрового оппозитного блока с подошедшими к рубежу в тысячу лошадиных сил Чаромским и Микулиным, мы с моим "замом по науке" с самого начала выбрали самолёт, которому предназначен мотор. И сделали упор на дешевизну в изготовлении и эксплуатации, освоённость наземными службами, надёжность и ресурс.

А ещё всё удачно совпало. Дизель АЧ-130-2, который шёл на массовые АНТ-9 ГВФ снимался с производства даже в Воронеже, потому, что Московский авиадвигательный завод, перейдя на

АМ-36, такой же размерности, но изменённой конструкции, прекратил поставки комплектующих. В Воронеже в серии остался только АЧ-100-2, кооперация по которому шла с ЗИЛом, а как резерв – с ХПЗ. У нас же уже больше полугода как отработывался во всевозможных вариациях 160-й блок, оснатив который алюминиевым корпусом и добавив в конструкцию другой редуктор, мы получили авиамотор. Да мы, ради унификации, даже топливную аппаратуру не стали трогать, воспользовавшись готовой с чугунного варианта, изменив только момент впрыска под керосин и потеряв на этом почти сотню лошадиных сил. Зато, имея на самолёте два мощных мотора вместо трёх послабже, ГВФ сэкономил на треть дефицитные ТНВД. В мастерских этой организации в Филях организовали малосерийную, но достаточную для нужд "Аэрофлота" постройку моторов почти полностью, включая литьё лёгкого металла. Только сбалансированные шатунно-поршневые группы должен был поставлять МССЗ, директор которого Белобородов, конечно же, был резко против. Пришлось припомнить ему зимнее происшествие и поинтересоваться каким это образом жена моего "зама по науке" оказалась в разгар рабочего дня дома и что директор за это поимел. Поняв, что с живого с него не слезу, Белобородов засвидетельствовал перед руководством в письменном виде своё согласие на кооперацию по авиамоторам.

Новый двигатель, хоть и был жидкостного охлаждения, всё так же удачно вписывался в толстое крыло АНТа, имея широкие и низенькие радиаторы врезанными прямо в переднюю кромку. Первый экземпляр, впрочем, полетел не на АНТ-9, а на АНТ-14. Том самом, на котором я возвращался из Ленинграда в прошлый раз. Как раз в начале апреля. Новый движок хорошо спелся со старыми и, погнав его немного для очистки совести на всех режимах и убедившись, что контрольные параметры в норме, опираясь на богатый опыт эксплуатации двигателей такого типа, приёмная комиссия ГВФ прямо в воздухе, в один день подписала акт испытаний. После этого двигатель сняли и переставили, на пару с вновь изготовленным собратом, на безмоторный, по причине износа "сердце", грузовой АНТ-9, оборудовав в носу просторную, полностью застеклённую кабину штурмана. Этот самолёт, предназначен формально для определения ресурсных параметров, но, подозреваю, дожидаться, пока он налетает положенные часы никто не будет и модернизация пойдёт полным ходом уже в ближайшее время. АНТ-14 же "отдали на растерзание" Акимову, который, по примеру создаваемой нами судовой установки для "Фрунзе", попросил попробовать внешний наддув для Д-16-2А, надеясь отыграть этим ту сотню коней и значительно поднять высотность. По замыслу Жени, на каждой плоскости АНТ-14, между основными двигателями, должен был ставиться 140-сильный "воздушник" АЧ-100-2, работающий исключительно на компрессор и питающий воздухом через короткие магистрали себя и соседей.

Как тут не вспомнить ТБ-7 с его АЦН? Ведь мы, по сути, пришли с Акимовым к тому же самому, только иным путём! И примерно в то же время, как и в эталонной истории! Невольно начнёшь тут думать, что если не судьба, то какие-то коридоры событий и идей существуют и всё происходит именно в своё время несмотря ни на что. А ещё, в подарок к Первомаю, самолёт РД с двигателем АМ-36 Микулина поставил рекорд дальности в полёте по замкнутому маршруту, намотав 12 тысяч километров. Значит скоро и в Америку полетит.

Только, как же тогда я со своим попаданством? Не поэтому ли на меня все местные наркомы внутренних дел ополчились? Реальность стремится отторгнуть инородное тело? Хотя, если подумать, сколько мне здесь просто везло... Впрочем, чекистов-то я очень даже понимаю. Лезет здесь один такой к Самому, а кто, откуда – непонятно. Это же прямой вызов профессионализму любого сотрудника органов! Я просто как бельмо на глазу. Я каждым своим шагом на свободе им прям в душу плюю! И наивно думать, что Берия успокоится, даже получив прямой запрет ЦК меня трогать. Дел больше, может, никаких не будет, а вот подсматривать и подслушивать, ожидая, когда проколюсь, будут как пить дать!

Кстати, Лаврентий Павлович, раскритиковав в пух и прах на конституционной комиссии проект уголовного кодекса старшего лейтенанта госбезопасности Косова, по сути, вышел из истории начала апреля без существенных потерь. Может, осадок у кого и остался, но никаких взысканий ему не последовало. Косов тоже ничуть не пострадал, даже был обласкан несмотря на то, что его проект "завернули". Попытка рельефно выявить работу НКВД, направленная, прежде всего, на устранение найденных недостатков, пошла в зачёт. Более того, удовлетворили мою просьбу назначить старлея моим заместителем в моторный отдел промышленного управления ГЭУ. Надо же было кому-то подписывать официально документы, пока начальник, напрочь простуженный после тюремного купания, барахтается между тем и этим светом. Спасибо Полине, вытащила своими отварами и настоями мой избалованный позднесоветской медициной, на которую пришлось моё детство и "ударными" дозами лекарств в дальнейшей, не прощающей болезней жизни, организм из цепких лапок хвори.

Ещё один участник тюремного приключения, Апполинарий Седых, приглашённый мной в гости по тому случаю, что его семья оставалась в Алма-Ате и чувствующий себя, поначалу, ничуть не лучше, оправился заметно быстрее меня и убыл в почётную ссылку без понижения в звании и должности, к новому месту службы на самый Дальний Восток, возглавив там погранотряд. Мой бывший командир теперь имел полное право гордиться тем, что защищал границы СССР со всех направлений, начав с финской, через Грузинскую войну, Восточный Туркестан, добравшись до Приморья.

Гораздо сложнее история закрутилась с Гинзбургом, потерявшим статус подозреваемого и осложнившим этим всем нам жизнь. Кобулов, доброй души человек, передал дело Рожкова-Гинзбурга, по моей же давней просьбе, моторному отделу. Когда Косов ввалился ко мне в изолятор лагерного лазарета, где я отлёживался чтобы никого не заразить, я уже по лицу понял, что случилась беда. После его рассказа я осознал и масштабы. Дело в том, что Гинзбург действительно написал заявление. И там действительно говорилось, что Рожков всячески препятствует снятию с производства серийного Д-100-4 и замене его на "вертикалку". Но потом, потом русским по белому было написано, что препятствует он, влияя на своё руководство в НКТП, а то, в свою очередь, хоть и создало совместную комиссию с НКЮ, никак не решит, какой мотор предпочесть. Гинзбургу было уже, по сути, всё равно, какой именно танк делать, но определённости не было! КБ подошло вплотную к стадии детальной проработки проекта и встало. К настоящему моменту ситуация длится уже почти четыре месяца! СССР что, танки не нужны? ЗИЛ даже Т-26М перестал выпускать, полностью перейдя на гаубичные самоходки на его базе и тяжёлые пушечные броневики!

А от кого же решение зависит? Фамилия "Пятаков" мне ни о чём не говорила, он представлял НКТП, а вот начальник Главного Автобронетанкового Управления РККА Тухачевский был фигурой! На такого просто так, без веских аргументов, не попрёшь. И знаю, что с гнильцой, а не подберёшься, больно высоко сидит. В общем, ситуация, как у Берии со мной.

Вот ведь как получается, партийную оппозицию, выдавшую себя в ходе войны в Грузии, зачистили. Военных, после того, как я привёз из Австрии чемодан компромата, прижали. Но касалось это, почему-то, исключительно "технических" направлений. Слетели за вполне конкретные, осязаемые и натурально доказанные ошибки и даже преступления начальники ГАУ, УММ РККА, ВВС КА. Но никакой "политики" в этих делах не светилось! А заговор-то военных был! По крайней мере, лучше рассчитывать на худшее, даже если не было. И замешаны там были начальники, как минимум, Киевского и Белорусского округов! А Берия "строевых" краскомов как-то не трогает. Да и контрразведка флота тоже тише воды, Кожанов молчит. Что мне делать в такой ситуации? Копать? Кем и чем? Если один этим буду заниматься – сожрут. А может у чекистов или моряков свои на том поле сейчас комбинации и я, влезая, им всю малину обгажу? В общем, едва оклемавшись, я от этой суеты просто сбежал. Надо крепко

подумать, а для этого нужно время.

Хорошо, что моё желание временно устраниться от чекистских дел полностью совпало с желанием моих начальников убрать меня с глаз долой. Через три дня после моего выздоровления я получил приказ отправляться в командировку в Ленинград и заняться крейсером "Ворошилов", чему был несказанно рад. За эти дни, стоившие мне немалых нервов, я успел организовать показательные "внезапные" экзамены своих "выкормышей" по юридической, физической, стрелковой подготовке и устройству ДВС, доказав на деле Кобулову и Меркулову их профпригодность для работы в моём отделе. Предъявив под конец прошедшую через руки и головы "академиков" зенитную шестиствольную пушку с системой подогрева от автономной печки, я окончательно склонил чашу весов в свою сторону и отдел ДВС получил долгожданное пополнение.

Оставив на хозяйстве Косова, поставив ему задачу самостоятельно укомплектовать отделения и приступить к сбору интересующей нас информации в подконтрольном секторе, я сейчас летел на север. Ещё раньше, три недели назад, только получив известие, что "Ворошилова" поставили на завод и начали "потрошить" изымая дефектные турбины, я распорядился, параллельно с изготовлением малой опытной серии Д-16-16 на МССЗ, отправить полный комплект документов на "Русский Дизель" чтобы там тоже приступили к работе по новому мотору. МССЗ должен был дать пять моторов, последний из которых будет готов через четыре дня, а "Русский дизель" – десять, но к концу мая. Ленинградцам, понятно, без чуткого руководства создателей мотора тяжелее, но 13-ю серию там уже худо-бедно освоили, отправив первые валовые изделия на заводы речного судостроения, а степень технической новизны между моторами практически нулевая. Разница в размерах да в количестве некоторых деталей, остальное полностью подобно, справятся.

Эпизод 2

В этом доме жил Пушкин. А в этом Миклухо-Маклай. Прогуливаясь пешком от улицы Труда по Галерной в сторону Адмиралтейского завода, я, по памяти, отмечал на фасадах места, где в будущем появятся мемориальные доски. Приходилось мне здесь частенько бывать в "прошлой жизни" и вот опять приходится идти теми же дорогами и улицами, подмечая различия, но, по большей части, удивляясь тому, как мало меняется облик трёхсотлетнего города.

Впрочем, к настоящему моменту Петербург-Ленинград на семь десятков лет моложе. И ворота в проёмах арок ведущих во дворы сплошные деревянные, с пешеходными калитками, окованные по краю железом. Но всё так же тиха сама улица, зато в вымощенных брусчаткой дворах, подальше от посторонних глаз, жизнь кипит вовсю, особенно по вечерам, когда из заводских ворот выплёскивается река уставших за смену мужиков и, разбиваясь на ручейки, совсем растворяется в каменных джунглях.

Взглянуть на всё это изнутри у меня получилось исключительно благодаря заботе наркомата ВМФ, выделившего мне из своих резервных фондов комнату в коммуналке в доме, стоявшем вторым с конца Галерной, в двух шагах от заводской проходной. Эта жилплощадь обычно временно предоставлялась флотским командирам или специалистам, приезжающим на завод в длительные командировки, например, для приёма вновь построенных кораблей, а сейчас, по полному праву, оказалась в моём полном распоряжении.

Окно во двор, достаточно места чтобы поместились шкаф, кровать, письменный стол и пара стульев, длинный тёмный коридор, едва освещаемый скудным светом тусклых электроламп, со всяким хламом вдоль стен, среди которого преобладали лыжи и детские санки. Коляски и пара редких по нынешним временам велосипедов, в связи с тёплым сезоном, сейчас ночевали прямо

в парадной. Откровенно говоря, мне, привыкшему уже жить в своём доме достаточно просторно, здесь было тесновато. Что уж говорить о рабочих, которые ютились в таких комнатах целыми семьями? Поэтому и людно во дворе, дом просто выдавливал из себя жильцов, невольно создавая атмосферу единой общности, одного коллектива. "Соседи" здесь значило гораздо больше, чем в моём 21-м веке, когда люди, живущие в одном подъезде много лет, могли вовсе не знать как друг друга зовут. Здесь же неизменный "женсовет" на лавочках, мужики поодаль за столом со своими играми и разговорами, и, конечно, дворовый гармонист, всего лишь раздув меха, разом объединяющий оба междусобойчика. Посреди всего этого носится малышня, вечно норовящая побаловать, залезть на чердак или устроить драку с ребятами из соседнего двора.

Вот и сейчас, пройдя через арку и повернув ко входу направо, а едва не упёрся в широкий круп дородной Глафиры Сергеевны, работающей поваром в заводской столовой "Судомеха", вообще-то очень доброй и отзывчивой, особенно на ласковое слово, женщины, решившей, однако, именно сейчас проявить строгость по отношению к своему сынишке-сорванцу.

— Сколько ты меня ещё позорить будешь?! Ты зачем в пса камнями кидал? Что он тебе сделал? Или ты хочешь, чтоб к нам во двор ворьё какое-нибудь шастало?

— А чего он на меня лается? — не понять, пожаловался или попытался оправдаться парнишка.

— Он на всех лается! Зато слышно, как кто-то заходит к нам! А теперь что? В будку забился и нос не высовывает! Что теперь делать, скажи мне? Тебя дворнику Степанычу отдать, чтоб на цепь посадил? А знаешь, отдам-ка я тебя лучше товарищу Любимову из 415-й! Пусть заберёт и увезёт куда Макар телят не гонял. Уж он-то тебя так выпорет, не то что папка, розгами с солью! Враз задница покраснеет! И будешь у него в углу стоять, пока человеком не станешь! А я отдохну.

— Не надо! — расплакалось чадо.

— Обещаешь, что баловаться больше не будешь?!

В общем, картина ясная. Вот только на моё появление без предупреждения запуганного дворового бобика, мамаша никак не рассчитывала. А у меня память, словно гейзер, долго спящий, зато потом бьющий высоченным фонтаном, вдруг стала выдавать текст, будто мне просто кто-то диктовал. Слова из детства рвались наружу сами собой.

— К сожалению, бывает, что милицией пугают непослушных малышей.

— Ой! — Глафира Сергеевна подскочила и, развернувшись в прыжке, чем вызвала моё неподдельное изумление, приземлилась уже лицом ко мне, но её нижняя челюсть закончила своё движение чуть позже и так и осталась в нижней точке.

— Как родителями не стыдно! Это глупо и обидно! Я когда такое слышу, то краснею до ушей!

— Товарищ Любимов извините Христа ради... — теперь уже женщина чуть ли не плакала.

— Подожди, подожди... — прервал я её выхватывая из памяти первое слово, за которым, словно нитка с разматывающейся бобины, потекли остальные.

— В доме восемь, дробь один, у заставы Ильича...

Я декламировал, практически без запинки и мне самому до ужаса было интересно, сколько я

вот так смогу выдать. Расхаживая взад-вперёд в углу двора я говорил и говорил, собрав вокруг себя большую толпу.

— Я на флот служить пойду, если ростом подойду, — в горле пересохло и я, наконец, замолчал.

— Во даёт! Прямо на ходу! — с нескрываемым восхищением воскликнул поляк-клепальщик Станислав Каминский и тут же отвесил лёгкий подзатыльник трущемуся здесь же сыну Сашке. — Не то, что ты, неуч! Два четверостишья выучить не можешь!

— Это не я, это Михалков написал, — сообразив, что "Дядю Стёпу" эти люди слышат впервые, я поспешно ретировался, отговорившись одолевшей жаждой. Лопухнулся. Всё выкрутасы памяти виноваты. Чем дальше, тем больше шалит. Самых обычных вещей уже вспомнить не могу, скажем, как в метро карточкой на проход пользоваться, а стихи из детства прямо с языка сыплются. Причём, я абсолютно уверен, что не сделал ни единой ошибки! Да что там! Я вообще будто книгу перед глазами держал и читал! Даже с картинками! Хорошо ещё, что вовремя остановился. "Про войну и про бомбёжку" — это уж слишком много потом ответов на неудобные вопросы давать придётся. Вот бы теперь так для дела что-то полезное вспомнить.

Последняя мысль заставила меня кисло усмехнуться. Вот почему именно там где надо, приходится полагаться исключительно на свои силы? Уже месяц мотаюсь между пятью ленинградскими заводами, только три из которых работают непосредственно по моему профилю. "Русский дизель", моя вотчина, попил крови немало, заставив отвлечься от железа и заняться людьми. Пришлось разбираться с браком, абсолютно нехарактерным для других заводов, а именно, с кривыми коленчатыми валами. На общем фоне, если брать скопом все случаи выявления брака, совсем незаметно. Но так уж вышло, что три из пяти первых ленинградских 16-х оказались некондицией, годной, разве что, в качестве учебных пособий. Причины неработоспособности моторов выявились сразу же после разборки, а недолгое разбирательство привело к двум очень, очень уважаемым и авторитетным мастерам. Дядьки были в глазах своих более молодых коллег практически непогрешимы. Но вот возраст их перевалил за пенсионный. И, видимо, уже здоровья, зрения, твёрдости рук не хватало работать так же аккуратно, как раньше. Моё распоряжение отправить стариков на заслуженный отдых встретило бурный протест всего коллектива и парторганизации в первую очередь. Там не видели худа в том, что выпускают бракованные моторы, ведь можно компенсировать убытки, подняв цену на годные! А заслуженных стариков-пролетариев, участников революционной борьбы, обижать увольнением нельзя! Здесь как под ярким светом, проступили черты, характерные именно для ленинградских трудовых коллективов с их преклонением перед высококвалифицированным трудом и индивидуальным мастерством, отрицанием автоматизации и поточных методов. Считалось, чем больше рабочих на заводе — тем лучше, в полном соответствии с действующей идеологией, а внедрение передовых методов организации труда и новых механизмов, особенно автоматов и полуавтоматов, этому принципу в корне противоречило.

Пришлось убеждать, уговаривать и даже угрожать возбудить уголовное дело, благо в секторе моего "моторного" отдела. В результате удалось сплавить ветеранов на преподавательскую работу на курсы повышения квалификации при заводе, заменив их более молодыми, но тем не менее, опытными мастерами. И озадачить всех, до кого я мог дотянуться, от технологов "Русского Дизеля" до Петра Милова в ЦНИИМаше и моего подконтрольного станкостроительного спецКБ, в отношении сварки трением, что позволило бы собирать вручную коленчатые валы из меньшего количества более крупных деталей-полуфабрикатов, приваривая сразу по две чугунных шейки к одной стальной щеке.

Проблема с валами, минимально, была решена и даже появились перспективы внедрения

новой технологии, но время упущено. Плюс ко всему, опытные 16-16, что московские, что ленинградские, показали на испытаниях от 3800 до 3900 лошадиных сил, вместо расчётных 4000, но менять что-то в конструкции, которую мы явно чуток перетяжелили, было уже поздно.

Поздно потому, что на заводе "Судомех", славном своим точным бронзовым литьём, а теперь ещё и поселившемся там КБ гидравлических редукторов под руководством Кудрявцева, уже собрали на берегу макетную гидромашину для определения реальных параметров, на которую пришлось ставить все пять моторов московского выпуска. Которые, кстати, пришлось трое суток везти в Ленинград на грузовиках, так как железная дорога не принимала 25-тонный груз, требуя увеличить его, минимум, вдвое.

Ещё на этапе проектирования я, хоть и не вдавался в подробности, особо оговорил запас на регулировки расположения дизелей на фундаменте. Но когда я увидел всю конструкцию воочию, разругался с Кудрявцевым вдрызг. Пять моторов были смонтированы параллельно гребному валу следующим образом: три мотора в нос от гидротурбины и ещё два по бокам от вала в корму. При этом никаких проходов между центральным мотором передней тройки и боковыми движками предусмотрено не было! Я, конечно, могу понять стремление гидравликов сделать всё как можно компактнее, сократив потери на трение жидкости в трубопроводах, сделав их как можно короче, но если надо что-то отрегулировать, или, не дай Бог, поломка? Моё требование снять этот мотор и обеспечить нормальный доступ к остальным агрегатам, было отклонено как Кудрявцевым, так и представителем наркомата ВМФ из-за того, что сама гидромашина показала КПД всего 80 %, заметно ниже расчётного, выдав максимальные 15500 лошадиных сил на гребном валу. Фактически, вся мощность одного из моторов на полном ходу тратилась на разогрев жидкости. Убрав же один дизель из упряжки, мы бы не достигли мощности равной паровым турбинам "Червоной Украины", "Красного Кавказа" или "Профинтерна". Я попытался продвинуть идею форсажных моторов, повысив мощность двух из четырёх двигателей до 5750 лошадиных сил при ресурсе в 100 часов. Четверо суток полного хода, в принципе, при разумном подходе, должно хватить на все случаи жизни. Предложение было принято, но в извращённой форме. В окончательном виде агрегат должен был иметь всё те же пять моторов, три из которых должны быть форсажными и два крейсерскими, общей расчётной мощностью на гребном валу 19950 лошадиных сил, что значительно превышало мощность единичной турбины "Профинтерна". Проблема доступа к моторам, которые большую часть времени не работают, при таком раскладе, теряла свою остроту. Впрочем, форсажные движки ещё предстояло создать.

Пока Кудрявцев гонял на берегу опытную гидромашину, попутно обучая на ней прибывших краснофлотцев будущего экипажа опытного судна, "Судомех" занимался изготовлением ещё двух таких же, полируя все доступные внутренние полости. Этим механизмам было суждено выйти в море в составе силовой установки настоящего корабля. Сам недостроенный крейсер "Ворошилов" приводили в порядок тут же по соседству, на Галерном островке, только уже на судостроительном заводе имени А. Марти. Подготовительные работы были начаты ещё в Кронштадте, где корпус корабля простоял с середины двадцатых годов, имея в экипаже единственного человека, отставного унтер-офицера императорского флота, участника Русско-Японской и Мировых войн, уволенного по ранению ещё при царе, Николая Осиповича Кононова. Не знаю, встречаются ли среди других народов люди, способные годами поддерживать в порядке закрытую взлётно-посадочную полосу, как Сергей Сотников, на которую однажды сядет аварийный самолёт, или как этот старик, устроивший в занятой им каюте капитана монашескую келью, но в одиночку содержавший недострой в исключительном порядке, в надежде, что однажды он выйдет в море под военно-морским флагом. При эвакуации из Ревеля, на корабль была погружена оснастка и ценное оборудование судостроительного завода, часть которого так и осталась лежать на борту, но была строго

учтена и укрыта. В корпусе, выше ватерлинии, особенно в палубах, не хватало множества заклёпок, часто четырёх из каждых пяти. Было видно, что строители спешили привести корабль в минимально плавучее состояние, чтобы его можно было отбуксировать из опасной зоны. Теперь, каждое отверстие было забито деревянным чопиком и ни малейшей течи нигде не было. Такой же порядок царил во внутренних помещениях, которые просто обойти семидесятилетнему старику стоит великих усилий.

Комиссия, осмотревшая корпус в Кронштадте, нашла, что тот находится в хорошем состоянии, чего нельзя сказать о механизмах. Две турбины смежных центральных валов имели трещины в роторах высокого давления и были непригодны к работе, бортовые выглядели лучше, но на всём корабле нечем было выработать пар. В котлы, куда у Кононова не доходили ни руки, ни ноги, через дымоходы попадала дождевая вода, вызвавшая внутри неиспользуемых агрегатов сильную коррозию. Множество трубок требовало замены, а сами котлы - чистки. По признанию судостроителей завода имени Марти, им было бы проще изготовить котлы заново, чем отремонтировать этот металлолом. В сухом остатке это означало, что для приведения корабля в состояние, годное для самостоятельного плавания, требовалось не только установить дизель-гидравлические ходовые машины на центральные гребные валы, но и дизель-генераторы вкуче с новой электрической рулевой машиной. Шпили, помпы и иными вспомогательные механизмы частью отсутствовали вовсе, частью требовали ремонта или замены. В общем, работы непочатый край. А если ещё учесть задержки с поставками не предусмотренных планом комплектующих, то "Ворошилов" не ранее конца лета будет готов к выходу в море.

Пока продолжается вся эта суета, сторожу Кононову разрешили жить на корабле, чему он был несказанно рад, несмотря на круглосуточный стук пневмомолотов клепальщиков. Просто податься старику было больше некуда. Я взялся было, используя выход на наркома ВМФ, похлопотать за ветерана, но тот сам отказался переезжать в город, мотивируя это тем, что не найдёт себе полезного дела по силам, а иждивенцем быть не хочет. Старик мечтал стать, например, смотрителем маяка, чтоб и место тихое и занятие по плечу. Пожелание в наркомате ВМФ приняли к сведению и вскоре оттуда пришёл ответ, что имеется возможность трудоустроить Николая Осиповича Кононова, учитывая его заслуги и пожелания, смотрителем маяка в строящемся пункте базирования ТОФ в бухте Находка. Расценить это иначе, как попытку уклониться от решения вопроса, было просто невозможно, однако, ветеран флота неожиданно согласился и даже обрадовался.

— Не переживай, Семён Петрович, — успокаивающе улыбнулся он в "макаровскую" бороду. — На нашем берегу я всюду дома. Заодно и места, по молодости знакомые, посмотрю. И на самолёте повод прокатиться хороший, не трястись же мне старику поездом целый месяц. Спасибо тебе за хлопоты, уважил старика.

Эпизод 3

Чтобы мне не мотаться по городу пешком, теряя кучу времени, между Выборгской стороной и Галерным островом, в моё распоряжение Балтфлотом был выделен катер. И не абы какой, а туполевский алюминиевый глиссер Ш-4, с парой М-17 в качестве главных механизмов. К моему удивлению, моторы были выпущены в Рыбинске в начале этого года и установлены на кораблик, взамен изношенных, перед самым открытием навигации. Командовал "поплавком" лейтенант Арсений Волков, мечтающий получить под командование "настоящий" 30-тонный катер, из тех, что пошли на флот пару месяцев назад. А то и, чем чёрт не шутит, большой 80-тонный "торпедный крейсер". Летёха, узнав, кому он служит извозчиком, все уши мне прожужжал описанием скучной службы глиссеров, которых уже почти совсем в портовую "обслужу" списали, даже боевую подготовку не проводят и чуть ли не после каждого посещения

"Русского дизеля" спрашивал о темпах отгрузки моторов флоту. Пришлось мне даже чуть-чуть придержать фантазию моряка, заметив ему, что в соответствии с двумя недавними решениями наркома ВМФ, которому осточертели заминки промышленности, с апреля 1935 года, в соответствии с первым из них, любой новый проект корабля мог включать в себя только серийные образцы вооружения, механизмов и средств связи, а второе лимитировало установку не более чем двух дефицитных ходовых дизелей на один корабль. В итоге проект большого торпедного катера опять попал в переработку. На сей раз, надо было впихнуть в него два более габаритных, особенно в высоту 16-х мотора вместо четвёрки 13-х. В первоначальном же, четырёхмоторном виде уже построили для СФ на Соломбальской верфи всего шесть ТКА.

Однако, надо сказать, что создать соответствующее настроение у Волкова получалось, поэтому я исправно передавал "эстафету" руководству моторостроительного завода, а то, в свою очередь, накручивало трудовой коллектив. К великому облегчению последнего, существовал ещё Балтийский завод, по гроб жизни обязанный наркомату ВМФ за срыв сроков модернизации "Фрунзе". На линкоре, стоящем сейчас в сухом доке, работы велись круглосуточно, в чём я имел возможность убедиться лично. Корпус в подводной части буквально облепили десятки сварщиков, которые вручную проваривали зачищенные после проточки зимнего брака швы булей и третьего дна. А вот выше верхней палубы дредноут наоборот, лишился многого. Точнее всего, кроме орудийных башен, которых осталось только три. В соответствии с проектом модернизации, который был наглядно оформлен в виде макета и выставлен на всеобщее обозрение прямо возле дока, первая башня переносилась на место второй, уехавшей на дальний восток, но устанавливалась стволами вперёд. Бывшая третья башня заимствовалась с затонувшего линкора "Императрица Екатерина Великая", но тоже разворачивалась в обратную сторону, стволами назад. И лишь последняя башня избежала разворотов и перемещений, оставаясь как есть. Радикально менялись очертания носовой части корабля. Теперь от первой башни, ради обеспечения мореходности, палуба на большом протяжении плавно поднималась в нос к высокому изогнутому форштевню. На баке линкора, пожалуй, теперь и в футбол можно будет играть. Противоминный калибр, взамен снятых 120-ток Виккерса, должны были составить 130-миллиметровые Б-7 на тех же самых местах. А вот зенитное вооружение размещалось в три яруса на палубе и единственной центральной надстройке, установленной между башнями главного калибра, там, где у прежней "Полтавы" стояла вторая дымовая труба. Нижний ярус составляли восемь спаренных, со стволами в одной люльке, 100-миллиметровых пушек, таких же, какие должны были пойти на первые советские эсминцы проекта 7. Сгруппированные попарно, с постом наводки на каждую пару установок, они составляли "дальний" зенитный калибр линкора. Выше был ярус, как было сказано в пояснительной табличке, "двухблочных 45-миллиметровых автоматов", которых также было восемь. Ещё выше устанавливалось всего шесть, из-за недостатка места, малокалиберных автоматов. Венчали же надстройку, боевая, ходовая рубки и мачта с единственным КДП главного калибра. Кроме надстройки, на палубе, между кормовыми башнями, над машинным отделением, вдали от любых средств наблюдения за обстановкой, торчала небольшая, по сравнению с прежними, дымовая труба.

Подивившись на радикально изменившийся внешний вид линкора и поплевавшись из-за столь бестолкового разбазаривания драгоценных ресурсов, я неосмотрительно ввязался в постройку тех самых понтонов "по образу и подобию ПМП", которые посоветовал Кожанову. Может нарком и не имел задней мысли, когда попросил меня заглянуть на Балтийский, готовый в счёт неустойки за линкор работать над чем угодно, и поподробнее объяснить свой "проект". Заглядывать пришлось не раз и не два, а когда я сообразил, что влез по уши в постройку плавбатарей, сдавать назад было уже поздно. К счастью для меня, на заводе имелся весьма квалифицированный коллектив конструкторов, мне оставалось только правильно сформулировать задачу. Так как изначальное объяснение, что требуется разборное плавучее

основание для пушки, не встретило однозначного понимания и вызвало самые различные контрпредложения, которые, однако, исключали получение в итоге, кроме плавучей пушки, тяжёлого быстросборного моторизованного понтонного парка, ценность которого для танковых соединений просто исключительна, пришлось танцевать именно от него, сделав небольшие коррективы. Понтон-раскладушка, перевозимый тяжёлым полноприводным грузовиком ЯГ-10В, допускающий движение через центральную часть палубы танков Т-35, а по боковым частям грузовиков ЯГ-15, достаточно крепкий, чтобы не деформироваться при проходе техники даже если его торцевая часть касается грунта, а самое главное, быстро стыкующийся с точно такими же понтонами с любой стороны, вызвал минимальное количество вопросов и пререканий. Зато последовал упрёк, мол, сразу бы так и сказали, нечего тут секретность разводять. В плавучую батарею всё равно никто не поверит.

Решение подобных задач приводит к одним и тем же результатам. В итоге, уже в конце мая был готов не только проект, но и, работая ударными темпами, сняв целых четырёх сварщиков с "Фрунзе", чтобы могли парами работать в две смены, приступили к изготовлению первого понтона. От своего прототипа, речного звена ПМП, он, прежде всего, отличался угловатыми плоскими формами без плавных изгибов, принятыми в ущерб гидродинамике ради простоты и технологичности, да абсолютно ровной, на чём я особо настаивал, в разложенном положении палубой, если не считать "тротуаров" - крайних, откидывающихся вниз при боковой стыковке, частей понтонов. Они возвышались над общей плоскостью сантиметров на десять, образуя отбойник, который должен предотвращать скатывание машин в воду при движении по мосту. Когда же понтоны стыковались боками, "тротуары" откидывались вниз и общая палуба оставалась абсолютно плоской, что было необходимо для монтажа на ней рамы под орудийный станок.

27 мая, когда стали окончательно ясны размеры палубы и грузоподъёмность единичного понтона, появился повод навестить на завод "Большевик", занимающийся выпуском 130-мм и 180-мм пушек, где руководство, в лице директора Руды и главного инженера Романова, уже было заранее предупреждено и давно меня поджидало. Конечно, новейшую Б-7М с какими-то цифрами, мне для баловства выделять никто не собирался. Посчитали, что довольно будет опытной переделки шестидюймовки Канэ с углом возвышения ствола аж целых шестьдесят градусов, имеющейся в "кунсткамере" завода в единственном числе и поэтому никому не нужной. Заряжать, правда, в таком положении пушку было крайне затруднительно, если вообще возможно. Зато она лишь незначительно превышала по силе отдачи и реакции на опору стандартную "стотридцатку", вес же самой системы был даже немного меньше. Прикинув входящие данные, мы, то есть я и выделенная из "лафетного" отдела артиллерийского КБ небольшая группа молодых инженеров, решили перестраховаться и применить в качестве плавучей опоры сразу четыре понтона вместо вполне достаточных трёх. Дополнительным побудительным мотивом было то, что на Балтийском заводе первые понтоны делали неразборными, без возможности разделить их на две половины вдоль продольной осевой линии.

Это обстоятельство дало мне возможность просто обосновать необходимость нижней рамы-паука, накрывающей всю палубу плота восемью радиальными коробчатыми станинами через каждые 45 градусов, расположенные со смещением в 22,5 градуса относительно продольной и поперечной осевых линий орудийного плота. По периметру палубы, не захватывая, однако, "тротуары", для чего между ними и палубой заранее был предусмотрен особый зазор, стягивая все четыре понтона в единое целое, располагались силовые поперечные связи в виде уголков из девятимиллиметровой стали.

— Товарищ Любимов, почему орудие прямо к палубе болтами не прикрутить, как это обычно и делается? — вопрос, молча поддержанный остальными, был вполне закономерен.

— Что будет, если поставить танк на грунт катками вовсе без гусениц? Он провалится! А стоит нам одеть траки и давление перераспределится на большую площадь. В нашем случае это означает, что отдача воздействует на плот в точке опоры, в самом центре, он стремится прогнуться и нагрузка ложится на соединительные замки понтонов, которые её не выдержат, во всяком случае, многократно. Усиливать и утяжелять их нельзя, они должны открываться и закрываться одним человеком вручную. Вот здесь нас нижняя силовая рама и выручит, распределив нагрузку на всю площадь палубы оружейного плота. К тому же, из-за небольшой осадки, горизонтальной составляющей отдачи плот будет просто сносить в сторону, противоположную направлению выстрела. Это значит, что стрелять можно только с упором в берег или вбитые в дно водоёма сваи. И здесь нижняя рама тоже примет на себя нагрузку, ограждая от неё понтоны своими поперечинами-уголками. Кстати, неплохо было бы к ним что-то вроде бульдозерного отвала предусмотреть в качестве опускаемого для опоры в берег сошника. Вот вы, как самый любопытный, им и займитесь, — озадачил я молодого человека, явно получившего диплом не далее, чем в прошлом году.

Большие споры вызвал вопрос бронирования всего сооружения. Дело в том, что пушки Б-7 выпускались с коробчатыми щитами двух видов. Первый, тяжёлый, для крейсеров и береговых батарей, клепался из 75-миллиметровых бронелистов. Лёгкий, предполагающийся для эсминцев, имел толщину брони 38 миллиметров. Я же хотел не свыше девяти-пятнадцати. Мало того, мои оппоненты настаивали ещё и на противоположном бронировании по периметру плота, благо водоизмещение позволяло.

— Экономия веса и средств – это отговорки! Почему вы считаете бронирование лишним? Знаете ли, уроки Русско-японской войны мы хорошо усвоили, в отличие от вас!

— Да я не против бронирования! Я за то, чтобы даже самый тугой на мозги товарищ не решил, будто этот плот – монитор и не пошёл на нём в атаку со стрельбой прямой наводкой! Я хочу, чтобы все понимали, что то, что мы делаем, относится именно к дальнобойной артиллерии и никак иначе! Вот после того, как такое положение вещей будет твёрдо определено, хоть в дот превращайте!

Так или иначе, но первый экспериментальный образец бронировать не собирались, а в дальнейшем решение этого вопроса уходило к наркомату ВМФ. Первым же результатом этих работ, стало то, что пушки Б-7 стали прямо на заводе прикручивать на квадратные платформы два на два метра, центральную часть разборного основания. В таком виде пушку, пользуясь готовыми стыковочными узлами, можно было быстро соединить с закладными частями стационарных береговых батарей. Или, установив на ровной, твёрдой площадке, пристыковав станины, организовать временную батарею. К этой же центральной части рамы должны были присоединяться отделяемые колёсные ходы для перевозки орудия по суше, но их ещё предстояло создать.

Эпизод 4

Находясь на опытном производстве бывшего Обуховского завода, я не мог не обратить внимания, да и просто пройти мимо его основной продукции. Как на выставке здесь можно было посмотреть всю эволюцию стоящих на потоке 130-миллиметровых пушек, начиная с прародительницы, образца 1913 года. Здесь же находились и строенная качающаяся часть башни МК-3-180 а также "одиночка" для альтернативной двухорудийной 180-миллиметровой башни с отдельной наводкой. Секрета из них никто не делал и на мой вопрос о ходе дел, мне пояснили, что на Металлическом заводе, на основе "специальной" документации, а также поднимая материалы по старым башням броненосцев "Андрей Первозванный" и крейсера "Рюрик", ваяют новые установки, качающиеся части к которым уже практически готовы.

"Тройчатка" опережает и, судя по всему, на новый крейсер будет установлена именно она.

Что касается 130-миллиметровых Б-7, то внешний вид новейшей Б-7М1 до боли напоминал виденные мною в прошлом музейные экспонаты Б-13, с поршневым затвором, тормозом отката и аккумулятором энергии досылателя над стволом, гидropневматическим накатником под ним и снарядным лотком, качающемся на оси, перпендикулярной каналу ствола. Всё это было установлено на высокой трубообразной тумбе с широким вырезом в задней части, в который свободно проходил казённый, вращающейся почти на уровне палубы. Фактически вся разница была именно в 55-калиберном стволе "царского" образца и отдельно-гильзовом зарядании.

В настоящее время шла работа над двухходовым досылателем для зарядания последовательно с одного лотка снаряда и гильзы и клиновым полуавтоматическим затвором. Надо сказать, что дело шло ни шатко ни валко, так как прежний руководитель проекта Рафалович переехал на ВМЖ в Кресты с частью своих подчинённых, а работу принял Синельщиков, бывший до того на вторых ролях. Вообще, по итогам работы над морской артиллерией, за решётку отправилась значительная часть артиллерийского КБ "Большевика", например такие люди, как Магдесеев и Кудряшов, занимавшиеся до того 100-миллиметровыми пушками для подлодок, которые теперь были поручены "путиловцам". Избежали оргвыводов группы занимавшиеся тяжёлой сухопутной артиллерией, переведённые ещё до разбора полётов на завод "Баррикады", 180-миллиметровыми пушками, да молодёжь, получившая дипломы два-три года назад.

Один из представителей этого племени как раз возился досылателем одной из опытных Б-7, который в этом варианте был пневматическим, свидетельством чему было периодическое шипение сжатого воздуха да стоящий тут же баллон внешнего питания, когда я, проходя по опытному цеху по своим делам, обратил на него внимание. Ещё бы, ведь здесь никогда раньше я не видел, чтобы с железом своими руками возились инженеры, о чём говорил видневшийся под расстёгнувшимся рабочим халатом костюм с белой сорочкой и галстуком. Обычно всеми работами непосредственно на пушках занимались опытные рабочие в характерных спецовках. К тому же и время было обеденное, поэтому в цеху было малоллюдно.

— Не помешаю, молодой человек? — спросил я для затравки.

— И поможете навряд ли, — недовольно буркнул он в ответ, не оборачиваясь.

— Могу и помочь, если вы не дурью маетесь, — обострил я самую малость, чтобы проверить реакцию.

— Вот. Все вы так. Зачем дурью маяться и доводить якобы ненадёжный пневматический досылатель, если уже утвердили пружинный? Ага, а то, что с ним первый выстрел вручную заряжать приходится, никого не волнует. А тут, извольте, баллончик подключил и никаких проблем. И надо ещё посмотреть, как он через полгода-год, тот пружинный досылатель работать будет, когда пружинки подсядут, — бурчал мой собеседник, по-прежнему занимаясь своим делом.

— Зачем же так драматизировать? Первый выстрел не грех и в горизонтальном положении ствола зарядить, а пружинки и поменять можно со временем. К тому же, старые пружинные накатники куда как дольше служат без особых нареканий.

— Послушайте, ВЫ! — конструктор резко обернулся, зажав в кулаке до побелевших костяшек, рожковый ключ где-то "на пятнадцать".

— Капитан госбезопасности Любимов, — спокойно представился я, благо дистанция позволяла не опасаться за здоровье, да и были это всего лишь эмоции. — А вас как зовут?

— Рудяк, Евгений Георгиевич, — ответил конструктор упавшим голосом.

— Простите моё любопытство, Евгений Георгиевич, я в артиллерии не очень-то разбираюсь, но мне такую вот пушку позарез надо на плавучее основание установить. Вы же, я уверен, человек сведущий. Не подскажете, почему у вас на пушке лоток заряжания качается на оси перпендикулярной направлению выстрела? — действительно, если, например, ствол орудия располагался горизонтально, то ось качания лотка становилась вертикальной.

— Не понимаю, как одно с другим связано, — сообразив, кто я такой и то, что непосредственной угрозы нет, вдохновившись, к тому же, моим признанием, Рудяк заметно приободрился и от него даже чуть повеяло неким превосходством. — Чем вам лоток-то помешал?

— Ну как же? Вы же линию огня по самое "не могу" задрали. Работа заряжающего теперь больше на гиревой спорт пополам с толканием штанги похожа.

— Так это только на малых углах...

— И что? У меня пушка ещё и на нижней раме должна устанавливаться, которая тоже свою высоту в 30 сантиметров имеет! В прыжке прикажете заряжать на тех самых малых углах?

— Вы, товарищ капитан, простите, сами себе проблему создали, — заметил конструктор, пытаясь справиться с улыбкой, видимо, представил себе процесс заряжания воочию, — сами её и решайте.

— Решить-то решу, вот только мне надо знать, есть ли какая-либо объективная причина, что лоток устроен именно таким образом? И вообще, надо помогать друг другу, а не собачиться. Потому, как если решу этот вопрос я, спросят, почему не решили те, кому по должности положено им заниматься. И что тогда? По стопам прежнего ведущего конструктора этого орудия? — не смог я отказать себе в удовольствии чуть-чуть поиграть на нервах излишне самоуверенного инженера.

— Да... В общем-то, наверное, можно и как-то по другому... — неуверенно, явно не найдя рационального объяснения этой особенности конструкции и осознавший суровую неизбежность "помогать", ответил Евгений, называть которого Георгиевичем, из-за молодости лет, язык не поворачивался. — Вот только как?

— Хороший вопрос! И у меня, таки, есть на него бесплатный, прошу заметить, ответ! — в шутовском "одесском" стиле перешёл я к изложению давно не дающей мне покоя "побочной" мысли, высказать которую было как-то некогда и некому, а теперь будто прорвало. Просто, когда проектировали нижнюю раму на паром, решили, что в крайнем случае, заряжающие могут стоять на довольно широких станинах и нечего из мухи слона раздувать.

— Итак, первая часть Марлезонского балета с пятидюймовочкой, — я подошёл к самой пушке, стоящей без щита и дающий хороший доступ к её механизмам со всех сторон, можно сказать, нежно, погладив рукой казённый. — В настоящее время она не может дать угол возвышения больше 45-ти градусов. Из-за того, в первую очередь, что казённый будет ударяться при откате о палубу. И, во вторую очередь, её будет невозможно зарядить. Новый двухходовой досылатель может поправить второе, но чтобы справиться с первым, нужно увеличивать высоту линии огня, а этот резерв уже полностью исчерпан.

Здесь я сделал многозначительную паузу, чтобы слушатель проникся трагизмом сложившейся ситуации.

— Но всё кардинально меняется, если мы примем ось качания лотка параллельно каналу ствола, совместим её с осью досылателя и разместим под стволом со стороны, противоположной той, в которую открывается поршневой затвор.

— Это как это? — оторопел поначалу от такого экстремизма Рудяк.

— Да просто! Вот это, — я коснулся накатника, — переедет наверх. А аккумулятор досылателя, безразлично, пневматического или пружинного, вот сюда, — я указал на левый нижний угол казённого.

— Положим, а лоток-то как?

— Смотри, ось всего механизма крепится на люльке и проходит сквозь специальное ухо-прилив казённого. На ось надета труба. Это шток досылателя. Она также проходит сквозь ухо так, чтобы рычаг досылателя был всегда позади казённого. Этот рычаг может, в необходимых пределах, вокруг оси вращаться. Между казённым и люлькой собирается аккумулятор энергии, например, пружинный. При выстреле казённый толкает за рычаг шток досылателя и взводит пружину. А лоток, разомкнутая труба с вырезом для прохода рычага досылателя и подпружиненными выступами для предотвращения выпадения снаряда, вращается на рычаге, закреплённом на внутренней оси с внешней стороны. То есть, как всё работает. Положим, оружие заряжено. Лоток висит позади казённого и ниже него, вне пути откатных частей. Выстрел, откат. Досылатель взводится. Открываем затвор, экстракция гильзы. Вкладываем в лоток-трубу снаряд. Поворачиваем лоток вокруг оси досылателя, при этом он сперва совмещается с рычагом досылателя, а потом движется вместе с ним вплоть до совмещения с осью ствола. Как только это произойдёт, лоток автоматически фиксируется и снаряд бросается в канал ствола. После срабатывания механизма, стопор отпускается, лоток убирается в первоначальное положение, затвор закрывается и производится выстрел! Что нам это даёт? Лоток расположен сантиметром на 30–40 ниже оси канала ствола. А значит, на эту величину можем поднять линию огня, казённый не будет больше биться при откате о палубу. И заметьте, когда снаряд уже в лотке, заряжающий, поднимая его, не толкает тяжести вверх, а тянет за рычаг с другой стороны оси вниз, используя массу своего тела, что значительно легче. А вот когда угол возвышения ствола будет достаточно велик и лоток, откинутый вниз, станет неудобен, его можно поднимать вверх, по-прежнему выводя с пути откатных частей. А снаряд вкладывать, в лоток спереди, опрокидывая его на линию заряжания под действием собственного веса. Если принять вертикальный клиновой затвор и поставить с двух сторон казённого два таких досылателя, действующих последовательно, один для снаряда, другой для гильзы, поставить верхний станок на барабан повыше, то мы получим полноценное универсальное 130-миллиметровое оружие с углом возвышения 85 градусов, — рассказывая, я демонстрировал прямо на орудии, как должны быть устроены отдельные элементы, пользуясь для этого лежащими тут же запасными частями к пушкам и прочими подходящими предметами.

Рудяк, по загоревшимся глазам видно, схватил мысль на лету, но тут же скис.

— Все будут против. И директор, и главный инженер, и ведущий конструктор. У них своя конструкция на подходе и таких радикальных переделок, срывающих серию, они не допустят. Кто им тогда уже проделанную работу оплатит? Понять их можно, большие эсминцы класса "Ленинград" с 33-го года без вооружения стоят, а сотни на них смотрят как детский чепчик на взрослом мужике. Вы, товарищ капитан госбезопасности, попробуйте в ЛАНИМИ обратиться на участок опытных работ. Если там положительное заключение дадут и хоть какую работающую модель изобразят, это уже хорошая опора будет, можно пытаться продать.

Эпизод 5

В плохое на слово я верить не стал и, приободрённый тем, что настоящий конструктор-артиллерист молча одобрил мою концепцию, пройдя по перечисленным товарищам, действительно везде получил "полный отлуп". Но разве это повод унывать? Нисколько! Отправив письма, инженер-флагману 2-го ранга Леонову, начальнику управления вооружений РККФ, старому сослуживцу наркома Кожанова по Волго-Камской и Каспийской флотилии, с которым они прошли от Котловского десанта до Энзели, начальнику 1-го, артиллерийского отдела этого управления Мирошкину и своему непосредственному начальнику Кобулову, я мог уже ни о чём не беспокоиться. Тем не менее, советом Рудяка воспользовался и наведаясь в Ленинградский артиллерийский научно-исследовательский морской институт. Это обернулось для меня чрезвычайно полезным и перспективным знакомством с Дмитрием Устиновым, который как раз всеми опытными работами этого заведения командовал. Едва уловив суть дела и результаты, которое оно сулит, буквально сходу взялся за него, пообещав не только заключение, но и всё возможное и невозможное, чтобы механизм заработал и пошёл в серию.

Кроме того, ведь в Ленинграде был ещё один завод, выпускающий морские пушки – "Красный Путиловец". Пусть там калибр поменьше и зарядание унитарное, суть дела от этого не меняется и, направив свои стопы в сторону этого славного на всю страну предприятия, я попал, можно сказать, с корабля на бал. Точнее, с катера, после пешей прогулки, на митинг.

О своём визите я, разумеется, никого заранее не предупреждал, поэтому, придя на проходную, попросил связаться с руководством на предмет аудиенции. Спустя, буквально, пару минут, в помещение ворвались трое экзальтированных товарищей и, убедившись, что именно я тот самый Любимов, чьи моторы строит "Русский дизель", набросились на меня, поздравили с победой, одели на шею венок из гвоздик, чем вызвали моё нешуточное беспокойство, и с криками "ура", чуть ли не внесли на руках на территорию завода. Сразу же мы оказались среди множества людей, флагов и транспарантов, но мои сопровождающие, громогласно требуя пропустить товарища Любимова, резво потащили меня к слепящему СВЕТУ. В тот момент, пока я не понял, что это такое, чётко осознавая только, что это не Солнце, которое по-летнему жарит в спину, и не искусственный источник, из-за небывалой яркости и отсутствия даже намёка на примесь желтизны, меня охватило какое-то сакральное, мистическое благоговение.

— Слава советским моторостроителям! Слава рабочим и инженерам, создавшим самый мощный в мире тракторный двигатель!! Слава главному конструктору, товарищу Любимову!!! — мощно разлилось по всей площади от СВЕТА.

Я, признаюсь, в этот момент небывало воодушевился, исчезли, появившиеся было ощущения, будто я жертва и племя дикарей хочет скормить меня какому-то чудовищу, наоборот, возникло чувство небывалой сопричастности чему-то по-настоящему великому. Наверное, в этот момент я был похож на идущего по морю аки посуху героя Андрея Миронова из пока ещё не снятого здесь фильма "Бриллиантовая рука".

Такое сравнение пришло мне на ум, когда я, приближаясь, сперва стал различать над СВЕТОМ силуэты людей, а потом, сместившись, направляемый сопровождающими в сторону, выйдя из луча, узрел чудовищный, специально отполированный до зеркального блеска, бульдозерный отвал. Благоговение исчезло, уступив место досаде на собственную впечатлительность пополам с потрясением от открывающегося вида. Передо мной, посреди толпы стоял трактор чудовищных размеров. Верхние ветви его гусеничных лент с прикрученными на траки обрезками шпал, чтобы скрыть шпоры-грунтозацепы и не портить мостовую, лежали выше голов людей, а кабина, с ограждением по периметру крыши, завешенным сейчас кумачом, находилась чуть ли не на высоте двухэтажного дома. Точно такое же ограждение

присутствовало и на капоте моторного отсека и обе площадки в данный момент использовались в качестве трибуны и "президиума".

— Давай, давай, не задерживай! — подталкивали меня сзади на приставную лесенку, по которой я сперва поднялся на гусеницу, а потом на площадку позади кабины, большую часть которой занимали два топливных бака, оставляя между собой лишь узкий проход по центру к входной двери, прячущейся внутри массивной арки-рамы. Эта конструкция была опорой тросового механизма, предназначенного для подъёма в транспортное положение трёхзубого рыхлителя, утяжелённого массивным наборным грузом из чугунных чушек. Пройдя под аркой, я попал через открытую дверь в кабину, которая живо напомнила мне размерами оконечность вагона метро. Экипаж трактора составляли, судя по рабочим местам, расположенным лицом друг к другу и боком к направлению движения, минимум два человека. Первый машинист имел в своём распоряжении рычаги поворота, педаль газа и длинный рычаг главного фрикциона, а второй работал внушительным рычагом коробки передач и управлял, в нагрузку, двумя лебёдками тросовых механизмов подъёма отвала и рыхлителя. Сквозной центральный проход через кабину вёл к лесенке и невысокой дверце в лобовой части, через которую можно было выйти на капот, а оттуда уже, по вертикальной лестнице, сваренной из прутьев арматуры, на крышу.

Впрочем, на самый верх подниматься не потребовалось. Едва моя персона оказалась на капоте трактора, незнакомый мне товарищ что есть мочи крикнул в микрофон:

— Слово предоставляется товарищу Любимову!!!

Глянув с высоты, я поразился количеству людей вокруг. На ЗИЛе народу, пожалуй, поменьше будет. Чтобы выключить мандраж и собраться с мыслями, я сфокусировал взгляд на чёрной коробочке, подвешенной на пружинах внутри кольцевой рамки и, расслабившись, ляпнул первое попавшееся:

— Ну и хреновину же вы отгрохали, товарищи...

Сказанное, видимо, своей непосредственностью сильно отличалось от заранее заготовленных речей других ораторов и вызвало самый живой отклик. Народ, не только вокруг трактора, но и позади меня, в "президиуме", заржал.

— Ага, сто тонн с отвалом и рыхлителем! Тысяча лошадиных сил! — без всяких усилителей звука проорал кто-то сзади сверху. — И это мы ещё так, для пробы!! Даёшь трактор в двести тонн и две тысячи лошадиных сил!!!

— Отрадно... — тянул я время, собираясь с мыслями. — И как же это чудо называется?

Выступление моё получалось в стиле "Дед Мороз и дети", что меня смущало и мешало собраться с мыслями, чтобы найти тему для, пусть не особо полезного, но красивого выступления. Хотелось, чтобы в такой момент люди меня запомнили. Вопрос же мой вызвал заминку.

— Верно товарищи! Упустили мы совсем этот вопрос! — вновь заревела "иерихонская труба". — Предлагаю назвать машину в честь человека, благодаря которому и по чьему заданию она и создана! В честь нашего дорогого вождя и товарища, Сергея Мироновича Кирова! Так и назовём "СМК"!! Кто "за"?!!

Послушав пять секунд одобрительный гул толпы и полюбовавшись на множество поднятых вверх рук, неизвестный оратор подвёл итог.

— Принимается большинством! Тащи краску!!!

— Вижу, что Кировский завод славно поработал, добившись огромных, без преувеличения, результатов, подняв социалистическую индустрию ещё на одну ступень, — продолжал я тянуть резину, но тут же запнулся, поименовав предприятие по старой привычке, именно это и натолкнуло меня на ценную мысль. — Трактор ваш, конечно, великий. Наверное, нигде в мире такого нет. Но всё же, по сравнению с личностью нашего дорогого товарища Кирова, он мелковат. То ли дело завод! Ведь не секрет, что именно ваш завод является первопроходцем в области отечественного тяжёлого машиностроения. Вы первыми осваивали производство советских тракторов, а теперь вашим опытом воспользовалось множество заводов. Теперь вы строите тяжёлые карьерные самосвалы, равных которым нет в мире, карьерные экскаваторы, краны, первыми осваиваете выпуск мощных турбин и зубчатых агрегатов, выполняете важные оборонные заказы. Вы - первопроходцы! Завод-лаборатория! Честь вам и слава! Но почему название вашего предприятия имеет в основе фамилию какого-то буржуя? Это никуда не годится! Разве можно бросать хоть малейшую тень на флагмана отечественного тяжёлого машиностроения? Потому предлагаю изменить название на "Кировский"! Это достойно и завода и товарища Кирова! И повод для этого, весомый имеется! — усмехнулся я притопнув по тракторному капоту.

Мои слова вызвали замешательство, люди притихли, переваривая услышанное.

— Товарищ Жданов, разрешите вынести предложение на голосование трудового коллектива? — справился громогласный оратор у присутствующего здесь, оказывается, главы обкома.

— Выносите, товарищ Отс, — ага, значит лужёная глотка самому директору завода, о котором я знал по газетным публикациям, принадлежит.

— Кто за то, чтобы отныне завод "Красный путиловец" именовать "Кировским заводом"? Прошу поднять руки! — минутная заминка, и? — Предложение товарища Любимова принимается большинством голосов! Ура товарищи!!!

Чувствую, пьянка вечером в заводском районе будет грандиозная... За спиной бухнули по железу шаги и бородатый крепыш, чуть повернув меня, уже начавшего оборачиваться на звук, рукой за плечо, с чувством сказал:

— Ну, товарищ Любимов, только к нам на завод вошёл, а уже столько хорошего сделал! Дай обниму тебя, брат!

Тут я опять растерялся. Для людей этого времени вполне естественно выражать свои искренние чувства подобным образом. Я же, выросший в мире, где любовь была низведена до секса, а обнимающиеся мужики, будь это даже солдаты после боя, вызывали грязные мысли, хоть и старался всегда быть выше навязываемых ничтожной по своей моральной ценности либеральной культурой стереотипов, всё равно, страдал от "осадка", остающегося в подсознании. Поэтому думал в том момент о том, чтобы, ради конспирации, целоваться не пришлось. Отказаться обняться же, было бы совершенно невозможно, товарищ сразу бы подумал, что у меня задние мысли имеются и это раз и навсегда растоптало бы мою репутацию.

— Проси чего хочешь в любой момент! Как директор завода, обещаю в лепёшку расшибиться, а сделать.

— Да мне бы, собственно, в ваше артиллерийское КБ. С людьми переговорить об одном важном для обороны деле.

— Нагнал туману, — улыбнулся Карл Мартович. — Давай трактор на баржу погрузим, и я вас познакомлю.

Митинг продолжался ещё почти два часа, ораторы произносили речи, давали обещания выполнить и перевыполнить планы и поручения партии, но уже без накала, по настрою было понятно, что самое главное сегодня уже сказано, самое интересное уже произошло. А потом трактор завели и он, рокоча тысячесильным рядным двигателем 13-8, таким, какой шёл на подводные лодки типа "М", грелся чуть больше десяти минут, прежде чем развернуться и, сквозь заранее расступившихся в стороны людей, по обозначенному маршруту, неспешно, но уверенно, двинулся в сторону причалов. Бульдозер шёл, торжества ради, передним ходом, поэтому я, стоя на крыше его кабины в компании Жданова, Отса, главного инженера завода Тер-Асатурова, мог наблюдать работу ещё одного члена экипажа машины - её "капитана", роль которого выполнял директор. Единственным рабочим инструментом командира машины была трубка телефонного аппарата, по которому он передавал команды в кабину связисту, в распоряжении которого была ещё и не замеченная мною ранее радиостанция. Тот, в свою очередь, дублировал их машинистам, которым отвал в поднятом положении загораживал большую часть обзора вперёд. Шум дизеля заставлял Отса напрягать голосовые связки не меньше, чем во время митинга и поэтому я посоветовал ему в будущем комплектовать трактора танковыми переговорными устройствами.

У кромки причала лишних попросили, во избежание, удалиться и новонаречённый "СМК" на минимальной скорости двинулся на пришвартованную вровень баржу. Её палуба была усилена плотно уложенными в продольном направлении рельсами, укрытыми сверху толстыми досками, которые, уложенные от борта до борта, образовывали подкладки под гусеницы устанавливаемого поперёк трактора. Едва центр тяжести бульдозера сместился на баржу, "СМК" качнулся вперёд и судно ощутимо просело, натянув до отказа многочисленные, и без того тугие, швартовы. Я, стоя рядом с кнехтом, услышал явный скрип и испугался, что пеньковый канат может лопнуть и покалечить народ, которому и деться-то с причала некуда, сзади поджимали. К счастью, всё обошлось и команда речфлотовцев споро стала крепить необычный груз, опутывая трактор растяжками и устанавливая специально заготовленные клинья.

Теперь ему предстоял переход, по словам Жданова, по Неве, Ладожскому и Онежскому озёрам, Беломорско-Балтийскому каналу и Белому морю до посёлка Кандалакша, где трактор передадут в опытную эксплуатацию образованному в 3-го мая решением Совета Труда и Оборона комбинату "Североникель". Конечно, никакого комбината, по факту, ещё не было, его первая очередь, мощностью 3 тысячи тонн никеля и 3 тысячи тонн меди в год, должна быть пущена только в 1937 году, но, судя по посылке, за дело товарищи взялись туго. Стране Советов нужен был никель, постоянно растущая потребность в котором, опережала собственное производство и его до сих пор, не смотря на все усилия, частично закупали за границей.

Сергей Миронович Киров, внимательно следивший и всячески содействовавший геологическим изысканиям в Северо-Западном районе и его развитию, перейдя на работу в центр, дела этого не оставил. Наоборот, возможностей, как сказали бы в будущем, лоббировать это направление у него прибавилось. Вот поэтому Жданов и расписывает сейчас, что к концу третьей пятилетки, на базе открытых в 33-м году месторождений, прежде всего Ковдорского, Оленегорского и Пудожгорского, будут поставлены горно-обогатительные комбинаты на технологии мокрой электромагнитной сепарации, построены автомобильные и железные дороги, множество гидроэлектростанций в каскадах. Всё это вместе взятое составит прочную базу качественной чёрной металлургии Северо-Запада. Параллельное развитие цветной металлургии даст легирующие присадки. А торфоразработки и, самое главное, новый,

Печорский угольный бассейн, открытый Черновым, где уже работали две шахты, дающие высококачественный коксующийся уголь, но нет железной дороги, кроме небольшого отрезка узкоколейки, станут базой основной, массовой металлургии.

— Вот для этого, товарищи, нам и нужны такие бульдозеры. Для быстрой прокладки дорог, для разработки карьеров, для строительства плотин. Будем надеяться, что ваш малыш с честью выдержит испытания и будет запущен в массовую серию, — закончил Жданов прощальную речь, глядя как обрубали швартовы и судно отвалило от причала.

Эпизод 6

На фоне произошедшего события, беседа с Махановым, главным конструктором артиллерийского КБ новоназначенного Кировского завода, которому меня представил сам директор, Карл Мартович Отс, прошла буднично и без тревожных нот. А я-то уже приготовился связями козырять и настаивать. Ничего подобного, Маханов, выслушав меня, просто сказал:

— Попробуем.

Было видно, что его сейчас занимает что-то другое. На моё замечание об отсутствии должного энтузиазма, конструктор с показавшимся мне забавным именем-отчеством, только вздохнул. Ясность внёс директор завода, начав, видно, уже привычно, отчитывать Ивана Абрамовича за то, что он никак не может найти какой-то дефект. На проверку дело оказалось совсем печальное. После того, как "Красному Путиловцу" с "Большевика" передали тему 100-миллиметровых орудий с заделом по Б-24, КБ Маханова быстро выпустило свой аналог с фирменными противооткатными устройствами и затвором по типу пушки "Лендера". Испытания новой пушки, названной Л-4, прошли на "ура" и её уже смонтировали на подводную лодку П-1 для совместных с самой лодкой испытаний. А на заводе, тем временем, заложили опытно-валовую партию в пять штук для отработки технологии изготовления пушек и, попутно, для довооружения систершипов П-1 и её самой. И ни одна из предсерийных Л-4 заводских испытаний не прошла! Полуавтоматический клиновый затвор работать в этом качестве отказывался категорически и постоянно требовал ручного вмешательства практически на всех этапах. Пушки разобрали, брака и отступления от чертежей не нашли. Собрали, отстреляли и убедились, что проблема как была, так и осталась. И это при том, что наверх уже отрапортовали о создании Л-4! Теперь с Маханова уже следующие, универсальную Л-5 и спаренную Л-6 требуют, а он застрял!

— Так вы не там ищете, — брякнул я, послушав эту историю. — Вам надо ту пушку, что нормально отстрелялась, разобрать и повнимательнее рассмотреть.

Отс с Махановым секунды две смотрели на меня, усваивая мысль, потом, как по команде переглянулись и, как мальчишки, бросились бежать к зданию заводоуправления, вызывая недоумение, усмешки и подначки ещё не разошедшихся после митинга заводчан.

— Эк вы их, товарищ Любимов, напугали, — приблизился ко мне стоящий до того чуть поодаль Жданов, который одновременно пытался понять, о чём мы говорим, но с другой стороны, интеллигентно стеснялся лезть, куда не пригласили, демонстрируя свой начальственный статус.

— Совсем напротив, товарищ Жданов, я дал им надежду и веру в лучшее.

— Не хотите говорить в чём дело, настаивать не буду, — в глубине души, наверное, всё-таки обиделся Андрей Александрович.

— Просто считаю правильным, чтобы они сами рассказали, если сочтут нужным, — довольный тем, что вот так, проходя мимо, подал людям хорошую идею, ответил я. — Не хочу примазываться к не заслуженной мною славе, товарищ Жданов.

После такого моего ответа левая бровь Андрея Александровича приподнялась и он с сомнением изрёк:

— А мне другое про вас говорили.

— Не может быть.

— Вы разве не брали справки на Балтийском заводе и на "Большевике", что участвуете в работах?

— Ах, вон оно что! — мне оставалось только признаться, но криминала в своих действиях я упор не видел. — Брал. А как же я потом буду требовать работу свою оплатить? Вы же знаете, что пока изделие в серии, проектировщику отчисления положены? Как ни крути, складной понтон и пушка на нём - с самого начала моя идея. Да хоть у наркома ВМФ спросите.

— Но вы же непосредственно не проектировали! Не обсчитывали, не чертили! Товарищи возмущаются.

— Зато, товарищ Жданов, я все принципиальные решения по конструкции принял. Вы же понимаете, что когда товарищ Сталин планирует увеличить добычу угля он не идёт после заседания СТО в забой и отбойником не машет? Так и здесь, каждый выполняет свою часть работы. Кто-то создаёт общую концепцию, вид изделия, то, что иностранцы называют "дизайн", а кто-то обсчитывает конкретные детали. Бывает, иногда людям кажется, что придумать что-то, чего доселе никогда не было, особенно элементарно простое и несложное, никакого труда не составляет. А вычисления требуют усилий и внимательности, всегда занимают время. Поэтому, у некоторых товарищей, может возникнуть ложное ощущение несправедливости. Я бы, пожалуй, среди них конкурс бы провёл. Пусть придумают на пользу людям что-то совершенно новое. Узнав, каково это на самом деле, перестанут жаловаться.

Жданов посмеялся по-доброму над моим ответом и сказал:

— А вдруг им понравится? Считать и чертить не разучатся?

— Я же не разучился. Как оглянешься назад, сам себе не веришь. Вот только в начале октября прошлого года сидел и считал. Один. Вообще. А теперь результат вон, в Кандалакшу уплывает.

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить, — вдруг озаботился Жданов. — Не поверите, но даже поначалу в Москву ехать собирался, а потом, узнав, что вы здесь, время пытался выкроить, да случай сам свёл. Дело, понимаете, деликатное, поэтому громко говорить об этом не следует. Мы, прежде чем технику заказывать, у специалистов поинтересовались её параметрами. И они дали ответ, что трактор должен быть весом в сто-сто двадцать тонн!

— А что вы так волнуетесь? "СМК" и есть сто тонн.

— Трактор! Сам! А "СМК" только пятьдесят пять тонн весит. Да отвал тридцать. Да клык пятнадцать. Вот сто тонн и набегают. Короче, "СМК" - это так, для пробы. Мы ещё больше бульдозер на Кировском заводе делать будем. И нам нужен мотор. Я на "Русском дизеле" был и видел, что вы там выпускаете. В принципе, нам 13-16 подошёл бы, но дороговат он и товарищ Кожанов косо смотрит. Нельзя ли на базе 16-16 сделать 16-8, такой же, как 13-8 на "СМК"?

— Ну, вы даёте, товарищ Жданов! Не ожидал, — откровенно удивился я.

— А как же, не лаптем щи хлебаем. А освоение Северо-Запада, создание базы чёрной металлургии – важнейшая поставленная партией перед Ленинградом задача. Тут, хочешь не хочешь, до последнего винтика будешь вникать.

После этих слов я совсем перестал оценивать Андрея Александровича только как партийного функционера и невольно проникся к нему уважением.

— Обещать ничего не буду, товарищ Жданов, но технических препятствий для создания такого мотора нет. Есть дефицит рабочего времени сотрудников КБ. Если вы дадите нам официальный заказ, то обещаю приложить все усилия. Если вы и мощности для выпуска двигателей найдёте, то вообще буду рад стараться. Кстати, раз 13-8 на малые подводные лодки идёт, то 16-8 на средние можно будет ставить.

При этих словах Жданов помрачнел, снова вспомнил Кожанова, который весь Ленинград своими требованиями уже достал, но насчёт мощностей обещал подумать. К этому времени вернулся довольный товарищ Отс.

— Фух! Успели. "Правда" ещё на Балтийском заводе стоит. Маханов взял бригаду и поехал туда нашу пушку обратно снимать. Обойдутся пока без неё.

— Вы, товарищ Отс, товарищу Маханову передайте, чтобы с противооткатными устройствами не чудил, — воспоминания Грабина в прошлом-будущем мне читать приходилось. — Это я в присутствии товарища Жданова вам говорю. Не дело для пушки, особенно морской, если она интенсивно постреляв на больших углах, при выстреле на отрицательных из строя выходит. Сами понимаете, отражение самолётов, потом катеров, качка и всё такое. Лучше уж сразу по уму сделать, тем более Б-24 у вас есть, чем потом другие переделывать будут. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

Настроение директору я испортил сразу, да и товарищ Жданов, хоть и не понимал в деталях, что происходит, но заход насчёт "других" понял верно. Можно быть уверенным, что Кировскому артиллерийскому КБ со стороны облсовета гарантировано повышенное внимание. Думаю, так оно будет лучше.

— Да не принимай ты близко к сердцу, Карл Мартович, — сказал я Отсу на прощанье. — Поверь, я плохого не посоветую. Понятно, что переделывать много придётся, но это лучше, чем испытания завалить. А на них, будь уверен, с вашими пушками вытворять будут именно то, что я сказал. Сам за этим прослежу.

Эпизод 7

17 июня пушку Канэ на раме-пауке заводчане "Большевика", совместно с флотской комиссией собрали и отстреляли на Ржевке без моего присутствия. Даже, пакостники, не пригласили. Зато в известность, что поломок нет и конструкция принимается для стрельбы с грунта, поставили. Теперь дело стало за паромом, последний, четвёртый понтон для которого доделывали на Балтийском заводе до 21-го числа. 22-го можно было бы уже забирать, но, как назло, день был субботний и пришлось ждать до понедельника. В "тяжёлый день" я, совместно с экипажем "моего" катера, убедившись в герметичности последнего "поплавка" и промучившись из-за неопытности в новом деле почти час, впервые состыковали все четыре понтона вместе. Взяв будущий артиллерийский паром на буксир, катер Ш-4 потащил его вверх по Неве на завод "Большевик" для монтажа артсистемы. Пока шли, опытным путём установили, что палубу не заливают на скорости меньше пяти узлов. Если же прибавить, то

вода начинала перекачиваться поверху, а с ещё большим увеличением скорости паром вообще вёл себя непредсказуемо и даже порывался нырнуть. Положение могло поправить введение волноотбойных щитов "на носу", но думать об этом надо было заранее.

Монтировали пушку на пароме не штатно. Никаких процедур сборки-разборки. Тяжёлый кран просто подцепил с причала и установил на плот заранее подготовленную артсистему вместе с рамой. После чего, сильно прибавившийся в числе за счёт оружейного расчёта с Ржевки, прикомандированных на время испытаний рабочих, инженеров с "Большевика" и трёх флотских командиров, которые входили в комиссию в качестве наблюдателей для создания массовки, экипаж приступил к погрузке. Всё свободное пространство стали заполнять боеприпасами, бочками с бензином для катера, различными инструментами для исправления мелких поломок, пожитками в виде палаток, большого котла и жаровни, которой можно было, при нужде, пользоваться прямо на палубе не вредя последней, и, наконец, продовольствия. По самым скромным подсчётам, уходили мы в "автономку" не меньше, чем на неделю, поэтому барахла набралось много и оружейный плот со стороны, со спрятанным под брезентом орудием, заваленными мешками и тряпками снарядами ящиками, стал походить на огромный кусок плавучего мусора, что было особенно заметно в белой ленинградской ночи и заставляло морщиться командиров-моряков. Что и говорить, это был явно не корабль их мечты. Зато в большом корабельном баркасе с полным комплектом вёсел и парусным вооружением, выделенном специально для перевозки людей, они отвели душу, покомандовав нами на славу.

Переход к месту стрельб занял не так много времени, но на один день больше, чем мы изначально рассчитывали. Несмотря на то, что катер Ш-4 оказался, откровенно говоря, паршивым буксиром и жрал горючее с завидным аппетитом, Неву мы прошли за полтора дня. Выйдя из Ленинграда во вторник рано утром, переночевав на берегу, к обеду среды мы уже были в Шлиссельбурге. Перед выходом в Ладогу, хоть и стояла на загляденье тихая погода, надо было подготовиться, как оказалось на практике, в основном, морально. Зато смотались в магазин, накупив впрок табаку. На следующий день двинулись на север вдоль западного берега озера по идеальной водной глади и при абсолютном безветрии. Вернее, ветер-то, конечно, был, но западный, со стороны Финского залива, поэтому мы оказались в тени берега. Наконец ближе к вечеру четверга мы достигли небольшой бухточки в которую впадала тихая, сонная речка Морья, несущая свои чёрные воды из болот под Питером. По ширине и глубине в районе устья она полностью подходила для наших целей и, самое приятное, протекала совсем рядом с территорией Ржевского полигона. Её, по факту, учитывая безлюдность территории на север, можно было бы считать его южной границей.

Весь следующий день мы занимались только подготовкой к предстоящим испытаниям. Всё лишнее с палубы парома было убрано, конструкция, исключая подводную часть, полностью осмотрена на предмет неисправностей, лейтенант Волков, развернув на берегу с помощью временных деревянных мачт антенну-растяжку, установил устойчивую радиосвязь через узел штаба Балтфлота с Ржевским полигоном, откуда должны были руководить стрельбами. Сам артиллерийский паром, с опущенным в подводное положение сошником, похожим на бульдозерный отвал с вертикальными рёбрами жёсткости через каждые полтора метра, был притянут на канатах к берегу, насколько хватило сил испытательной команды. Сразу же стали вылезать мелкие, но досадные недостатки. Кнехтов, к примеру, мы не предусмотрели и канаты пришлось крепить к чему попало. Ближе к вечеру мы, самовольно, без команды сверху, произвели первый выстрел с воды вдоль берега Ладоги. Холостой. Очень уж хотелось посмотреть, как ведёт себя поплавок в условиях, "приближенных к боевым". Ничего особенного. От парома пошла лишь мелкая рябь, если не считать волн, поднятых дульными газами, но и они были значительно меньше размеров самого плота, что в сочетании с большой площадью ватерлинии, позволило ему сохранить стабильность. То ли будет завтра, когда в ход

пойдут сначала инертные болванки, а потом и боевые снаряды.

Вообще-то, в 21-м веке, или, во всяком случае, в конце 20-го, когда ещё не было развито компьютерное моделирование, после такого эксперимента паром, раму-лафет, саму пушку, следовало бы разобрать до винтика с целью выявления последствий. Здесь это правило тоже действовало, теоретически. Просто ответственные присутствующие пришли к джентельменскому соглашению, что ради ускорения процесса, будут испытывать, пока испытывается и, если всё будет хорошо, подпишут потом все бумаги скопом. И за первый холостой, и за последующие выстрелы. В общем-то, сталкивался я с этим не впервые, более того, сам всегда действовал точно так же, и уже давно перестал задавать себе вопрос, как так получилось, что Чкалов вылетел на неуконплектованном, неисправном самолёте и разбился в 38-м году. Впрочем, здесь всё ещё впереди. Валерий Павлович сейчас во Владике, отдыхает после перелёта по маршруту Москва-Петропавловск-Камчатский-Комсомольск-на-Амуре-Владивосток. Беспосадочного, разумеется. То ли ещё будет, это уже второй дальний перелёт в этом году о котором пишет советская пресса, которой нас в устной форме обеспечивает по вечерам нештатный политинформатор-агитатор, Арсений Волков.

На следующий день, в субботу, на Ржевке внезапно обнаружили, что не смогут наблюдать падений снарядов при стрельбе для определения максимальных углов горизонтального обстрела. Видимо, программу испытаний стали изучать непосредственно перед стрельбами. Радиосвязь мы поддерживали в телеграфном режиме, поэтому пришлось для острастки радиста, который мог из врождённой вежливости пропустить мои матюки, записать за ним все точки-тире с обещанием последующей проверки. Так как штаб Балтфлота волей-неволей оказался в курсе складывающейся ситуации, там решили, что "сухопутные", а Ржевка входила в структуру НКО, вставляют им палки в колёса и выделили для обеспечения испытаний плавучей батареи дивизион из четырёх новейших катеров МО и бывшего флагмана флотилии Остехбюро, опытовый корабль "Конструктор", царский эсминец "Сибирский стрелок" 1905 года постройки. Корабль как раз находился на Ладоге, но изменение районов падения снарядов, которые теперь перенесли на побережье и саму акваторию озера, налаживание взаимодействия, переходы, помимо нашего желания перенесли стрельбы на воскресенье.

Весь следующий день мы стреляли. То одиночными, при разных углах горизонтальной и вертикальной наводки, то сериями по пять-шесть выстрелов для определения кучности. Итоги, в общем, были оптимистичными. Конструкция, насколько позволял судить поверхностный осмотр, выдержала всё. Плот сохранял полную стабильность при стрельбе без попыток разворота, если угол горизонтального обстрела, вернее обратный ему угол отдачи, не выходил за пределы сошника. Стрельбы при различных углах вертикальной наводки показали, что в любом случае вектор отдачи проходит либо через, либо вблизи сошника, который, как и задумано, воспринимает большую её часть. Кроме того, заглублённый в грунт, он эффективно гасит любые колебания. Вообще говоря, я больше всего опасался, что при стрельбе на больших углах плот будет создавать такую волну, что эффективный беглый огонь станет попросту невозможен. Однако, полученный результат, по сравнению, с моими ожиданиями, был просто ничтожен, круговые волны могли навредить разве что тем, что выдавали расположение огневой воздушному наблюдателю, а кучность стрельбы сериями без исправления наводки оказалась хуже всего на 5 %, чем при стрельбе с твёрдого грунта. И то, цифра, сообщённая нам с "Конструктора" после возвращения контрольной партии, была приблизительная, с "ефрейторским зазором".

Правда, под конец, после всех стрельб, когда по условиям испытаний мы должны были сняться с огневой и уйти от ответного удара, нас постигла неудача. Сошник настолько завяз в грунте, что сдвинуть орудийный плот с места никакими силами оказалось невозможно. Более того, вырывали мы его из вязкого чёрного ила, всю первую половину следующего дня. Пришлось на

противоположном берегу вбивать сваи и лебёдками, через систему блоков, попеременно вытягивая то одну сторону, то другую, тащить паром на чистую воду. Необходимость изменения конструкции сошника и введения какого-то механизма подъёма, который бы вытягивал его вверх, по пути наименьшего сопротивления, была налицо.

Нет худа без добра, пока мы ковырялись со сменой позиции, "Конструктор" с катерами успели смотаться на базу и пополнить запасы. Впереди был второй этап. На этот раз нам предстояло расстрелять вторую половину запасённого боекомплекта, с упором во вбитые в дно водоёма сваи. Для чистоты эксперимента мы переместились в самую бухту Морья, так, чтобы "под килем" у нас оставалось около полуметра. Сваи мы вбили метрах в восьми-десяти от берега силами рабочих "Большевика", дизель-молота, смекалки и такой-то матери. При этом баркас использовали как плавучую опору подъёмной стрелы, перекинув на него с берега мостки.

Теперь орудийный паром упирался в восемь свай, к которым был пришвартован через стандартные для этого времени демпфирующие вязки-кранцы. Изношенные покрышки для этих целей станут использовать несколько позже. Особенность швартовки заключалась в том, что оба конца каната крепились на пароме, просто оборачиваясь вокруг сваи, образуя петлю. Это было сделано для того, чтобы при стрельбе, если паром резко осядет от отдачи, канаты просто скользили бы вдоль свай и не рвались.

Ещё две сваи, на этот раз с "носа" и с "кормы", опустив под воду законцовки-обтекатели понтонов пришвартованного борта, вбили прямо с орудийного плота. "В условиях приближенных к боевым". Сделано это было ради увеличения углов горизонтального обстрела, который должен был увеличиться в такой конфигурации со ста до ста пятидесяти градусов. В итоге получилось, что орудийный плот стоит в П-образном "загоне".

В таком виде отстреляли полную программу во вторник и убедились, что в практическом плане разницы нет. Во всяком случае с "Конструктора" радиовали те же 5 % ухудшения кучности беглого огня, что и при стрельбе с сошника. Любопытно было наблюдать за поведением плота после выстрела, особенно под большим углом. Его резерв грузоподъёмности около 60 тонн и площадь сечения по ватерлинии около 180 метров обеспечивали достаточную сопротивляемость попыткам его притопить. По расчётам, если бы даже шестидюймовка выпала вертикально вверх, это вызвало бы кратковременное увеличение осадки примерно на один сантиметр. Конечно, когда вектор отдачи направлялся в сторону, картина менялась, но несущественно, так как большую часть нагрузки всё равно воспринимали сваи, а мокрые плетёные кранцы трением о них быстро гасили возникающие незначительные колебания. Волны, поднятые дульными газами при стрельбе на небольшую дальность, на глаз были даже значительнее, чем от отдачи после выстрела. В любом случае, и те, и другие были гораздо меньше линейных размеров парома и уже в силу этого не могли его раскачивать. Другое дело, что заканчивали стрельбы мы буквально "на честном слове" - забитые на три метра в вязкое дно сваи настолько покосились, что каждый выстрел с этой позиции мог стать последним и мы бы отправились в недолгий вояж в сторону берега. К счастью, всё окончилось благополучно и завершилось успешным уходом с огневой на буксире гребного баркаса.

Окончательно подвести итоги "пикника" можно было только в Ленинграде, на заводе, где орудийный паром разберут и придирчиво осмотрят на предмет повреждений. Однако, уже сейчас можно с уверенностью говорить, что концепция мобильных орудий, которые при нужде можно снять с береговых батарей и использовать на плотках в составе речных флотилий, первое испытание выдержала. Теперь дело за воплощением, с учётом выявленных недостатков, не экспериментального, а настоящего боевого парома с серийным орудием. Потом настанет время войсковых испытаний в составе батареи, обкатки, отладки процессов перехода из "берегового" состояния в "речное" и обратно, организационных вопросов и прочих абсолютно необходимых

дел, которые не один год могут занять. Жаль, что мне этим заниматься не придётся, замысел, всё-таки, был мой и теперь я беспокоился как его воплотят в жизнь.

Эпизод 8

До назначения Кожанова главкомом ВМФ завод имени Марти, бывший и будущий Адмиралтейский, готовился выпускать туполевские глиссера Г-5. Моими стараниями не срослось у Андрея Николаевича, но кое-какие следы этой подготовки на заводе остались. Как-то идя по территории, решил срезать путь и обойти один из цехов с другой стороны. Просто все обходили его вдоль Невы, хотя это было чуть дольше и мне стало по-детски интересно, почему так. Страсть к познанию привела меня в тупик, который создала гора мусора, который состоял из ломаного дерева, судя по форме, бывшего ранее стапелями и плазами "поплавков", да обрезков дюралевых листов. Впрочем, катер - штука не такая уж и маленькая, значит и обрезки соответствующие.

Заняться мне, по большому счёту было нечем, работа по монтажу уже готовых дизель-гидравлических установок в корпус крейсера "Ворошилов" шла даже с опережением графика и "ручного управления", во всяком случае, с моей стороны, не требовала. После испытаний шестидюймовки на плоту удалось развлечься разве что очередным посещением ЛАНИМИ. Вспомнив про фторопласт, добавив который в гидравлическую жидкость можно было бы снизить трение и поднять КПД силовой установки, я сделал запрос Кожанову в Москву. Получив ответ и адрес, где можно забрать фторопласт, я понял, какие именно химики-пороходцы им занимались. Оно и не мудрено, ведь лабораторию нынешнего морского артиллерийского института ещё Менделеев оборудовал. Традиции и школа говорят сами за себя и обязывают идти в первых рядах, что ленинградцы с успехом и делают.

Разжиться мне у них, правда, удалось лишь полкило наработанного на опытной установке порошка, которого явно не хватило бы "Ворошилову". Подозреваю, что отдали мне далеко не всё, припрятав кое-что для себя, но не устраивать же у добрых людей обыски, да и им самим материал для работы нужен. Кроме того, даже найдя ещё столько же, я на целый крейсер не наберу. По совести говоря, не нужно было вообще ничего забирать, но выделенные мне крохи я унёс исключительно из соображений сделать презент Кудрявцеву и заново наладить с ним отношения, испорченные из-за компоновки машин. Дело в том, что настоящей его страстью была коробка-автомат для автомобиля, которую он проектировал и создавал по собственной инициативе, без всякого интереса со стороны автостроителей. Вот на неё моего подарка хватало.

Вот и все развлечения. Лето, начало июля, теплынь, благодать, ходи, понимаешь, поглядывай, как другие работают. Не могу я так! Поэтому, раз ничего для страны полезного в мой расслабленный сезоном мозг не лезло, я занялся делом бесполезным, можно сказать вредным и хулиганским. Самое главное - за свой счёт. Бесплатно мне только обрезки дюралевых листов достались, толщиной от одного до трёх миллиметров. А вот пробку, которая на заводе шла на спасательные жилеты и круги, плотную ткань, краску - всё пришлось покупать. Да ещё нанимать рабочих-специалистов, раскройщика и клепальщика, которые, оставаясь после смены, помогали мне ваять мой шедевр. Точнее говоря, получалось так, что больше я им помогал.

Четыре дня мучений и я стал обладателем доски, которую можно было бы использовать для виндсерфинга, будь в этом времени достаточно лёгкие мачта и парус. Впрочем, этим вопросом я даже не заморачивался, имея в собственном распоряжении целый торпедный катер. Первоначально я вообще хотел водные лыжи изобразить, но потом подумал, что в стойке, напоминающей боевую, мне привычнее будет держать равновесие и остановил свой выбор на

варианте "моно". В итоге получилось нечто с украшенным двумя киями выпуклым днищем из миллиметрового дюралевого листа, продольными и поперечными рёбрами жёсткости из него же, с заполненными пробкой полостями и обтянутой плотной тканью палубой на которой был предусмотрен резиновый коврик и такие же петли-крепления для ног, подобные лыжным. Сооружение, на мой взгляд, было слишком большим. Но на увеличение размеров пришлось пойти, чтобы оно имело хотя бы самую минимальную положительную плавучесть. Дюраль, оказывается, только кажется лёгким.

— Ну, товарищ лейтенант, давай помаленьку, — скомандовал я Волкову сидя на низком "катерном" плавучем причале, с буксирным тросом в руках, прям как заяц из "Ну, погоди!", а про себя подумал. — Главное ноги не переломать...

— А вы уверены, товарищ капитан госбезопасности? — уже в который раз переспросил моряк. — Топить вас у меня приказа не было. Совсем даже наоборот.

— Давай уже жми, хлюпающая твоя душа, — не выдержав, в сердцах выкрикнул я и не без ехидства добавил. — В ЗАГСе сомневаться будешь!

— Мммать! — выкрикнул я от возбуждения, а может от того, что слетая с причала поймал задницей занозу, или от того, что с полуденной жары окунулся по грудь в холодную невскую воду из-за того, что Волков, сдёрнув меня, испугался и убрал газ. — Жми давай на всю катушку!!!

И лейтенант дал! Да так, что на доске с, прямо скажем, избыточной площадью, я выпрыгнул на поверхность едва ли не быстрее, чем нырнул туда и понёсся вслед за глиссером вверх по Неве, в одних чёрных труселях по колено, промокших и морозящих под встречным ветром всё, что в них прячется. А ведь у меня неплохо получается! Уже второй мост позади, а я ещё ни разу не упал. Ну-ка, а влево-вправо попробовать, или как там водные лыжники скорость быстрее, чем буксировщик набирают? Есть, я разгоняюсь! Захотелось заорать, что я и сделал высоко подпрыгнув на волне, которую оставлял идущий на большой скорости катер. Шлёп! Дуракам везёт, дюралевого днище ударило о воду не совсем так, как я ожидал, но на ногах удержался.

Провырнувшись по нахоженному на "Большевик" маршруту до Литейного моста, я заорал Волкову, чтобы тот поворачивал обратно. Удовольствия я уже получил выше крыши, даже, кажется, песню орал "Ой, мороз, мороз", хватит. Да и выбор репертуара, судя по всему, не случаен. Развернувшись, я буквально влип в тугой западный ветер с Финского залива, прежде бывший попутным. Теперь я уже гораздо меньше беспокоился о целостности конечностей. Поломанные ноги-руки - ерунда! Вот вы попробуйте посреди лета простудиться, это ж талант надо иметь!

На завод имени Марти мы пришли как раз к концу обеденного перерыва. Никто не смог бы нас упрекнуть, что мы ерундой занимаемся в рабочее время. Правда, поесть мне не удалось. Да и шут с ним! Когда я ещё так прокачусь? А Волков со своей невеликой командой могут хоть до вечера пузо набивать, идти на катере я сегодня больше никуда не собираюсь.

Я уже успел обсохнуть и одеть форму, как на завод заявился моторизованный, на "Форде", наряд народной милиции в поисках хулигана. Выяснив, что хулиганом является целый капитан госбезопасности, стражи порядка сбавили обороты, выслушали моё выступление о развитии новых "технических" видов спорта, ранее советским гражданам недоступных, после чего отбыли восвояси.

А на следующее утро в газетах, в том числе и в центральной "Правде", наклеенных на стендах

перед проходной я обнаружил заметки и целые статьи о происшествии в Ленинграде. Какой-то ушлый фотограф меня даже запечатлеть на обратном пути умудрился. И напрасно я рассчитывал, что в одном нижнем белье меня никто не узнает, бортовой номер катера "065" зафиксирован чётко, а кого сей катер возит, минимум пяти заводам и штабу флота известно. Работяги, читая, откровенно ржали, так как советская пресса не согласовала позиции и вчерашняя "Вечерняя Красная Газета" напечатала заметку о флотских хулиганах, рассекающих по Неве в неподобающем виде. А сегодняшняя "Правда", к счастью, разместила материал о всемерном развитии новых видов спорта и ответственности за них партии большевиков. Суть статьи заключалась в том, что партия должна возглавить и организовать, если уж граждане сами из трусов выскакивают. Вторил ей и "Красный спорт".

А вечером почтальон, давно изучивший мой распорядок и исправно приносящий мне письма и, самое главное, телеграммы после окончания рабочего дня, вручил мне две "молнии" из Москвы. От жены и от Кобулова. Что показательно, с совершенно одинаковым по смыслу содержанием, суть которого заключалась в словах: "чтоб завтра же дома был!". Ну, раз жена приказывает, а начальство её в этом полностью поддерживает, надо собираться. Загостился я здесь, верно. Отдохнул, развеялся, но работы не хватает. Как-то там без меня Косов справляется? Отчёты, конечно, шлют, но такие расплывчатые, видимо, чтоб враги, если прочтут, ни о чём не догадались, что мне с них пользы тоже никакой. Своими глазами хочу всё видеть! И приём этот, "что-нибудь начудить", надо на вооружение брать, а то так и сидел бы здесь, никто бы обо мне не вспомнил.

Мои размышления прервал звонок и, выйдя из своей комнаты, преодолев полосу препятствий, которую более привычные жильцы называют коридором, я открыл дверь в квартиру и к немалому своему удивлению увидел майора Касатонова, командира Батумского батальона морской пехоты. Пофорсив немного в Москве, батальон был переведён на Балтику, как изначально и предусматривали планы наркомата ВМФ.

— Товарищ майор! Какими судьбами?

— По твою душу, товарищ капитан! — улыбнулся комбат. — Или это не ты вчерась на виду у всего города рассекал?

— Было дело...

— Так ты пригласишь, Семён Петрович, или так в дверях стоять и будем? Разговор у меня к тебе. Самолично, видишь, всё бросив ради него, с самого Кронштадта приехал

— Конечно, Роман Георгиевич, проходи, будь добр. Крепкого не держу, а чайку сейчас поставлю, попьём с баранками.

— Вот это дело, спотсмен-воднолыжник, — подколот меня морпех. — Или как там твоя придумка называется?

— А шут её знает, — признался я откровенно, — мне это совершенно побоку. Как хотите зовите.

Возиться с печкой на общей кухне не пришлось, Глафира Сергеевна как раз скипятила огромный медный чайник на всё своё многочисленное семейство и любезно разрешила мне отлить в пару кружек с заранее рассыпанной по ним заваркой. Придя в комнату, я достал из шкафа и развернул бумажный пакет с баранками, положив его прямо на стол. Ни заварному чайнику, ни лишней посуде в моём командировочном быту места не нашлось.

— Присаживайся, Роман Григорьевич, вкуси, чем Бог послал, — предложил я морпеху, уже оглядевшему комнату и теперь любовавшемуся видом и окнами во двор.

— А у тебя тут уютно, можно жить, — подвёл итог майор и сел за стол.

— Смотря с чем сравнивать. Вот в Москве у меня... Да ты знаешь. А здесь я временно, да и неприхотливые мы.

— Получил письмо от Седых из Владивостока. Пишет, что гостил у тебя весной.

— Ага, вместе мы гостили, если можно так сказать. Меня с каким-то уголовником перепутали, а Апполинарий из-за Восточного Туркестана пострадал, но обошлось.

— Обошлось, значит прав он! Слышал я эту историю. В голове не укладывается вся эта дипломатия. Или - или. Или ты за Советскую власть, тогда провозглашай республику и добро пожаловать в Союз, или ты буржуазный гомуйдан, тогда шиш тебе, а не помощь. За что там наши кровь лили? За этого царька что ли? Смысл в чём? Боимся, что буржуазная пресса про нас напишет? Так она и так ничего хорошего про нас не писала никогда, тьфу на неё. Или товарищи в партии в возврате к троцкизму и теории перманентной революции обвинят? Как по мне, всё, что плохо лежит и Союзу на пользу, надо брать! Этого Восточного Туркестана там на три Германии! Это ж земля, колхозы, хлеб! А в земле если копнуть? Вон, мы у себя только разбираться начали, а уже сколько всего открыли. И не беда, если сразу руки не сразу дойдут. Детям останется. А буржуям шиш. Коммунизм надо, как решила партия, в отдельно взятой стране строить. А про то, что в страну эту новые земли включать нельзя - этого в теории нет.

— Гоминьдан, — поправил я Касатонova, удивлённый тем, что название китайской буржуазной партии он переврал, а термин "перманентная революция" произнёс без запинки.

— Что?

— Гоминьдан, а не гомайдан или как там ты сказал. Так правильно.

— Да плевать...

— Ты зачем пришёл-то, товарищ майор? Не китайцев же обсуждать?

— Верно, — тут земноводный замаялся, а потом, набрав воздуха, выложил залпом. — Отдай мне эту лыжу свою!

— Зачем это?

— Да ты не думай, я и выкупить могу если что...

— Не дури, я всё равно завтра уезжаю. Уже билеты купил. Не потащу же я её в самолёт, — возмутился я от всей души. — Лыжа у лейтенанта Волкова с "065"-го, я ему записку напишу и заберёшь.

— Вот спасибоочки, прям от всей широты моей души! — обрадовался майор.

— Что к новому виду спорта приобщиться захотелось?

— Не до баловства мне. Надо как-то людей на берег высаживать. Вот я и подумал, а что если их так к туполевским "поплавкам" человек по десять цеплять? До берега враз долетят, а там и погрести ручками чуток можно.

После этих слов комбата я чуть не поперхнулся, представив себе картину.

— Ты это серьёзно?

— А что?

— А если упадёт кто?

— А у нас спасательный жилет!

— А оружие утопит?

— А мы при себе только пистолет! А винтовку либо пулемёт с патронами и гранатами в самую доску! Отсек там сделать и всё! Вон, парашютисты тоже с одними пистолетами прыгают! — не сдавался комбат.

— Погоди, а зачем такие сложности? Десантные катера не проще ли?

Тут командир балтийских морских пехотинцев сразу поскущел.

— Понимаешь, Потийский батальон ещё три недели назад практически молниеносно десантировался в районе Евпатории в полном составе, с ротой танков, противотанковой и миномётной батареями. Восемьсот с лишним человек, почти девятьсот, десять танков и восемнадцать орудий и миномётов. Турки всполошились, аж свежееотремонтированный "Явуз" в Севастополь пригнали с дружеским визитом. Вот такой вот международный резонанс. А высаживались наши товарищи с трёх "болиндеров", которые ещё к десанту на Босфор царские адмиралы строили. Посудины разыскали, вернули в строй, установили по два 210-сильных челябинских тракторных дизеля и получилось, вроде, неплохо. А у нас тут, на Балтике, нет ничего такого! Так мало того, мы тут посоветались с артиллеристами и минёрами, выходит, что нам совсем мелкосидящие и быстроходные десантные суда для местных условий нужны. В прошлой войне тут всё минами забросали, а теперь ещё и оба берега залива чужие. Прямо скажем - вражеские. В общем, быстроходные баржи промышленность рождает и когда мы их получим - неизвестно. Есть у нас два катера на воздушной подушке, "ковры-самолёты", трёхтонной грузоподъёмности. Обещают в будущем подкинуть ещё, да специальных, чтоб двадцать тонн, то бишь целый танк перебрасывать могли. А пока основное наше средство десантирования - туполевские катера, которые не более, чем шесть бойцов за раз берут. А с водными лыжами мы их вместимость вдвое-втрое повысим и сможем хотя бы роту морской пехоты сразу высадить.

— Несерьёзно это, баловство, — скептически отнёсся я к пожекту майора. — Не получится ничего путного.

— Откуда знаешь?

— Предвижу. Да ты сам головой подумай...

— Подумай! — перебил меня Касатонов. — Подумал уже! Других способов быстро высадить десант - нет! Шлюпки пытались на буксир брать - скорости нет, береговые батареи разобьют, а их у финнов понатыкано порядком. Так что надо пробовать, а не рассуждать! Это ведь ты любишь, говорят, повторять, что практика - критерий истины? К тому же, что-то ещё изобретать у меня времени нет. Сколько ты свою доску делал? Месяц, наверное?

— Да ладно! Неделю и то, после работы.

— Вот и отлично! Ещё время на тренировки и к концу августа будем на берег на лыжах выезжать.

— Людей, главное, не потопи и не покалечь.

— Типун на язык тебе, заботливый. За доску спасибо, за чай с баранками тоже! Побегу я, не обессудь, время позднее, катер ждёт, — засобирился Касатонов, добившись главного.

— Удачи тебе, майор!

— Взаимно, товарищ капитан! Увидишь наркома, передай, Батумский батальон ещё утрёт нос "потийцам", за нами не заржавеет.

Эпизод 9

Вылетев рано утром 11-го июля 1935 года из Ленинграда, к обеду я уже был в Москве. Настроение было совсем не рабочее, но по пути домой всё же заглянул в наркомат написать отчёт и закрыть командировку. В отделе меня встретил только Федосеенко, оставленный здесь в качестве "вывески", так как весь остальной личный состав работал в более комфортных условиях на "острове". Кроме того, сержант улаживал все административные вопросы и отбивал попытки отнять у нас помещение в здании центрального аппарата. Надо сказать, что кабинет внутри выглядел просто образцово - ни пылинки, ни соринки, новые тяжёлые шторы тёмно-бордового цвета отсекают яркое полдневное солнце, аккуратные ряды шкафов вдоль стен и всего четыре стола, два из которых, ближайšie к окну, снабжены табличками с моей и моего заместителя фамилиями. По сути же, здесь было не рабочее помещение, а нечто среднее, между архивом и библиотекой. Такая атмосфера как нельзя лучше располагала к написанию отчёта, с которым я справился довольно быстро.

Доложил о прибытии начальнику управления, который встретил меня, в целом, благожелательно, только слегка пожурил за выходку с "водной лыжей" и демонстративно, вслух, позавидовал "связям", в частности, с Кировым, который и увидел в вечерней ленинградской прессе заметку. Да, если бы не Мироныч, внимательно следящий за всем, что происходит в северной столице после его отъезда, последствия для меня могли быть весьма и весьма неприятными, включая сюда и выводы по партийной линии. Можно сказать, повезло. Мягко указав мне на необходимость "подтянуть" мой отдел, раньше всех укомплектованный личным составом почти по штату, но не давший пока никаких существенных результатов, Кобулов меня отпустил. Конечно, в течение всего двух месяцев сложно чем-то отличиться, но сказать начальнику, просто для порядка, что-то надо было. Ещё полтора часа отняли у меня кадры и бухгалтерия. Чтобы сдать документы и "подбить" деньги пришлось ждать в очереди таких же, как и я, вернувшихся из командировок сотрудников центрального аппарата, что как нельзя лучше свидетельствовало об активной работе НКВД.

Зато, после всей этой бумажной возни, я был свободен, как ветер! Хотя и оставалось до конца рабочего дня больше двух часов, но сегодня я ещё числился "в дороге", поэтому, заказав с чистой совестью такси, отправился домой. Кстати, именно тогда я в первый раз увидел легковой "ГАЗ" в новом кузове. Эта модель в "прошлой жизни" называлась ГАЗ-М1, а здесь её обозвали ГАЗ-40, что, впрочем, и было единственным заметным отличием. Нижегородцы умудрились утереть нос бросившим им вызов созданием "Тура" москвичам, первыми выпустив легковушку в массовом цельнометаллическом кузове. Руководитель советского автопрома, товарищ Лихачёв, осознанно или нет, но гордящийся "своим" заводом и постоянно ставившим его в пример "соперникам", используя при этом весь свой богатый арсенал шуток-прибауток, чем изрядно раздражал нижегородцев, создал между автозаводами состязательную атмосферу.

Устроил, образно выражаясь, гонки Туров и Оленей. Теперь надо было ждать, чем ответят на ЗИЛе. У москвичей появился раздражитель в виде новеньких ГАЗ-40 в столичном, в первую очередь, такси.

То, что таксомоторные парки 30-х годов в СССР были не только извозчиками, но ещё и выставкой и испытательным полигоном, стоит сказать особо. В их колоннах числилось немало количество "Туров", седанов и выросших из лимузина универсалов, которых обычно подавали к вокзалам, туда, где у пассажиров мог оказаться объёмистый багаж. Благодаря тому, что машины постоянно мелькали на улицах, создавалась иллюзия их многочисленности, шедшая в плюс имиджу СССР в глазах иностранцев. Большое количество перевезённых пассажиров оставляли свои отзывы, опираясь на которые совершенствовался интерьер. Кузов "Тура" "универсал" обязан своим появлением именно этому фактору. Точно так же интенсивная эксплуатация выявляла не замеченные ранее недостатки самой конструкции, которые оперативно устранялись. Если бы машины использовались только как служебный транспорт, всё это могло занять значительно больше времени.

Прокатившись на ГАЗ-40, салон которого щеголял крашеными под дерево стальными поверхностями и был напрочь лишён какой-либо отделки, хотел было написать кляузу в имеющуюся тут же книгу отзывов, но вспомнив незабвенный 469-й УАЗ, воздержался. К тому же, не стоило портить себе карму в такой радостный вечер, когда я, впервые за два месяца, увижу свою семью.

Высадившись в Нагатино у детского садика, забрал оттуда детей. Визгу и радости было полно, но Петька сорванец категорически отказывался идти домой, пока они с ребятами не спасут "челюскинцев", большую часть которых почему-то составляли девочки их группы. Пришлось выяснить его воинское звание и надавить на "военлёта" авторитетом капитана госбезопасности.

— Пап, они же все погибнут без меня!

— Вот завтра и проверим, — улыбнулся я в ответ на искреннее отчаяние своего сына, — а пока, вот, держи подарок от балтийских военморов.

Белая форменная бескозырка, самого наименьшего размера, которую Волков для меня выцганил в где-то хозяйстве своего дивизиона, переместилась из рюкзака на детскую голову.

— Бал-тий-ски-й ф-ло-т, — частью по слогам, частью по буквам прочёл Петя, моментально схватив слегка великоватый ему головной убор.

— Гляди-ка, ты уже и читать научился! — искренне изумился я. — А ну-ка, что вот здесь написано?

Заголовок "Правды" оказался Пете не под силу, как он ни старался, смог только назвать буквы, но сложить их в слова не получалось.

— Вы, товарищ, от ребёнка слишком много хотите, — заметила наблюдавшая за нами воспитательница, — ему ведь неполных пять лет всего. А "Балтийский флот" у нас вон там, — она указала на лодку, вкопанную в землю в качестве песочницы, на борту которой красовалась именно эта надпись, — это у нас любой малыш знает.

Как бы то ни было, пришлось Петьке подчиниться. А вот маленькая Вика, наоборот, получив в подарок тряпичную куклу в красивом платье, никаких хлопот не доставила и сама потопала домой, увлечённо беседуя с новой игрушкой-подружкой о своём, о детском.

Как только мы заявили на охраняемую территорию острова, как дежурный на КПП немедленно известил Косова, который и перехватил меня ещё на полпути к дому.

— Товарищ капитан государственной безопасности... — как и положено, за три шага перейдя на строевой начал доклад мой заместитель. Видимо, специально меня ждал в готовности номер один, чтоб отрапортовать.

— Вольно! — срезал я его на взлёте. — Веришь, Николай, вот ничего слышать не хочу про службу сейчас. Залётов нет? — Косов, растерявшись, сначала кивнул а потом замотал головой из стороны в сторону. — Ну и хорошо. А про текучку завтра поговорим. А знаешь, заходи, картохи наварю, мяса нажарю на ужин, махнём по чуть-чуть, пока Поля с работы не пришла.

— Да неудобно как-то...

— Неужели? А у меня, глянь, губная гармошка есть! В Ленинграде купил по случаю, дарить, извини, не буду, но поиграть дам.

— Так ведь жена...

— Слушай, в конце концов, кто здесь комендант я или моя жена?

— Да при чём здесь Полина! Мы тут дома комсостава сдали и я со всем семейством уже сюда переехал.

— Коля, это ж замечательно! Знакомиться будем! А то непорядок, работаем уже сколько, а супругу твою в глаза не видел. Как зовут?

— Анастасия.

Летнее солнце едва-едва коснулось своим краем яблоневого сада, окрашивая ветви, крыши домов, шатёр церкви Вознесения в Коломенском сначала в нежно-розовый, а потом и в алый цвет, когда моя дорогая супруга вернулась домой. Предупреждённая караулом о моём возвращении она, не заходя в дом, слыша наши голоса, сразу вышла на задний двор к летней кухне и встала, ослеплённая на миг ударившим прямо в глаза всё ещё сильным солнечным светом. В этот короткий миг, уставшая, в простой белой косынке, чёрной кофте поверх серого платья, с тяжёлым даже на вид портфелем в одной руке и не уступающей ему сумкой в другой, она показалась мне прекраснее всех на свете.

— Ну, Коля, давай! — махнул я рукой, вставая. Я ещё в командировке всё продумал. Стихи, песни из детства, сами собой всплывали в моей памяти и не воспользоваться такими подарками, было бы попросту неблагодарно. Ведь может случиться так, что в изменившемся мире эти напевы никогда не родятся. Именно поэтому я купил себе губную гармошку, посчитав, что серьёзно учиться музыке поздно и некогда, а насвистать мотив худо-бедно на ней у меня получится, чтобы другие могли воспроизвести на более высоком уровне. И вот теперь мне предстояло проверить, как всё работает. Вот Николай вдохнул и заиграл, а я, чуть выждав запел.

Нет без тревог ни сна, ни дня,
Где-то жалейка плачет,
Ты за любовь прости меня,
Я не могу иначе.

Репетировали мы без слов и уже на первом куплете я краем глаза заметил, как расслабленно

сидевшая за столом Настя вдруг выпрямилась и вся обратилась в слух.

Я не боюсь обид и ссор,
В речку обида канет,
В небе любви такой простор,
Сердце моё не камень.
Ты заболеешь – я приду,
Боль разведу руками,
Всё я сумею, всё смогу,
Сердце моё не камень.

С этими словами я подошёл к оторопевшей от такого приёма Полине и, взяв у неё сумки, поставил их на лавку, любуясь и не прижимая к себе, обнял жену за плечи.

Я прилечу, ты мне скажи,
Бурю пройду и пламень,
Лишь не прощу холодной лжи,
Сердце моё не камень.

Похоже, здесь я чуть переборщил, понизив в конце голос, отчего у Поли по лицу пробежала тень, но тотчас бесследно исчезла на следующем куплете.

Видишь, звезда в ночи зажглась,
Шепчет сынишке сказку,
Только бездушье губит нас,
Лечит любовь да ласка.
Я растоплю кусочки льда
Сердцем своим горячим,
Буду любить тебя всегда,
Я не могу иначе.

Моя любимая женщина уже сама прильнула ко мне, без ложного стыда уткнулась мне в шею и, кроме жаркого дыхания я ощутил кожей горячие слёзы.

— Ох, счастливая же ты, Польшка! — вздохнула Настасья. — Мой-то тоже мне стихи писал. Только когда это было? Сыну уже пятнадцатый год.

— Скажешь тоже, — подняв голову, улыбаясь и утирая слёзы одновременно, отмахнулась Полина, — это он специально придумал, чтобы за его весёлую командировку не бранила. Ты подумай, что он там творил! На доске за кораблём, будто мальчишка на трамвайной подножке, носился. А если б шею свернул? Ты вообще обо мне думаешь, нет?!

Последний вопрос был адресован, конечно, уже мне и надо было что-то отвечать.

— Конечно, думаю, Поля. Только о тебе, — ответил я тихо, аккуратно заправив рукой под косынку выбившуюся прядь волос. Именно сейчас я совершенно не кривил душой, но хорошее не может длиться сколько-нибудь долго и буханье сапог посыльного с известием о телефонном звонке оборвало прекрасное мгновение.

— Любимов у аппарата, — сказал я взяв трубку из рук дежурного, уже заранее зная кто звонит, но не догадываясь, по какому поводу. Пренебречь разговором с одной из ключевых фигур будущих событий было невозможно, личное пришлось опять отодвинуть на задний план.

— Товарищ Любимов, это Грабин вас беспокоит. Прошу прощения за поздний звонок, но так сложились обстоятельства, — голосом не несущим в себе и намёка на раскаяние заявил мне Василий Гаврилович. — Завтра на Софринском полигоне будет смотр новых систем дивизионной артиллерии. Вы, некоторым образом, были причастны, поэтому готов пригласить вас в составе моей команды. Сбор в 6.30 у главного входа в гостиницу "Москва". Будет стоять автобус. Если вас, конечно, заинтересует.

— Конечно, заинтересует, буду, но поеду собственным транспортом. Рад слышать вас, Василий Гаврилович. Кстати, а откуда у вас номер этого телефона?

— Из телефонного справочника, конечно. Правда, там был указан старый адрес, но товарищ Милов подсказал, как вас найти. Всё, простите, занят. Завтра жду. Всего доброго.

Вот те раз! Этак любой вражеский шпион может товарищу Милову позвонить и выяснить всю подноготную создателя самых мощных советских дизель-моторов? Завтра же ему внушение сделаю, пока беду на себя не накликал.

Эпизод 10

Несмотря на ранний час в условленном месте встречи было многолюдно, что во многом объяснялось потоком москвичей к станции "Охотный ряд" только-только открывшегося в конце мая московского метрополитена. Более, того, вместо представлявшейся мне небольшой группы товарищей, среди которых я легко узнал бы Грабина, меня ждала колонна из пяти автобусов на шасси ЗИЛ-5 в зелёной "военной" раскраске, такие обычно используются в качестве штабных, и двух крытых грузовиков московского же автозавода с бойцами в синих фуражках в кузовах, вытянувшаяся вдоль тротуара. Поняв, что я сделал большую ошибку, не приехав пораньше, чтобы найти Василия Гавриловича, я припарковался в хвосте колонны и, выйдя из машины обратился к курившему возле машины лейтенанту.

— Здравия желаю! Эта колонна собирается на Софринский полигон?

Чекист, козырнув в ответ, несмотря на то, что мы с ним принадлежим к одному ведомству, отчуждённо глянул на меня и, подтвердив мою догадку, спросил, не выказывая ни малейшего смущения, ни робости.

— Так точно! А вы с какой целью, товарищ капитан госбезопасности, простите, интересуетесь?

— Ищу артиллериста-конструктора капитана Грабина Василия Гавриловича.

— Есть такой, но посадка уже закончена, сейчас отъезжаем, — тут лейтенант демонстративно вздохнул и сказал. — Придётся вам, товарищ капитан госбезопасности, до вечера отложить, пока вернёмся.

— Не пойдёт. Он меня на смотр дивизионной артиллерии пригласил, — сменил я тон на более жёсткий. Стремление чекиста "не пущать", начало меня раздражать.

— Раз так, езжайте за нами, там, на месте разберётесь.

Делать было нечего и я, уже знакомой дорогой, как-никак третий раз вот так на этот полигон выезжаю, двинулся вслед за колонной. Опыт поездок позволял сравнивать. Например, зимой дороги у нас гладкие, но, бывает, скользкие, а вот летом на Ярославском шоссе, большая часть которого является улучшенной грунтовкой, покрытой гравием, встречаются такие колдобины, что больше шестидесяти разгоняться попросту опасно. Автобусы же, которые я обогнал, чтобы

не глотать пыль, ехали, в среднем, ещё медленнее. Дорога до места заняла полных три часа, двадцать минут из которых я выгадал, чтобы просто поваляться в траве, уехав вперёд до последней развилки через которую обязательно должна была пройти колонна.

На въезде на полигон, у шлагбаума, меня предсказуемо не пустили, но дежурный по КПП, который уже видел меня здесь раньше, причём в компании, как минимум, наркомов, поступил по-человечески, не стал меня мурыжить, а связался с полевым парком, куда уже довели конструкторов, там нашли Грабина, который и подтвердил моё приглашение. Спустя две минуты пришло "добро" от дежурного по полигону и меня пропустили.

По следам автобусов я доехал до большой ровной, обнесённой колючей проволокой прямоугольной площадки, в центре которой, на временной, собранной из жердей и досок на скорую руку вышке, стоял часовой. Это и был полевой парк. Сейчас на территории, уставленной закутанными в чехлы до полной неузнаваемости артсистемами, суется народ, гудели гусеничные трактора, к которым цепляли пушки и утаскивали их на демонстрационные площадки. Дежурный по парку подсказал мне, где искать Грабина и я, оставив машину на въезде, пешком прошёл к кучно стоящим пяти пушкам, крайнюю из которых, впрочем, все присутствующие рядом восемь человек, уже цепляли к харьковскому трактору.

— Товарищ Любимов! Давай к нам! — ещё издали заметил меня Василий Гаврилович и, взявшись за станину, вместе с остальными потянул её к тракторному крюку, с натугой выдавив из себя последнее слово. — Помогай!

У тракториста всё никак не получалось точно подать машину, он то останавливался за полметра, то, сдавая назад, толкал пушку, сцепное устройство которой проскакивало фаркоп и прижималось к тракторной раме. И в том и в другом случае орудие надо было откатывать вручную, что осложнялось парадной одеждой присутствующих, которую стремились сберечь от грязи.

— Вот вам, Леонард Антонович, и экономия! — облегчённо вздохнул Грабин, обращаясь к молодому, не больше сорока лет на вид, мужчине в гражданском костюме, который активно его приводил в порядок, после того как тягач утащил первую пушку. — Меньше б сэкономили, а взяли с собой бригаду грузчиков из транспортного цеха, отряхиваться не пришлось бы. А ещё четыре орудия впереди.

— Ничего, я потерплю, а то ваши фантазии заводу очень уж дорого обходятся, — холодно ответил товарищ, не отрываясь от своего занятия.

— Товарищи, пользуясь перерывом, хочу представить вам товарища Любимова, в беседе с которым у меня и родилась мысль о едином лафете для всех дивизионных систем. Прошу любить и жаловать, хоть он и приложил руку к конструированию и принятию на вооружение суррогатной артиллерии в виде миномётов. Товарищ Любимов, знакомьтесь: директор Приволжского завода №92 товарищ Радкевич, — только что поименованный Леонардом Антоновичем оторвался от своего занятия, сделал шаг навстречу и пожал руку, изобразив при этом самое благожелательное выражение лица, — конструкторы товарищи Муравьёв, Розанов, Ренне и Боглевский, слесари-сборщики орудий товарищи Румянцев и Маслов.

Я по очереди пожал всем руки, после чего Грабин сказал: - раз приличия соблюдены, айда догонять, отцеплять за нас никто не будет.

На выделенной команде Грабина площадке, обозначенной колышками с пронумерованными белым красными флажками по углам, уже взятой под охрану парой бойцов НКВД дивизии

имени Дзержинского, пушку отцепили от трактора, расчехлили и привели в боевое положение.

— Ничего, дальше легче будет, — хлопнул Василий Гаврилович по стволу явно большего, чем 76 миллиметров калибра, украшенного к тому же щелевым, наподобие МЛ-20, дульным тормозом и, специально для меня, остальные и так были в курсе, пояснил, — эта самая тяжёлая, тысячу восемьсот пятьдесят килограмм.

За полтора часа, заметно отстав от команд-соперников, в основном потому, что у нас пушек было больше всех, мы переправили все пять орудий на демонстрационную площадку и установили их в ряд в порядке возрастания калибра. В процессе работы Грабин рассказывал, а его подчинённые уточняли, где надо, по каждой артсистеме, которую мы ворочали. Всех их объединял общий лафет с раздвижными станинами и лишь стволы с затворами были разными. Вес орудий колебался от тысячи шестисот до тысячи восьмисот пятидесяти килограмм, что, как сам говорил главный конструктор, было вынужденной платой за калибр и угол возвышения, добавляя при этом, что если бы в силе оставался запрет на легированные стали, то вес орудий уплыл бы за две тонны. Самыми мелкокалиберными из экспонатов были две трёхдюймовки, одна под патрон образца 1902 года, вторая под патрон зенитки образца 1931 года, практически ничем больше между собой не различавшиеся. Эта парочка была примечательна тем, что только она имела полуавтоматические затворы, остальные орудия были наложением дореволюционных, частью модернизированных, стволов с поршневыми затворами на новый лафет. Гаубица пушка калибром 107 миллиметров использовала 29-калиберный ствол 42-х линейной пушки образца 1910 года, но с отдельно-гильзовым заряданием и максимальным углом возвышения в 60 градусов. Как уже сказал Грабин, была самой тяжёлой и идеологически полностью соответствовала гаубице-пушке МЛ-20 "эталонной истории", но дивизионного уровня. Следующей по порядку была 122-миллиметровая гаубица-мортира со стволом соответствующей гаубицы образца 1910/30 годов и полностью заимствованным у неё боекомплектом. По словам главного конструктора, имея углы вертикального наведения от минус пяти до семидесяти пяти градусов, могла вести в случае самообороны огонь прямой наводкой полным зарядом, что гаубице 10/30 было запрещено и при этом не имела дульного тормоза. Последней была 152-х миллиметровая мортира, созданная на основе мортиры 1931 года, вернее её ствола с затвором, который был удлинён до десяти калибров, а конструкция его была усилена, что позволило вести огонь не только специальными 38-килограммовыми снарядами с повышенным коэффициентом наполнения, но и обычными 40-килограммовыми гаубичными гранатами улучшенной аэродинамической формы с сужением в запясковой части.

Из всех присутствующих, в отношении внешнего вида я, пожалуй, был в самом выигрышном положении, так как постоянно возил в машине плащ-палатку на случай непогоды или пыльной дороги, всё-таки кузов ГАЗ-А являлся кабриолетом с лёгким тентом. Работать в плащ-палатке было жарковато, зато, скинув её я, был полностью готов предстать перед, несомненно, высоким начальством. Пока команда Грабина приводила себя в порядок и им было не до меня, я с интересом огляделся по сторонам. Каждая артиллерийская "фирма", представившая на смотр свои образцы, получила свою площадку, которые располагались в один ряд и были разделены промежутками шириной метров в 30, охраняемыми чекистами. Ходить "в гости" и даже просто перекрикиваться конструкторам из разных КБ почему-то строго запрещалось. ЧОНовцы на мой закономерный вопрос давали стандартный ответ о мерах безопасности и повышенной бдительности.

Как будто назло Грабину слева от нас расположились миномётчики среди которых я издали приметил бывшего начальника ГАУ комкора Ефимова, одетого по-военному но без знаков различия. Скорее всего "мой" 160-миллиметровый миномёт, который "в железе" красовался в этой экспозиции, детально проектировали и доводили в "шарашке", бдительность чекистов

становилась отчасти понятной. Кроме 160-ки там же стоял подобный, но с более длинным и узким стволом, скорее всего, 120-миллиметровый миномёт. Мины, которые он мог использовать, были выставлены тут же и кроме обычных, но с удлинённым хвостовиком для размещения большего числа дополнительных зарядов, включали образцы удлинённой цилиндрической формы. Скорее всего, это были так называемые мины "повышенной ёмкости".

По правую руку разместились не менее ненавистные "безоткатчики". Судя по всему, эти делали основную ставку на калибр орудий. Самые мелкие снаряды выставленные перед их пушками соответствовали боекомплекту грабинской шестидюймовой мортиры, а более крупные экземпляры наводили на мысли о восьми дюймах. Впрочем, кажется так оно и было. В бытность мою на ленинградском "Большевике" я видел там бракованные стволы Б-4. Так вот, руку готов дать на отсечение, что две из четырёх безоткаток, одна в буксируемом варианте, а вторая смонтированная в кузове ЗИЛ-6В, из таких стволов и получены методом пристыковки к ним реактивного сопла. Та парочка, что поменьше, шестидюймовая, тоже была представлена в полевом и самоходном, на трёхосном полноприводном автомобиле ГАЗ, вариантах.

Ещё дальше виднелись дивизионные пушки других заводов, какие-то зенитки с задранными в небо стволами, бронетехника, похоже, что выпускаемые ЗИЛом самоходки. Именно с той стороны, ведя осмотр по порядку слева направо, к нам приближалась делегация высокопоставленных товарищей, за расстоянием и искусственными препятствиями, мною пока неопознанных, но именно от них зависело дать ли путёвку в жизнь той или иной конструкции или она так никогда и не выйдет из стадии опытных образцов.

В нашей компании стало явственно ощущаться напряжение, Радкевич стал расхаживать из стороны в сторону между орудиями, будто тигр в клетке, явно "накачивая" себя перед разговором, чтобы в нужный момент, не сдувшись, сказать именно то, что собирался. Грабин отошёл в угол и что-то бубнил, поглядывая в бумажку, готовил своё выступление. Остальные же даже перестали разговаривать в голос, а перешли на глухой шёпот, комментируя происходящее у соседей. Между тем, дойдя до безоткатчиков, начальники, среди которых уже разглядел самого Сталина в компании с Кировым и Орджоникидзе, не считая товарищей в военной форме во главе с самим наркомом обороны, устроили там форменный разнос. Точнее говоря, устроил персонально начальник ГАУ командарм Кулик.

— Что вы мне сюда свои плевалки прикатили?! Ну и что, что скорострельность с обычными орудиями сровняли?! Б-4 стокилограммовый снаряд на двадцать вёрст кидает, а ваше г...но на семь! А само четыре тонны весит и разборки для конной возки требует! Я вам стволы портить не дам!! Когда это уже было сказано?! Вам же уже дали заключение, что восьмидюймовки для дивизии не нужны! И шестидюймовки тоже такие не нужны!!! — с упором на слово "такие" повернулся Кулик к вступившемуся за конструктора Тухачевскому. — И что, что гаубицы девятого года вдвое больше весят?! Они и стреляют втрое дальше и по крутой траектории без всяких там выхлопов! Вы вообще, товарищ Курчевский, устранили дефекты лафета вашей трёхдюймовой горной пушки? Вот пока не устранили, ГАУ ваши эксперименты, тем более, которые оно не заказывало, оплачивать не будет! Зарубите себе это на носу!!!

Да уж, крутовато. Товарищ Кулик, как меня просветили стоящие рядом комментаторы, уже успел прославиться своим пристрастием к экономии всего и вся, а денег - в первую очередь. Курчевский был сильно расстроен и мы видели как Сталин, улыбаясь, сказал ему что-то ободряющее, после чего направился к нам.

После общего взаимного приветствия слово предоставили главному конструктору и Василию Гаврилович, описывая то, как от изначально порочной идеи универсального орудия его коллектив пришёл к единому лафету для мортир, пушек и гаубиц с углом вертикального

наведения в 75 градусов, старался быть максимально красноречивым. Рассказав потом о каждой системе в отдельности, приведя их характеристики, остановился на отдельных особенностях, указав, к примеру, что 107-миллиметровая гаубица-пушка, единственная из всех, имеет угол наводки только 60 градусов из-за того, что ствол в целом чуть смещён назад ради унификации уравнивающего механизма.

— Товарищ капитан, — прервал Грабина Кулик, — вам было выдано задание только на дивизионную пушку, то, что вы на этот же лафет вкорячили устаревшие стволы меня не интересует совершенно. А вот то, что пушка весит тысячу шестьсот очень интересует. Вы, наверное, слышали, что стандартная артиллерийская упряжка, шестёрка лошадей, может нормально, не надрываясь, тянуть только полторы? Или нам все артполки владимирскими тяжеловозами комплектовать?

— Но, товарищ командарм, в дивизионной артиллерии уже состоят 122-миллиметровые гаубицы и вводятся 152-миллиметровые... Они весят значительно больше полутора тонн. Да и другие средства тяги тоже нельзя сбрасывать со счетов. Трактора, автомобили...

— Автомобили, трактора, — сварливо проворчал Кулик, — их не выпросишь, все в хозяйстве нужны. Да и ненадёжно всё это, топливо опять же. Убитую лошадь заменить легко, или вообще без одной-двух через силу да с помощью расчёта обойтись, а если трактор сломается? Стоять курить? Да и не дают нам тех тракторов и машин, все в хозяйстве нужны.

— Конечно не дадим, — хмыкнул Киров, — сами говорите, что полторки дивизионные пушки не тянут, а к 4,5-тонному ЗИЛ-5В корпусную гаубицу цеплять можно! Вы уж давайте в соответствие приведите! А то какой перерасход получается! А простой? Мало того, что машины сами по себе у вас простаивают, так они ещё и по грузоподъёмности вдвое потребности ваши превосходят. Хоть пушки к машине цугом цепляй! Или пушки легче делайте, чтоб ГАЗ их тащить мог.

— Не надо, товарищ Киров, с больной головы, да на здоровую валить, — хмуро ответил начальник ГАУ. — Выдавая требования на пушку, мы исходили, в том числе, из обещаний НКТП дать нам к 36-му году 2,5-тонные массовые грузовики ГАЗ, а у товарища Орджоникидзе и конь не валялся. Если бы вы нас не дезориентировали мы бы никогда такой глупости не сделали. Вот есть же отличная пушка 02/30 годов. Она нам подходит! Её бы только на подрессоренный лафет с большим сектором обстрела, но веса не превышал чтобы старой пушки. Вот её бы с передком и шестёрка лошадей нормально тянула и полторка, только без передка. А вы своим 2,5-тонным грузовиком нас с панталыку сбили и мы 50-калиберный ствол в техусловия и вписали.

— Что скажете, товарищ Орджоникидзе? — спросил Сталин, вынуждая наркома тяжёлой промышленности говорить, хотя для самого вождя народов, уверен, все обстоятельства этого дела тайной за семью печатями не являлись.

— Что сказать, грузовики, двухосный 2,5-тонный ГАЗ-50 и трёхосный 3-тонный ГАЗ-60 и их военные варианты можно пускать в производство, только четырёхцилиндровых двигателей Мамина к ним нет. Даём самое ограниченное количество под лёгкие бронеавтомобили на шасси Форд-18, то есть ГАЗ-40. Прошу заметить, это не я принял решение о переводе СТЗ на выпуск 60-сильных тракторов с четырёхцилиндровыми двигателями вместо 30-сильных с двухцилиндровыми, а Совнарком. По предложению Наркомзема якобы из-за того, что 30-сильные малопригодны. Конечно, если считать в лошадиных силах, то мы в выигрыше, а по факту выпуск моторов на СТЗ просел на треть и ГАЗу, которому и так крохи перепали, совсем ничего не осталось. Так что, пока не решим вопрос с выпуском топливной аппаратуры

для дизелей, выпуск моторов расти не будет. Наоборот, есть тенденция к сокращению из-за преждевременного износа станков. Надеюсь переломить ситуацию к концу пятилетки, не раньше. Итого, имеем 1,5-тонный ГАЗ-ММ с 50-сильным бензиновым двигателем на конвейере именно до этого срока.

— Товарищ Любимов, что вы там прячетесь? — вдруг спросил меня Сталин, заметив, что я стараюсь не попадаться на глаза. — Как вы здесь оказались, не спрашиваю. Скажите, ситуацию с моторами можно исправить? Может вовсе не в промышленном оборудовании дело? Это ведь ваш сектор?

— К сожалению, товарищ Сталин, на настоящий момент я не владею всей информацией, поэтому ответить не могу, — честно ответил я, тем не менее, буквально сгорая со стыда. — Буду готов доложить завтра.

— Плохо, товарищ Любимов, — как мне показалось, с тайным удовольствием, высказался в мой адрес секретарь ЦК ВКП(б), ставя на место двигателя, зачем-то лезущего не в своё артиллерийское дело. — Завтра уже будет поздно. Товарищи и так по просьбе товарища Орджоникидзе отпуска отложили, пока все эти пушки заводские испытания не пройдут. Доложите через месяц своему начальнику. А 107-миллиметровка хороша, — тут же, без каких-либо переходов, улыбнувшись, сказал Иосиф Виссарионович, — гораздо лучше трёхдюймовки. Правда Клим?

— Оно-то конечно так, когда стрелять, а вот таскать... — не по рангу заюлил между Сталиным и Куликом нарком обороны.

— Товарищ Кулик, а почему вы назвали эти орудия устаревшими? — кивнул Сталин на всё, что крупнее трёх дюймов.

— Так они дореволюционные, товарищ Сталин. За исключением 152-миллиметровой мортиры, но она маломощна для дивизии.

— И что? Вот 76-миллиметровая пушка бьёт на 15 километров, а 107-миллиметровая на 14,5 километров. Разница не так уж и велика,

— Зато она больше весит и минутный залп у неё меньше чем у 76-миллиметровой с полуавтоматическим затвором, — возразил Кулик.

— Товарищи! — вдруг протиснулся вперёд из-за спины Грабина Радкевич, — я, как директор завода №92 категорически против 76-миллиметровой пушки! Выбирайте что угодно, но только не 50-калиберные трёхдюймовки!

— Это ещё почему?! — мне показалось, что хором спросило сразу шесть или семь голосов.

— Да меня рабочие с завода поганой метлой погонят! У нас всё немецкое, поставки станков даже в 32-м шли, но вот после 33-го как обрезало. Изначально на 15 тысяч орудий в год замахивались, пришлось подстраиваться под то, что успели привезти и на меньшую мощность рассчитывать, но не это главное. Главное в том, что ствольное производство не укомплектовано по первоначальному проекту и не передана технология. При выделке таких длинных стволов очень много брака получается! Вроде заготовка хорошая, а после того, как рассверлили, труба кривая. Ещё хуже, когда это после нарезания происходит. Когда делали пушки образца 1933 года, из семи-восьми заготовок один ствол еле-еле годный был. И разобраться в чём дело мы пока не можем, тем более, работаем не по немецкой, а по временной технологии потому как документацию и сопровождение после 33-го тоже отрезало,

сами додумываем. Приглашали специалистов с наших старых заводов, которые с длинными стволами дело имели, но они нам ничем не помогли и просто сбежали. Зато с короткими стволами всё хорошо, брака очень мало. Хоть 107, хоть 122, выбирайте любой, но не 76 мм!

— Товарищи, — хмуро прервал речь директора начальник Главного Артуправления РККА, — напоминаю вам, что задание выдавалось на 76-миллиметровую дивизионную пушку весом не более полутора тонн и стволом в 50 калибров и никак иначе! Орудие под новый штат артполка 1935 года из двух дивизионов 76-миллиметровых пушек, всего 24 штуки, дивизиона 122-миллиметровых гаубиц, всего 12, и дивизиона тяжёлых 152-миллиметровых гаубиц. 107-миллиметровых гаубиц-пушек в системе артвооружения не предусматривается, а 107-миллиметровые пушки, гораздо более мощные, состоят в корпусной артиллерии. Промышленность должна давать то, что нужно РККА, а не то, что ей удобно производить. Представленные здесь орудия не подходят Красной Армии либо по весу, как 76-миллиметровые пушки, одна из которых, к тому же, использует нестандартный для полевой артиллерии патрон, что важно с точки зрения накопленных запасов, либо по мощности, как остальные. 152-миллиметровая мортира как дивизионное орудие использована быть не может, так как даже устаревшие 152-миллиметровые гаубицы 1909/30 имеют дальность в 10 километров, а мортира только 6. 122-мм гаубица-мортира Грабина использует устаревший ствол 1910/30 годов и бьёт только на 9 километров, современные требования составляют 12 километров, что делает невозможным принятие её на вооружение. 107-миллиметровая гаубица-пушка заменить 122-миллиметровую гаубицу не может, так как ещё в Русско-Японскую войну опытным путём установлено, что это минимальный калибр снаряда, уничтожающего полевые укрытия одним попаданием.

— Вы бы ещё Куликовскую битву вспомнили! — ненароком обыграл я фамилию начальника ГАУ, не выдержав лекции, более похожей на нотацию. — Что за бред! Вы что там, в артуправлении, совсем от жизни оторвались?

— Товарищ капитан! Я хоть и не являюсь вашим прямым начальником, но за вас поручился! Будьте добры соблюдать субординацию и элементарные приличия! — Ворошилов ругал меня так интеллигентно, что присутствующий тут же Будённый усмехнулся в свои усищи.

— Товарищ маршал, разрешите доложить! — не дожидаясь согласия, я в темпе, чтоб никто не заткнул, зачастил. — Автозавод ЗИЛ выпускает более 100 тысяч автомобилей в год, таким образом, он менее чем за квартал в состоянии обеспечить тягой артполки пятисот дивизий! В то же время завод №92, как я понял из слов директора, такого темпа выпуска выдержать не может. Таким образом, проблема тягачей отсутствует. Далее. В Русско-японскую артиллерия использовала чугунные бомбы начинённые порохом, сейчас существуют стальные фугасные снаряды и новые, более мощные взрывчатые вещества, например, на основе гексогена. К тому же, 17-кг стальная фугасная мина 120-миллиметрового миномёта исправно поражает полевые укрепления.

Тут я выдохся и остановился, а Сталин, воспользовавшись паузой, спросил Радкевича. — Товарищ директор, сколько времени вам потребуется, чтобы выпустить 25 тысяч пушек?

— В конструкцию всех пяти вариантов Ф-22 изначально закладывалась идея конвейерного выпуска орудий, — вместо замаявшегося Радкевича выступил вперёд Грабин. — Мы рассчитываем на пять тысяч в год после освоения в серии, которое займёт ещё полгода-год. В этот период темп выпуска неизбежно будет ниже, но все сто дивизий РККА мы за пару лет в состоянии перевооружить.

— Кроме случая 76-миллиметровых пушек! — встрял директор, давая свою линию. — Здесь я

ничего не гарантирую! Мы за год всего триста пушек образца 1933 года выпустить смогли из-за брака.

— А стоят они в семь раз дороже обычных трёхдюймовок, — заметил Ворошилов. — Понимаю, товарищ директор, вы гоните брак, а убытки покрываете за счёт наркомата обороны?

— У нас "параллельная" система оплаты на заводе, а семьи рабочих есть хотят не меньше вас. Не скрою, брак компенсируется повышением цены. Но если этого не будет, у меня рабочие со ствольного производства разбегутся. Никто не станет упорно трудиться себе в убыток. Если же вы будете нам с самого начала заказывать выпуск удобных нам систем, то и цена на них будет ниже. Значительно.

— Ишь как твои директора заговорили, товарищ Орджоникидзе, — заметил Ворошилов. — Или покупай что дают, или плати втридорога за то, что хочешь.

— А мои директора дело говорят, товарищ маршал. Чем вам 107-миллиметровка не угодила? Всем хороша. По моему мнению, так её бы одну и выпускать большой серией. Вот где настоящая экономия! Заодно и номенклатуру выпускаемых боеприпасов сократить.

— Товарищ Кулик вы не считаете, что следует провести армейские испытания этих орудий? — обвёл Сталин рукой всю грабинскую "экспозицию". — Посмотреть, как они на деле решают задачи поддержки войск? Напоминаю вам, что время не ждёт. Наша артиллерия вооружена дореволюционными образцами и это положение надо исправлять как можно скорее. Пушки товарища Грабина соответствуют заявленным требованиям в наибольшей степени из всего, что мы до сих пор видели. Здесь скупиться не надо, а надо сразу пять батарей заказать и сравнить результаты их работы.

— ГАУ рассмотрит этот вопрос, товарищ Сталин, — пошёл на попятный Кулик, — но пять батарей много. Достаточно двух. Батарею 76-миллиметровых пушек под патрон второго года и батарею 122-миллиметровых гаубиц. И дадим задание товарищу Грабину увеличить дальность стрельбы гаубиц до 12 километров.

— И батарею 107-миллиметровых, — напомнил Сталин и, уже уходя, снова повторил. — Да, 107-миллиметровые хороши.

После "торгов" начальство убыло осматривать дивизионные миномёты, а мы принялись потихоньку сворачиваться, не зная ещё, что итогом "смотрин" станет самый массовый приём артсистем на вооружение РККА, который выпадет на 1936 год. Что касается Грабинского "пентаплекса", то в сравнительных испытаниях победит 107-миллиметровка Ф-22-III, которая будет принята как гаубица-пушка образца 1936 года. Вдгонку, перед самой войной, после того, как РККА будет в основном перевооружена и созданы мобилизационные запасы, в производство пойдут её усовершенствованные "сёстры", но это уже совсем другая история.

Не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна

Эпизод 1

Хорошо товарищу Сталину в отпуске на Кавказском побережье! А тут изволь попотеть, исхитрись найти лазейку как поправить дела СССР в области моторостроения. Строго говоря, это вовсе не моя работа, об этом у других голова должна болеть, но после замечания Иосифа Виссарионовича на выставке артиллерии для меня вопрос превратился в дело чести, необходимо было спасти репутацию.

В общем и целом отдел ДВС промышленного управления ГЭУ НКВД, выполняя поставленную ещё перед моим отъездом в Ленинград задачу, собрал почти исчерпывающую информацию по отрасли и подготовил обзорный отчёт. Только отдельные заводы, на которые пришлось выслать специальных представителей, дали либо неполную, либо недостоверную информацию. В числе "штрафников" оказались Харьковский моторный, где Чаромский придержал сведения о движках, опасаясь, что ими воспользуются конкуренты, Запорожский авиамоторный, директор которого, мягко говоря, приукрасил картину освоения М-85 и Мелитопольский заводы. Причём последний просто потому, что на месте посчитали лишним перегружать центр информацией и просто отписались, что план выполняют без какой-либо конкретики. Между тем, МеМЗ, где в "эталонном" будущем должны были бы выпускать движки для "Запорожцев", сейчас, в середине 30-х, выпускал маломощные нефтяные двигатели самой примитивной конструкции, так называемые "болиндеры", которые даже колхозные МТС перестали заказывать, познакомившись с дизелями Мамина.

Кстати сказать, Яков Васильевич, судя по отчёту, оказался "впереди планеты всей", первым успешно применив на серийных моторах литые алюминиевые поршни, чему способствовала малая размерность его движков и, соответственно, нагрузки на эти важнейшие узлы. Чаромский, который упорно работал в этом же направлении, для своих двигателей литые поршни позволить себе не мог по соображениям прочности, хотя и пробовал. Для "сотого" калибра алюминиевые поршни надо было обязательно штамповать, что создавало свои технологические трудности. О моторах Микулина, а тем паче моих и речи пока не шло.

Если Микулин, Чаромский, да и я, что греха таить, соперничали друг с другом, создавая всё более и более мощные движки, то Мамин изначально сделал упор на надёжность и простоту в эксплуатации. Поэтому, применив алюминиевые поршни, он сразу отказался от масляного их охлаждения, заменив его воздушным. Теперь воздух, проходя после компрессора интеркулёр, вдувался через штуцер в юбку выпускных поршней, а потом, проходя через картер двигателя и кожухи шатунов, поступал в цилиндры двигателя. Такой подход сделал возможным изменить и само расположение выпускных поршней, сделав один из них внешним, а другой внутренним и упростить конструкцию коленчатого вала.

Логичным шагом был и переход к четырём цилиндрам в одном моторе, как к компромиссу между простотой, дешевизной и эксплуатационной надёжностью. Действительно, если в двухцилиндровом моторе по какой-то причине, например на малых оборотах при резкой нагрузке, в одном из цилиндров не происходило вспышки и рабочего такта, двигатель глох. Четырёхцилиндровый же мотор, с разницей между парами цилиндров в 90 градусов оборота коленчатого вала, проглатывал такие "пики" как ни в чём не бывало, чтобы заглушить его требовались большие усилия. Это было установлено опытным путём в ходе эксплуатации моторов 100-й серии на грузовиках Московского и Ярославского заводов и вылилось в снижение допустимых минимальных "холостых" оборотов "сто-четвёртого" мотора с итоговой небольшой экономией топлива и увеличения ресурса за счёт "щадящего" прогрева. Мамин всего лишь верно интерпретировал чужой опыт и не ударился в другую крайность, вроде шестицилиндровых моторов, которые были бы не только мощнее, но и, за счёт увеличившегося количества деталей, более дороги и менее надёжны. Впрочем, возможность совершенствования в этом направлении сохранялась.

Что касается мощности, то Яков Васильевич искусственно оставил её на прежнем уровне в пересчёте на единичный оппозитный блок, одновременно, за счёт снижения веса движущихся в моторе масс, увеличив обороты при снижении напряжённости рабочего процесса в каждом цилиндре. То есть теперь топлива за каждый рабочий цикл сгорало меньше, но само количество циклов за единицу времени увеличилось. Соответственно, в новом "вертикальном" моторе, 60-сильном в тракторном варианте и 90-сильном в автомобильном, было уделено

пристальное внимание системе смазки и очистки необходимого для подшипников масла. То же самое касалось и воздушного тракта. Вообще говоря, на текущий момент, двигатель Мамина был, пожалуй, наиболее продуманным и конструктивно совершенным из всех отечественных серийных дизелей двухпоршневой оппозитной схемы.

Стремление Якова Васильевича к совершенству удачно совпало со стремлением советских колхозников получить более подходящую для себя технику нежели 30-сильный "шассик" СТЗ-1 с кузовком спереди. Этот трактор мог тянуть двухлемешный плуг, требуя при этом балласта в кузовок, или телеги небольшого веса. Кроме этого, под него были созданы косилки, но они оказались ничем не производительнее конских, которые уже имелись непосредственно в колхозах. С другой стороны, 110-сильный СхТЗ-1 для которого было создано большое количество сельхозорудий и механизмов, многосекционных плугов, сеялок, прицепных комбайнов под разные культуры, оказался в ряде случаев излишне мощным и в некоторых областях ему было просто-напросто тесно. Если на украинских чернозёмах, на степном просторе, цепляя к трактору по пять сеялок, работали эффективно, то в более лесистых областях, где манёвр имел далеко и не последнее значение и ограничивал количество прицепов, мощность трактора недоиспользовалась.

60-сильный трактор классической схемы с вертикальным 4-х цилиндровым мотором Мамина был бы идеальным вариантом и он был создан. Сразу в двух во многом унифицированных вариантах – колёсном НАТИ-СТЗ-2 и гусеничном НАТИ-СТЗ-3. На этой же волне, опираясь на технологическую поддержку фирмы "Форд", которую она была обязана по договору осуществлять в течении десяти лет после его заключения, завод ГАЗ запустил, доработав по опыту эксплуатации серийных Форд-А и моего, единственного экземпляра ГАЗ-МБЛ, 40-ю серию легковых автомобилей с цельнометаллическими кузовами, собираемыми на конвейере. Машины серии имели отличия в типе двигателя, ходовой части и кузовах. Так, базовый ГАЗ-40 был обычным седаном с "родным" бензомотором в 50 лошадиных сил. ГАЗ-41 – пикап. А вот ГАЗ-42 и ГАЗ-43 были аналогами первых "номеров", но с 90-сильными дизелями и являлись советскими аналогами Форд-18 с двигателем V8. ГАЗ-44 и ГАЗ-45 имели, кроме дизеля ещё и полный привод.

Похожее обновление ожидало и семейство грузовых автомобилей автозавода, в которых изначальная конструкция "полуторки" была переработана настолько, что угадывалась с трудом. Преемственность демонстрировал только внешний вид кабины, капота, под которым пряталась близкая по форме и габаритам к старому бензиновому двигателю дизельная "вертикалка", и передних крыльев. Двухосные дизельные ГАЗ-50 и ГАЗ-51, грузоподъёмностью 3 и 2,5 тонны соответственно на шоссе и на местности, последний из которых был вездеходом, а также 4-х и 3-х тонные трёхосные ГАЗ-60 и ГАЗ-61, должны были сменить на конвейере автозавода ГАЗ-ММ и ГАЗ-МММ.

Однако, радужные мечты разбились о банальную нехватку двигателей, которые могли поставлять только завод "Коммунист" из города Маркс, и так загруженный восьми и двенадцатицилиндровыми моторами для "Туров", да Сталинградский тракторный, которому самому не хватало. А ещё на подходе был новый плавающий танк Т-40 с таким двигателем, идущий на смену малосерийным Т-37 и 38, которые СТЗ так и не сумел или, вернее, не успел выпустить массовой серией, чьим единственным достоинством было то, что они легко перевозились в кузове ЗИЛ-5. Причём не только в условном тылу, но, на учениях, даже в условиях приближенных к боевым, в едином порядке разведбатов после БА и мотопехоты, съезжая с кузовов только при нужде, когда кончались дороги или надо было форсировать водную преграду.

Распутать эту головоломку обычными методами было совершенно невозможно, всё упиралось в

нехватку станков для выпуска ТНВД, которые и так уже работали в три смены "на износ", как будто во время войны. Любое вмешательство в этот процесс могло повлечь за собой только ухудшение ситуации, а поползновения в этом направлении были. Ярким примером могло стать сообщение начальника отдела кадров Пермского моторного завода, выпускающего бензиновые авиамоторы М-25, который в ответ на наш стандартный "опросник" по укомплектованности кадрами и их текучести, квалификации, статистике происшествий и нарушений дисциплины, прислал сведения, что на заводе рабочими числятся свыше двухсот бывших белогвардейцев и даже восемь попов. Намёк на социальную неблагонадёжность более чем прозрачный и не реагировать невозможно – обвинят в халатности и политической близорукости, несмотря на то, что всё это "вода" и на реальное положение с выпуском конкретной продукции не влияет. Товарища пришлось похвалить, но намекнуть, чтобы в будущем присылал свои сообщения тайно, через человека, которого мы обязательно к нему приставим. Такие вот "идейные и бдительные", но не касающиеся реального производства, не стоящие у станков, нашлись и на других заводах. Между тем, явление с бывшими представителями иных "эксплуататорских классов" было массовым. Куда, к примеру, студенту-механику, которому в Великую войну присвоили офицерское звание и отправили на фронт, после перепетий Гражданской, податься? Выжил – хорошо, но жить-то чем-то надо! А прежние источники дохода недоступны. Вот и выбирали многие завод, на который брали "от ворот", а учёных-грамотных – так и вовсе без лишних разговоров. Люди вливались в коллектив, добросовестно работали, часто быстро становились незаменимыми специалистами и вдруг, при первых же сложностях, а то и вовсе "на ровном месте", оказались под угрозой, реальной или воображаемой – другой разговор. Даже сама постановка вопроса в такой плоскости вызывала лишние сомнения, трения и недоверие, крайне негативно отражающиеся на реальной работе. Вроде и не сделал плохого начальник отдела кадров, цидульку свою прислав, а какой-то рабочий из "бывших", решил не высываться и не лезть с полезным рацпредложением.

Вот и оказался я в дурацком положении, вынужденный, ради пользы дела "бывших" защищать, что шло вразрез с представлением низших эшелонов, да что греха таить, и многих высших тоже, о линии партии. Бороться можно было только созданием агентуры на каждом предприятии и разъяснением реальной помощи, которую "добровольцы" могли бы оказать НКВД в поиске настоящих шпионов и агентов влияния, связанных с границей, а не всех подряд поповичей. А в первую очередь убедить следовало собственных подчинённых, что было далеко не простой задачей. Так как у мужиков всегда находились в качестве контраргументов конкретные поступки нехороших личностей из их богатого личного опыта свидетелей Революции и Гражданской войны. Плохое помнится долго. Порой даже мой заместитель Косов глядел на меня широко раскрытыми глазами в ответ на мои заходы, что белогвардейцы далеко не все садисты и убийцы, большинство из них, сражаясь, защищало свою Родину движимые самыми благородными побуждениями. И только после того, как минимальное взаимопонимание было достигнуто, со многими ссылками и оговорками на давность событий, необходимость установления конкретной вины каждого, добросовестный труд в настоящем, я издал по отделу прямой приказ, не опасаясь, что за него меня спросит уже моё собственное начальство.

Блокировав "революционное рационализаторство", грозящее разгромом сложившихся трудовых коллективов где "бывшие" у станков, зачастую, составляли от 20 до 30 процентов и являлись наиболее ценными специалистами, я всего лишь заморозил текущую ситуацию, а решения всё не было. Чем больше я думал на эту тему, тем сильнее убеждался, что оно лежит в технической плоскости. Полагаю, Сталин пришёл к таким же выводам, поэтому, грамотно воспользовавшись подвернувшимся случаем, "нагрузил" человека, который сам всю эту кашу изначально и заварил, поэтому и понимать должен больше других, то есть меня. Надо сказать, моё дизельное КБ, фактически же уже два самостоятельных, но тесно взаимодействующих

коллектива, Киреева с темой каркасных звёзд и Акимова с X-образниками и вертикалками, кое-что, создавая систему "магистраль", уже сделали. Вводя для отработки в реальных условиях в конструкцию уже принятых в серию дизелей отдельные компоненты "магистралей", они создали двигатель 13-8 с электромеханическим топливным насосом. Как известно, во всех движках моего спецКБ каждый плунжер ТНВД обслуживал поочерёдно четыре цилиндра, переключаясь на каждый из них посредством хитрого и довольно "тонкого", требующего соответствующих станков для изготовления, механического привода клапанов. В электромеханическом ТНВД этот привод был заменён наконец-таки созданным датчиком положения вала с приемлемой точностью и четырьмя электромагнитными клапанами. Потребные "точные" станкочасы на изготовление этой части насоса сократились в пять раз, в основном за счёт самих клапанов, ставших теперь закрытыми и герметичными. Сделано всё было без моего участия, как проходной этап к конечной цели. Взглянув первый же раз, я сразу приказал разослать информацию по заводам. А от себя добавил элементарную схему простейшего "бинарного" датчика "0-1", установив который в комплекте с единственным реле вместо точного датчика положения вала на двухцилиндровый двигатель, получаем ничуть не худший результат. Пара "бинарных" датчиков с двумя реле составляла комплект уже четырёхцилиндрового мотора. Таким образом, несложными дешёвыми средствами перекрывалась самая массовая ниша, а на менее многочисленные многоцилиндровые авиационные и морские дизеля можно было и не скупиться. В итоге часть нагрузки перекладывалась на плечи электромеханической промышленности, что должно было способствовать увеличению выпуска ТНВД и, соответственно, дизелей.

Эти мероприятия могли дать эффект через год, когда мог быть освоен массовый выпуск электромагнитных клапанов, что конечно быстрее, чем "к концу пятилетки" товарища Орджоникидзе, но ненамного. И прирост выпуска моторов на 10-15, пусть даже 20 процентов радикально проблему не решает. ГАЗ выпускает 300 тысяч машин в год! Сравнимо со всем остальными автотракторными заводами вместе взятыми. Осознавая эти обстоятельства, я решил одним ударом разрубить Гордиев узел. Не хватает ТНВД? Значит надо от него отказаться вообще и делать бензиновый мотор! Конечно, я не Генри Форд и миллионов, чтобы создать отечественный аналог V8, у меня нет. Да и ГАЗ "заточен" на выпуск рядный четвёрок, одна из которых, снятая с моей же машины, как раз пылится в сарае.

Эпизод 2

Всё как в старые добрые времена, работаем минимальным составом, я, чертёжник и рабочий-механик из мастеской КБ, хорошо хоть МССЗ исправно присылает изменённые детали по новым чертежам. Остальные мои двигателисты завалены основной работой выше крыши. Акимов трудится над форсажными 16-16 мощностью 6550 лошадиных сил и индивидуальной для каждого дизеля системой внешнего наддува от 500-сильного вспомогательного 13-4, половинки лодочного вертикального мотора 13-8В. Ей же комплектуются и ресурсные 16-16, которые теперь, освободившись от привода компрессора, выдают 4350 лошадиных сил. Акимову же пришлось разбираться с доставленными с Черноморского флота двумя дизелями 13-16, которые были установлены на первом ТКА и честно выработали свой ресурс. Теперь надо было экспериментально, на практике доказать возможность восстановления ресурса и повторения полугодичного цикла. В идеале двигатель должен выдерживать три-четыре цикла восстановления до полного списания, чтобы соперничать с коломенскими "зульцерами" на равных. Третий дизель с экспериментального катера черноморцы оставили при себе, установив его в учебном классе для подготовки мотористов, где полностью имитировались процедуры запуска, прогрева и управления двигателем, само собой, без нагрузки.

Киреев полностью занят "магистралью", попутно собирая и прокручивая "вхолостую" 40-цилиндровые КД, чтобы потом не терять времени и монтировать топливную аппаратуру на уже

готовые дизеля. По "магистрали" дела идут хорошо, упорные, длительные усилия наконец стали приносить плоды, компоненты системы принимались к производству один за другим, последними были трубопроводы высокого давления, узлы их стыков и главный дренажный клапан. Оставался только главный командный прибор, представляющий собой, по сути, арифмометр, но работающий непрерывно, получающий данные от датчиков оборотов, угла поворота вала, давления наддува, положения сектора газа и выдающий момент начала и конца впрыска каждого цилиндра. Все теоретические и экспериментальные данные для его создания собраны за полгода в ходе длительных "прокруток" 16-х единичных блоков и дело только в технической реализации, которая, надеюсь, не за горами. Откровенно говоря, работа там ушла от меня так далеко, что я в неё уже и лезть опасаясь, чтобы не навредить и не выставить себя дураком. К тому же, надо доверять людям, пусть сами решают вопросы синхронизации и сопряжения электрической и механической частей. Всё моё участие сводилось к налаживанию кооперации с московским ГОМЗ имени Дзержинского, бывшем Сущёвским механическим заводом, где изготавливали арифмометры "Феликс", которых и в нашем КБ имелось восемь штук.

Раз помощи ждать неоткуда, приходится полагаться на собственные силы и знания. Благо знаний хватает - весь двадцатый век отдельными фрагментами. Итак, имеем исходный мотор ГАЗ-А, четыре цилиндра в ряд, четырёхтактный со степенью сжатия аж 4,22. Правда в Горьком после модернизации эти моторы имеют 4,6 и мощность на десять сил больше. В общем-то, направление правильное, увеличивать степень сжатия и, соответственно, количество сжигаемого в одном рабочем цикле топлива, но бесконечно этого делать нельзя. Проблемы с детонацией, а у нас в качестве топлива бензин "второго" сорта, который, на мой взгляд, ближе к керосину, а также с отводом тепла и прочностью никто не отменял. Кроме того, идеальная степень сжатия поршневого ДВС около 11-12, свыше этого потери на это самое сжатие превышают получаемый положительный эффект, так что дизель с его пятнадцатью к одному и выше - перебор.

Покопавшись в памяти, я извлёк оттуда рассказ-байку моего дядьки-механика о профессоре Кушуде, которого он безмерно уважал, и его необычном двигателе. Помнится, ставили мы на "Волгу" двигатель ГАЗ-53, тогда эта тема и возникла. Дядя Лёша рассказывал "для общего развития", рисуя мелом на железной, крашеной коричневой краской стене, которую мы использовали в работе для минимизации словесных объяснений, простенькие схемки во время редких перекуров. В общем, информация была, по большей части, на словах и из разряда "одна бабка сказала".

Глаза боятся, а голова и руки делают, приведя мотор в порядок, я в значительной степени его перестроил. Полностью пришлось заменить коленвал и головку, значительные изменения внести в систему питания топливом и воздухом, а система принудительной смазки вообще стала действовать от внешнего независимого источника, благо мотор был экспериментальный и на машину я его ставить не собирался. Теперь цилиндры были соединены попарно, 1-2 и 3-4. В каждой паре один котёл был "горячим", имеющим камеру сгорания со свечой зажигания, а второй "холодным", его поршень, отстающий от поршня первого цилиндра на 20 градусов оборота коленчатого вала, в верхней мёртвой точке подходил к головке блока вплотную. Каждая пара цилиндров была соединена между собой каналом, который входил в "горячий" цилиндр тангенциально.

Каждая такая пара цилиндров работала согласованно. В горячий цилиндр всасывалась переобогащённая топливная смесь, а в холодный - чистый воздух. Далее оба поршня цилиндров шли вверх, происходило сжатие. Когда, чуть раньше прихода в ВМТ поршень первого цилиндра создавал степень сжатия 4,6/1, происходило зажигание смеси, которая начинала гореть. Далее, пройдя ВМТ, поршень первого цилиндра начинал движение вниз, а

поршень его напарника всё ещё двигался вверх, полностью вытесняя свой заряд свежего воздуха в камеру сгорания соседа, поддерживая там горение. Воздух врывался по тангенциальному каналу, создавая вихрь, обеспечивающий полное, без остатка, сгорание топливного заряда. Общий объём двух цилиндров от начала до конца горения оставался практически неизменным. Потом происходило расширение газов в обоих цилиндрах.

Реализовав эту схему на базе рядной газовой четвёрки, я получил итоговую общую степень сжатия для пары цилиндров равную 8,3! Это притом, что лучшие отечественные авиадвигатели, работающие на бензинах Б-2 и Б-3, имели от 6 до 7,3. А тут 8,3 и бензин второго сорта! Правда, для увеличения подачи топлива пришлось установить второй карбюратор "Зенит". При этом мощность подскочила до 89 лошадиных сил, а расход бензина упал до 200 грамм на лошадиную силу в час. Степень расширения в паре цилиндров была больше исходной, поэтому снизилась и шумность и температура выхлопных газов.

Недостатком же являлось то, что этот четырёхтактный мотор по факту стал двухцилиндровым, ведь каждая пара работала как одно целое, а значит каждый второй полный оборот вала получался холостым, а в ходе каждого первого срабатывали сразу все котлы, что привело к неравномерным нагрузкам и потребовало введения утяжелённого маховика. Выдав максимальную мощность, мотор сломался - перегрев головки блока и клин клапанов. Это был конструкционный просчёт, вернее издержки поспешности. Понятно, что следовало подумать об охлаждении, но главное было достигнуто, принципиальная работоспособность схемы доказана и получен конкретный результат.

Эпизод 3

— Значит, вы справились с задачей? — начальник промышленного управления ГЭУ НКВД СССР майор госбезопасности Кобулов встал из-за стола и, отойдя к окну, взглянул на улицу, чуть отодвинув плотную занавесь. — А почему я узнаю об этом только сейчас?

— Докладываю, тотчас, как получен конкретный результат, товарищ майор госбезопасности, — почуяв, куда дует ветер, я попытался изобразить непонимание.

— Не прикидывайтесь. Вам не к лицу, — спокойно заметил мне начальник. — Месяц и одну неделю назад вы, вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, отправились на артиллерийский смотр и имели там беседу с секретарём ЦК ВКП(б) товарищем Сталиным. При этом, на прямой вопрос о состоянии дел в вашем секторе ответственности, заявили, что не в курсе этих дел, чем бросили тень на наше управление, наш главк, наркомат, на всех сотрудников органов госбезопасности в целом. И не доложили об этом. Как вы думаете, что должен был бы ответить нарком НКВД товарищ Берия секретарю ЦК товарищу Сталину на вопрос о состоянии дел в секторе товарища Любимова ещё вчера? Вы осознаёте, в какое положение вы всех нас ставите своей безответственностью? Или вы надеетесь, товарищ капитан госбезопасности, что товарищ Сталин забыл ваш разговор? Напрасно. По моему мнению, вас следует гнать из органов за грубое нарушение дисциплины и дискредитацию высокого звания советского чекиста. Заслужили вы это сполна, без натяжек, никакие поручительства вам теперь не помогут.

Скажи Кобулов эти слова месяцев шесть-семь назад я, пожалуй, мог бы даже обрадоваться. Меня здесь так часто пугали, что я совсем уже перестал бояться какого-либо наказания для себя, но власть. Недавно появившаяся власть влиять на положение на одном из важнейших участков советского машиностроения, пусть пока ещё призрачная, с ней я не хотел расставаться категорически. Лишаясь её, я сужал поле своей деятельности, на которое толком даже ещё не вышел, но мог бы совершить многое для достижения своей конечной цели -

победы в самой страшной войне. Вот тут меня проняло. Признаюсь, я испугался, чувство было такое, будто идя по ровной дороге, резко ухнул с обрыва вниз.

— Что же вы молчите? — поняв, что нашёл крючок, которым можно меня зацепить, с легкой издёвкой, спросил меня начальник, выведя тем самым из состояния короткого оцепенения.

— Что сказать? Что несмотря на всё перечисленное, скорее наоборот, благодаря ему, построен экспериментальный мотор, который указывает путь из "дизельного тупика"? Что один 6-тонный ЗИЛ-5 расходует 20 литров соляра на 100 километров пробега, а четыре полторки 80 литров бензина? Что с новыми моторами два 3-тонных ГАЗа съедят 25–30 литров топлива? О ситуации с топливом вам "нефтяной" отдел доводит? А то я, вместо того, чтобы везти специалистов на автобусе на МССЗ, как и положено, выделяю вёсельный баркас. И они совмещают прогулку по реке с необходимыми работникам умственного труда физическими упражнениями.

— Товарищ Любимов, вам перед другими чекистами, да и просто советскими гражданами не стыдно? Почему вы постоянно требуете особого, исключительного к себе отношения? Напортачите, а в ответ на замечания, начинаете выпячивать свои заслуги. Это просто некрасиво и нечестно. Вы подвели нас всех, а стараетесь обелить только себя одного. Жалею, что вынужден с вами работать, — выговаривая, Кобулов, тем не менее, не показывал никаких эмоций, у меня даже сложилось впечатление, что ругать меня ему просто лень. — Не наказываю вас прямо сейчас и не докладываю выше о вашем проступке только потому, что если окажется, что вы вводите меня сейчас в заблуждение и мотор для ГАЗа это лишь ваши фантазии, то вы получите взыскание на всю катушку. А то вы своими сказками опять товарищам голову заморочите и вывернетесь. Сколько вам нужно времени, чтобы представить работающий образец и тем самым подтвердить фактами свои слова? А то сказки рассказывать я и сам умею?

— Не буду я ничего представлять, — буркнул я и, понимая что за этим последует, если не привести весомые аргументы, чётко стал излагать свою точку зрения. — Был проведён эксперимент, образец вышел из строя, но положительный результат получен. Восстановить образец можно, это не составит особого труда, но совершенно бессмысленно. Так как он точно так же, проработав 20 минут, выйдет из строя. Чтобы получить мотор, пригодный к установке на автомобиль, образец нужно хорошенько продумать, проработать, внести изменения в систему охлаждения и смазки, питания топливом и воздухом, увеличить прочность некоторых узлов, причём так, чтобы максимально использовать при его изготовлении уже имеющиеся на ГАЗе станочный парк и технологии. Это большая работа. Мне её сейчас делать некогда, да и некем. Группы Акимова и Киреева заняты по своим темам выше крыши. К тому же их в ближайшее время нужно всех освобождать. Предлагаю передать опытный образец "К" и всю документацию на ГАЗ. Там есть КБ и это всё-таки их мотор и их автомобиль. Заодно передать отчёт по эксперименту в Рыбинск, Запорожье и Пермь. На этом тему закрыть.

— Стоп, — прервал Кобулов мой поток красноречия. — С вашими выходками потом разберёмся. Давайте к делу, — тут я с облегчением вздохнул, поняв, что разговор повернул в конструктивное русло, — по пунктам в порядке их важности. Первое. Что значит "нужно освобождать в ближайшее время"? Почему? Мы им разве что-то обязаны? Да, помню, вы поднимали вопрос о награде за выполненную работу. Но не забывайте, что у них сроки от восьми до пятнадцати лет, а работа ещё не сделана. И вдруг такая спешка. Не рано ли ставить этот вопрос?

— Группа Акимова уже, по факту, имеет в активе 13-ю и 16-ю серию дизелей на потоке. Группа Киреева, в которой есть специалисты, которые с Акимовым начинали, даст результат вот-вот. Вчера последний вариант главного управляющего прибора "Магистрала" при холодной

прокрутке на стенде выдал на всех режимах правильные выходные данные. Таким образом, дело стало за монтажом "Магистрала" на двигатель, коих заготовлено уже шесть штук про запас, и испытаниях сначала самого мотора, а потом дизель-гидравлической силовой установки. Все вопросы с "Судомехом", согласованы, испытания будут проведены на его базе. Как основной вариант принята "тройка" из одного маршевого 40-цилиндрового 10-тысячника "КД", работающего на гидротурбины переднего и заднего хода и двух форсажных 16-16 по 6560 л.с. с ресурсом 100 часов, работающих на общую для обоих форсажную гидротурбину переднего хода. Мощность на гребном валу на форсаже ожидается в 19 тысяч лошадиных сил. НК ВМФ одобрил такой вариант СУ "Фрунзе". Она полностью удовлетворяет требованиям по размещению в отсеках и удобству обслуживания. Окончания этапа предварительных испытаний "КД" на стенде можно ожидать, максимум, через месяц. То есть эти группы или уже сделали более чем достаточно, либо вот-вот закончат. Спецконтингент ожидает, что их освободят, со слухами по этому поводу бороться бесполезно, потому как завидная судьба "исправившихся" строителей, к примеру, Беломорканала, ставших большими начальниками освещается в центральной прессе, которая "прописана" моим подопечным как средство этого самого исправления. Всё-таки они делают то, что до них не мог никто в СССР, а 10-тысячники и в целом мире не найти. Группа Акимова, вообще, работает уже "на честном слове", благо мне пока доверяют. Но если их в ближайшее время не освободить, вера будет подорвана, продуктивной работы ждать не придётся. Они не ишаки, чтоб вечно за морковкой ходить, их "завтраками" не накормишь. Напряжённой работы по 12-14 часов в сутки, причём без давления со стороны, по своей инициативе, больше не будет. И результатов, соответственно. Если их отпустить после окончания работ, то их больше ничего не будет связывать в настоящем и боюсь, люди разбегутся по родным местам. А вот если освободить прямо сейчас, условно-досрочно или по амнистии, пока дело ещё не сделано, авансом, продемонстрировать своё доверие, но поставить условие доведения дела до конца в существующем коллективе, то тогда можно рассчитывать на сохранение для СССР обеих групп как полноценных продуктивных моторных КБ. Я им уже и заводы-базы присмотрел. Акимова на "Русский дизель" в Ленинград, а Киреева в Мелитополь. Там моторный завод антиквариат царя Гороха выпускает, но по своему оснащению вполне способен выпускать "сектора" каркасных звёзд Киреева, из которых, как из кубиков, собирается мотор. Понятно, что многое, включая полностью "Магистраль", коленвал, более мелкие комплектующие, придётся со стороны подавать. Но это не самое главное. Главное в том, что оба завода, и "Русский дизель" и МемЗ смогут давать ремкомплекты для находящихся на флоте двигателей, требующих восстановления каждые полгода, обеспечив южную и северную ремонтные базы. И об обустройстве на месте надо уже вчера было думать, — я вынужденно замолчал и потянулся к графину со стаканом, так как в горле от столь длинных речей всё пересохло.

— Пополнения, значит, у вас не было? — уточнил Кобулов.

— Если "станочников" не считать, то не было. Но станочников трогать нельзя! — спохватился я, подумав, что угадал ход мыслей майора. — Перегудов, под чьим руководством объединены группы "шестеренщиков" и "сердечников", перевыполняет план, главное ему в этом не мешать. Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе построил копировально-фрезерный станок для изготовления арочных эвольвентных шестерён среднего размера с простым механическим приводом исполнительной части. В опытной эксплуатации на МССЗ получены положительные результаты как по качеству изделий, ничем не уступающих по совокупности свойств косозубым шестерням, так и по производительности, превосходящей немного зуборезные и долбежные станки для косозубых шестерней. "Шеврон" же по трудоёмкости остался далеко позади. Партию таких станков завод в ближайшее время выпустит для ЯГАЗа, единственного нашего автозавода до сих пор опирающегося на прямозубые шестерни, что позволит заменить их не только в мостах ярославских грузовиков,

но и самостоятельно выпускать коробки передач, раздатки, демультпликаторы для них, которые до сих пор делаются на ЗИЛе на косозубых шестернях. Перегудов уже приступил, в соответствии с постановлением ЦК "О всемерном внедрении гидравлики", к проработке проектов с гидроусилителями приводов, что позволит не только увеличить размер изготавливаемых шестерней, но и комбинировать 2, 3 и более исполнительных частей, что должно резко поднять производительность, — я снова попил, а Кобулов просто сидел и смотрел на меня, ожидая, когда я смогу продолжать.

Постановление ЦК - сильный аргумент. Вышло оно буквально две недели назад, после разбора полётов с катастрофой автомобиля "Тур-спорт" в Ле-Мане, повлёкшей гибель пилота Николаева. "Спорт" - окрашенное в красный цвет комфортабельное закрытое купе, с серпом и молотом на каждой из двух дверей, 360-сильным 16-цилиндровым мотором имел главными соперниками немцев на "Серебряных стрелах". Оставляя, благодаря немеряной дури под капотом, конкурентов далеко позади на старте, "Спорт", имевший пневматический привод тормозов и довольно большую массу, вынужден был начинать раньше оттормаживаться перед поворотом и здесь терял преимущество. Уже под конец, когда вопрос "кто - кого" стоял как никогда остро, Николаев рисковал, проходя повороты буквально "на честном слове", но везти не может бесконечно и на одном из них он вылетел-таки с трассы.

В СССР от гидравлических приводов, как от слишком сложных, ранее отказывались. На момент принятия постановления, ими занимались с начала 30-х только авиаторы. Точнее говоря - вертолётчики, которым без управления шагом винта никуда. В последнее время они стали передавать свои наработки и "классикам", использовавшим ВИШ на новом поколении советских самолётов, включавшем И-16 и СБ. Теперь же, после постановления, пихать гидропривод можно было куда угодно, а тех, кто не хотел связываться, пугать бумаженцией. Само собой разумеется, что чисто технических проблем это не снимало. К примеру, гидравлических жидкостей не выпускали. Пока.

— На направлении копировальных станков у нас вообще планов значительно больше чем возможностей. Мы просто не можем реализовать все замыслы. Рук и голов не хватает. "Сердечников" тоже трогать нельзя. Продольно-поперечная прокатка вещь довольно простая, но вот изготовление инструмента для неё совсем непросто. Пришлось по "перегудовскому" принципу набрать из множества плоских сечений, рассчитав и вырезав каждое по отдельности, модель давящего барабана, копировальный станок, вырезать на нём рабочий барабан, отполировать, подвергнуть термообработке. Положительный результат получился далеко не сразу, но сейчас мы станок для сердечников винтовочных пуль в габаритах пули "Д" отправляем в Тулу. Ещё барабан для стальных сердечников к пулям "Л" у нас остался. Наркомат обороны от таких пуль, вес которых должен быть в районе 7-8 граммов, отказался с ходу. А ведь могли бы, уменьшив навеску пороха в гильзе, сохранить баллистику на близких и средних дистанциях, наплевав на дальние, свыше километра. Всё равно не попасть. Зато РПШ до перегрева ствола в два раза больше патронов отстреливал бы, да и СВШ можно было бы как автоматическую смело делать. Отдача-то уменьшится и точность возрастет. Ну, да ладно. Хоть один станок взяли. Теперь, с нашими сердечниками, пули можно массово делать дешёвыми стальными, а не дорогими свинцовыми. Свинцовые пули, 9-граммовые "Л", теперь только в гильзу ТТ пойдут вместо 6-граммовых для пистолетов-пулемётов, чтобы можно было эффективно использовать "брамит". Кстати, я тут на досуге перевёрнутый стволом вниз "наган" изобразил, чтобы, значит, глушитель не мешал целиться. Наш наркомат это не заинтересует? А то, боюсь, военные меня с ходу отфутболят. Бесшумные пистолеты-пулемёты после года препирательств только в разведку морской пехоты удалось пропихнуть как штатное вооружение.

— Не отвлекайтесь, товарищ капитан госбезопасности. Что там с вашими "сердечниками"? Я

понимаю, что задачу на станок, потоком выдающий стальные сердечники для пуль они выполнили и теперь свободны?

— Что вы! Один. Всего один станок для винтовочных пуль. А впереди ещё калибры до 45 мм включительно. Бронебойные болванки, по крайней мере, так делать можно. Холодная, либо горячая прокатка с последующей закалкой ТВЧ. Если поднапрячься, то всё можно полностью автоматизировать. Как видите и здесь у нас планов громадьё. Вплоть до автоматических патронных линий, штампующих боеприпасы с немыслимой производительностью. Кстати, станки, на которых патронщики пытались сердечники к пулям точить, надо у них попробовать изъять и на выпуск плунжерных пар перенацелить.

— Хорошо. — Кобулов, мягко положив ладонь на стол и слегка надавив, жестом невольно подчеркнул вес слова. — А почему вы не просите амнистировать и этих? Они тоже сделали немало.

— Товарищ майор госбезопасности, я считаю, что итоги надо подводить по завершении этапа. Вот, к примеру, "шестерёнчики" дали станок. Первый. Можно сравнить с Д-100-2? Вполне. Так вот, до "КД" им ещё далеко. Именно работа уровня "КД" и будет для них завершением этапа. Когда в СССР будут арочные шестерни выпускать массово, для машин любых размеров, от мотоциклов до судовых редукторов, вот тогда можно об амнистии говорить. По крайней мере, пусть хоть то, что уже начали с гидравликой доделают до конца. А сердечники пока давящие барабаны для всех намеченных калибров не дадут, как минимум.

— Ладно, будем считать, что на техническом фронте вы справляетесь. Приказываю впредь самому являться на совещания, а не присылать своего заместителя, так как из слов товарища Косова картина полностью не вырисовывается. Штрихов и красок не хватает. Предложение по амнистии двигатelistов я поставлю перед товарищем Меркуловым, а там уж как он решит. Думаю, потребуется согласование с НКГМ. Нужен ли им такой подарок, — подвёл черту под этой частью нашей беседы начальник промуправления и сменил тему. — А как у вас обстановка на чекистском направлении?

— Средней температуре по больнице соответствует, товарищ майор госбезопасности, — позволил я себе пошутить. — Вербуем и проверяем агентуру на местах, смещаем акцент внимания на административно-хозяйственные органы предприятий и организаций сектора, как наименее зависимые материально от успехов или неудач реального производства. Мы тут с Косовым подумали, что именно здесь подрывную деятельность индивидуально или небольшими группами из корысти или по мотивам личной ненависти к советской власти удобно вести. Зарплата начисляется в процентах от средней по заводу за прошлый год. То есть целый год можно гадить потихоньку, стабильно получая фиксированный доход, а потом, всё развалив, просто уволиться. Но здесь мы рассчитываем больше на местные органы. А вот с теми, кто будет вести подрывную деятельность не считаясь с потерями, разговор другой. Пока таких случаев не выявлено, кроме дела с вертикальным мотором на ЗИЛе. Здесь мы в тупике, упёрлись в Тухачевского и Пятакова. Мы тайно снимаем показания с тех участников совещаний, которым можем доверять. Вообще, считаю, этих двух персонажей надо брать! Преступное бездействие, повлекшее подрыв обороноспособности СССР налицо! — начал я горячиться, стремясь отделаться от проблемы, которая мне уже порядком надоела. — Это ж надо, больше полугода потратить на болтовню! ЗИЛ, между тем, танки совсем перестал выпускать. Одни самоходки с 122-мм гаубицами на потоке. Нет танкового вооружения. Ленинградский Кировский завод передали ВМФ и он сворачивает выпуск полковых и танковых 76-мм пушек, собирают из задела пока ещё, а замены никакой нет. Львиную долю остатков отправляют своим, ленинградским, заводу имени Ворошилова под Т-28. Малая часть, что в Москву приходит, вся устанавливается на БА-11, и то не хватает, а на танки вовсе ничего не

остаётся. Это диверсия какая-то! Оставить два танковых завода без вооружения, а один из них ещё и без моторов!

— Нет, Тухачевского пока трогать нельзя, — остудил мой порыв Кобулов. — И пока держите всё при себе, возмущаться громко не надо. Можем спугнуть. Наше управление это дело не ведёт, а только содействует, но информацию продолжайте собирать, потом дела объединим...

— И как причастные получим правительственные награды, — закончил я мысль начальника.

— Возможно, — усмехнулся Кобулов, — но губу не раскатывайте. Положа руку на сердце, как бы вы по уму на месте Тухачевского в этом вопросе поступили?

— Я уже говорил, что спрашивать Траянова надо, но это всё уже в пользу бедных. Гинзбург, видя, что вопрос забалтывается, прорабатывает в деталях вариант с серийным мотором. Это 2-4 тонны дополнительного веса, целиком приходящегося на дорогостоящую броню. От 10 до 20 процентов от веса танка по ТТЗ ГАБТУ НКО.

— И всё же?

— Как на месте Тухачевского, не знаю! Так как не уверен в истинных его целях. А вот на месте товарища Лихачёва, начальника главка автопрома НКТП, полномочий которого за глаза хватает, чтобы решить этот вопрос, но который почему-то ведёт себя не по-партийному пассивно, уповая на начальство, я бы выбрал "вертикалку".

— Почему?

— Да всё просто. Серийный Д-100, шириной в метр, трудно разместить на раме, ширина которой немного меньше, так, чтобы он не мешал повороту колёс переднего моста. На машинах ЗИЛ с 2-х цилиндровыми моторами это практически не заметно. А на ЯГ ухудшает развесовку по осям. Шестицилиндровый мотор длиной в полтора метра туда вообще не впихнуть. Но все проблемы исчезают при переходе на вертикальные моторы, которые можно размещать относительно переднего моста как угодно. В общем, на слегка обновлённом ЯГе будет всё как на "Туре", от нынешних 4-х вплоть до 16-ти цилиндров. Что на современном нашем уровне составит больше тысячи лошадиных сил. Переходить на вертикальную схему, таким образом, всё равно придётся, так почему это не сделать сейчас? Понимаю, "второй" и "четвёртый" моторы настолько унифицированы, что фактически собираются на одном потоке, а у "вертикалки" будет литой блок и другая схема сборки, но рано или поздно ярославцам придётся делать для себя моторы самим всё равно. Откладывая решение этих вопросов, мы накапливаем проблемы в будущем, когда они могут навалиться все и сразу. Сейчас же обстановка относительно спокойная, планы перевыполняются. Возникает впечатление, что некоторые товарищи просто хотят спокойно пожить.

Кобулов, слушая мои выводы, под конец пару раз согласно кивнул головой и тяжело вздохнул.

— Желание такое преступлением не является, да, — начальник вздохнул ещё раз. — Доведу ваше мнение до товарища Берии. Пусть ставит вопрос перед партией, к лицу ли так вести себя настоящим большевикам. А мы на реакцию посмотрим. Надо же как-то расшевелить это болото, спровоцировать, заставить показать своё истинное лицо. А то, как погляжу, все в белом, все как лучше хотят, все за выполнение плана, за благосостояние трудящихся! А на деле всё на тормозах спускают, это ещё хуже, чем палки в колёса. Потому, как явный враг благими намерениями не прикрывается, — резко, зло, видно накипело, высказал своё отношение Кобулов. — Подведём итоги. Первое. Техническое направление. Намеченный график работ, который представлял в начале мая ваш заместитель, в целом, соблюдается.

Двигателистов, видимо, действительно придётся амнистировать в ближайшее время. Никуда не годится положение, когда начальник отдела сам должен ездить по командировкам в ущерб основной работе. Кстати, готовьтесь опять в Ленинград. "Ворошилов" на днях будет поставлен на швартовые испытания и ваше присутствие обязательно. Насчёт пополнения вашего техотделения спецконтингентом. Очень плохо! Плохо работаете по чекистской линии! Откуда возьмутся работники в техотделение, если вы не будете разоблачать преступников в своём секторе? Никто не будет делать вашу работу за вас! Обратите на это направление самое пристальное внимание. Я не призываю вас цепляться за любую мелочь к тем людям, которых вы бы хотели видеть в вашем техотделении, но, по крайней мере, всех, кого привлекают к ответственности местные подразделения НКВД, вы должны отслеживать. Организация работы по этому направлению у вас неудовлетворительная. Это получается, мы уже ко второму перешли. Нарбатывайте агентуру, без неё вы слепы. Вот вы считаете, что группы Киреева и Акимова надо отпускать, а агентуру внутри них вы себе создали? — Кобулов, глядя на мою физиономию, неведомо по каким признакам, ибо я старался держать "морду кирпичом", сделал для себя верный вывод. — Опять плохо, капитан госбезопасности Любимов, даже в элементарных вещах не дорабатываете. Если нужна какая-нибудь помощь, всегда обращайтесь, но и от себя всё зависящее делайте!

— Товарищ майор госбезопасности, а можно мне по линии других секторов усиления спецконтингентом попросить? — перебил я Кобулова. — Мне-то в общем-то сейчас всё равно, какие там инженеры, двигателисты или нет. Сколько помню, мне по большей части всегда людей мало связанных в прошлом с дизелями давали и приходилось их вводить в курс дела. А теперь и вовсе мне дизелисты ни к чему, вольных КБ хватает, мне теперь турбинисты нужны.

— Стоп! Какие турбинисты? А мотор "К" для ГАЗа?

— Ну, положим, проработаем, построим и доведём мы мотор "К". Получим за него по итогам работы награду. Передадим на ГАЗ. Там они его полностью перетряхнут, переработают под себя и будут доводить. По итогам будут награждены. Продлится это всё до тех пор, когда по уверениям товарища Орджоникидзе мы преодолеем "яму" с топливной аппаратурой для дизелей и мотор "К" уже будет не нужен. В итоге все работали, всех оценили, наградили, все довольны, а пользы государству никакой, одни убытки от заведомо ненужных работ и фактического простоя специалистов. Я, товарищ майор государственной безопасности, ношу звание капитана именно государственной безопасности и просто обязан защищать государственные интересы даже от самого себя. Пусть Липгарт на ГАЗе, Климов в Рыбинске, Швецов в Перми, а Назаров в Запорожье примут информацию и занимаются своим прямым делом, а я буду заниматься турбонаддувом, следующим этапом в развитии конструкции дизелей. Работы в этом направлении начал и ЦИАМ. Но главное, где мне хотелось бы пополнения, так это в группах станкостроителей. На МССЗ намучались с 5-осевым коленвалом для "К", отсюда и недельная задержка. На ГАЗе, где всё, чем проще - тем лучше, кроме плоских 3-х осевых валов для рядных "четвёрок" ничего и не видели. Хочу попробовать сварку трением, для которой потребуется создать специальные станки. Тогда коленвалы можно будет варить из привычных плоских 3-х осевых частей. Получится - будем развивать. Эта же технология много где может пригодиться. Скажем, выпуск корпусов снарядов из двух литых либо штампованных частей, передней и задней, сваренных трением по линии кольцевого утолщения обещает быть очень производительным. Вижу здесь теоретическую возможность полной автоматизации производства осколочно-фугасных снарядов. Да мне вообще любые инженеры подойдут, только присылайте. Задумок у меня вагон, успеть бы всё это реализовать до войны.

— Вижу, Остапа понесло, — съязвил Кобулов. — Ох уж эти мне творческие личности. Я ему про Фому, а он мне про Ерёму. Вот когда вы, товарищ Любимов, будете начальником

промышленного управления ГЭУ, тогда и будете реализовывать ваш вагон задумок. А пока я здесь командир, приказываю подтянуть дисциплину, начав с себя, в первую голову, поставить на должную высоту основную работу по борьбе с контрреволюционным элементом, завершить, на техническом фронте, выполнение задач по "Фрунзе", поставленных перед вами Совнаркомом, представить, наконец, в металле, работающий мотор "К". Вот в таком именно порядке. И только после этого будем разговаривать насчёт задумок. Вам всё понятно, товарищ капитан госбезопасности?

— Так точно, — ответил я хмуро, понимая, что лбом стены не прошибить и сколько бы я ни приводил доводов, они будут бесполезны.

— Хорошо. Вы свободны. Желаю успехов.

Что ж, и на том, как говорится, спасибо. Хоть и недолюбливает меня начальство, но Кобулов человек правильно понимает интересы СССР и на то, что мои просьбы о пополнении услышаны, можно рассчитывать. А стену прошибать буду авторскими свидетельствами, они, кроме мозгов и бумаги ничего не требуют, но если их правильно подаст человек "с репутацией", могут быть приняты к проработке. Начать, пожалуй, следует с бронебойно-фугасного снаряда "английского типа" для полковых пушек, снаряжённого ПВВ, как суррогата кумулятивного выстрела.

Эпизод 4

Снова славный город на Неве, колыбель Революции. Комната на Галерной стала казаться мне совсем родной, а соседи по коммуналке уже относились ко мне не как к приезжему, а как будто прожили со мною рядом всю свою жизнь.

Короткое северное бабье лето, порадовавшее немногими тёплыми деньками после холодных дождей начала сентября, подходило к концу, когда опытовое судно "Ворошилов" поставили на швартовые испытания, для проверки работоспособности основных и вспомогательных механизмов, средств связи и навигации. Так как кругосветных плаваний совершать не предполагалось, планировалось покорять лишь просторы Финского залива, то программа была сокращена и ужата по времени в отношении последних, но всё что касалось живучести, хода и управляемости, проверяли без всяких скидок.

Вообще, "Ворошилов" на данный момент являлся самым дизельным, если так можно выразиться, кораблём в нашем флоте, а может, и во всё мире. Если даже опустить главные механизмы, то он нёс в себе четыре дизель-генератора на основе 1000-сильных вертикальных моторов 13-й серии, родные братья которых устанавливались на подлодках типа "М", и по одной полностью автономной дизель-помпе на базе 300-сильного оппозита выпуска завода имени Ворошилова в каждом водонепроницаемом отсеке. Управлять ими можно было с любой палубы отдельного отсека, включая верхнюю, либо из центрального поста живучести. Помпы могли работать в полностью затопленных помещениях, они же обеспечивали и подачу воды в пожарные магистрали.

При переоборудовании крейсера советские кораблестроители руководствовались принципом минимализма, поэтому мёртвые паровые котлы и турбины внешних валов остались на своих законных местах. Новая главная силовая установка из работающих через гидropередачу на два внутренних вала десяти дизелей, по 3850 лошадиных сил каждый, имела вкуче 31 тысячу лошадиных сил. Примерно половину того, что имели достроенные в СССР крейсера типа "Светлана", к которым относился и "Ворошилов". Для того, чтобы компенсировать вес недостающего оборудования и вооружения недостроенного корабля, его догрузили балластом

да украсили, или изуродовали "лишней" четвёртой дымовой трубой, установленной над турбинным отсеком.

Экипаж опытового судна, по большей части составили моряки с минзага "Волга", выведенного из боевого состава флота из-за полного износа машин, под командованием кавторанга Николая Иосифовича Мещерского, усиленные практиковавшимися с июня на макете главной силовой установки механиками под началом нового командира БЧ-5 старшего лейтенанта Панкратова. Кроме того, военморы дополняли специалисты заводов "Судомех" и "Русский дизель" сдававшие свою работу РККФ и заодно делившиеся опытом.

Мои заботы начались с проверки дизель-генераторов, поагрегатно и в комплексе и, после того, как убедились в том, что электрика корабля работает в штатном режиме, я перешёл на главные механизмы. В первую очередь проверили работу топливных насосов низкого давления, подающих горючее на главные механизмы, что заняло целый день. В следующие два дня, Панкратов с машинной командой, под моим контролем, поочередно, строго согласно регламенту, с пятиминутной прокруткой сжатым воздухом "вхолодную" для смазки поверхностей, получасовым прогревом и получасовым же "прогоном" под нагрузкой, но в дренажном режиме, без включения ходовых гидротурбин, проверяли каждый из десяти моторов. Это только кажется быстро, запустили, погоняли, полчаса туда, полчаса сюда, но на деле всё двигалось настолько медленно, что еле успели, не считаясь с длительностью рабочего дня. Ведь требовалось не только снять все показатели, но и взять пробы горячего масла из мотора и из гидropередачи, соответственно, восполнив недостачу свежим. Особенно намучались со средними моторами передних троек, помянув в очередной раз Кудрявцева. Последний "правил бал" на следующий день, когда, запустив сразу все десять моторов ГЭУ, проверяли работу гидротурбин переднего и заднего хода, медленно проворачивая гребные валы враздрай, чтобы ненароком не пуститься в незапланированное плавание от пирса завода "Судомех". Эта процедура опять заняла целый день, так как пробовали работу различных комбинаций от двух, до всех десяти моторов на различной мощности. Вообще говоря, гидropередача была спроектирована таким образом, что для того, чтобы дизеля не мешали друг другу, они должны были работать на одинаковой мощности. Предусматривалась возможность вывода групп моторов, передних троек или задних двоек, остальные варианты были аварийными. В соответствии с этим, "Ворошилов" располагал тремя вариантами, наивыгоднейшими с точки зрения расхода топлива, когда моторы выдавали \dot{U} номинальной мощности, работы силовой установки: 23100, 13850 и 9250 лошадиных сил на двух валах.

Параллельно с проверкой энергетики корабля танкостроители завода N174 имени Ворошилова отчитывались по системам живучести, а работники "Электросилы" сдавали новую, электрическую рулевую машину. К сожалению, не всё прошло гладко, как у нас, так и у соседей. Выявленные недостатки, в основном, были связаны с электропроводкой, её монтажом и герметичностью. Например, с поста управления ГЭУ, который был оборудован в герметичной выгородке машинного отделения оказалось невозможным уменьшить подачу топлива для двух дизелей. В ходе пробных пусков мотористам пришлось бежать и регулировать газ вручную, причём никакой командной системы для этого, кроме голосовой связи, не было предусмотрено, что возле низко гудящих моторов создавало известные трудности. Подобные же косяки вылезли и у Кудрявцева, но в машинном отделении, на небольшом пространстве, они были выявлены и оперативно устранены прямо в ходе испытаний. А вот с водоотливными средствами дела обстояли куда как хуже, особенно запомнился сумасшедший рёв и скрежет помпы в носовом отсеке, которой дали максимальный газ. Водяной клапан не открылся и центробежный насос, с отбалансированным по нормативу на небольшие обороты колесом, но раскрученный невероятно, разбил свой подшипник, сломал редуктор и, в конце концов, двигатель, который не сумели выключить дистанционно. Революционная система борьбы за

живучесть была всё-таки сложновата для этого времени.

Но сверху давили и самолично прибывший на корабль командующий Балтфлотом флагман второго ранга Галлер, выслушав доклад Мещёрского, приказал акт испытаний подписать, с условием устранения недочётов до конца года, а помпу заменить в течение недели, после чего провести ходовые испытания "Ворошилова", ради которых, в общем, всё и затевалось.

Эпизод 5

Семидневного мини-отпуска не получилось. Первым же утром прибежал посыльный в чёрной форме морской пехоты РККФ и передал пакет. Майор Касатонов, неведомо какими путями узнавший о моём присутствии в Ленинграде, приглашал посмотреть на высадку Батумского батальона, которая должна была подвести черту под летним периодом обучения. Причём, смотреть предлагалось изнутри, приняв участие в высадке. Думаю, Касатонов спал и видел, чтобы я самолично хлебнул той каши, которую так настырно варил.

Десантирование планировалось на раннее утро следующего дня, вторника 24 сентября 1935 года. Еле успев на катер морпехов, который ждал Касатонова из штаба флота, добрался с ним до Кронштадта, а уже оттуда, не мешкая, мы вылетели на поплавковом АИР-5 на Ладогу в район Шлиссельбурга.

На подходе, с высоты птичьего полёта мы увидели, что вдоль берегов Невы и вокруг Орехового островка, стоят три самоходные баржи самого гражданского вида, рядом с которыми примостились Мошки и новые ТКа, в том числе "большие", четырёхмоторные. И те, и другие несли по паре пушек Лендера и должны были, кроме высадки, обеспечить огневую поддержку десанта.

Тут же стояли и ещё какие-то плавсредства, которые я поначалу, при взгляде сверху, принял за плоты. На самом деле это был итог экспериментов с водными лыжами. Понятно, ни к чему хорошему идея тащить за быстроходным катером глиссирующий плот не привела. Касатонов со смехом рассказывал, как "лыжа" с десятком бойцов, подброшенная на лёгкой волне, вдруг взмыла вверх, превратив на секунду морских десантников в воздушных. Двое не удержались и слетели в воду сразу, остальные оказались там же уже вместе с внезапно вставшей "на ребро" лыжей.

— Хорошо, что голышом были, — отсмеявшись, серьёзно сказал майор, — никто не утонул.

"Лыжа", не оправдавшая себя, осталась, как и нужда в быстрой доставке десантников на берег и в чью-то светлую голову пришла идея закрепить её в виде грузовой платформы между двумя туполевскими "поплавками" Ш-4. После вдумчивой проработки и экспериментов всё вылилось в катамаран, перебрасывающий на короткие расстояния сразу взвод морской пехоты или груз до четырёх тонн включительно. Размер десантной платформы, оснащённой опускаемой рампой позволял размещать на ней противотанковые, полковые и дивизионные пушки. Средства тяги, в роли которых выступали сталинградские "шассики", перевозились отдельно. Кроме случая переброски противотанковых пушек. Ещё черноморцы Потийского батальона, ради экономии места в трюмах десантных болиндеров, устанавливали сорокопятки при частично разведённых станинах в кузов СТЗ-1, который, как известно, находился спереди, и, таким образом, получали импровизированную самоходку с прицепленным к ней передком.

Дополняли десантную флотилию три катера на воздушной подушке, похожие на сомов, высунувших свои тупоносые головы на отлогий берег, да однотрубный колёсный грузопассажирский пароход, верхняя часть бортов и надстройки которого были окрашены в

белый цвет.

— Знаешь, — сказал я Касатонову, — если бы это не мы летели, а вражеский разведчик, попытка десанта здесь бы и закончилась. Налёт бомбардировщиков и привет. Ты посмотри на палатки на берегу. Вы что, хотя бы защитного цвета не могли найти? Почему они белые и стоят на самом виду ровными рядами? Вон лесок рядом!

— Не боги горшки обжигают, — отмахнулся майор, — да и как тут маскировку соблюдать, когда суда в речном пароходстве на время манёвров зафрахтовали?

— Ну и что? Война придёт, всех мобилизуют. Пусть привыкают потихоньку. Пусть начинают думать по-военному, пока это всё игрушки. Потом, в боях, учиться куда как кровавее будет.

Приводнившись, мы подрулили к берегу, откуда гребным баркасом нас перевезли на борт парохода "Володарский" где был размещён штаб батальона. Приняв доклад НШ, Касатов распорядился разместить меня, позаботиться о моей экипировке и... вооружении.

— Это ещё зачем? — я от приказа майора откровенно опешил.

— Нарком приказал, — брякнул местный главморпех и, смутившись, засуетился, — ладно, ты давай тут, устраивайся, знакомься, мне ещё комфлота встречать.

На "Володарском", кроме штаба батальона, отдельно от линейных рот и батарей, живших в палатках на берегу, обитал разведзвод, батальонный взвод связи и присланные от наркомата обороны наблюдатели. Одного из них, комэска из 36-й кавдивизии старшего лейтенанта Родимцева, я немало озадачил при знакомстве, забывшись, глядя ему в глаза, будто в бездну и не отпуская руки. Меня в тот момент как током тряхнуло всплывшим воспоминанием, уж не тот ли самый генерал, комдив 13-й гвардейской? Лет двадцать пять ему на вид, кажется, слишком молод, но на войне люди растут быстро. Постараюсь не терять его из виду, может статься, я прав и у парня большое будущее. Если его ангел-хранитель справится не хуже, чем в том мире, который я знал.

Взявший меня под опеку моих лет старшина разведчиков, несмотря на то, что у него в петлицах было четыре треугольника, а у меня три серебряных звезды, держался по-хозяйски уверенно, без всякого подобострастия, как бы демонстрируя, что он на службе давно и видел всякого и всяких. Показав мне персональную каюту без соседей, в которой, однако, было две койки, он, кинув на меня взгляд, сказал.

— Поскольку багажа вы не прихватили, пойдёмте в моё хозяйство, выдам вам амуницию и оружие, а уж переодеваться сюда вернётесь.

Спустившись палубой ниже, мы с ним попали в тесный кубрик, временно превращённый в нечто среднее между каптёркой и оружейной комнатой, у двери которого стоял часовой.

— Значит так, бельё и сапоги вам ни к чему, свои имеются, да и нет у меня здесь запаса, а вот маскхалат мы сейчас подберём, — с этими словами он принялся рыться в кипе свёрнутых курток защитного цвета, по одному ему ведомым признакам определяя, какая мне подойдёт больше всего.

— А ну-ка, товарищ капитан, давайте вот эту померим, — сказал он, разворачивая просторную куртку-энцефалитку, похожую на сшитую из толстого брезента гимнастёрку с капюшоном,

— Вроде ничего, рукава не свисают, — вынес я свой вердикт, подумав, что в эту одежду можно

было бы впихнуть ещё половину такого как я.

— Отлично, сейчас и штаны прикинем, — сказал старшина, прикладывая ко мне шаровары. — Вот эти будут впору. И рост и полнота, будто на вас и шили. На крайний случай, ремешком подтянете. Форма, понимаете, не новая, второй комплект на подмену, но чистая, один раз надеть хватит. Вот вам шпалы защитного цвета, а малиновых петлиц нету, извиняйте. Как и беретов, так что вы уж в фуражке как-нибудь.

— Так, а куда шпалы-то? — спросил я, разглядывая капюшон без всяких признаков воротника.

— А на клапан нагрудного кармана цепляйте, к краю поближе, чтоб лямкой не накрыть, у нас командиры так носят.

Следом мне были выданы кожаные "подтяжки", поддерживающие поясной ремень, чтобы тот, отягощённый оружием и снаряжением не сползал, противогаз, флягу, малую пехотную лопатку, в просторечии именуемую сапёрной и подсумок для гранат.

— Теперь оружие, — перешёл старшина к финальной стадии превращения меня в настоящего морпеха. — Мирошкин в госпитале, возьмёте его автомат и нож. Вот. И в журнале распишитесь.

Врученный мне карамульдук правильно назывался пистолет-пулемёт Шпагина образца 1935 года и был принят исключительно на вооружение морской пехоты ВМФ СССР. Армейцы всё ещё раздумывали, нужно ли им такое счастье и, кажется, склонялись к тому, что оно является лишней и бесполезной роскошью. ПППШ абсолютно ничем внешне не напоминал своего легендарного тезку, наоборот, он был больше всего похож на СВШ, она же "Застава М76" моего мира, так как использовал её ствольную коробку, приклад и цевьё. Разве что ствол был чересчур короток для винтовки. Самое заметное внешнее отличие состояло в прямоугольной в сечении крышке ствольной коробки, что было сделано ради увеличения массы затвора, который в этом ПП, как и в абсолютном большинстве сверстников, был свободным, огонь вёлся с заднего шептала. Соответственно был изменён и спусковой механизм. К автомату прилагался подсумок с четырьмя рожковыми магазинами на 35 патронов, представлявшими собой нечто среднее между магазинами ППС и АК, так как рассчитывались на снаряжение патронами с гильзой ТТ и тяжёлой дозвуковой остроконечной пулей, для которых в комплект входил прибор бесшумной стрельбы "Брамит" в отдельном чехле, но без него обычно использовали массовые пистолетные боеприпасы. Сейчас, понятно, рожки вообще были пустыми.

— Вот, в журнале распишитесь, — подсунул мне толстенную тетрадь старшина. — Теперь, значит, я приказ выполнил. А то товарищ комбат, майор Касатонов, предупредил, что вы, может, с разведчиками захотите пойти.

— Да? Ну, знаешь, брат, тогда бы я с собой ещё сидор с сухпайком и прочими полезными мелочами прихватил. А уж бинокль и плащ-палатку точно.

Старшина крякнул, обернулся, достал стандартный солдатский заплечный мешок и большой квадратный кусок брезента, который той самой плащ-палаткой и был.

— Бинокля нет, не взыщите. Вот, возьмите ещё, — протянул он мне целлофановый пакет, первый, который я видел в этом времени, — документы завернёте, мало ли что. Когда сухпай получать будем, я за вами пошлю.

Забрав вещи и оружие я, по пути к своей каюте, поднялся на верхнюю палубу и нос к носу столкнулся с Родимцевым.

— Товарищ капитан госбезопасности, разрешите обратиться, — медленно, соизмеряя слова с долгим взглядом на мою ношу, проговорил кавалерист и, не дожидаясь согласия, поинтересовался. — Это вам зачем?

— Как зачем? Нарком ВМФ решил, что я захочу посмотреть на действия морской пехоты, в которую я лично вложил много сил и времени, так сказать, изнутри. И, кажется, он не ошибся, желания такого у меня всё больше и больше, — удивил я сам себя неожиданно бодрым ответом, будто во мне проснулся мальчишка, которому предстоит "Зарница".

— Я тоже хочу! — похоже, мальчишка здесь далеко не один, впрочем, взрослые от детей только тем и отличаются, что игрушки больше, дороже и опаснее. — К кому мне обратиться, чтобы дали соответствующее распоряжение? А то тут сам чёрт ногу сломит, все в одной форме ходят, наподобие вот этой, без петлиц.

— Комбат, майор Касатонов здесь старший, ловите его, пока не переоделся.

— Касатонов? Тот, что с вами прилетел? — с досадой переспросил Родимцев. — Он комфлота сейчас встречает. И наш командир, капитан Карякин, тоже там.

— А скажите мне, товарищ старший лейтенант, что это ваша делегация такая непредставительная? Вот от НКВД перед тобой стоит целый капитан госбезопасности, полковник на ваши гроши.

— Так, товарищ капитан госбезопасности, батальон всего, — смутился Родимцев, сам не зная, что ответить. — Наверное, в штабах рассудили, что генералов и полковников на такое учение слишком много. А пехотный комбат, кавалерийский комэск и комбат-артиллерист лучше разберутся, им это ближе к собственным обязанностям.

— Что ж, мудро. И не польстить вниманием, и мнение людей, кто лучше всего в таких вещах разбирается, узнать, — оценил я наркомат обороны.

В небе зажужжало и, под набежавшими с запада облаками, показался ещё один яковлевский поплавковый АИР, судя по всему, командующий флотом пожаловал. Рассудив, что невежливо будет не засветиться на палубе в составе принимающей делегации, я забросил снаряжение в каюту, оставив себе только "папашу", которого побоялся оставить без присмотра, пусть и в запираемом на ключ помещении, поспешил к трапу. Тут уже находился комбат со штабом, командиры рот и отдельных взводов, командиры дивизионов "мошек" и ТКА, все трое наблюдателей НКО. Галлер, точно так же как и мы часом ранее, пристав к берегу пересел в шлюпку и, спустя короткое время, уже поднимался на палубу "Володарского" с левого борта.

Приняв доклад Касатонова, он поздоровался с выстроившимися "по ведомствам" командирами. Стоя левофланговым, дальним от трапа, я случайно заметил капитана "Володарского", коренастого мужика лет под пятьдесят, который, слегка перегнувшись через леерное ограждение мостика, наблюдал сверху за происходящим со снисходительной улыбкой. Ох, капитан, капитан, надеюсь, твой корабль лет через пять-шесть станет каким-нибудь плавучим госпиталем, а не канонерской лодкой. Тогда тебе уж точно не до смеха будет.

— Раз все в сборе, совещание через десять минут, — распорядился Галлер и удалился приводить себя в порядок после перелёта. Я же, пока было время, воспользовался случаем побеседовать с катерниками насчёт моторов. Узнать из первых рук, как показали себя дизеля во флоте. Представившись, я не стал ходить вокруг да около, поскольку времени было мало, и задал прямой вопрос. Противолодочник кап-два Соколов и командир дивизиона ТКА каплей Зверев, будто по команде, поморщились и, видимо не желая меня обижать, дизеля похвалили

за мощность и экономичность по сравнению с бензомоторами, а потом вывалили кучу претензий по сборке. Пока мотор был совсем новый, замечаний не было, но стоило совершить пару выходов в море, как начиналась перманентная борьба с течью трубопроводов. Причём, текло всё – масло, соляр, вода из системы охлаждения. Текли уплотнения валов масляных помп. На "МО" всё усугублялось ещё и гидравлической передачей на винты, которая тоже, походив немного, начинала течь во всех соединениях. Не смертельно, но понемногу доливать приходилось постоянно.

Углубившись в детали, я выяснил, что, собственно, моей вины здесь немного, причина в очень жёсткой, плотной, гладкой резине трубопроводов и уплотнений, которая, к тому же, растрескивалась на стыках и сгибах. Подумав, что надо крепко переработать коммуникации, исключив, насколько можно, резину, сделал себе зарубку на память выкатить претензии смежникам. Подозреваю, кто-то решил сэкономить импортный натуральный каучук на "второстепенной" продукции, которая, вроде бы, работает в более благоприятных условиях, чем автомобильные шины и её, к тому же, мало кто видит. На опытные моторы нам давали комплектующие, замечаний к которым не было, а на серийную продукцию, выходит, шло, что подешевле.

— Товарищи командиры! — подал при входе Галлера в салон парохода "Володарский", в обычных рейсах использующийся в качестве столовой, капитан второго ранга Соколов, увидевший комфлота первым. Присутствующие, собравшиеся вокруг сдвинутых к центру столов, грохоча по дубовому полу тяжёлыми стульями, вскочили на ноги, обернувшись в направлении взгляда противолодочника.

— Вольно! Прошу садиться, приступим, — заняв место во главе получившегося большого стола, на котором было удобно раскладывать карты, Галлер начал совещание. — Нам предстоит провести учебную высадку батальона морской пехоты на необорудованный берег. Легенда такова: для содействия наступающей армии, временно остановленной противником, совершить охват его фланга по морю, обнаружить и уничтожить вражескую среднекалиберную береговую батарею, захватить плацдарм для высадки армейских частей и удержать его в течение необходимого для таковой высадки времени. Место проведения операции – западный берег Ладожского озера, две мили севернее устья реки Морья. Противник условный. Командование операции возлагаю на майора Касатонова. Ему оперативно подчиняются силы прикрытия и поддержки десанта в составе эсминца "Конструктор", дивизиона МО и дивизиона ТКА под общим командованием капитана второго ранга Соколова. Отрядом транспортов командует старший лейтенант Савельев. Так как погода нам не благоприятствует, прогноз даёт низкую облачность в районе учений, авиационную поддержку отменяю. Товарищ майор, — повернул Галлер голову к морпеху, — доложите ваше решение.

— Решил, — откашлявшись, тут же отозвался Касатонов, — время "Ч" – на рассвете. К месту проведения операции выдвигаемся тремя эшелонами. Первый, в составе звена из четырёх малых ТКА выходит в "Ч" минус три, встречается в точке рандеву с эсминцем "Конструктор" и составляет с ним передовой дозор. Назначение командира дозора – на усмотрение капитан-лейтенанта Зверева. Задача: разведка по маршруту эшелона транспортов, далее, разведка боем, уточнение позиции береговой батареи, подавление батареи и поддержка десанта артогнём. Второй эшелон. Транспорты. Выход "Ч" минус три. Прикрытие. Противолодочное – дивизион в составе 12-ти МО. Общее – два звена ТКА. Задача: доставка основных сил к месту операции, далее, после подавления береговой батареи, высадка штурмовых групп, далее, высадка основных сил. Третий эшелон. Три аэроглиссера и быстроходные десантные катера. Время выхода – "Ч" минус один. Обгоняют на маршруте эшелон два и высаживают разведзвод в районе береговой батареи с целью корректирования артогня "Конструктора", содействуют высадке основных сил. Батумский батальон морской пехоты под моим командованием

высаживается в четыре эшелона. Первый – разведвзвод. Задача: доразведка и корректировка артогня с целью подавить артиллерию противника. Далее общая разведка по флангам и перед фронтом высадки, боевое охранение. Второй эшелон – первая рота, сапёрный взвод, высаживается с малых ТКА и быстроходных глиссеров. Задача: штурм и уничтожение артбатареи. Третий эшелон – вторая и третья роты, миномётная, противотанковая и артиллерийская батареи. Задача: занять выгодные для обороны рубежи, построить систему огня, возвести полевые укрепления, быть готовым к отражению атаки. Четвёртый эшелон: взвод обеспечения, взвод связи, штаб. Задача: установить устойчивое управление ротами и батареями, связь с командованием, выгрузить с транспортов и укрыть боекомплект и запасы. Письменные приказы эшелонам и группам у вас, товарищи командиры, на руках. Действуем согласно проведённых командно-штабных игр. Обращаю внимание на соблюдения правил радиосвязи и сигналов взаимодействия. Оговоренный порядок подачи средств высадки к транспортам требую соблюдать неукоснительно.

Так вот где собака зарыта! Всё у них уже договорено и даже письменные приказы на руках. А это совещание – всего лишь "напоминалка", последняя подстраховка перед реальными действиями. Заодно ввод в курс дела наблюдателей.

После Касатонова, по очереди, свои решения проговорили другие командиры, начиная с катерников и заканчивая комвзвода материального обеспечения батальона. Под конец, устав сидеть на одном месте, я неудачно заворочался и чуть не уронил лежащий на коленях ППШ, успевший, тем не менее, стукнуть прикладом по полу. Присутствующие устремили на меня свои взгляды, кто укоризненный, а кто и даже слегка презрительный. На меня, единственного зачем-то пришедшего на совещание с оружием, и до того обращали внимание, но замечаний делать не стали, а тут на лицах отразилась вся гамма чувств.

— Раз представители НКО и НКВД уже во всеоружии, будто с ним и родились, — улыбнулся Галлер, глядя, как я привычным жестом подхватил автомат за цевьё, — узнаем их решение относительно места, откуда им удобнее всего было бы наблюдать за маневрами. Слушаю вас, товарищ капитан госбезопасности.

— С разведчиками пойду, товарищ флагман второго ранга, — ответил я, покраснев из-за всеобщего внимания к моей персоне, — хочу быть в эпицентре событий. А потом, на берегу виднее, хорошо высадка организована или нет.

"Сухопутчики" решили разделиться, Родимцев и комбат-артиллерист, старший лейтенант Конопляников, тоже высадятся вместе с разведкой, а капитан Карякин останется со штабом батальона.

— Вопросы есть? — уже готовясь закрыть совещание, для порядка спросил Галлер.

— Есть, товарищ командующий флотом! — подал голос Родимцев, вызвав недоумённый взгляд своего "сухопутного" командира. — Почему чекистов вооружают, а представителей НКО нет?

Тут уже и третий армеец обернулся на голос старлея, в его взгляде читалось прямо таки неприкрытое осуждение. Видимо, перспектива таскать лишние килограммы его никак не радовала.

— Товарищ майор? — переадресовал Галлер вопрос Касатонову.

— Товарищ флагман второго ранга, командирам РККА в боевой обстановке полагается иметь пистолет либо револьвер, — ответил тот не моргнув глазом. — Личное оружие у товарищей при себе. Товарищ капитан госбезопасности, по сути, наблюдателем не является, в настоящий

момент он испытатель оружия и снаряжения с целью его дальнейшего усовершенствования. Лишних стволов у меня просто нет, ППШ всего десять штук на весь батальон.

С этими словами комбата морпехов два из трёх командиров РККА с облегчением выдохнули, а Родимцев, напротив, насупился, но настаивать, видя реакцию товарищей, не стал.

Эпизод 6

Через пару часов салон "Володарского" вновь вернул себе звание столовой, в которой, с одного котла, без натяжки, ужинали воины всех званий и ведомств, от комфлота до рядового военмора. Правда, котёл принадлежал Речфлоту, но меня заверили, что и в иных случаях порядок остаётся неизменным. Поужинав, по подразделениям, а некоторые, такие как я, индивидуально, все, кто должен был высаживаться на берег, получили сухпай. Выдавал его лично командир взвода обеспечения Батумского батальона, устроившись прямо рядом со столами приёма грязной посуды, что было очень удобно. Сдал миску - получи своё. Банка тушёнки, сухари и гречка, рис либо макароны на выбор. Понятно, откуда у старшины взялся целлофановый пакет - всё хлебное и сыпучее было заранее расфасовано в водонепроницаемые кульки из расчёта на три порции. Точно так же, только в меньшей таре, выдавались чай, соль и перец, а сахар, хоть и "загерметизировали", но шёл он кусками. Сообразив, что еду придётся обязательно варить, я побежал к разведчикам за котелком, получив от их старшины, дополнительно, ещё и железную кружку, весьма тяжёлую надо сказать. Впрочем, котелок не далеко от неё ушёл, представляя собой просто маленькую кастрюлю с дужкой, штампованную из относительно толстой меди, но без крышки. Носить походную посуду так, чтобы она не мешалась и не звенела, можно было только в вещмешке, переложив чем-нибудь мягким, что я и сделал, собирая свой "сидор". Занимаясь этим делом, я подумал о том, что пора бы уже записную книжку в качестве протеза памяти завести что ли, "зарубок" накапливается столько, что в голове не уместишь.

Полночи удалось поспать, а потом завертелось. Разведчиков подняли, раздали боеприпасы, холостых патронов на магазин для ППШ и пулемёта и на два для винтовки, и свезли на берег, в тот момент, когда главные силы уже погрузились на три баржи и караван потянулся к выходу на простор Ладоги. Катер на воздушной подушке, или как его здесь называли, аэроглиссер, мог нести полторы-две тонны груза, сейчас его ношу составляли одиннадцать человек, восемь бойцов разведгруппы, я и выделявшиеся на общем фоне шинелями и будёновками Родимцев с Коноплянниковым.

На борту лейтенант, командир РГ, раздал всем пробковые жилеты, окончательно скрывшие под собой любые знаки различия. Впрочем, в такой маленькой компании это не имело никакого значения. Роли были заранее распределены и потому, как расселись разведчики, можно было понять их функции в группе. Вот два радиста, первый номер несёт саму радиостанцию, как мне сказали, плоть от плоти той, что установлена в "Туре", а второй поставил перед собой ранец с аккумуляторами. Чтобы включить станцию в работу, надо совсем немного. Воткнуть вилку с питанием в разъём, щёлкнуть тумблером и чуть подождать, пока прибор нагреется. После этого можно передавать и принимать, используя пять заранее настраиваемых частот. На ходу, при известной сноровке, в принципе можно пользоваться антенной-спицей, а на месте разматывается проволока, которую забрасывают на какой-нибудь возвышающийся местный предмет, например, на дерево. А оружия у связи, не считая ТТ и пустого сейчас гранатного подсумка, совсем нет, без того тяжело таскать за плечами такую ношу. Рядом с радистами, тоже парочкой, примостилась основная огневая единица группы, пулемётчик РПШ и его второй номер, нагруженный, дополнительно к собственной самозарядной винтовке, запасным диском к пулемёту. У первого номера их два, один в подсумке, а другой на оружии. Командир группы, в отличие от разведчиков притянувший капюшоном к голове флотскую фуражку

вместо берета. Пропилены на козырьке, видал я такое и раньше, ещё в конце двадцатого века, бинокль, выдают в нём артиллерийского корректировщика. Чуть поодаль стрелок с СВШ, его напарника, подхватившего болячку и валяющегося в госпитале, заменю я. Последняя пара, также вооружённая автоматом и винтовкой, поправляет друг другу снаряжение, что-то толкуют, но за шумом мотора не слышно.

Аэроглиссер летит над поверхностью воды в полной темноте, благо по метеопрогнозу ветер с Финского и под западным берегом Ладоги тихо. От столкновения с братьями оберегают направленные назад навигационные огни да русский авось. Обгоняя шедший мористее главный транспортный караван чуть не столкнулись с МОшками прибрежного противолодочного дозора, но обошлось. Командир нервничает, "Конструктор" начнёт обстрел берега, едва тот высветит поднимающееся солнце и нам надо успеть к тому времени к нему присоединиться, а пилоты побаиваются прибавить газку, не выдерживают график. Хотя, солнца на небе мы сегодня, пожалуй, не увидим. Над головой, на обдуваемой всеми ветрами платформе катера, защищённой лишь спереди кабиной пилотов да лёгким ограждением с боков, ни звёздочки и, кажется, вместе с тугими потоками воздуха на нас сыплются редкие капельки мелкого осеннего дождика.

Иногда и в военном деле минус, накладываясь на минус, даёт плюс. Мы опоздали, но условия видимости, откровенно паршивые, задержали с открытием огня и флагмана, которому пришлось сблизиться с берегом. Когда раздались первые залпы, мы были, как и предполагалось по плану, на подходе. Выпустив по паре снарядов на орудие, эсминец отошёл. Якобы вызвав на себя огонь береговой батареи и уточнив её местоположение. Малые ТКА, пройдя на полной скорости вдоль берега, поставили дымзавесу и три аэроглиссера, насколько могли круто повернули на запад, образовав протяжённый строй фронта. Спустя считанные минуты мы вырвались из дыма и, расходясь в стороны от предполагаемой огневой позиции, полетели к темнеющей в сырых утренних сумерках суше.

Наш пилот правильно выбрал направление на клин леса, подходящий почти к самой воде, но не угадал с дистанцией, поздно врубив реверс и направив поток воздуха от винта вперёд и в стороны. Аэроглиссер выскочил на песок и, поломав жидкие кустики, чуть не ткнулся в стволы деревьев. Десантники без лишних слов, втихомолку прыгнули на землю и мне ничего не оставалось, как только присоединиться к своему напарнику. Углубившись немного в лес, мы выстроили боевой порядок с парами автоматчиков на фланге и в тылу и пулемётным расчётом в качестве головной заставы. Один наш фланг получился прикрыт морем, то бишь озером. Командир, прошедший Грузию, имел свои резоны, основанные на боевом опыте. Во-первых, он всегда со связью. Во-вторых, головняк с пулемётом при внезапной стычке сразу может прижать противника валом огня, выигрывая время для маневра или отступления. Фланговые заслоны, с одним ППШ в каждом, тоже могли, хотя и в меньшей степени, на короткое время задавить врага. Минусом было фактическое отсутствие главных сил, ядра группы. Командирскую винтовку и два ТТ связистов принимать в качестве таковых было бы слишком оптимистично. Надо бы увеличить штат человек до двенадцати и обязательно ввести у разведчиков сапёрную подготовку. А то топаем, как по своей земле.

Выйдя на опушку, головняк остановился, жестами показав, что видит противника. Условную батарею противника, которую имитировали связанные между собой стволы недавно срубленных деревьев, торчащие в сторону воды, я увидел чуть позже в просвете леса, но выходить на неё моя пара не стала. Наша задача теперь – обеспечить круговое охранение артнаводчика и связистов.

Как только установили связь, с воды донёсся залп и меньше чем через минуту в трёхстах метрах впереди нас на поляне встали султаны разрывов. Напарник, глухо чертыхнувшись,

пониже опустил голову, почти полностью вжавшись в выемку между корнями старой ели и я тоже не погнушался последовать его примеру. Тут уж лучше перебдеть. Комендорам потребовалось четыре залпа, чтобы точно накрыть позицию батареи после чего "Конструктор" перешёл на редкую стрельбу, имитируя огонь на подавление.

В это же время из вновь поставленной дымзавесы показались десантные катамараны, несущие сразу по взводу морской пехоты в сопровождении МОшек и больших ТКА. Эскорт, подойдя ближе к берегу, стал стрелять холостыми из трёхдюймовых пушек Лендера, имитируя кинжальный огонь. Перед тем, как катамараны ткнулись в берег, "Конструктор" прекратил стрельбу, дистанция от десанта до разрывов становилась небезопасной. Тем не менее, время, которое враг мог бы использовать для оказания какого-либо сопротивления, было сведено к минимуму. Следующим актом "марлезонского балета" стал совместный штурм батареи усиленной ротой МП от берега и двумя разведгруппами с флангов и тыла. Как говорится, в лучших традициях, с "полундрой" и хаотичной пальбой холостыми. В итоге, конечно, мы победили, окончательно затоптав оставшиеся после артобстрела щепки. Третьей РГ, ушедшей вглубь суши на обеспечение от всяких случайностей вроде внезапно подошедших вражеских резервов, оставалось нам только завидовать.

После "взятия Бастилии" мои дорожки с разведчиками разошлись. Хотелось взглянуть на то, как будет проходить дальнейшая высадка. Остался на берегу и артиллерист Коноплянников дожидаться "своего" хозяйства. Только один Родимцев, которому кавалерийская шашка вполне заменяла ППШ, занял моё место во фланговом охранении ушедшей вперёд РГ. На мои беззлобные подколки насчёт шпор и седла для пойманного в лесу медведя он не обиделся, но и за словом в карман не полез, помянув музейный экспонат, рукоять которого торчала над моим правым плечом. Пришлось вызвать его на поединок-соревнование, назначенный на "после маневров".

Собственно, пехота МП, с противотанковыми ружьями, 60-ти и 82-х миллиметровыми миномётами и даже с тремя гранатомётами Таубина, по одному на роту, из которых мне пообещали дать пострелять новыми гранатами с ударными взрывателями, оказалась на берегу очень быстро. Её перевезли с барж транспортного каравана торпедные катера и морские охотники. А вот с пушками и тремя 120-миллиметровыми миномётами дело обстояло куда как хуже. Их сперва кранами грузили на десантные катамараны, а потом, по частям, "шассики" отдельно от пушек и передков, доставляли на землю. Дело шло мучительно медленно и едва орудия оказывались на твёрдой поверхности, их тут же растаскивали к намеченным огневым с минимальным запасом снарядов. На пять пушек, три противотанковых сорокопятки и пару "бобиков" потратили целых четыре часа. За это время уже все подразделения, включая штаб батальона, были на берегу. Ещё более муторно выгружались запасы, с которыми разделались только к вечеру, когда оборона плацдарма, по всем правилам, с окопами нормальной профили, но без проволочных заграждений, которые посчитали второстепенным грузом, была построена. Пройдя по траншеям и понаблюдав как всё устроено, посмотрев на две-три запасные позиции для каждого стрелка, я убедился, что командиры и сверхсрочники батальона уроки войны усвоили правильно и хватки не растеряли. Главным недостатком, как и в исходном районе, была маскировка на которую просто не хватило времени.

Эпизод 7

За пару часов до захода солнца, после того, как майор Касатонов доложил сошедшему на берег комфлота о выполнении учебно-боевой задачи, мне повезло и самому пострелять боевыми из разных видов оружия, благо безлюдная территория полигона "Ржевка" к этому располагала, и на стрельбу морпехов, с большим удовольствием, посмотреть. Испытав ППШ-35 обычными патронами и отметив про себя, что темп огня хоть и высок, но явно ниже, чем у ППШ-41 и

повыше, чем у АК, значит, где-то около 700–800 выстрелов в минуту, что объяснялось более длинным ходом затвора, я попробовал его и с "брамитом". Касатонов, правда, предупредил, что чистить мне его придётся самому, но меня это не остановило. Не сказать, чтобы пистолет-пулемёт вышел совсем бесшумный, хлопки, особенно при автоматической стрельбе, вблизи слышались отчётливо, звякало железо, но в общем шумовом фоне, терпимо, да и не зная заранее, с чем имеешь дело, определить звуки как стрельбу, непросто.

А уж когда рядом показывают, не побоюсь этого слова, искусство пользования батальонным миномётом, то и подавно. Ветераны войны в Грузии, командир и наводчик 82-миллиметрового миномёта, с остальным расчётом показывали буквально чудеса, поражая указанные видимые цели в пределах обозримых полутора километров первым же выстрелом на одном глазомере, вовсе без пристрелки. Не подкачали они и перейдя к ротному миномёту.

И тут Касатонов показал ещё один фокус, устроив соревнования в скорости накрытия цели между миномётчиками и расчётом АГС, который до этого не показал выдающихся результатов, укладывая очереди вокруг да около, что, впрочем, считалось нормальным, в пределах зоны вероятного поражения осколками. Майор, взяв ракетницу и поведя её из стороны в сторону, выпалил низко над землёй так, что ракета, упав, ещё горела некоторое время. За эти короткие секунды соперники должны были успеть её обстрелять. Вот тут гранатомёт Таубина сто очков форы мог дать ротному миномёту, который либо в спешке далеко мазал, либо мина не успевала долететь, либо, при тщательном прицеливании, вообще не успевал выстрелить. Гранатные же разрывы раз за разом сверкали в районе цели. Три попытки и безусловный выигрыш с сухим счётом.

Правда, моя стрельба из этой игрушечной пушки закончилась, не успев начаться. И до того машинку клинило у нас на виду, но неисправность удавалось устранить, а тут, кинув две гранаты из шести, заряженных в магазине, гранатомёт подавился очередной выбрасываемой гильзой намертво.

— Передайте Таубину, что если не может со стреляными гильзами справиться, пусть избавится от них совсем и делает безгильзовые гранаты, на манер основных зарядов миномётных мин, — высказал я в сердцах своё суждение, подробно рассмотрев на примере учебного выстрела устройство боеприпаса, в котором чудным образом объединялись гильзовая и безгильзовая схемы. — И пусть, наконец, ленточное питание сделает. Шестизарядного магазина на пару коротких очередей хватает. Второй номер вон уже менять запарился.

— Баловство всё это, — хмыкнул присутствующий здесь же старлей Конопляников. — Гранаты выбрасывает со свистом, а на каждой по взрывателю с ценой, как у взрывателя нормального снаряда. Дорогая забава получается.

— Война вообще дорогое удовольствие, — не стал я ни возражать, ни соглашаться.

Единственную на весь батальон СВШ с оптикой на боковом креплении типа "ласточкин хвост" мне дали только посмотреть и подержать в руках. И без того владелец, усатый морпех лет уже за тридцать, смотрел на меня с подозрением. Как и следовало ожидать, заглянув в прицел, я увидел там только простейший "пенёк" и сейчас силился вспомнить, рассказывал я что-то про сетку ПСО-1 или нет, но на всякий случай вслух пожалел, что нет дальномерной шкалы, на что в ответ мне провели ликбез, как определить дальность до цели подручными средствами. В итоге, каждый остался при своих.

— Про поединок не забыл? — вполголоса спросил меня Родимцев, когда с последними лучами солнца мы возвращались с "презентации" новейших образцов вооружения МП.

— Слушай, давай после ужина? — прыгать с железом именно сейчас мне было откровенно неохота.

— Ага, а потом с полным животом кишки завернём. Уж лучше до, — возразил красный конник.

— А ты не забыл, что нам самим себе всё готовить надо в индивидуальном порядке? — вопрос был актуальный, в план учений входило и индивидуальное приготовление пищи из состава сухого пайка. Каждый просто обязан был использовать только свой котелок, при этом, подножный корм не воспрещался, а скорее, наоборот.

— Ерунда, воду к огню поставим, а товарищи последят и, когда закипит, засыпят. Пока готовится мы уж наверняка выясним кто из нас рубака.

— Экий же ты настырный, — подсадовал я, но согласился, так как возразить, не уронив репутации, было нечего.

— Вы что поубивать друг друга хотите? Прекратите немедленно! — спустя двадцать минут, увидев, что мы с Родимцевым, раздевшись до гимнастёрки, отошли от "наблюдательского" костра ровно настолько, чтобы ещё видеть друг друга и обнажили клинки, всполошился капитан Карякин.

— Ну, мне-то вы приказывать никак не можете, товарищ капитан, — усмехнулся я в ответ, уже настроившись на тренировку. — Хотите защищайте честь НКО, хотите нет. Запишем армейцам техническое поражение в фехтовании, только и всего. Палец на отсечение даю, что морпехи вас в миномётной стрельбе уже умыли, у вас во всех округах таких наводчиков не найти.

— Чёрт с вами, деритесь, раз здоровье лишнее, д'Артаньяны. Только имейте в виду, товарищ капитан госбезопасности, что вы, как старший по званию, несёте за происходящее полную ответственность, — обозлился Карякин.

— Ну и ладушки, надеюсь товарищ старший лейтенант знает, с какого конца за шашку держаться и ничего мне впопыхах не обрежет, — согласился я, попутно подколов Родимцева для пущего вдохновения.

— Разве что язык, — тихо буркнул тот, не оставшись в долгу.

Меч и шашка, кто кого. И дело здесь вовсе не в мастерстве оружейников, сделавших один из клинков чуть легче или тяжелее другого, и не в каких-то деталях, вроде кривизны клинка, а в умении бойца своим оружием умело пользоваться, направлять к победе. Родимцев, стремясь выиграть дистанцию, принял правостороннюю стойку, будто шпажист, чем немного меня удивил. Среднестатистический командир РККА, по моим представлениям, должен был встать наоборот, побуждаемый к этому привычкой к револьверу в левой руке.

Проверяя друг друга, мы обменялись короткими атаками, сохраняя при этом безопасное расстояние. Колющих ударов Родимцев избегает, видимо, чтобы ненароком не пропороть меня, уже хорошо. Если противник работает издали, рассчитывая, что я устану махать более тяжёлым оружием на вытянутых руках, значит мне напротив, надо сократить дистанцию до предела. Рубанув сверху, я одновременно сделал шаг вперёд. Родимцев, защищаясь, подставил шашку и по его лицу одномоментно пролетела тень досады, так как меч лёг на неё плашмя, калечить лезвие зарубками мне не хотелось. Воспользовавшись тем, что противник думает не о том, о чём следовало бы, я тут же шагнул вперёд левой ногой, одновременно скользя своим оружием к рукояти клинка соперника и ухватил его свободной рукой за кисть и запястье, внося в фехтование элементы ножевого боя. Свободно действовать оружием старший лейтенант

теперь не мог и попытался ответить симметрично, но не успел, со следующим шагом, взяв силу от земли, я нанёс ему удар в грудь локтем вооружённой руки и сбил его с ног. Против инстинктов не попрёш, левая рука соперника пошла назад, чтоб смягчить падение и он раскрылся, что дало мне возможность, по прежнему контролируя его клинок, приставить острие своего к горлу растянувшегося на земле кавалериста.

— Откуда вы такие только берётесь, — непонятно кому, то ли только мне, то ли обоим рубакам, сказал Карякин.

— Вообще-то это тайна, личная, — буркнул я, не отвлекаясь.

— Ладно, пусть уж, — видя, что вывернуться не удастся, потребовал Родимцев. — Хоть где такому научился, скажешь?

— Да легко. Дома каждый день в виде зарядки. А кто учил, не спрашивай. У меня вообще такое чувство, что с этим мечом родился, — пройдя по клинку ладонью, я бережно убрал его в ножны.

— Талант значит, — полуутвердительно сказал армейский капитан и жестом позвал нас к костру. — Готова ваша лапша и тушёнка, поди, согрелась.

— Ну и как вам? — глотая раскисшую в не слитой воде вермишель, размешанную с консервированным мясом, задал я волнующий меня вопрос армейским наблюдателям.

— Всё на комплименты нарывааетесь, товарищ капитан госбезопасности? — судя по тону вопроса, Родимцев абсолютно не растерял уверенности в собственных силах, проиграл разок, так бывает. — Ничего, завтра на пару зарядку делать будем, посмотрим, как в другой раз получится.

— Да я не о том, — тут же отправив очередную ложку в рот я круговым движением освободившимся инструментом я показал, что меня на самом деле интересует.

— Да как сказать, — подал голос Коноплянников, — стреляют лихо. В смысле быстро и точно. Вторым-третьим залпом накрытие, молодцы. Радиосвязь удобная, у нас пока провод проложат, пока НП развернут. Если цель подвижная, так и упустить можно, а тут прям с похода работай и в ус не дуй, успели б только орудия развернуть.

— А как батарею штурмовали видел? — это уже Родимцев встрял. — Что мне понравилось, так это организованность. Заметил, после штурма командеры даже не думали свои подразделения собирать, каждый боец сам своё место в бою знает. Тем более, что по двое-трое в бою держатся и так парами-тройками и работают. Один, скажем, впереди с винтовкой по траншее, второй из-за его спины гранаты за поворот кидает, потом меняются. Проштурмовали и тут же на отражение атаки развернулись, будто сами собой.

— Окапываются правильно, а главное, быстро. Наш норматив чуть ли не вдвое перекрывают. Первый раз вижу, чтоб траншеи сначала для передвижения ползком, по колено глубиной, отрывали, а потом углубляли по возможности, — внёс свою лепту Карякин. — Ну и техники у них, нам на зависть. Из одиннадцати тракторов - тягачей шесть, больше половины, с ножами. Раз, два и огневая готова. Говорят и танковая рота в батальоне есть, только высаживать её пока не с чего. Однако ж для самих тракторов рыть ничего не стали, загнали в лес и всё. Там им всем и хана на таком-то пяточке в случае чего. И кормить с кухонь всё-таки надо. Понимаю, тренировка, но мы-то тут при чём?

— Наверное, при том, что тут и бойцы, и командиры с самим комбатом одинаково столуются, хошь этими пайками, удобная, кстати вещь, хошь от кухни, — высказал своё мнение Родимцев. — Для спайки подразделений это очень важно, чтоб все одним целым были. У нас так не всегда.

— Всегда не всегда, ерунда какая. Я командир батареи, у меня своих дел невпроворот, — Коноплянникова заметно раздражало, что его приравнивали к рядовым, — некогда мне себе еду готовить. Хотя, может, и до таких времён доживём, когда комдивы с полковниками вернутся.

— Это вы о чём? — уловил я интересный поворот в разговоре.

— В наркомате будто взбесились, инспекции шлют и шлют под конец периода обучения, — пожаловался старлей. — Раньше, бывало, одну на округ отправят и всё. А теперь в каждый корпус, дивизию, да в половину полков. Чуть какие изъяны - командира сразу с должности и на учёбу, а на его место другого. За год почти все комкоры и половина комдивов сменились, а уже октябрь на носу, опять у "студентов" пополнение. Не приведи господи так попасть, заслуженный комдив всю полевую фортификацию с азов под зачёт и своими руками сдать должен. Курс обучения на три месяца рассчитан. Всего лишь из-за того, что какие-то раздолбаи в одном из его полков, да хоть в обозе, окапываться не умеют. И так во всём, связь, огневая, тактическая подготовка, организация тыла, управление войсками начиная со взвода. Одно сдал, на другое пошёл и так пока по всем недостаткам зачётами не закроешь. Или пинком под зад из армии. Кому повезло, тот на год в "студенты" попал, а кому не повезло, то и на полтора. Вы видели, как комкоры огневую для противотанковой пушки своими руками роют? А я видел. Вот они через год-полтора в войска вернутся, и мы забегаем. Отыграются на нас за всё сполна.

— Отставить, — прекратил излишества артиллериста Карякин. — Ваши опасения держите, товарищ старший лейтенант, при себе. Нечего тут наркомат позорить при посторонних. И вообще, спать пора.

Эпизод 8

Через четыре дня я, в первый раз в этой реальности, вышел в море. "Ворошилов" проходил ходовые испытания, маневрируя в Копорском заливе, раз за разом отмечаясь на мерной миле при различных комбинациях работы дизелей. Поллюбоваться морем мне в этот раз не удалось, от самого выхода, до возвращения в порт я просидел в машине, контролируя действия расчёта БЧ-5. О чём совершенно не жалею, так как при относительно спокойном море, с небес моросило из низких облаков, к тому же похолодало. В результате трёх проходов при максимальной мощности на валах в 30720 лошадиных сил, догруженный балластом до 8000 тонн недостроенный крейсер, при двух внешних демонтированных винтах, показал 25,8-26 узлов, что было всего на 3,5 узла меньше, чем систершипы на полной мощности при прочих равных. Это был очень хороший результат. Крейсерский ход определили в 23,3 узла, а первый и второй экономические в 19,5 и 17,2 узла. При таких характеристиках "Ворошилов" вполне мог маневрировать совместно с турбинными кораблями, чей экономический ход тоже находился в районе 18 узлов.

На этом моя командировка завершена. На смену приехал освобождённый буквально на днях и без моего ведома Киреев, который будет наблюдать за обкаткой на натурной силовой установке "Фрунзе" своего КД. Может статься, что старый линкор не будет первым кораблём с киреевским бочонком, так как на завод "Судомех" уже поставили на зиму эсминец "Яков Свердлов", бывший "Новик", отличающийся от систершипов трёхвальной силовой установкой.

Работы по демонтажу средней турбины уже начались, ходят слухи, что её хотят заменить на дизель и обкатать в следующем году корабль в составе дивизиона ЭМ для выяснения положительных и отрицательных в тактическом плане особенностей по сравнению с чисто паротурбинными кораблями одного класса. Этак в составе Балтфлота в следующем году будет по одному дизельному, полностью или частично, линкору, крейсеру и эсминцу. А про подлодки и катера даже говорить не приходится. Новые "Малютки" своими глазами на Неве видел, но как с ними дела обстоят, мне никто не докладывает.

Сдав всё в Ленинграде, я так и не успел войти в курс дела в Москве, поскольку на следующий же день по прибытии нарком ВМФ товарищ Кожанов назначил мне встречу на Кремлёвской набережной. Что само по себе уже настораживало и говорило о многом.

Поскольку шёл дождь, прогулки, как обычно, не получилось, беседовали в салоне лимузина наркома, пока его водитель переждал непогоду в моём "Газике" чуть позади и заодно следил, чтобы к нашей машине никто не приближался. В случае чего он должен был дать звуковой сигнал. Предосторожности оказались лишними, мало того, что место малолюдное, так ещё и непогода.

Нарком начал разговор издали, как говорится, ничто не предвещало. Подробно расспросив меня, в первую очередь, об учениях морской пехоты, которую я, в целом похвалил, он попросил назвать недостатки.

— Положа руку на сердце, товарищ нарком, скажу прямо. Сценарий учений из рук вон никудышный. Минные заграждения проигнорированы полностью, ладно морские, с которыми вы и без того знаете как бороться, но сухопутные же ещё есть. А бойцы вообще даже под ноги не смотрят. Разведгруппы слабые, без ядра. Понятно, разведчикам главное чтобы их вовсе не обнаружили, но в лесу накоротке всякое бывает. Вообще, надо бы им одну всего винтовку оставить, а ручник отобрать вообще. Всем ППШ и добавить пару человек. А артподготовка мне не понравилась вовсе. Долбить батарею на разрушение одним кораблём, будь хоть это "Марат" или "Октябрин", долго. За это время противник, не будь дурак, и окрестности прочешет и подкрепление вызовет. К тому же, надо накрывать весь путь штурмовых групп от берега до самых вражеских позиций, чтобы заграждения уничтожить. Есть у меня одна задумка, ракеты применить вместо пушек, разместив пусковые установки прямо на быстроходных десантных баржах, но для этого надо на поклон к армейцам идти. Зато время высадки штурмового эшелона сокращается до минимума. Катера ставят завесу, кстати, готов взяться за термодымовую аппаратуру для них. Потом из дыма выходят ракетноносцы и вываливают весь свой боекомплект, накрывая сразу огромную площадь, где никаких заграждений уж точно остаться не должно. И сразу высаживаем штурмовиков. Никаких корректировщиков теперь не требуется.

— Какую аппаратуру? — спросил Кожанов, явно выделив в моих словах самое заковыристое, но при этом думая о чём-то своём.

— Впрыскиваем соляр в выхлопной коллектор, он испаряется, получается дым. Без всяких дымовых шашек. А эти самые шашки лучше плавучими иметь.

— Да-да, хорошо. А как там мои, с "Ворошиловым" справляются?

— С управлением силовой установкой, в принципе, хорошо натренированы. А вот с ремонтом в море в случае чего не знаю как будет. Слава Богу, проверять случая не было.

— Мы тут в ГМШ "Ворошилова" обсуждали, что с ним теперь делать. Честно сказать, мало кто

верил, что он пойдёт своим ходом. Зато теперь мечтателей не удержать. Как крейсер его достраивать бессмысленно, уже новые корабли на подходе, так что станет он первым нашим авианосцем. Заодно и узнаем, с чем это чудо-юдо едят. Некоторые горячие головы уже готовы и "Азнефть" с "Грознефтью" у Совторгфлота выкупить как и болиндеры. Всё равно у этих танкеров машины уже выработали свой ресурс и держатся на честном слове. Ты что-нибудь про линкор "Алексеев" слышал? Он же "Император Александр III"?

— Какой-нибудь царский утопленник? — сделал я предположение, так как точно знал, что у СССР таких кораблей только три и ни один из них не носил ранее имени "Алексеев".

— Ну да, ты же из лесу вышел, — непонятно, веря в мою легенду или нет, хмыкнул нарком. — Это линкор Черноморского флота, который белые угнали в Бизерту. Потом Франция признала СССР, а заодно и корабли сбежавшей эскадры как советскую собственность. Но поставила вопрос их возвращения в зависимость от уплаты царских долгов. Пришлось нам всё продать на металлолом за бесценок. Корабль в Бизерте всё ещё стоит.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился я, чувствуя подвох.

— Товарищ Сталин, сразу после моего доклада об успешных швартовых испытаниях "Ворошилова", поставил вопрос о возвращении линкора в состав нашего военно-морского флота. На закрытом заседании Совнаркома я поддержал его позицию.

— Я никогда и не сомневался, что наркомвоенмор поддержит любые действия, направленные на бесполезную растрату народных средств, — съязвил я мрачно.

— Полегче на поворотах. Соображай, кого задеваешь. Тем более, что наркомфин, наркоминдел и твой лучший друг, товарищ Берия, тоже "за". Более того, уже проведены переговоры с французами и те согласны аннулировать сделку о продаже линкора, в случае, если мы выплатим неустойку, равную сумме контракта, золотом, а не бумажными франками и заберём корабль в течение не более чем двух месяцев. За время пришлось крепко поторговаться. Чужих гарнизонов, а именно так они представляют лишённый хода "Алексеев", они на своей территории, видите ли, не потерпят. Если мы не сумеем его увести, в соответствии с подписанным соглашением, они имеют полное право его конфисковать. Чтобы ты понимал, на кону стоит вовсе не линкор. Если они его нам отдадут, то косвенно признают тем самым, что царские долги только царские, которые с царя пусть и требуют, а СССР им ничего не должен. Понятно, французское правительство, прекрасно зная о состоянии механизмов корабля, уверено, что мы не успеем и они просто возьмут живые деньги, далеко не лишние в их кризисной ситуации, за здорово живёшь. Но ведь они не знают, что у нас есть туз в рукаве!

— Что вы хотите в ответ на это услышать? Желаю успеха в вашей авантюре.

— В нашей, дорогой Семён Петрович, в нашей авантюре. Потому, как наркомвнудел категорически против того, чтобы посылать за границу, в качестве спеца по дизелям, кого-либо, только-только получившего свободу. Твоя кандидатура альтернатив не имеет.

— Имеет, если я наотрез откажусь, что и собираюсь сделать как можно громче. Дело заведомо провальное и я на него не подписываюсь! На "Ворошилов", в заводских условиях, машины, как раз, два месяца ставили! А тут вы предлагаете сделать то же самое где-то у чёрта на рогах!

— Тише ты, разбушевался! — понизив голос до громкого шёпота, зло зашипел Кожанов. — Думаешь мне это корыто, которое металлоломом десять лет назад тому признали, нужно? Шиш тебе! Мне тебя нужно подальше отправить, пока всё не уляжется! Потому Сталина и поддержал!

Тут я, признаться, опешил. Мысли в голове разбежались и я минуты две силился сообразить во что я в очередной раз вляпался, но не сумел. Кожанов, внимательно глядя на меня, по лицу понял, что я отчаялся найти ответ и повёл речь о делах, от военно-морских весьма далёких.

— Знаешь, что на текущий момент в партии творится? Нет? А надо бы! Конечно, в центральных газетах об этом не пишут. А вот в заводских могут. Ходил бы, да хоть ради интереса, на партсобрания первичных организаций на любом заводе, по которым ты скачешь, много интересного узнал бы. "Новая оппозиция" у нас объявилась, "практический социализм", ведущий прямиком в практический коммунизм. Фактический раскол партии по признаку занятости в реальном производстве. Стоит только кому-нибудь перейти на партийную работу, как он тут же подвергается тотальному бойкоту со стороны рабочих, ещё недавно бывших самой надёжной опорой. В сельском хозяйстве ничуть не лучше, если не хуже. А знаешь, кто вождь и идейный вдохновитель этой самой "новой оппозиции"? — тут Кожанов чуть помолчал, но ответа ждать не стал. — Ты!!!

Если б я в этот момент стоял, то точно позорно приземлился бы на пятую точку.

— Шутишь?! Я ж никаким боком. Ты ж сам говорил, чтоб я не лез никуда! У меня-то и партячейка в отделе для отчёта, чтоб не мордовали. Какую я из них оппозицию мог сделать?!

— Смотри, тезис о том, чтобы быть комсомольцем и коммунистом на деле ведь ты выдвинул?

— Когда это было-то! Я вообще, только ради того, чтоб одного ходока из комсомола за прогулы собраний не выгнали! Причём тут оппозиция?

— При том, что слово, брошенное в массы, не воробей! Особенно, если его центральная пресса сдуру разнесёт. Ты и потом свой тезис всеми силами личным примером, без всяких слов, лучше всех поддержал. В результате превратился в какого-то сказочного персонажа, которого никто своими глазами не видел, но слышал, как приятель рассказывал, что на соседнем заводе... Ну, ты понял. Сказки такие, что Левше завидно. При этом ещё и беспощадный борец со всяческой бюрократией и бездельниками-пропагандистами. Стихи в народе ходят, ты послушай!

...А Любимов-то наркому
Режет правду-матку в лоб.
Это дело будет ново,
Но исполним точно в срок!
Нам бы только не мешали
С языками в полруки.
Палки б только не совали
В спицы нам политруки!
Нас работа ждет и манит
Нам преград в природе нет
Лишь бы партии посланец
Нам не путал к счастью след
Все он знает, всюду рулит,
Хоть завод, а хоть колхоз
Лишь ответственным не будет,
Этот самый партпрофхоз.
Бьем мы штольни, варим сталь мы,
Хлеб растим и хлеб печем
А партийный наш начальник
Манит в сказку калачом

Дизель сделал, танк построил
Меч достань свой - кладенец
Эй, Любимов, ты настрой нам,
Путь в коммуну, наконец [1]

Поэта-стихотворца чекисты ищут, но ничем это не кончится. Первого мая, мне военпред завода "Красная кузница", что в Киеве, который для нас десантные баржи строит, рассказывал, коллектив не вышел на первомайскую демонстрацию, приняв на заводском партсобрании резолюцию о солидарности трудящихся в деле, а не в безделье и совместных прогулках. На завод прибыл товарищ Постышев, второй секретарь ЦК компартии Украины, остановил работу и агитировал выйти на демонстрацию. В ответ, парторг завода, товарищ Махитько, заявил, что товарищ Постышев за последние сорок минут уже десять норм по болтовне выполнил, а он у станка только две плановых выдаёт и за товарищем Постышевым ему не угнаться, после чего попросил не мешать сверхурочно работать в свой выходной день, чтобы строить коммунизм так же самозабвенно, как и руководство компартии Украины. Люди развернулись и разошлись по цехам. Вот так. Спорить и агитировать "новую оппозицию" бесполезно. Они просто разворачиваются и идут работать, строить коммунизм. Обсуждаются только вопросы непосредственно связанные с производством. "Новая оппозиция" как чума поражает низовые парторганизации, после чего те начинают противопоставлять себя руководящим органам партии. Того же Махитько ЦК КПУ исключил за непонимание текущего момента, а заводская парторганизация немедленно восстановила. И ещё спрашивают, какое вы имеете право, мы строители коммунизма, а вы кто? В Москве поначалу на "новую оппозицию" сквозь пальцы смотрели и даже поддерживали, так как она троцкистское подполье лучше всяких чекистов выметала, а теперь, сам понимаешь, совсем другой оборот. После случая на "Ленинской кузнице" хай поднялся до небес, "теоретики" додумались до того, что "новая оппозиция" на самом деле - новая форма контрреволюционной борьбы с целью отстранить от власти партию большевиков и восстановить капитализм. И трудолюбие строителей коммунизма объясняется обычным шкурничеством. Чем всё это закончится, предсказывать не берусь, но тобой, как идейным вдохновителем, скажу по секрету, занимается комиссия партконтроля под председательством Мехлиса. У тебя, кажется, происхождение тёмное? А ещё счёт в сберкассе, говорят, миллионный? Всё ещё не хочешь за границу уехать, чтобы друзей не подвести, пока они тут кашу, тобой заваренную, расхлёбывают?

вернуться

1

Огромная благодарность 'Иллюминатору' за текст стихотворения!

Я подавленно молчал. Вот уж никогда не хотел вносить раскол в общество и противопоставлять себя верхушке партии, однако ж, вон как получилось. Сдуру тихо радовался, что репрессий, в том виде, в каком они прошли в "эталонной" реальности, когда пострадали и правые и виноватые без разбору, удалось избежать, а сам непонятно что устроил. И непонятно чем это ещё закончится, как бы хуже не вышло. Драка за власть - дело кровавое.

— Ты езжай, езжай, — будто услышав мои мысли тихо стал уговаривать меня Кожанов, — времена наступают смутные. Портфельчик, что из Австрии привёз, помнишь? В НКО таки заговор реальный. И скоро его будут рубить под корень и сразу. За последний год, с должностей сняты, под предлогом плохой подготовки войск, большинство командиров, начиная с полка и заканчивая корпусом. А по итогам нынешней летней кампании остатки доберут. Не

подумай, военные за ум не взялись. Просто участников заговора отстраняют по-тихому от реального управления войсками и отправляют на длительную учёбу, чтоб потом всех скопом и взять. Конечно, снимают не только заговорщиков и не всех сразу, а то б насторожились, но к ноябрю зачистят последних. А новые кандидатуры на командные должности утверждает ЦК ВКП(б). В дополнение к этому, для комендантской службы в штаты частей и соединений вводятся подразделения НКВД, подчинённые особым отделам штабов. Так-то. В стрелковом полку штаб теперь охраняет взвод НКВД. В дивизии - рота. Не забалуешь. И связь с верхами у чекистов отдельная.

— Слушай, товарищ нарком, а не подстава ли это? Без завода заменить машины линкора в чужом порту? Сам должен понимать, что это практически нереально! Получится, я жидко обгажусь, а потом об меня ноги вытрут, как вернусь. Семью ведь забрать с собой никто не разрешит, верно?

— Угадал. Причём во всём, — глядя мне прямо в глаза, сказал Кожанов. — Для тех, кто хочет тебя сожрать, всё преподнесено примерно в таком виде. Обезглавить "новую оппозицию" дискредитировав её идейного лидера. Зато они проголосовали за твой отъезд. Надеюсь, ты понимаешь, что должен приложить все усилия, чтоб такого не произошло? Помогать будем изо всех сил, без дураков, не переживай. Вылетишь завтра же в Николаев, оттуда самолёт К-7 на поплавках перебросит тебя и ещё около сотни человек в Бизерту. Работы начинайте немедленно. С Дальнего Востока перебрасываем ещё два поплавковых К-7 и передаём их ГВФ, рейсы будут регулярными. Чуть позже придёт отряд судов, плавмастерская, танкер и транспорт с материалами. Два месяца у тебя с послезавтрашнего дня. Именно тогда начинает действовать соглашение по "Алексееву".

Эпизод 9

Самолёт К-7 считался флагманом советских ВВС, однако, построенный менее чем в двух десятках экземпляров, он не получил той "рекламной" поддержки, которую в иной реальности имел его не состоявшийся здесь конкурент "Максим Горький". Из этих самолётов не составлялись агитэскадрильи, на них не катали журналистов и представителей иностранных компартий, и, хоть они и участвовали регулярно в парадах, величественно, в составе тройки, проплывая над Красной площадью, не страдали от бесшабашности пилотов истребителей сопровождения. Большинство шестимоторных гигантов Калинина, способных поднять и перебросить на тысячу километров груз в целых двадцать тонн, числились за ВВС КА в отдельной эскадрилье как бомбардировщики, хотя, на самом деле, выполняли повседневные полёты как военно-транспортные самолёты, далеко опережая по часам, проведённым в воздухе, другие типы бомбовозов. Два самолёта, поставленные на гигантские поплавки, принадлежали ВМФ и находились на Дальнем Востоке, летая с различными грузами с континента в Петропавловск-Камчатский, готовые превратиться в случае войны в воздушные минные заградители. Правда, мин для них пока не было, поэтому постановку отрабатывали на учениях, бросая имитаторы из подручных средств, в роли которых наиболее часто выступали старые деревянные бочки, загруженные балластом. Наконец, четыре самолёта, с оборудованным в центроплане пассажирским салоном сразу на 128 посадочных мест, принадлежали "Аэрофлоту", обслуживая широтную воздушную трассу, дублёр Транссибирской железной дороги. Но не все. Один из них был уникальным, представляя собой комбинацию флотской и пассажирской машины повышенной комфортабельности. Этот поплавковый К-7, с дельфинами на серебристых бортах кабины пилотов, в тёплое время года, взлетая в Баку, шёл на Астрахань, Ростов-на-Дону, Севастополь и заканчивал свой рейс в Одессе, перевозя в отдельных 2-х местных каютах 64 человека сразу, не считая экипажа и персонала.

Могло показаться странным, что красу и гордость отечественной авиации не выпускают за

рубеж, ссылаясь то на малый объём международных перевозок, то на большой объём внутренних, но, на самом деле, ответ на эту загадку заключался в 1250-сильных моторах АЧ-130-8, мощных, но имеющих капризную маслосистему, требующую неусыпного пригляда и не дающую гарантии безаварийной работы. Заброс давления масла, разрыв трубопроводов, могли случиться в любой момент из-за резкого маневра или даже просто из-за загустевшей на холоде смазки. Внутри страны безопасность полётов гарантировало наличие сразу шести таких моторов на самолёте. Но за рубежом поломка единственного двигателя могла вызвать нежелательные инсинуации. Ситуация значительно улучшилась с началом выпуска вертикальных шестицилиндровых дизелей Микулина АМ-36, на которые поменяли старые АЧ после выработки ресурса. Новый мотор, в своей низковысотной модификации до 3500 метров, с одним приводным центробежным нагнетателем уменьшенного размера, развивал всего 1050 лошадиных сил, но зато имел трёхлопастной двухпозиционный ВИШ, оптимизированный на взлётный режим и режим крейсерского полёта. В отличие от прежних ВНШ, хоть и имевших четыре лопасти вместо традиционных двух, но не дававших возможности реализовать в тягу всю мощь 1250-сильного мотора. С АМ-36, несмотря на меньшую мощность, характеристики самолёта выросли, особенно в отношении надёжности и дальности, но маршруты уже были найдены, расписание составлено и за рубеж этот самолёт в мирное время так бы и не попал. Если бы не...

Народный комиссар, флагман флота первого ранга Кожанов не поспешил, отправив в Бизерту принимать "Алексеев" лучшего командира ВМФ СССР, только накануне получившего за отличную подготовку крейсера "Червона Украина" звание капитана первого ранга. Николай Герасимович Кузнецов успев всего пару дней покататься на новеньком "Туре", которым наградили его Серго Орджоникидзе, лично выходявший в поход на крейсере в кампанию 1935 года и высоко оценивший боеготовность корабля и его экипажа, неожиданно для себя оказался моим соседом по каюте "Дельфина". Кроме нас двоих, на борт поднялся подчинённый мне и вооружённый до зубов взвод Осназ, в количестве тридцати двух человек, под командованием старшего лейтенанта НКВД Мельникова, переодетый в форму морской пехоты. А также группа инженеров-судостроителей из Николаева, составивших осмотрную комиссию, должную определить техническое состояние линкора и составить проект его "реанимации". Присоединились к нашей компании и их ленинградские коллеги с завода "Судомех" под началом самого Кудрявцева.

Вылетали из Одессы затемно. К-7, освещая себе путь четырьмя мощными прожекторами, установленными в носке крыла, которым, подозреваю, место на корабле или в частях ПВО, разгоняясь по мелкой волне, вдруг перестал дрожать и мы поплыли в воздухе будто это был дирижабль, а не самолёт. Мельников высказал мысль об этом вслух.

— Плавает, сами знаете что, — пошутил Кузнецов, — корабли ходят. А мы на корабле, только воздушном, тут даже боцман есть, — кивнул он на присутствующего здесь же, у окон кают-компания, прорезанных в передней части крыла по бокам от пилотской кабины, молодца в форме "Аэрофлота".

— Вам, товарищ капитан первого ранга, виднее, — не стал спорить Мельников. — Я просто хотел сказать, что трясти перестало, как в воздух поднялись. А моторы вон как ревут!

Как ревут моторы, слышали все. Никаких "пристегните ремни", "займите свои места", здесь не объявляли и пассажиры дружно высыпали в остеклённый коридор в носке центроплана, чтобы наблюдать за взлётом, в прямом и в переносном смысле, из первого ряда. Единственной мерой предосторожности было то, что все, стоя, тем не менее, держались за перила, но исключительно по собственной инициативе. Аттракцион, несмотря на темноту, надо признать, удался. Люди ещё долго стояли в коридоре, наблюдая как К-7, перестав доставать лучами

своих прожекторов море, выключил их и в окнах во всю ширь развернулось предутреннее звёздное небо. Более того, даже после набора высоты и перевода моторов на крейсерский режим, в коридоре всегда кто-то сам по себе дежурил, созывая путешественников как только открывалось что-то интересное. Благодаря этому, а также хорошей погоде на перелёте мне, как истинному туристу, отправившемуся за кордон с фотоаппаратом, удалось сделать множество красивых фотоснимков видов проплывавших под крыльями лайнера Румынии, Югославии и Италии, а также побережий Адриатического и Средиземного морей.

Надо сказать, что, несмотря на то, что полёт был согласован со всеми правительствами, тем не менее, югославские истребители, бипланы неизвестной мне модели, которые я тоже сфотографировал, были подняты на перехват и некоторое время висели на флангах и за хвостом К-7, заставив пережить нас десяток весьма неприятных минут. Впрочем, командир корабля не растерялся и приказал радисту немедленно связаться с Одессой. Работа нашей радиостанции на передачу не оставляла шансов на то, что любой инцидент пройдёт незамеченным и истребители отвалили. Все облегчённо выдохнули. Всё-таки у нас гидросамолёт, на вынужденную даже в чистом поле безопасно не сядешь, а с выданными каждому пассажиру, вопреки обычаям ГВФ, парашютами, никому близко знакомиться не хотелось.

За время двенадцатичасового перелёта я успел и всласть выспаться и наговориться. С каперангом Кузнецовым контакт, на почве "Тура", был найден моментально. Поначалу, Иван Герасимович только о нём и говорил и жаловался, что машину, какой и у комфлота нет, невозможно взять с собой в Африку и пофорсить там, утерев французам нос. Моя причастность к созданию машины послужила поводом для расспросов с целью выяснения всевозможных технических деталей и порядка обслуживания автомобиля. Надо признать, что Кузнецов оказался человеком весьма дотошным и мне с превеликим трудом удалось повернуть разговор в сторону флота, проводя аналогии между мотором автомобиля и дизелями новых торпедных катеров. Тут Николай Герасимович рассказал мне поучительную историю о новом комфлота, которому срочно приспичило совершить переход из Севастополя в Николаев. Гонять эсминец или крейсер он посчитал накладным, к тому же, им требовалось некоторое время, чтобы поднять пары, а ТКА001, тот самый, наш первый экспериментальный, который так и не стал в полной мере боевым из-за слабости вооружения, всегда мог развить полный ход уже через 15 минут. Волнение на море было около трёх баллов, а катер, согласно акту о проведении испытаний, способен был идти в таких условиях со скоростью 38 узлов, которые спешащий флагман и приказал развить. Крепился он целых пять минут, делая вид, что ничего не происходит, но потом, попытавшись спросить о чём-то сильно обеспокоенного такой скоростью командира катера, чуть не проглотил язык. Пришлось замедлиться до 30-ти узлов, а потом и до 20-ти, но всё равно, переход комфлота запомнил надолго.

Когда речь зашла о кораблях, я понял, почему именно Николай Герасимович стал главкомом ВМФ в "эталонной" истории. Товарищ Сталин, судя по истории с "Фрунзе" и "Алексеевым", питал некоторую слабость к большим кораблям с большими же пушками. А Кузнецов, артиллерист по специальности, был их искренним фанатом. Как у него горели глаза, когда он мне рассказывал об "Алексееве". Сразу становилось понятно, что "Тур" всего лишь игрушка, которая его временно заинтересовала, а линейный флот – дело всей жизни, которому он, как командир-артиллерист, готов посвятить себя без остатка. Он командир настоящего линкора! 12 305-миллиметровых орудий главного калибра! Ну и что, что у других пушки толще и ход больше, главное – попадать! Кроме того товарищ Орджоникидзе легко сделает толще и быстрее самых толстых и быстрых. Авианосцы? Это ж вспомогательные корабли, обеспечивающие главные силы. Вроде тральщиков. Мысль о том, что линкоры доживают в качестве главной силы флота последние годы, проходила мимо его сознания напрочь. Он её не

воспринимал, будто вовсе не слышал. Вместе с этим, мне понравился его подход к делу с упором, в первую очередь, на грамотное использование тех кораблей и сил, которые есть в наличии. И лишь потом была поднята тема строящихся кораблей и их желаемых характеристик. Вот тут Кузнецов, не стесняясь, своего наркома раскритиковал за строительство каких-то там десантных барж, упирая на то, что прежде чем высаживать десанты, надо захватить господство на море, сконцентрировав на этом все усилия. А не расплыться на третьестепенные, с его точки зрения, направления. Десанты можно, мол, с чего угодно высаживать, да хоть с тех же мобилизованных гражданских пароходов. На втором месте по значимости у Кузнецова стояли подводные лодки.

За разговором время пролетело незаметно и вот уже мы, сделав круг над озером Бизерт, в лучах вечернего солнца первого дня октября, зашли на посадку от верхнего озера Ишкель вдоль северо-западного берега в сторону бухты Карруба, где у набережной был пришвартован одинокий линкор, конечная цель нашего путешествия. Появление "Дельфина" в воздухе небольшого городка вызвало на земле и на кораблях нешуточный переполох, судя по тому, что из военной гавани на нас вышел вооружённый катер, с прислугой возле орудий, была сыграна даже боевая тревога. Кузнецов, единственный из всех нас говоривший по-французски, пообщался с капитаном катера и, с его разрешения, но под конвоем, мы своим ходом пошли в бухту. Глядя на происходящее, я не на шутку опасался, как бы "Дельфина" не повредили, потому, что забыв обо всех делах, из Бизерты стали подходить небольшие парусные суда, которых вскоре набралось на целую "непобедимую армаду", в которой каждый стремился занять место поближе к самолёту. С таким вот эскортом, самым малым ходом, спустя минут сорок, когда диск солнца уже коснулся гор на западе, мы вошли в военную гавань. Прибывший туда же французский военный губернатор, поднявшись к нам на борт на пару с адъютантом, разрывался между необходимостью держать марку и впечатлением от К-7. Каперанг Кузнецов, вынужденно игравший роль дипломата, справился с ней блестяще, добившись своей экскурсией по внутренним помещениям лайнера того, что француза прорвало.

— Это же "Нормандия"! Только в воздухе! Потрясающе! — экспрессивно высказал он свои чувства. — Меня предупредили о том, что русским гражданским гидросамолётам наше правительство разрешило садиться в Бизерте, но я, признаться, посчитал это шуткой! Вы меня поразили! Колоссально! Надеюсь, вы не откажете нам в просьбе подняться на этом гиганте в воздух?

Кузнецов перевёл, командир экипажа выслушал и с улыбкой во все тридцать два зуба, с самым радушным выражением лица, высказал своё мнение.

— Ну его к чёрту, товарищ капитан первого ранга. Мы пока сюда шли, сожгли десять тонн керосина, на обратный перелёт осталось в обрез.

— Про керосин и вообще, про расход топлива говорить запрещаю, — выполняя свои обязанности главчехиста-особиста вмешался я в разговор, пытаюсь улыбнуться своей изуродованной рожей так, чтобы француз не подумал будто я скалюсь. Губернатор, с интересом приподняв свой большой нос и чуть шире чем обычно приоткрыв глаза, резко, по птичьему, закрутил головой, поворачиваясь лицом к тому, кто говорит.

— Значит следующим рейсом заправитесь на три тонны больше, отказывать нельзя, по крайней мере долго, — распорядился Николай Герасимович и тут же перешёл на французский. — Мой адмирал, к сожалению в компании "Аэрофлот" установлен строгий порядок и полёт невозможен без соответствующего оформления страховки и согласования с вышестоящими инстанциями. Но нет ничего невозможного. При подготовке следующего рейса мы обязательно учтём ваше пожелание и вы сможете с комфортом осмотреть ваши владения с высоты птичьего

полёта.

— Ловлю вас на слове, — ничуть не расстроился француз, с пониманием восприняв слово "страховка". — В соответствии с договором вы не имеете права сходить на берег без моего разрешения, не имеете права на контакт с местным населением. В случае необходимости встречи со мной, обращайтесь к дежурному по военному порту, которого вызовет часовая на берегу. Безмерно был рад вас приветствовать, приятно оставаться.

С этими словами адмирал, провожаемый сразу тремя стюардессами-красавицами, Розой, Евой и Соней, цветами Одессы, ещё больше распутившимися, в хорошем смысле этого слова, во время перелёта от такого обилия перспективных женихов, поцелованный в обе щеки, растроганный до глубины души, покинул борт "Дельфина", а мы стали готовиться спать.

Эпизод 10

Линкор "Генерал Алексеев", даже при взгляде со стороны, производил самое гнетущее впечатление мёртвого корабля. Облезлый и тронутый ржавчиной корпус сидел высоко в воде, башни зияли пустыми провалами орудийных портов, сами пушки, как главного, так и противоминного калибра, как оказалось, были складированы в арсенале на берегу вместе с боезапасом. На мостиках клоками моталась по ветру какая-то ветошь. Ещё хуже было внутри. Даже при поверхностном осмотре корабля выяснилось, что запас топлива практически отсутствует, в угольных ямах можно наскрести хорошо, если тонну, а мазут и вовсе превратился чуть ли не в асфальт. Все люки и переборочные двери были открыты и ничто не мешало южному ветру сирокко свободно гулять по кораблю, достигая самых нижних помещений и разнося пыль. Да, пожалуй, пыль, мелкая, похожая на пудру, была главным впечатлением. Она была всюду, в адмиральском салоне и матросских кубриках, в орудийных башнях и угольных ямах, в топках и трубах котлов, в цистернах и турбинах, даже масло в подшипниках гребных валов и то от пыли загустело настолько, что повернуть, наверное, не получилось бы никакими силами. В довершение всего, на корабле отсутствовала любая оптика, радиостанция была мертва, вообще не работал ни один прибор, даже плита на камбузе, ставшая в первый день главной заботой всей инженерной партии.

Вместо того, чтобы заниматься тем, к чему готовились, мы были вынуждены решать элементарные бытовые проблемы, чтобы на линкоре, после отлёта "Дельфина", можно было бы просто жить. Что уж тут говорить, если неоткуда было взять пресной воды, а купить её можно было только с разрешения коменданта, которое он, к счастью, дал.

— Ну, как тебе обновка? — покуривая на юте, спросил я подошедшего новоиспечённого капитана. — Годится для линейного боя?

— Не ожидал, — честно признался Кузнецов. — Такая разруха... У меня просто в голове не укладывается, что боевой корабль до такого состояния можно довести. Всякое видал, но это...

— Будь оптимистом, товарищ капитан первого ранга! Раз партия нам доверила, значит, мы справимся. Партия знает, кому и что доверять, — коряво попробовал я поддержать морально упавшего духом капитана, хотя у самого на душе кошки скребли. — Заметь, затопленных отсеков нет! А это уже хорошо!

— Завидую твоей жизненной энергии, товарищ капитан госбезопасности, поскольку комиссара мне пришлют только следующим рейсом, прошу временно исполнять также и его обязанности, — отомстил мне Николай Герасимович за хорошее настроение. — Затоплений у него нет... Типун тебе на язык. Хотя, знаешь, когда г...но в гальюне окаменело, тоже далеко не

уйдешь, особенно если шторм.

— Ничего, вот привезут отбойные молотки, враз тебе сантехнику отремонтируем...

— Знаешь что? Хватит ёрничать. Ты мне вот скажи прямо. Сможете вы поставить его на ход или нет?

Я задрал голову, глядя на грот-мачту.

— Если честно, то разве что только под парусами.

— Ты это серьезно, или пошутил?

— Какие уж тут шутки! — обозлился я на всех сразу, на себя, на Сталина, на чёртовы царские долги, на нехстати вылезшую непонятно откуда "новую оппозицию", на это ржавое корыто в конце-то концов. — Мне отступать некуда, я эту лохань отсюда хоть на вёслах, но выведу! И сам грести сяду! Надо только крепко подумать, чтоб не сильно вспотеть. Два месяца у нас есть. А прежде, надо сюда перебраться и, коли уж это линейный корабль военно-морского флота СССР, поднять, наконец, флаг! Не понимаю, что ты ждёшь.

— На ком поднять? — в запале Кузнецов сказал о корабле, будто о живом существе. — На "Генерале Алексееве"? Кто такой этот генерал ты знаешь? Надо сперва имя изменить и утвердить наверху.

— Не надо ничего утверждать. А то придумают "Всемирный интернационал" какой-нибудь. А имя кораблю менять — плохая примета. С белыми вон как вышло. Как он изначально наречён был? "Император Александр Третий"? Вот пусть Сашкой и остаётся. Просто, без всяких титулов.

— Не пойдёт. У нас в Севастополе в порту буксир есть "Александр". Просто, без титулов. А мы на линкоре, а не на буксире всё-таки!

— Ну, пусть тогда будет "Александр Невский". Который и шведам и немцам навалял. В свете текущего момента советско-германских отношений считаю политически грамотным и, как и. о. комиссара, выдвигаю на утверждение. Решай, первый после Бога, некогда нам верхи запрашивать, люди совсем скисли!

Спустя каких-то полчаса на верхней палубе выстроились все, даже инженеры и капитан, самолично, как единственный из присутствующих настоящий моряк, отдав положенные в таком случае команды "равняйся", "смирно" и "вольно", вполголоса предложил мне.

— Скажи слово, комиссар.

— Товарищи, — не зная как поступить в таком случае, я самовольно вышел вперёд и встал рядом с командиром, — с этой минуты в составе нашего военно-морского флота становится одним линейным кораблём больше. Не беда, что сейчас он выглядит и чувствует себя неважно, это дело наживное и мы с ним справимся. Справимся потому, что для нас, коммунистов, не существует недостижимых целей и невыполнимых задач. Потому, что мы не рассуждаем, сделаем или нет, а думаем, как сделать как можно лучше. Вы прибыли сюда, на борт, самыми первыми. Это значит, что именно вам оказано наибольшее доверие партии, что вы лучшие люди нашего народа, лучшие кораблестроители и механики. В ознаменование того, что этот линкор, после стольких лет на чужбине, возвращается на родину, фактически рождается заново, я, властью доверенной мне партией, нарекаю его "Александр Невский" в честь князя,

разбившего вторгшихся на нашу землю шведских и немецких агрессоров, и ныне скалящих на нас свои гнилые зубы. Как только над кораблём будет поднят наш военно-морской флаг, он станет по всем обычаям и законам частицей нашей территории, частицей нашей Родины, беречь и защищать которую – наша святая обязанность. Помните об этом и гордитесь честью, оказанной именно вам.

— На флаг и гюйс, смирно! — скомандовал Кузнецов как только я замолчал. — В соответствии с приказом наркома Военно-Морского флота Советского Союза! Флагмана флота первого ранга! Товарища Кожанова! На линейном корабле "Александр Невский"! Флаг и гюйс! ПОДНЯТЬ!

Не могу описать охвативших меня в ту секунду чувств. Такое впечатление, что всё окружающее отступило на второй план и в реальность проступил ЗАМЫСЕЛ, будто вся мощь СССР, сквозь любые расстояния, влилась в старый линкор и я стоял сейчас на палубе совершенно другого корабля, битого жизнью, но готового в любую минуту дать ход и вступить в бой. А в душе играл советский гимн. Не "Интернационал" и не привычный мне "Союз нерушимый...", а гимн из компьютерной игрушки "Red Alert", с дурацкими словами, но "заряженной" музыкой.

Поддержав нас один день своей "жилплощадью" и переночевав в Бизерте вторую ночь, уведолив французские власти, затемно, точно также как и из Одессы, "Дельфин" улетел, взяв почту, а мы остались обживать. Надо сказать, что прилетели мы, можно сказать, из лета в лето, температура днём держалась в районе 25 градусов тепла и вода была соответствующая, но всё равно, смена часовых поясов сказалась на работоспособности, требовалось несколько дней на акклиматизацию. По этой причине на второй день, мы хоть и посмотрели в арсенале демонтированные пушки и боекомплект сбежавшей эскадры, обследовали корабль в районе машинных отделений, прикидывая, как бы половчее демонтировать ставшие бесполезными турбины, но продвинулись в работе крайне мало и, при этом, сильно устали.

А ночью нас попытались взять на abordаж. Я дрых без задних ног в офицерской каюте на корме корабля, с таким трудом вычищенной без всяких пылесосов, на проштампованном белье одолженном у "Аэрофлота", со стороны, противоположной набережной, чтобы не слышать шагов часового-француза и голосов при смене, как вдруг проснулся от звука упавшего меча, который я в ножнах просто прислонил к своей койке, чтоб всегда был под рукой. Мысленно поругав себя за то, что кручусь во сне, чего раньше за собой не замечал, я поставил оружие на прежнее место и закрыл глаза, но перебитый сон возвращаться не желал, а из-за борта с тёплым ветерком донеслись непонятные звуки. Высунув голову в открытый иллюминатор я, в лунном свете, увидел, минимум, две большие гребные лодки и людей, часть которых уже забралась на вырез борта корабля в районе орудий противоминного калибра.

— Стой! Стрелять буду! — подражая часовому, крикнул я как можно громче, сообразив, что для похода в самоволку компания подобралась слишком многочисленная, да наши и не успели бы ни с кем так быстро договориться, значит, чужие к нам лезут. В ответ блеснула вспышка и раздался винтовочный выстрел. Хоть расстояние и было смешным, но, видно, ночь и везение помогли мне выжить, пуля цвиркнула по корабельной броне по касательной и ушла на рикошет. Спрятавшись обратно, я схватился за попавшийся мне первым по ходу движения меч, избавив клинок от ножен, а потом за ТТ под подушкой, застёгнутую по привычке португую с кобурой и запасными обоймами просто перекинул через плечо и шею, чтобы не терять зря времени. Как только я выскочил в труселях, но во всеоружии в коридор, из кают повысыпал и весь остальной наш экипаж, пришлось цыкнуть на безоружных инженеров, чтоб спрятались обратно.

Тем временем ЧОНовцы, поселившиеся всем взводом на носу, в матросских кубриках, уже вступили в бой, продвигаясь по верхней палубе в нашу сторону. Узнал я об этом позднее, а пока моей главной заботой было заблокировать выход на срез борта, а для этого надо было контролировать казематы, минимум, трёх противоминных орудий кормовой группы, в амбразуры которых могли проникнуть враги. Когда я подбежал к первому, то внутри уже слышалась возня и я, не высовываясь, всё равно ни черта в темноте не разглядеть, выстрелил туда три патрона. Утроба каземата отозвалась криком боли и тремя почти одновременными выстрелами и ещё двумя вдогон. Значит трое, один из которых ранен. Пока трое.

А дальше я уже не думал, меня будто изнутри что-то толкнуло и я по полу закатился в бронированную коробку, пропустив над собой выпущенные по мою душу, но на слух, пули. В пороховом дыму, ещё даже не встав на ноги, с колена, махнул мечом по кругу и попал. Ещё один вопль и звук падающего тела, матюки с другой стороны, вспышка выстрела, во время которой я на короткий миг увидел противников. Вспоминая эту схватку, я всё никак не мог понять, как меня тогда не подстрелили и даже не задели, впрочем, как потом оказалось, я, считающий себя неплохим стрелком, тоже, фактически в упор, ни в кого не попал, расстреляв магазин до конца. Все трое, судя по языку, белоэмигрантов, и тот, кто раненый очень кстати повис в амбразуре, перекрыв дорогу помощи извне, и тот, которому я подрубил ногу, и счастливчик, избежавший благополучно всех выстрелов и рикошетов от брони, все приняли смерть от меча, которым я орудовал направо и налево как одержимый.

Снаружи с руганью и обещаниями всяческих кар попытались вытянуть мешающий труп и расчистить проход, но я уже перезарядил ТТ и очередь, будто из пулемёта, разрядился по толпе, которая скучилась на срезе. Тем, кто стоял прямо напротив амбразуры, не повезло, но, как оказалось, мёртвое, не простреливаемое с моей позиции пространство было достаточно велико, а нападающие достаточно опытные и хладнокровны, чтобы, несмотря на потери, действовать грамотно. Снаружи раздался характерный хлопок, а в каземате по полу, покрытому слоем пыли в полпальца толщиной, глухо звякнуло. Я бросился к выходу, но в темноте больно врубился в стену, ошибившись с направлением. Взрыв. Стою в темноте, не понимая, я всё ещё жив, или уже мёртв, но раскалывающаяся от боли голова свидетельствует в пользу первого варианта. Контузия, слышу совсем плохо, но руки-ноги действуют нормально, может ранен, может нет, не чувствую. Опять перезарядившись, последней, на этот раз, обоймой, я решил действовать наверняка и отоваривать каждого индивидуально, не больше одной пули в лоб.

Сообразив, что труп больше никто не трогает, а два других каземата, ближе к носу и правее моего, выпали из сферы моего внимания я бросился туда и в дверном проёме с кем-то столкнулся.

— Контра, мать, — выругался кто-то голосом Кузнецова и в падении выпалил, попав, к счастью в переборку.

— Свои! Прикрывай! — перепрыгивая через каперанга, крикнул я и устремился в сторону носа. К счастью, ни во втором, ни в третьем каземате никого не оказалось. Пока я дрался, обстановка наверху круто изменилась в нашу пользу. Мельников потом оценил количество нападавших примерно в пять десятков, но вооружены они были исключительно винтовками, револьверами да гранатами, взвод осназа, имевший три ручника и два десятка положенных морпехам ППШ имел в этом бою подавляющее огневое превосходство. Осознав это и уже понеся серьёзные потери, пираты попытались ретироваться тем же путём, каким и прибыли на корабль, но ЧОНовцы принялись стрелять из ракетниц, освещая акваторию, и обстреливать четыре уходящие под моторами шлюпки из всех стволов.

— Прекратить! Прекратить огонь!!! — поднявшись на палубу за отсутствием противника внизу, я едва докричался до охваченных боевым азартом бойцов. — Не хватало, чтоб французы предъявили нам претензии, будто мы расстреливаем мирных рыбаков. Впредь открывать только ответный огонь! Или, если прямо на борт лезут!

— А вот и лягушатники, чтоб им пусто было, — обернулся Кузнецов в сторону выбегавших толпой на набережную солдат. — Ну, я им сейчас всё скажу, что думаю!

— Штаны, сперва, надень, а то испугаются, — нашёл я в себе силы пошутить.

К счастью, французы не сообразили высказать своё недовольство стрельбой, а, будто виноватые, принялись оправдываться и пообещали охрану причала усилить и поставить на якорь мористее линкора сторожевой катер.

— Ну вот, теперь точно никуда не сунешься, — высказал я своё мнение об этом маневре. — И транспортным судам нашим, которые сюда придут, будут мешать.

— Это полбеда, — сказал подошедший Мельников. — Четверо убитых у меня. Стёпка Чижиков, часовой на кормовом мостике, уж на что тёртый калач, двадцать лет в боях, а нашёлся умелец, подобрался и зарезал. Сука. Девять бойцов ранено, из них двое тяжело. Без хорошей медицинской помощи долго не протянут. Надо французов просить, должна же быть у них на берегу хоть какая-то больница. Эх, жизнь жестянка, полчаса и ползвода как корова языком! Вот где беда-то!

Тяжёлых, несмотря на суетливое содействие местных властей, удалось эвакуировать только к утру. А уже вскоре после восхода солнца у причала собралась толпа женщин, едва сдерживаемая жидкой цепочкой французских солдат.

— Будьте вы прокляты, собаки большевистские! Чтоб вас черти пожрали, ироды! Что вы за нами ходите? Нигде от вас, мерзавцев, не скрыться! — несло отсюда сквозь слёзы и завывания. — Хоть тела отдайте, похоронить по-человечески.

Вступать в контакт с местными нам нельзя, но и терпеть такое тоже невозможно.

— Давайте эту пададь белогвардейскую утопим у них на глазах, чтоб языки не распускали, — в сердцах предложил старлей.

— Это неправильно с политической точки зрения, — возразил я. — Мы не можем никаким действием подвергнуть сомнению высоту и крепость моральных устоев советского человека. Покойников надо отдать. Не валяться ж им у нас на палубе. Пусть заберут и уходят.

Пообщавшись с вызванным дежурным по порту, Кузнецов договорился, что мы своими силами вынесем трупы, коих набралось больше двадцати, на причал, а там пусть они с ними что хотят, то и делают. В полицию, или родственникам — нам уже безразлично. Понятно и так, что без ведома властей полсотни головорезов в банду, вооружённую до зубов, не собрались бы. Значит, искать тех, кто из нападавших выжил, либо не будут вовсе, либо будут, но спустя рукава.

Покойников отдали женщинам, которые по одному перенесли их на стоявшие в отдалении повозки. Толпа стала немного меньше, но отнюдь не рассосалась совсем, а проклятия, посылаемые в наш адрес на фоне отчаянных криков "отдайте" только усилились.

— Говорил, утопить надо было! Доказывай им теперь, что у нас больше никого нет! — кинул Мельников камень в мой огород.

— Бабы! — нарушил я запрет губернатора. — Всех, кто у нас был, мы отдали! Какого лешего вам от нас ещё нужно?

— Отпустите их! Живодёры проклятые!!!

— Да зачем они нам кого-то держать? Кормить этих ублюдков, которые нас убивать пришли!? Не дождётесь! Линейный корабль "Александр Невский" является территорией Союза Советских Социалистических Республик! Любого, кто посягнёт на территориальную целостность, свободу, независимость, жизнь и здоровье граждан Союза ССР мы уничтожим всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами! Жалеть и держать у себя не будем никого! Имейте это в виду, когда отпускаете из дома своих вояк недоделанных! Ищите теперь их тушки на дне морском или в том месте, куда эти герои обоср...ные сбежали, почище чем из Крыма! Нечего здесь орать!

В моих словах, хоть и обидных, но был резон и толпа стала ощутимо меньше, но самые неугомонные всё равно остались и продолжали выкрикивать оскорбления в наш адрес. Делать было нечего, только ждать, когда охрипнут. Зато носатый губернатор ждать не стал и прибыл к трапу линкора, потребовав командира, после чего вручил Кузнецову письменное уведомление о том, что в случае, если контакт с местным населением повторится, французское правительство расторгнет договор.

— Николай Герасимович, спроси у него, где 20 тысяч единиц стрелкового оружия, украденного на этом и других кораблях из Крыма и принадлежащего, согласно договору, СССР? — подсказал я, стоя за правым плечом каперанга.

— Говорит, что ему ничего об этом неизвестно, в арсенале этого оружия нет, — перевёл мне ответ адмирала Кузнецов.

— Скажи ему, что оружие, захваченное у нападавших, револьверы системы "Наган" и русские винтовки образца 1891 года, говорят о том, что оружие в Бизерту всё-таки прибыло. То, что французские власти его потеряли на своей территории, их ничуть не извиняет. Мы не настаиваем на поиске стволов и готовы удовлетвориться денежной компенсацией. Тем не менее, ваше правительство будет извещено, что в Бизерте действует банда, имеющая в своём распоряжении количество оружия, достаточного для вооружения целой дивизии. Думаю, это станет сенсацией мировой прессы и негативно повлияет на имидж французского правительства, неспособного обеспечить порядок на собственной территории. Или пусть забирает свою писульку и идёт к чёрту со своими запретами, нам даже на базар за фруктами из-за него не сходить и своих в больнице не проведать. Спроси, как они там?

Француз отвечал возбуждённо, по жестам и мимике я и без перевода догадался, что он возмущён до глубины души. Тем не менее, бумагу забрал, а под конец склонил голову и что-то произнёс с траурной миной.

— К сожалению, наши бойцы скончались, — перевёл Кузнецов.

— Как?! И полдня не прошло! Почему?

Губернатор помялся, но ответил как есть, тела всё равно бы выдать пришлось.

— Зарезаны неизвестными. Полиция ищет преступников.

Мельников, стоящий на борту линкора в поле моего зрения и наостривший уши, прислушиваясь к нашему разговору, посерел лицом.

— Слушай ты, мусью, — у меня откровенно говоря, сдали нервы и остро захотелось врезать лягушатнику так, чтоб в котелке зазвенело. — Не выдать нам боекомплект эскадры ты не можешь. Если ещё хоть кто-нибудь, хоть просто косо посмотрит в нашу сторону, мы на абсолютно законных основаниях погрузим всё на линкор, а потом с ним произойдёт несчастный случай, порох в зарядах, понимаешь, деградировал. Твой курятник со всеми перьями просто снесёт в Средиземное море! Я доступно нашу позицию излагаю?!!

Скорчить приятную иноземному глазу рожу я не озаботился, пусть привыкает к нам, таким как есть. Ну и что, что оскалился, зато его вон как проняло! Сглотнул, кивнул и был таков!

Эпизод 11

Со стороны капитана первого ранга Кузнецова было весьма опрометчиво доверить весь запас алкоголя, изъятого из запасов "Дельфина" наряду с подавляющей частью продовольствия, и. о. комиссара, капитану госбезопасности Любимову, казавшемуся самым ответственным товарищем, которому, к тому же, по должности положено. Не сумев заснуть на следующую ночь после отлёта К-7 дольше, чем до полуночи, я не нашёл ничего предосудительного в том, чтобы накапать себе пять капель для снятия стресса. Конечно, пить одному некомифо, но я рассудил, что немного и в лечебных целях можно. Не помогло, дозу пришлось увеличить, причём, в несколько раз. Эффект получился прямо противоположный ожидаемому. Навязчивые мысли о линкоре, моей судьбе, оставленной в Москве семье, внутривполитической ситуации в СССР, не только не вылетели из головы, наоборот, они перемешались самым катастрофическим образом и их обрывки, хаотично всплывая в сознании, нагоняли тревогу, не дающую уснуть. Решив, что клин надо вышибать клином, я сел, зажёл керосиновую лампу и, выбрав по пьяной причуде цель написать песню. Почему песню? А я этим никогда не занимался, вот почему. Просто надо было сосредоточиться на чём-то одном и малознакомом, потому, как хорошо знакомое оптимизма не внушало. В силу моей неопытности мотив пришлось занять, поэтому на воспоминания и мурлыканье всего подряд себе под нос ушла куча времени. Надо заметить, что лечиться я не забывал. Пока, наконец, не понял. Вот оно!

С утра комиссар линкора "Александр Невский" не вышел к подъёму флага. И к завтраку тоже. Мельников, подошедший к двери моей каюты и постучавший в неё, услышал в ответ неразборчивое бурчание и успокоился. Жив и ладно. Подумаешь, устал человек. Тревога поднялась, когда я решил своё творение, на мотив песни "Над нами ласковое море", изобразить в полный голос, но не сразу. Первый куплет я исполнил вообще без помех, потому, что поначалу не смогли определить источник воплей.

Кровавым заревом затянут горизонт
Депеши штабу шлёт наш капитан
Мы в окруженьи и потерь не счесть,
Пришлите в помощь нам морской десант.
У нас держаться больше нету сил,
Вчера сожгли последние патроны.
Француз корабль с суши осадил,
А на воде он выставил кордоны.

Во время припева, на палубе забегали, а французы и женщины, собравшиеся на берегу снова, стали шарить глазами по морю.

Над нами ласковое море,
Висит над ним сахарский страшный зной.
Останется лишь песня о героях

В Бизерте принявших последний правый бой.

В дверь каюты забарабанили, но я не обращал внимания

Нам всем абзац, чтоб хуже не сказать,
Лишь на "Дельфин" последняя надежда.
И потому мы смотрим в небеса,
Ведь помнит Родина, поддержит, как и прежде.
Сомнения и сопли не для нас!
Нам недоступны миражи метаний,
Когда товарищ Сталин даст приказ —
Мы выполним его без колебаний!

— Любимов, заткнись! Какого чёрта творишь?! — орал мне через переборку Мельников.

Над нами ласковое море,
Висит над ним сахарский страшный зной.
Останется лишь песня о героях
В Бизерте принявших последний правый бой.

— Инструмент живо! Хотя чтонибудь!!!

Стоит без хода наш линкор могучий,
На берег вывалив облезлый ржавый борт,
Огня клинок, рванувший выше тучи,
Вмиг превратит его в стальной гигантский гроб.
Свой пламенный привет шлём белякам,
Пусть помнят нас, осназовцев с востока,
Взрывной волной мы входим в гости к вам,
Нельзя сдержать могучего потока.

— Ломайте!!!

Над нами ласковое море,
Висит над ним сахарский страшный зной.
Останется лишь песня о героях
В Бизерте принявших последний правый бой.

Бам! Баммм!! Дверь держалась, а я не унимался.

Пускай считают, что Осназ жесток,
Мы знаем - хор уродов и кретинок
Лишь прикрывает ереси росток,
Но их раздавит пролетарский наш ботинок.
Не беспокоит белый легион,
Покойным сном мертвецки спит Бизерта.
И в полной безопасности кордон —
Спасибо вам, родной Осназ за это!

И, что есть духу!

Над нами ласковое море,
Висит над ним сахарский страшный зной.

Останется лишь песня о героях
В Бизерте принявших последний правый бой.

Спустившись с палубы на тросе двое ЧОНовцев, один за другим пролезли в открытый настежь иллюминатор, пока я был отвлечён вознёй у двери, и бросились на меня сзади.

— Врёшь! Не возьмёшь!! Врагу не сдаё-о-о-тса наш го-ордый Варя-аг! — в силу того, что я, по понятным причинам, почти не владел собственным телом, да и, как в таких случаях говорят, "устал", повалить меня бойцам удалось довольно легко. Но возня "в партере" затянулась, так как я норовил заползти под койку и прятал под собой руки, которые осназовцы, в свою очередь, старались завернуть за спину.

— Держи его! Не зевай! Куда, бл..! Вяжи скорее, пока держу! Да заткни ж ты его! Шаляпин, тваюмать!!!

.....

— Как вы, товарищ капитан госбезопасности, могли так надраться?! Я, как честному человеку, доверил. А вы?! — возмущённо отчитывал меня Кузнецов поздним вечером того же дня. — Ладно, чуть-чуть, можно понять. Но не до зелёных же чертей!

— Так я и чуть-чуть, чтоб уснуть. А дальше ничего не помню. И не кричи так, прошу, голова раскалывается, — то ли оправдывался, то ли жаловался я в ответ.

— Да?! А кто в иллюминатор провокационные песни орал во всю глотку?! Ты хоть знаешь, какие слухи поползли по Бизерте?! Все кто мог, в один день выехали из города! В порту при посадке на пароход давка случилась, несколько человек утонули, прямо у причала, не считая тех, кого у трапа затоптали! Губернатор рвёт и мечет, выставил у арсенала пулемётные гнёзда, чтоб мы его штурмом не взяли! Говорит, от вас всего можно ожидать, вы даже Москву сожгли!

Слушая каперанга, старший лейтенант госбезопасности Мельников не удержал на лице осуждающую мину и довольно улыбнулся. Революционная сознательность – важная штука, но в душе старлей целиком и полностью был на моей стороне.

— Пять суток ареста!!!

— Не хочу вас расстраивать, товарищ капитан первого ранга, но мы с вами по разным ведомствам проходим, — спокойно ответил я. — Старший лейтенант госбезопасности Мельников! Доложите обстановку!

Командир осназовцев виновато глянув на моряка, мол, да, ничего не поделаешь, ответил.

— Взвод несёт службу по охране линкора в усиленном режиме, провокаций, за время вашего отсутствия, не было. Французы выставили на причале три парных поста и взяли склад артвооружения под усиленную охрану. Провокационные действия со стороны гражданских прекратились. Инженеры работают.

— Вот и хорошо. Всё как и должно быть, — сказал я с облегчением. — Приношу, товарищ капитан первого ранга, свои искренние извинения за моё поведение. Не знаю, как так вышло, я ведь уж и забыл, когда пил что-то алкогольное. На Новый Год, может? А тут ещё духотища эта проклятая, да нервы. В общем, я вам напрямую не подчинён, но вы вольны сообщить о произошедшем по команде и пусть там разбираются, что делать. А пока, давайте жить и работать по-прежнему дружно.

— А-а-а! — каперанг в отчаянии махнул рукой. — Пойду тоже напьюсь, гори оно всё синим пламенем!

— Старший лейтенант Мельников!

— Я!

— Выпивку под замок! И часового поставь! Разрешаю открывать только в присутствии нас троих, не меньше! — распорядился я моментально и объяснил. — Не стоит повторять моих ошибок.

...

Пятого октября, вечером, вернулся "Дельфин", усилив нас сборной солянкой из моряков с кораблей Черноморского флота. Прилетели артиллеристы с "Парижанки", машинисты с "Червоной Украины", прославившиеся своим форсированным пуском котлов, электрики с "Красного Кавказа", связисты, а главное, кок и доктор с запасом лекарств. Раненые получили квалифицированную медицинскую помощь.

Шестого, ранним утром в порт Бизерты вошёл эльпедифор "Красная Молдавия", перестроенный в танкер, служивший на Чёрном море заправщиком эсминцев. Теперь у нас появилась радиосвязь с "Большой землёй". Благодаря грузу керосина и команде механиков на бывшем десантном судне, воздушный мост теперь не висел одним своим концом в пустоте, у него появилась вторая надёжная опора.

"Дельфину" было, в общем, всё равно, так как на нём, без переделок, нельзя было перевозить значительного груза, кроме запаса продуктов и багажа пассажиров. Но зато, облегчив самолёт тонн на пять-десять за счёт топлива, можно было повысить безопасность полётов. Да и французский губернатор, полетав над городом вместе с лучшими его представителями, остался доволен и почти оттаял.

А вот два других наших К-7, срочно переданных в "Аэрофлот", но по-прежнему несущие на кабинах непонятные иностранцам аббревиатуры "ВМЗ-1" и "ВМЗ-2", резко увеличили свою грузоподъёмность. Без второй опоры моста они могли бы доставлять нам пять тонн самых срочных и ценных грузов за один вылет, а теперь, за счёт не взятого запаса топлива на обратный перелёт, сразу пятнадцать. Причём, вечером того же шестого октября, когда к нам перелетел "ВМЗ-1" с грузом автономных генераторов, компрессорных станций и пневмоинструмента, я с удивлением увидел, как, наверное впервые в этом мире, был реализован принцип контейнерных перевозок. Между поплавками К-7, под крылом, подвешивалась плоскодонная лодка с самым габаритным грузом, которую, после приводнения, просто спустили на воду на внутренних лебёдках.

В ночь на седьмое состоялось совещание, на котором мы должны были подбить итоги осмотра линкора и составить предварительный проект его реанимации или, по крайней мере, вывода из французских вод. В первую очередь рассматривался вопрос буксировки "Александра", которую мог бы выполнить ледокол "Ермак", который после завершения полярной навигации остался в европейских водах, в отличие от "Красина", ушедшего на Дальний Восток. В буксировке не было ничего невозможного, более того, академик Крылов ещё десять лет назад составлял её проект, но требовалось время на приведение ледокола, после длительной работы вдали от баз, в надлежащее техническое состояние, чтоб не застрять где-нибудь посреди Средиземного моря. Этот способ, отдавая отчёт в его сложности, оставили в качестве резервного и страховочного на самый крайний случай.

Детальный осмотр силовой установки линкора привёл николаевских инженеров к выводу, что на месте её восстановить невозможно. Но и возиться с демонтажом не хотелось. Кроме того, турбины и котлы, после ремонта, могли быть введены в строй и представляли собой немалую ценность, корёжить их было нельзя. Поэтому, рассмотрели несколько проектов установки временной СУ прямо на верхней или на батарейной палубе корабля. Действительно, пара четырёхтысячесильных дизелей вполне могла бы обеспечить ход, достаточный для перехода в советские порты. Прикинув так и так варианты, убедились, что упор винтов на корпус в такой конфигурации передать чрезвычайно сложно. Фактически, за бортом надо построить огромную и тяжёлую ферменную конструкцию, уберегающую длинные валы от изгиба. И никто не мог поручиться в этом случае за её живучесть при шторме. Идея укоротить валы, применив принцип подвесного мотора из будущего, умерла, едва родившись. Зубчатых конических или червячных передач на такую мощность в СССР не делали, а гидропередача с длинными трубопроводами работала бы "на саму себя". Гораздо дольше продержалась идея колёсного парохода, но и её забраковали из-за необходимости прочнейшего и тяжелейшего поперечного вала с колёсами, на вес и упор которого корпус линкора не рассчитывался. К тому же, в этом случае требовалась абсолютно новая гидропередача. И снова встал вопрос плохой погоды.

Отбросив всю экзотику, мы сосредоточились на проработке варианта, который изначально был основным. Замена турбин линкора на дизель-гидравлическую установку, аналогичную установке "Фрунзе". При подробном осмотре и сверке чертежей выяснилось, что уже готовые для балтийца фундаменты можно установить в "Александра" с минимальными переделками, что было очень хорошо. К тому же, бортовые машинные отделения, с турбинами высокого и среднего давления, на черноморском линкоре были просторнее в ширину, что облегчало задачу. А вот центральное машинное отделение мы решили не трогать, удовлетворившись только двумя валами. Во-первых, достаточно и пары винтов. А во-вторых, тяжёлые и габаритные турбины низкого давления нельзя было бы извлечь без частичного или полного демонтажа грот-мачты и кормовой надстройки. Кроме того, раз док нам недоступен, новые отверстия в подводной части сделать было невозможно, поэтому для монтажа системы охлаждения надо было составить проект с использованием наличных кингстонов и коммуникаций. Вчерне прикинули сроки, потребности в рабочей силе, материалах, инструментах и составили заявку на "Большую землю" особо оговорив судно с краном грузоподъёмностью не менее пятнадцати тонн.

"Дельфин" улетел, а в порт вошёл ещё один советский пароход, рефрижератор "Курск", обычно ходивший на линии Ленинград - Одесса. В этот раз он прервал свой рейс с грузом, который по заведомо завышенной цене срочно выкупило французское правительство прямо в Бизерте, устроившее советскому истерику с требованием в минимальные сроки забрать всю взрывчатку с территории Республики и вывезти её за предел территориальных вод. "Курск" пришвартовался позади "Александра" прямо напротив арсенала и открыл свои трюмы. Губернатор, нагнав арабов, принялся опорожнять их рекордными темпами, но, когда эта работа была закончена и пароход поднялся в воде, возникла заминка. Было забавно наблюдать, как арабы, цепочкой, будто муравьи, неся 130-миллиметровые снаряды прямо на голове, сунулись к трапу, а наши их не пустили. Стоящий тут же и контролирующий работу дежурный по военному порту стал горячиться, но советский капитан был непреклонен. У него чёткие инструкции. Сначала пушки - потом боеприпасы. Француз, понимая, что если погрузить орудия, а двенадцатидюймовые стволы можно было разместить только на палубе, причём так, что они перекрыли бы трюмные люки, места для боеприпасов попросту не останется, возмущался, но вынужден был уступить. "Курск" ушёл только через три дня, забрав с собой артиллерию и торпедные аппараты снятые с кораблей сбежавшей эскадры почти полностью. Не хватало десятка стволов, из них четыре 130-миллиметровых, и французы не могли внятно объяснить, куда они их подевали, только разводили руками и твердили, что арсенал пуст.

Выпустили же они наше судно только после того, как ещё один советский пароход, "марсельский" рефрижератор "Кубань", забрал боеприпасы. Пугать лягушатников стало нечем, но на тот момент нас уже было три сотни человек, каждый из которых был вооружён хотя бы наганом.

Дни шли за днями. Жизнь на "Александре Невском", можно сказать, наладилась. Множество людей обжили линкор, появилось электричество, свет, опреснительная установка давала воду, даже гальюны привели в рабочее состояние. Суда Совторгфлота приходили регулярно. С берега не донимали, белогвардейская диаспора, лидер которой, адмирал Беренс, по агентурным данным поклявшийся уничтожить линкор, но не отдать Советам, столкнувшись с нашей позицией по этому вопросу, посчитала за лучшее вовсе с нами не пересекаться.

Правда, комфортной эту жизнь, в круглосуточном грохоте железа, к которому днём примешивался рёв труб духового оркестра, назвать было сложно. Двенадцать-четырнадцать часов работы, и не только головой, но и руками, приходилось самому и резать и подваривать в сложных местах, остальное – сон без задних ног. И так каждый день. Единственной отдушиной была музыка. Не дающий мне покоя с тех пор как я его вспомнил марш "Красная тревога", рвался наружу. Помню, как первый раз во время обеда подошёл к оркестру на палубе и спросил.

— А сможете вот это?

Наш Советский Союз покарает
Весь мир как огромный медведь на восток.
Над землёй везде будут петь
Столица, водка, советский медведь наш!

Глаза дирижёра округлились и он стал беспомощно разевать рот, не в состоянии достойно ответить целому капитану госбезопасности. На палубу со звоном упала труба, или что там у них за инструменты, я не разбираюсь.

— Да что ж вы, в самом-то деле?! Это ж просто набор слов, чтоб мотив понятнее был. Можно ж спеть и так:

Хитрый наш президент набивает
Мошну, как хомяк за щеку колосок
Это доступно не только лишь всем
Сало, горилка, скакучий гопак наш!

В оркестре заржали.

— Мы попробуем, — улыбнулся дирижёр и, повернувшись к трубачам, взмахнул палочкой. Получилось, прямо скажу, весьма отдалённо.

— Не-не-не, — оборвал я первую попытку, — там ещё вступление должно быть такое: пам, пам, пампарам...

— Товарищ Любимов, подойдите! — позвали меня в самый интересный момент от проёма в палубе, зияющего над левым машинным отделением.

— Эх, даже пожрать спокойно не дают, — подсадовал я, но должен был идти, — потом...

— Будет минутка, заглядывайте, нам понравилось, — в спину мне, со смешинкой, крикнул кто-

то.

Вот так, понемногу, целый месяц почти, я восстанавливал по памяти марш и даже сочинил к нему более-менее вменяемый текст, пока не стало выходить очень и очень похоже. Возможно, просто инструментов не хватало до оригинала или они были не те.

А потом к нам не прилетел, как обычно, "ВМЗ-2". В плохую погоду, на территории Югославии, он врезался в гору с грузом кислородных баллонов для газовой резки и электродов. Впечатлённый фейерверком Белград закрыл для К-7 воздушное пространство и мы остались без воздушного моста. Без оперативной доставки расходников работы замедлились, то того не хватало, зато этого было в избытке, то наоборот. Даже с провизией случались перебои, а однообразие пищи стало притчей во языцех. Составленный нами впритык график, полетел к чёрту. Вдобавок к нашим бедам, в Гамбурге 10 октября на советском пароходе взорвался паровой котёл, судно лишилось хода. Понятно, трубить на весь мир об этом не стали, но ремонт машин ледокола "Ермак" пришлось отложить, ибо только он мог отбуксировать повреждённое судно подальше от огласки. К тому же, со всей этой вознёй, он мог просто к нам не успеть!

— Нам нужен запасной план, — подошёл я второго ноября к капитану Кузнецову.

— Есть мысли? — спросил он, с тоской глядя в сторону канала, ведущего в открытое море.

— Помнишь, я как-то ляпнул про паруса?

— Ты и про вёсла тоже тогда ляпнул, — заметил Николай Герасимович, видимо решив, что я шучу и обращать особое внимание на меня не стоит.

— Я серьёзно!

Кузнецов повернулся ко мне, смерил взглядом, а потом, махнув рукой, сказал.

— Делай что хочешь, но чтоб линкор был на ходу! Хоть Нептуну молись, чтоб он взял и перенёс нас всех в Севастополь!

Раз так... В тот же день на Большую землю ушла длиннющая шифровка, которую передавали по радио не меньше чем полчаса. А третьего пришёл ответ с подтверждением. Видимо, там тоже всё понимали и хватались за любую возможность. Ещё через день радист принял инструкции по предварительной подготовке и работам, к которым мы прямо сейчас могли приступить. Волевым решением я забрал себе всех инженеров-корпусников и бригаду рабочих Николаевского завода. Всё равно, они тогда занимались чисткой угольных бункеров и переделывали их для хранения дизтоплива, работа важная, но необязательная. Мы понимали, что можем не успеть, поэтому заранее решили разместить прямо на верхней палубе, после того, как технологические проёмы будут закрыты, четыре железнодорожные 40-тонные цистерны прямо на рамах, но без тележек. Топливо от них к дизелям могло поступать самотёком, что сэкономило нам насосы. Посоветовавшись с кораблестроителями насчёт выбора конкретных мест, я приказал дополнительно укрепить шесть участков на верхней палубе, недалеко от орудийных башен, там где и без того всё было прочно. Кроме того, две концевых башни прямо за броню приварили к палубе, что вызвало резкий протест Кузнецова, но я, ничего не объясняя, заявил, что так надо и это неизбежно. На этом издевательства над концевыми башнями не закончились. В их крышах, точно по центру барбета, кислородной резкой было проделано по отверстию и устроены прочные горизонтальные площадки, приваренные к броне намертво. Делая это, я рассудил, что наличное бронирование крыш башен в современных условиях всё равно никуда не годится и его неизбежно будут усиливать. А раз так, то следы нашего варварства потом скроет уложенная сверху дополнительная

бронеплита.

За неделю до окончания оговоренного срока пребывания "Александра Невского" в Бизерте мы только погрузили все механизмы в машинное отделение и были готовы закрыть проём. Впереди ещё была целая гора работы по подключению коммуникаций. В активе у нас была введённая в строй сормовская рулевая машина, приведённые в рабочее состояние, в том числе, с помощью команды водолазов ЭПРОН, крайние гребные валы, автономные системы живучести, по типу "Ворошилова" в двух третях всех водонепроницаемых отсеков. Все механизмы испытывались сразу же после окончания сборки и принимались по отдельности.

Тогда же в Бизерту пришёл теплопароход "Сталинград" с грузом металлоконструкций и мы незамедлительно приступили к его разгрузке. В первую очередь на "Александра" переправили восемь огромных, больше трёх метров в диаметре, подшипников, которые должны были пойти на экспериментальные 130-миллиметровые двухорудийные башни завода "Большевик" и установили их на заранее подготовленных местах. Работа заняла весь день и всю ночь. Я поучаствовав в установке первого, слева от второй башни, отправился в машинное отделение заниматься дизелями, полностью доверившись уже показавшим себя в деле людям.

— Какого чёрта ты затеял? — спустился ко мне капитан.

— Ты ж сказал, чтоб делал, что хочу. Вот я и делаю тебе сюрприз, — не смог я удержаться от того, чтоб поиграть у него на нервах.

— Какой сюрприз?! Я капитан!! Я должен знать, что на моём корабле происходит!!!

— Да не кричи ты! Антигравитатор собираем, не видишь? Потерпи пару дней.

Кузнецов постеснялся спрашивать о неведомом устройстве, чтоб не показалось, будто он несведущ в корабельных механизмах и ушёл. А бригады, вначале под моим чутким руководством, стали перегружать и устанавливать на палубе металлические фермы двух видов. Первые, меньшего размера, с квадратным основанием 2х2 метра и высотой 2,5, устанавливались внутрь подшипника. В каждой из них по центру был вертикально подвешен на подшипнике карданный вал, заимствованный у автомобиля ЗИЛ-5. На эти фермы сбоку монтировалось грузоподъёмное устройство с малой стрелой, с помощью которого, теперь уже прямо на главный опорный подшипник, так, чтобы могла свободно вращаться, устанавливалась ферма другого вида. Это был восьмигранный ровный барабан около четырёх метров в поперечнике, который издали мог напомнить небольшой отрезок Шаболовской башни. Первая такая секция имела пол, укрепленный раскосами так, чтобы передать вес конструкции на меньшую по размерам опору на палубе. После того, как барабан занял назначенное место, краном подняли ещё один внутренний "кубик" этого конструктора и поставили на второй этаж, состыковав карданные валы. Грузоподъёмное устройство переместили уже на него. И снова барабан, кубик, барабан, кубик, до двадцатипятиметровой высоты. Там вспомогательный кран разобрали и по частям спустили снаружи получившейся колонны. А внешнюю, свободно вращающуюся решетчатую трубу, связали с центральным валом силовой рамой-"крышкой", поднятой наверх на лебёдках.

Порядок действий был понятен и монтажники, разделившись на три бригады, перешли на другие участки. А я спустился на палубу ниже, чтобы смонтировать силовой привод, состоящий из двигателя Д-100-4 от ЯГа, модифицированной коробки от него же, всего с двумя одинаковыми передачами вперёд - назад и ЯГовского же переделанного заднего моста, который поворачивал поток мощности на 90 градусов и стыковался с колонной подвешенных сверху карданных валов.

— Антигравитатор значит? — не оставлял Кузнецов меня в покое, тихо подкравшись, на этот раз сзади, за что едва не получил ключом на 32. — И зачем было из меня дурака делать? Заметь, я к тебе со всей душой, даже о пьянке твоей никому не сообщил!

— Это ты, Николай Герасимович, зря. Мельников всё равно доложит, как пить дать.

— Мельников, знай себе, песенки напевает, не до докладов ему, — хмыкнул капитан "Александра" и талантливо изобразил старлея. — Кровавым заревом затянут горизонт...

— Что за песня, почему не слышал?

— Потому, что лыка не вязал! Это ж её ты орал тогда!

— Понятно...

— Как думаешь, догадаются французы? — вернулся Кузнецов к моей задумке.

— Пока не обошьём, вряд ли. Почему спрашиваешь?

— Приходил дежурный по порту, интересовался.

— А ты?

— А что я? Сказал, что мачта для растяжки новых антенн.

— Ну, тогда в тему. Когда увидит другие такие же мачты и снова придёт, скажи, что смонтировали движитель на новых физических принципах, использующий для создания тяги электромагнитное поле земли, с Тесла-разрядником в качестве неисчерпаемого источника энергии, — при этих моих словах капитан линкора просто расцвёл.

— Погоди, запишу, а то брякну что-то не то.

— Ага, и оговорись невзначай в конце, что установка экспериментальная и в случае неудачи возможен единовременный выброс энергии примерно в десять мегатонн в тротиловом эквиваленте.

— Что?!

— Ну, как взрыв в десять миллионов тонн тротила единовременно и в одной точке. Пусть носатый напоследок обгадится. Заодно и их академия наук себе мозг вывихнет.

Через сутки, когда я проверял связь между мостиком и постами механиков у мачт-колонн, организованную с помощью обычных полевых телефонов, меня срочно вызвали к трапу. Внизу, на набережной, стоял Кузнецов и, собственной персоной, губернатор со свитой.

— Наши гостеприимные хозяева беспокоятся и просят не проводить на их территории опасных экспериментов, — ввёл меня в курс дела каперанг.

— Правда? Спроси их, нашли ли они бандитов, напавших на наш корабль, убивших наших людей, в том числе и в больнице Бизерты.

Француз, растерявший за время нашего пребывания у него в гостях весь лоск, затараторил, интенсивно жестикулируя.

— Полиция делает всё возможное, злоумышленники, несомненно, будут найдены, но в любом случае, судимы французским судом по французским законам, — переводил Николай Герасимович, полностью отдавший мне роль доктора Зло.

— Хорошо. Двигатели прогреты? — крикнул я в сторону стоящего на мостике сигнальщика, дублировавшего мои команды. — Слушай приказ! Всем колоннам! Правое вращение!

На французов было больно смотреть. Цветом лиц они сейчас напоминали недавно выкрашенный в стандартный для советского ВМФ серый колер борт "Александра Невского". И при этом наперебой пытались что-то говорить так, что каперанг не знал, к кому повернуться.

— Доложить установившиеся параметры! — не обращая внимания на публику, продолжал я издеваться.

— Первая! Двести оборотов на расчётном режиме! Норма! Вторая! Двести оборотов... — по очереди все посты отозвались, отклонений не было. Мачты-колонны при этом равномерно крутились вокруг внутреннего неподвижного каркаса, создавая при взгляде на них крайне неприятную рябь в глазах.

— Стоп! — скомандовал я и засёк время прямо по наручным часам, чтобы узнать время полной остановки. Это слово в переводе не нуждалось и французы перевели дух.

— Внимание! Правое вращение! — черед команд и докладов повторилась. — Стоп! Товарищ капитан первого ранга, какая команда подаётся на флоте, чтоб заглушили моторы совсем? — спросил я, понизив голос.

— Дробь! — не размениваясь на объяснения, Кузнецов выступил собственной персоной.

— Ну вот, а вы боялись! — я просто расцвёл, а французы стояли, ни живы, ни мёртвы. — Поздравляю, вы присутствовали при эпохальном прорыве в одной из важнейших естественных наук - физике! Экспериментальный запуск установки полностью удался и прошёл в штатном режиме!

— Хозяева сомневаются, говорят, линкор, как стоял, так и стоит, — перевёл мне Николай Герасимович несколько осторожных реплик в один приём.

— Ответь им, что в целях безопасности, тяга была нейтральной. Мы не хотим никому нанести ущерба, поэтому сперва должны смонтировать защитные кожухи, которые повысят вероятность успешности эксперимента с положительной тягой с сорока до шестидесяти процентов. Напомни им, что "Александр Невский" - советская территория. А у нас, в СССР, все самые опасные опыты разрешены именно на таких условиях.

Французы, поверив, что непосредственная опасность немедленного уничтожения миновала, воспрянули духом. Их адмирал разразился длинной тирадой, которую Кузнецов переводить не стал, только ограничился коротким ответом и распрощался.

— Ну что? — спросил я, едва мы только поднялись на борт, сгорая от нетерпения.

— Категорический протест против любых опасных экспериментов в их территориальных водах будет заявлен правительству СССР в ближайшее время. А если по делу, то предлагают линкор "Курбэ", который отбуксирует "Александра Невского" на безопасное расстояние от французских берегов, — довольный, словно кот, объевшийся сметаны, поделился каперанг. Его можно понять, уж теперь-то он приказ в срок вывести корабль из Бизерты выполнит точно!

— Надо соглашаться! Но не сразу, впрочем, не мне тебя учить. Что там с "Ермаком"?

— Прошёл Ла-Манш, судя по последней радиограмме. В Бискайском заливе по метеосводке шторм, — нахмурился капитан. — Уж и не знаю, когда он до нас доберётся. Боюсь, если вы подкачаете, придётся поболтаться в открытом море без хода недели две-три.

— Так уж и без хода? А паруса?

— Ты серьёзно считаешь, что "Александр" хватит каких-то там парусов?

— Не "каких-то там"! По расчётам ЦАГИ, каждый из восьми наших роторов Флеттнера, при среднем ветре, даст тягу около пятидесяти-шестидесяти тонн. Этого должно хватить на ход около шести-девяти узлов, в зависимости от курса. Правда, если ход будет меньше пяти, руль не сможет компенсировать сноса. Вот в этих рамках и придётся крутиться.

— Погоди, а дизеля?

— Что дизеля? Всё смонтировали, подключили электрику и подвели топливо. Занимаемся системой охлаждения. Ошиблись мы, решив в качестве её элемента использовать прежние холодильники паротурбинной установки, возни с ними оказалось намного больше, чем рассчитывали. По самым оптимистичным прогнозам управимся за неделю и можно будет пускать. Но, заметь, так как мы с тобой первопроходцы, гарантии надёжной работы, да и работы вообще, я тебе дать не могу!

День в день с окончанием срока пребывания советского линкора в Бизерте портовые буксиры оторвали "Александра Невского" от стенки и развернули носом к каналу. С кормы линкора "Курбэ" нам подали буксирные тросы, который на "Алекса́ндре" проделали в носовые клюзы и мы, в сопровождении транспорта "Нева", двинулись по каналу в сторону моря. Вахта на корабле была, можно сказать, минимальной. Делом были заняты моряки на мостике, да механики генераторов, дающих ток для рулевой машины и расчёты трюмных, готовых в любой момент ввести в действие помпы. Остальной экипаж, с оркестром, в белой парадной форме выстроился на палубе. Здесь же, на башнях, на кормовом мостике, стояли кораблестроители, рабочие и инженеры. Показалось, будто вдруг установилась тишина, нарушаемая лишь шорохом волн и криками чаек, даже гудки буксиров будто растворились в ней и ушли на второй план. И грянул оркестр. Пам, пам, парарарарам, вступление, "Красная тревога"! И хор артиллеристов БЧ-2, занятых на работах куда меньше других, а потому имевший достаточно времени, чтобы выучить текст и спеться, заревел.

Наш Советский Союз покарает
Несущего горе нам на порог
Любого подонка ждёт только смерть,
Грозная армия, доблестный флот наш!
Все как один мы пойдём на него,
Войной осквернившего мирный рассвет.
Гневом народным он будет сметён,
Мощью советской, невиданной в мире!
Наше братство ничем не разбить
Встанем стеной на защиту границ!
Нам наши братья помогут в бою
Плечи сомкнём мы в едином строю
Вместе дорогу проложим себе
В небе на море на суше, везде!

Все в мы едином порыве мечтаем,
Новый мир мы с тобой воплощаем,
Благодатный и низкий поклон,
Тем кто будет жить с нами в мире!
Наш Советский Союз вдохновляет весь мир.
За Отчизну твёрдым шагом смело в бой!

Признаюсь честно, я просто мечтал как можно громче хлопнуть дверью. Похоже, у меня это получилось. Стоящие на берегах люди, и белые, и арабы, смотрели на нас во все глаза, многие махали руками, а кое-кто, не стесняясь, по-православному крестил. В этот момент меня заботило меньше всего, какую память мы оставили по себе французским властям. Нечего перед ними политесы разводите, пусть знают и помнят наших! Как про московский пожар, который поминал губернатор. И мне ни чуточки не стыдно за своё невежливое с ним обращение. По крайней мере, когда начнут снимать про нас свои похабные фильмы или писать пасквили, в море их лжи будет хоть какая-то частица правды. Плевать я на них сейчас хотел.

"Курбэ" тащил нас со скоростью 7-10 узлов целых пятнадцать часов, причём, со всем прилежанием, ответственностью и абсолютно бесплатно, вопрос страховки даже не поднимался. Глубокой ночью он распрощался с нами, сообщив, что его миссия закончена. В свою очередь, мы принесли искреннюю благодарность и сообщили, что мы даём фору и у него есть шесть часов, чтобы убраться на безопасное расстояние. Выждав час после того, как французский дреднот на полном ходу растворился во мраке, мы зажгли на палубе дополнительное освещение и приступили к монтажу на вращающиеся, ставшие идеальными цилиндрами после обшивки листовым дюралем, колонны-мачты плоских, шестиметровых в диаметре, дисков, сложенных до того в виде отдельных секторов на крышах второй и третьей башен. В принципе, можно было обойтись и без них, но тогда эффективность роторов Флеттнера резко упала бы. С работой справились к утру. Затаив дыхание, я смотрел, сработает или нет моя задумка. Во время дрейфа корабль сам по себе развернуло лагом к волне и ветру. К нашему счастью, они были небольшими, но после запуска роторов хотелось бы, чтоб ветер дул посильнее. Словно услышав мои мысли, по мере восхода солнечного диска над горизонтом, ветер усиливался и вскоре мы услышали с носа корабля.

— Есть ход!

Используя наивыгоднейшее положение для роторных парусов, на морском языке это называется галфвинд, или полветра, линкор медленно, преодолевая огромную инерцию своего 25-тысячетонного веса, разогнался и, по сообщению с "Невы", игравшей роль "контрольно-измерительного инструмента", за час набрал скорость в восемь узлов. Ветер за это же время усилился до девяти метров в секунду. Так началось наше плавание в Измир. Хотя тогда мы ещё думали, что идём в Севастополь.

Пользуясь ветрами преимущественно западных румбов, мы медленно продвигались по Средиземному морю на восток, не останавливаясь ни на минуту. Если опускался штиль и море успокаивалось, пароход "Нева", заменяя так и не догнавший нас до сих пор "Ермак", брал "Александра Невского" на буксир. В один из таких дней, уже после того, как мы миновали долготу Крита, впервые запустили главные дизеля. Так как при монтаже новой силовой установки сэкономили на всём, в том числе, на вспомогательных механизмах, ни о какой получасовой процедуре запуска речи не шло и прогревались дизеля КД, в 11000 лошадиных сил каждый, самостоятельно. О четырёх форсажных 16-16 мы и вовсе не вспоминали, потому, что хоть и смонтированные на штатных местах, поскольку в противном случае их было бы потом туда не впихнуть, они не были подключены ни к системе питания топливом, ни к системе охлаждения, а их силовые передачи не были заполнены гидравлической жидкостью.

Пока моторы работали без нагрузки, всё вроде бы, шло штатно, но стоило лишь, впервые за последние пятнадцать лет, подвести мощность к гребным валам, быстро поползла вверх температура жидкости в гидropередаче сначала в левом, а потом и в правом машинном отделении. Вместе с этим, поскольку система охлаждения была комплексной, стали греться и сами дизеля. Силовую установку пришлось вывести из работы для установления причин произошедшего. Пройдя по цепи, выяснили, что бывшие паровые холодильники, переделанные в теплообменники, не обеспечивают достаточного отвода тепла. Хотя, по всем расчётам, должны были бы. Вода во втором, промежуточном, контуре, попросту не охлаждалась. При этом, пока гидropередача была выключена, она, поскольку стояла в цепи первой, некоторое время поглощала избыток в своём теплообменнике и дизель работал нормально. Таким образом, мы столкнулись с необходимостью разбирать первый контур, хотя бы для того, чтобы понять, в чём конкретно проблема.

Пока я занимался этим делом, мы почти миновали Эгейское море, но на подходе к Дарданеллам пришёл приказ изменить курс и следовать в Измир, где ждать дальнейших указаний. В дело вмешалась политика. Турки, с которыми у СССР были ровные, можно даже сказать добрососедские отношения, поначалу не приняли всерьёз возможность возвращения "Александра Невского" в Чёрное море. Но наш выход из Бизерты стал для них неприятным сюрпризом. А уверенное продвижение делало их позицию с каждым днём всё жёстче. Правительство в Анкаре можно понять. Оно, имея в виду "Явуз", с пониманием отнеслось к переводу "Парижанки" на юг, не имея ничего против равновесного паритета. Теперь же, после того, как бывший германский линейный крейсер был с невероятным трудом отремонтирован и введён в строй, русские тащили через пролив ещё один линкор! При этом, в мире действовало Вашингтонское соглашение и пополнить флот, если бы у них даже нашлись деньги, турки могли только лишь своими собственными силами, за счёт собственной судостроительной промышленности, что было на практике абсолютно невозможно. Да и зачем? Зачем нарушать равновесие и тратиться на содержание дорогуших линейных сил? Которые, для иных морских держав, представляли опасность, разве что, теоретическую. К тому же, кому как не туркам было понятнее всех, зачем вторая башня "Александра Невского" установлена стволами вперёд. В итоге, под предлогом того, что русский корабль не имеет самостоятельного машинного хода (а про роторы Флеттнера на все лады вещала иностранная пресса, исключая французскую) и может представлять в проливах навигационную опасность, они категорически отказались пропускать его через Дарданеллы.

"Александр Невский" застрял в Измире, а нам один за другим шли категорические приказы ввести машины в строй любой ценой. До тех пор, пока, в ходе тяжёлых и длительных переговоров не стало ясно, что турки не пропустят корабль ни под каким видом. Пребывание на нём рабочих и инженеров стало бессмысленным и их отозвали, а заодно и меня. За три дня до Нового Года пароход "Нева" доставил меня в Севастополь, откуда я, аккуратно к празднику, поездом добрался до дома.

Более двух месяцев спустя, в начале марта, от Героя Советского Союза, капитана первого ранга Кузнецова Николая Герасимовича из Севастополя пришло письмо. Морьяк поздравил меня с тем, что наши труды не пропали даром и он довёл таки корабль до порта назначения. После этого он, не скрывая досады, посетовал, что линкором, о котором он мечтал, "Александр" не быть. Согласно особому советско-турецкому договору, условием прохода корабля был последующий обязательный демонтаж в годичный срок всех четырёх башен главного калибра. В ответ, в открытке, я сообщил Кузнецову, чтоб он не расстраивался и готовился командовать флотом, отчего в южных морских штабах поползли самые разнообразные слухи.

Советский спорт

Эпизод 1

Вот уж никогда не думал, что буду так радоваться холоду, снегу, низким серым облакам. Помню, как дурак бухнулся на спину и лежал звездой минут пятнадцать в сугробе первого января, чувствуя, как микроскопические кристаллики льда опускаются на лицо и тут же тают. Как же хорошо дома! И плевать, что настоятельно попросили из города не выезжать. Плевать на всё, на работу, на политику, пропади она пропадом, главное – на Родине. А с остальным как-нибудь разберёмся. Только вот полежу, отдохну. Совсем чуть-чуть.

— Ну, чего это ты разлёгся? Хватит валяться, шинель, поди, уже мокрая, — позвала меня с крыльца Полина. — Заболеешь ведь!

— Не беда, ты меня вылечишь, — ответил я беззаботно. — Буду дома валяться, ты меня травяными отварами поить будешь... Благодать!

— Размечтался! Ты всё, что не надо, в Африке уже выпил, будет с тебя, — поддела меня жена.

— Откуда знаешь?

— Так в газетах писали, что французы сообщают, будто русские рабочие во главе с самим товарищем Любимовым дебоширят и пьянствуют беспробудно.

— Дела... И ты поверила?

— Нет, конечно! Представляешь, после того, как в "Известиях" заметка вышла, ко мне целая делегация от трёх заводов, ЗИЛа, "Динамо" и нашего Судостроительного пришла, — со смехом рассказала Поля. — Целый митинг получился перед КПП! Представляешь, дождик моросит, слякоть, а я и провести сюда, под крышу, не могу, и распрощаться никак. Всё уговаривали не верить буржуазной пропаганде. Пришлось выступить и похвалить тебя, хоть ты и непутёвый, только тогда разошлись.

— И что дальше?

— А ничего, — жена, видимо, устав стоять прямо, наклонилась и облокотилась на перила, — главного редактора сняли.

— Тогда ещё поживём, — сказал я совсем тихонько.

— Что ты там шепчешь? Вставай, говорю, хватит уже! — она подошла и, взяв меня за протянутую навстречу руку, стала поднимать. — Что люди подумают? Скажут, надрался на Новый Год, ходить сам не может. А потом, глядишь, окажется, что ты с самой Африки не просыхаешь.

— А мы вот возьмём и пойдём к ним, чтоб все видели, что я мужчина видный сам собою и почти совсем непьющий.

— Да ладно, — не поверила Поля. — Что, в клуб пойдём?

— И в клуб пойдём...

— Слушай, а может, в кино? Ой, господи, что там сейчас крутят-то? Я ж даже не знаю...

— И в кино пойдём...

— Нет, давай в театр тогда...

— И в клуб, и в кино, и в театр, куда угодно пойдём! Собирайся, наряжайся и поехали. Гулять так гулять!

— Ой, а дети как же?

— А мы в детский театр пойдём!

Вот так, в клуб, в кино, в театр, в гости, куда угодно, только, упаси Боже, не на митинг или какое-нибудь партсобрание после окончания законного рабочего дня. Лишь бы нигде не засветиться, комиссия Мехлиса не дремлет, хоть и не досаждают. Внимание к моей скромной персоне со стороны власть предержащих, несколько ослабло, в связи с моим длительным отсутствием и следующим отсюда очевидным отсутствием связи с бурлящими страстями внутри страны. Тем не менее, расслабляться ни в коем случае не стоило.

Хорошо хоть, что у партии сейчас есть другое развлечение. Раскрыт заговор военных, позарившихся на власть. В один день в начале декабря арестованы все участники сразу, от маршалов, включая Егорова и Блюхера, до полковников. Мелочь, на которую попросту не хватило сил, добирали интенсивно весь декабрь месяц и в самых худших традициях. Из принципа "лучше перебдеть", а потом разберёмся. Видно, НКВД находился в жесточайшем цейтноте, главным было изъять элемент, пусть всего лишь сомнительный, в максимально сжатые сроки, не допустить обрубания хвостов. Зато товарищ Сталин в первом своём новогоднем радиообращении к народу произнёс слова "оставить всё плохое позади" со странной торжествующей интонацией (кстати, слушали мы речь отца народов дома, выставив на крыльцо купленный Полиной в моё отсутствие самый настоящий радиоприёмник, вокруг которого собрался весь гарнизон нашего острова, за исключением караула).

На фоне чистки в армии советский ВМФ не только не подвергся каким-либо репрессиям, напротив, его контрразведка приняла самое деятельное участие в раскрытии заговора. Политический вес наркома Кожанова резко возрос и фактически сравнялся с таковым же у Ворошилова, что вызвало крайне негативную реакцию со стороны военных. Честная служба моряка, который в силу самой своей профессиональной принадлежности вынужден был защищать сильное советское государство от любых внутренних потрясений, которые похоронили бы его первым, столкнулась со старой дружбой, проверенной Гражданской войной и чаши весов слабо качались в неустойчивом равновесии. К счастью, до "японского" сценария ещё не докатились.

На "гражданском" фронте разгорелись нешуточные баталии, основным лейтмотивом которых была борьба "партийного офицерства", работников исполкомов, райкомов, а кое-где и обкомов, против подпирающей их снизу "новой оппозиции". Несмотря на то, что последняя не имела никакой централизованной структуры, являясь, во многом стихийным движением, она, как и всякая стихия была неодолима и непредсказуема, легко обходя организованное сопротивление за счёт своей непреодолимой мощи. Что такое райком по сравнению с коллективом хотя бы одного среднего завода просто по числу голосов? Капля в море. Давить авторитетом? Какой смысл, если рабочие сами контролируют все потоки на производстве, финансовые, ресурсные, рабочей силы и конечной продукции, имеют картину, что называется, из первых рук? Да пусть хоть сам товарищ Сталин прикажет им работать себе в убыток или даже просто не так эффективно, как могли бы, они не постесняются ему об этом заявить, например, в газетной

статье. Затыкать рот бесполезно, потому, как советские рабочие не могут бастовать ни при каких обстоятельствах. Это нанесёт колоссальный ущерб репутации СССР среди трудящихся всего мира! И что прикажете делать, когда коллектив завода, угрожая забастовкой, заявляет, что день простоя нанесёт такой-то ущерб, а работа по вашему, товарищ секретарь райкома, приказу будет наносить этот ущерб каждые две недели?

Не следовало, однако, думать, будто все советские пролетарии враз прониклись социалистической сознательностью и стали действовать исключительно в интересах страны в целом. Напротив, гораздо чаще "новая оппозиция" становилась на позиции отстаивания своих эгоистических интересов. Как выполнить план, заработав на одной единице конечной продукции больше, чем рассчитано? Да за счёт качества! Экономим на материалах, упрощаем технологию, главное, чтоб конечное изделие прошло приёмку, а там хоть трава не расти! И директор завода, который всё это грамотно прикроет – наш человек, за него горой! Пусть в райкоме хоть из штанов выпрыгнут, снять не дадим.

К счастью, подобное бурление внутренней жизни страны пока, на фоне перспективы принятия вскоре новой конституции, выливалось в различные законодательные инициативы, высказываемые в прессе, призванные обеспечить позиции того или иного противоборствующего лагеря. Тем не менее, сложившаяся ситуация предъявляла к руководящим работникам среднего звена повышенные требования уже сейчас. Необходимость разбираться в тонкостях подконтрольного хозяйства стала насущной, иначе людей, непосредственно им занятых, никогда ни в чём не убедить, да и на чистую воду не вывести, если они в стремлении к собственному благосостоянию потеряли чувство меры.

Глядя на это, я не мог не похвалить, пусть и запоздало, Берию, прозорливо и заранее переформировавшего прежнее ЭКУ в ГЭУ НКВД, которое сейчас работало на полную мощность, изымая особо провинившихся как с той, так и с другой стороны. При этом, самая верхушка партии большевиков во главе со Сталиным, целиком и полностью поддерживаемая наркоматом внутренних дел, оставалась над схваткой. Сложилась классическая для России пирамида – непогрешимый царь с опричниками, бояре, которые правду утаили, и всевидящий, избобличающий народ. Не позавидуешь боярам при таком царе и народе, если они не на своём месте.

Вот именно поэтому я от любой политики стараюсь подальше держаться и начальству о себе как можно реже напоминать. Пусть чуть поутихнет, тогда и можно начинать проекты, требующие предварительного выхода "наверх". Правда, от некоторых контактов не отвертись никак. Нельзя же отказать дорогому дядюшке в традиционной общесемейной лепке пельменей вечером шестого января! Впрочем, это смотря что под семьёй понимать. Вот, скажем, товарищ Кожанов с домочадцами нам ни разу не родня, однако ж присутствует постоянно. Одно слово – мафия. Легкопромышленно-морская, нарочно не придумаешь. Однако, и хозяйственный и силовой центры группировки, отхватившей себе значительный кусок советского политического "пирога", налицо.

Впрочем, в этом году, в то время пока женщины и дети занимались на кухне, внутренние дела "семьи" обсуждались в отдельном кабинете за рюмкой чая весьма поверхностно, так как был приглашён ещё один человек. По сути, ради него всё и затевалось. Иван Терентьевич Клеймёнов, старый знакомый Исидора Любимова по торгпредству в Германии, носил невысокое звание военинженера первого ранга, в высших сферах отнюдь не вращался, занимая весьма скромную должность начальника РНИИ. При этом его положение, вследствие прежнего покровительства ему со стороны врага народа Тухачевского, в настоящий момент было весьма и весьма неприятным. Мало того, что начальник ГАУ, комкор Кулик, откровенно считал ракеты баловством и растратыванием народных денег для удовлетворения узкоэгоистических

интересов оторванных от реальной жизни мечтателей. Он постоянно урезал финансирование и выделение материалов для работы из-за чего в 1935 году РНИИ оказался с кучей корпусов РД, калибром 82 и 132 мм, но без зарядов из новых монолитных шашек НГП вместо прежних составных ПТП, которых ракетчикам тоже не выделили. Работа по твёрдотопливным ракетам практически встала, а тут ещё и заговор этот треклятый раскрыли.

Нарком ВМФ Кожанов, доверяя моему чутью, напротив, счёл направление перспективным и задумался о возможности оторвать его от наркомата обороны в расчёте на будущие дивиденды. К вопросу вербовки флагман флота первого ранга, взявший в последнее время моду дарить через третьи руки дорогие сувениры, к которым приложила руки некая акустическая лаборатория ВМФ, в том числе и резной герб американскому послу через пионерскую организацию Москвы, подошёл со всей серьёзностью, принеся с собой чемоданчик с одним единственным тумблером. Белый шум. Но прежде, чем принять окончательное решение, ему нужно было знать детали, чем конкретно ракетчики могли быть ему полезны.

С Клеймёновым мы пообщались очень продуктивно, обсуждая различные технические решения и перспективы применения ракетной техники. Применительно к твёрдотопливным ракетам, обсудили различные способы увеличения кучности РС, причём я настоятельно попросил попробовать запускать с предварительной раскруткой в нарезной трубе или на спиральных направляющих большой длины, оснатив ракету складывающимся или постоянным, поставленным под небольшим углом, оперением, обеспечивающим относительно небольшое, по сравнению с артснарядами, вращение в полёте.

Кроме того, была рассмотрена пакетная схема, оцененная Клеймёновым как перспективная и расширяющая возможности применения РС. Для первого опыта он согласился попробовать параллельный пакет из семи РД от РС-132, оснащённый фугасной БЧ от 45-сантиметровой торпеды. При этом, периферийные РД должны были ставиться под небольшим углом для придания снаряду вращения в полёте. Предварительные прикидки "на глазок" обещали сохранение достигнутой дальности свыше семи километров при увеличении веса БЧ до 100-150 килограмм. К тому же, изымая из пакета РД попарно, можно было бы менять крутизну траектории полёта и, соответственно, эллипс рассеивания, при стрельбе на меньшие дистанции.

В этой же логике обсудили проект бронебойных бомб для пикирующих бомбардировщиков. 305-мм снаряд советских 52-калиберных орудий весил 470 килограмм и пакет из четырёх РД-132 не мог бы сообщить ему приемлемую скорость при стрельбе по горизонтали. Но всё резко менялось, если бы мы сбросили, а лучше, выстрелили подобный боеприпас вертикально, или близко к тому, вниз. В этом случае, если бы удалось получить приемлемую кучность, скорость бомбы возрастала, а значит и её бронебойные свойства увеличивались, время полёта уменьшалось, значит, росла меткость или можно было увеличить высоту сброса. Таким образом, я постепенно подводил тему к сотрудничеству с ВМФ, поскольку целями для подобных бронебойных бомб могли быть, преимущественно, линейные корабли и линейные крейсера вероятных противников.

Попросив дядюшку Исидора рассказать об освоении в производстве стекловолокна, я в красках расписал преимущества материалов на его основе, применительно к ракетам. Клеймёнов заинтересовался и согласился попробовать стеклосаманные корпуса РД, обещавшие быть легче и технологичнее металлических.

Ещё одним фактором, призванным заинтересовать Клеймёнова переходом со всем хозяйством под крыло ВМФ, стали жидкотопливные ракеты. Признав, что они имеют значительную перспективу, я отметил сложность их подготовки к запуску и, вследствие этого, очевидную

нецелесообразность создания таких ракет, за исключением опытных, в малом калибре. Чтобы ракета оправдала себя, она должна нести крупную боеголовку на хорошую дальность. Фактически, я поставил вопрос так, что ракеты в этом случае должны соперничать не с артиллерией, а с бомбардировщиками. И для того, чтобы попадать, не имея на борту никакого экипажа, очевидно, необходима система управления и стабилизации, подобная той, которая применяется в торпедах. Если же мы хотим поразить не просто площадь, а какой-то конкретный объект, например, корабль, нам нужна система наведения на конечном участке, например, регистрирующая цель по инфракрасному излучению или отражённому радиосигналу, подобно тому, как новейшие образцы торпед наводятся на шум цели.

В общем, что называется, провёл аналогии. Так, что Клеймёнов сам же и обратился за помощью к Кожанову, который внимательно следил за нашим разговором. Тот, в свою очередь, предложил не возиться с преодолением ведомственных барьеров, а принять РНИИ в структуру ВМФ полностью, гарантируя жирные заказы на разработку систем вооружений, финансирование и снабжение. Всё равно армии институт, очевидно, не особенно то и нужен, реального применения ракет там попросту не видят, а флоту, наоборот, остро необходимо в кратчайшие сроки вывалить на берег максимальное количество металла и взрывчатки во время артподготовки десанта, что легко осуществимо залповым запуском РС. Даже первый заказ обговорили на размещение "ракетных батарей" 132-мм и 450-мм калибра на 160-тонных десантных катерах и 300-тонных десантных баржах, которые, по сути, различались только размерами.

В итоге, все остались полностью довольны друг другом. Клеймёнов получил перспективу работ и гарантии защиты и покровительства сильной группировки. Кожанов, кроме решения чисто практических вопросов, больно щёлкнет по носу Ворошилова, забрав себе пусть малополезную, но ЕГО организацию. Исидор Любимов надеялся обеспечить богатый рынок сбыта своей стекольной промышленности. А со мной вообще всё понятно, налаженные контакты с ракетчиками как нельзя лучше отвечали пока ещё смутным планам реализации моих фантазий. Дело встало за малым, спланировать и осуществить наступление в ЦК, одновременно и единым фронтом. Главное в этом деле – темп, напор и убедительность, чтоб "ворошиловцы" не успели придумать обоснование, зачем им этот самый РНИИ нужен.

У Кожанова было ко мне и ещё одно дело, но зашёл он издали. Пошутив по поводу французов, не разобравшихся с роторными парусами, он поведал, что в наркомате, после прихода "Александра Невского" в Измир, возник нешуточный спор по поводу "Ворошилова". Горячие головы стояли за то, чтобы восстановить его как крейсер-рейдер с огромной дальностью плавания, дополнив четырёхвальную дизельную установку тремя-четырьмя парусами-роторами на месте дымовых труб. Такой корабль, с мизерным расходом топлива под парусами и быстрым, по сравнению с КТУ, запуском главных механизмов на полную мощность, мог в случае войны портить кровь Антанте исключительно долго, а учитывая трофейную заправку, и вовсе бесконечно. Помешало отсутствие вооружения, так как даже 130-мм универсальные пушки, не говоря о более крупном калибре, ещё не приняли на вооружение. К тому же, корпус крейсера, изымая всё лишнее для дизельного лёгкого авианосца, успели основательно распотрошить.

Переведя беседу на дизеля, нарком пожаловался на крейсерские лодки типа "Правда", спроектированные и начатые постройкой ещё до того, как он возглавил ведомство и наконец, после доводок и доделок, поставленные в строй. Тип "П" оказался редким убожеством с огромным временем и малой глубиной погружения, скоростью, так и не достигшей проектной несмотря на то, что главный калибр артиллерии уменьшили до 100 миллиметров. Флагман флота первого ранга выразил робкую надежду, что замена двигателей может беде помочь и "Правда" выдаст таки 21 узел, необходимый для маневрирования в составе эскадры, как это и

задумывалось изначально.

Я, в свою очередь, оговорившись, что дизелями больше не занимаюсь, поскольку оба моих КБ разъехались, одно в Ленинград, другое в Мелитополь, посоветовал обратиться к Акимову, у которого в работе 2000-сильный мотор для 150-тонного рекордного Кировского трактора. При этом, я предупредил наркома, чтобы тот не особенно надеялся, потому, как Коломенский малооборотный дизель на высокооборотный заменить чрезвычайно трудно. Придётся ставить реверс-редуктор и полностью менять генераторы. Уж лучше всё оставить как есть и построить нормальную новую лодку. Кожанов отомстил мне за такой подход тем, что сообщил, что лучшие тактические характеристики, среди прочих, показала экспериментальная "малютка" последней серии, у которой один двигатель и обе линии вала были демонтированы, а вместо них установлены дополнительные аккумуляторы и баллоны воздуха высокого давления. Она, хоть и заметно проигрывала сёстрам в скорости, зато могла вдвое дольше находиться на ходу под водой, что расширяло её возможности по применению на мелководье у вражеского берега, а не ограничивало функции исключительно защитой своих баз. Из-за этого разрабатывается новый проект лодки "М" с двумя дизелями и одним гребным электродвигателем 900 л. с., не связанных между собой механически, увеличенной вдвое против прежнего и вчетверо против первоначального проекта "малюток" ёмкостью батарей, повышенными запасами воздуха.

Задетый прозрачными намёками наркома будто мои дизеля для лодок не совсем подходят, я распалился и раскритиковал "малютки" с их двумя торпедными аппаратами в пух и прах. Приводил в пример эсминцы с шести-восьмиторпедными залпами, которые даже при этом могли поразить крупный вражеский корабль не наверняка. Всего двумя торпедами можно попасть, если супротивное корыто стоит на якоре, не более того. И средние лодки, с их четырьмя торпедами в залпе недалеко ушли. Надо обеспечить веер из восьми, а лучше десяти торпед, если мы намерены бить боевые корабли, а не тихоходные транспорты.

А добиться этого, без значительного роста размеров субмарин, можно только внешними торпедными аппаратами в лёгком корпусе, стреляющими поперёк или под углом к курсу. Скажем, средняя лодка могла бы нести в надстройке над прочным корпусом десять ТА, стреляющих влево под углом 30 градусов. Пять перед рубкой и пять позади неё. И такой же комплект ТА, стреляющих вправо, вторым этажом. И никаких проблем с перезарядкой! А носовой отсек полностью отдать акустикам. При длине торпед порядка семи метров минимальная ширина лодки получится в районе четырёх, что соответствует реалиям.

Большие же, крейсерские субмарины, патрулируя в океане в одиночку, вообще должны при встрече одним залпом кошмарить целый флот, а не гоняться за собственными линкорами. Этого можно добиться, если разместить внешние ТА по бокам корпуса наклонно вверх или вниз. А лучше и то, и то. А ещё лучше, чтобы было можно стрелять торпедами из внешних аппаратов и вперёд и назад, в зависимости от того, как зарядили.

Изливая на собеседников свои фантазии я имел перед глазами проект 949А, к которому принадлежал "Курск", с его шахтами ракет "Гранит". Если бы не та трагедия, я бы, наверное, никогда не познакомился с конструкцией "водовозов", но, пытаясь разобраться для себя в её причинах, узнал для себя много нового.

В развитие своего видения проблемы, я назвал как дополнительное достоинство бесппроблемную установку мин из торпедных аппаратов, которых можно было бы взять вдвое больше, чем торпед и переплюнуть по всем показателям самые "заряженные" подводные минные заградители мира. Упомянул и о недостатках, таких, как ограничения по скорости во время залпа, а для крейсерских лодок ещё и значительная глубина стрельбы, делающая пользование перископом невозможным. Но веер в 50-60 торпед, или сколько там могло бы

позволить водоизмещение, должен был искупать всё. Закончил я своё выступление и вовсе футуристично.

— А ещё из таких торпедных аппаратов с перископной глубины можно стрелять ракетами!

— Ну, ты, брат, загнул, — не сговариваясь, хором ответили Кожанов и Клеймёнов.

Эпизод 2

В начале января закрыли дело Гинзбурга-Тухачевского, точнее, передали в другой отдел, где его объединили с другими материалами по заговору. Для этого мне ещё раз пришлось заглянуть на ЗИЛ для изъятия копий финансовых документов, показывающих, во что встала советскому народу задержка с разработкой нового танка. Там, в спеццеху меня ждал сюрприз.

— Ну как, что скажешь? — задал мне вопрос вездесущий военпред Бойко, растущий в чинах, несмотря на увечье не по дням, а по часам и поощрённый за настырную борьбу против врагов народа, в лице Тухачевского, подполковником.

— Что, Траянова таки спросили? — задал я вопрос Гинзбургу и стоящим возле него сотрудникам танкового КБ, глядя на усохшую "Меркаву" или, вернее, "Скорпион"-переросток. Вопрос был, впрочем, риторический и я полез осматривать танк, открывая люки и слушая пояснения. Ходовая часть машины с ведущей передней звёздочкой, в принципе, повторяла таковую же четырёхкатковую у Т-26М, но базировалась на узлах грузовика ЯГ, а не ЗИЛ и была несколько раздвинута в длину для компенсации жёсткости рессор. Расстояние между тележками тоже увеличили, но всё равно получилось, что средние катки танка расположены чуть ближе друг к другу, нежели крайние. Новая гусеница увеличенной ширины была призвана обеспечить гораздо лучшую проходимость, чем у прошлой машины, которая, из-за возросшей вдвое против первоначального проекта массы, была не ахти. Мехвод, так же как в Т-26М располагался слева спереди, имея в своём распоряжении лючок в лобовом листе со вставленным в него стеклоблоком "триплекс". Это решение я раскритиковал в пух и прах, заметив, что раз нет перископа, которому тут самое место, это не значит, что надо делать такие дыры в лобовом листе. Поднимаемое сиденье мехвода и его голова, торчащая в верхнем люке в небоевой обстановке — наше всё! И обзор так, кстати, гораздо лучше. Следующим объектом моих придинок стал двигатель, вернее, его система охлаждения. Сам мотор, новый, вертикальный, мощностью в 350 лошадиных сил и длиной чуть больше метра стоял у правого борта вентилятором вперёд. Между ним и водителем, по оси танка, помещалась "ярославская" КПП, мощность на которую передавалась от двигателя шестеренчатой передачей с поворотом потока на 180 градусов у задней стенки МТО. Перед коробкой находились остальные агрегаты трансмиссии с главным поперечным валом. А вот над ним, справа, у самого лобового листа, горизонтально помещался ЯГовский радиатор, откидывающийся вверх вместе с крышкой трансмиссионного люка, отчего морда танка чем-то напоминала САУ "Гвоздика", но была более "прямоугольной".

— Это никуда не годится! — заявил я категорически, тыча пальцем в жалюзи системы охлаждения. — Отвод горячего воздуха от радиатора вверх. Марево наводчику при стрельбе вправо гарантировано. Как прикажете попадать, если в прицеле всё расплывается? Понимаю, что вы втиснули всё в рекордно малый объём, длина МТО чуть больше водительского места, но озаботьтесь отводом горячего воздуха хотя бы вбок. Да и крышку МТО полезно охлаждать по той же причине.

Бойко свирепо глянул на Гинзбурга, но ничего не сказал, а инженеры сходу стали

прикидывать, как перекомпоновать радиатор и воздушные потоки через и вокруг него. Я же полез по танку дальше. Боевое отделение, увенчанное стандартной для Т-26М башней, но "усиленного бронирования" привлекло меня интересным решением размещения боеукладки. Расположить снаряды можно было только на бортах и задней стенке МТО, для обеспечения необходимого их количества пришлось применить двойные зажимы. Если бы снаряды просто разместили горизонтально один над другим, то до крыши боевого отделения влезло бы штук восемь. Пять таких укладок, одна спереди и по две по бортам, составили бы боекомплект из 40 выстрелов. Здесь же применили шахматное расположение патронов в укладке, подобно двухрядному магазину, втиснув туда, при незначительном увеличении ширины, сразу пятнадцать выстрелов. Правда извлекать их можно было строго в порядке сверху вниз, что было признано мелочью по сравнению с БК в 75 штук вместо 40-ка. За боевым отделением оставался отсек, длиной равный высоте корпуса, то есть 115 сантиметров. В нём, внизу, вдоль бортов были поставлены топливные баки, обеспечивающие запас хода в 100 километров каждый, служащие, одновременно, лавками, на которых тесно могли бы разместиться четыре человека, имеющие в своём распоряжении дверь в задней стенке корпуса. Или установлена командирская радиостанция с отдельным радистом. На мой вопрос по поводу такого экстравагантного для танка решения, неоправданно увеличивающего массу, мне объяснили, что это продиктовано именно тем, что шасси создавалось универсальное для танков и САУ. В короткий корпус у Траянова ну никак не получалось впихнуть 152-мм гаубицу образца 1909/30 года или 107-мм пушку образца 1910/30 года с достаточным боекомплектом.

В целом машина мне понравилась своим бронированием в 45 миллиметров вкруговую, правда, большая часть бронеплит, за исключением нижнего и двух верхних лобовых листов, перед водителем и радиатором соответственно, расположенных под углом в 60 градусов к горизонтали, была вертикальной. Особняком стояло лобовое бронирование башни. 45-мм бронелист не смогли согнуть и нашли выход в комплекте из двух 30-мм листов, вставленных один в другой и сваренных между собой по периметру. При этом, поверхностной закалке подвергался только внешний. Получилось, что башня спереди была прикрыта 60-мм бронёй.

Немного портило общую картину вооружение из короткой пушки КПП, которые, со снятием с серии на Кировском заводе, стали жутким дефицитом. Привод горизонтального наведения, доставшийся новому танку по наследству от прежних Т-26М и Т-28, неважно справлялся с потяжелевшей башней. Танк Т-126 вышел немного тяжелее прописанных в ТТЗ 20 тонн. Гинзбург заверил, что ему обещали новую 30-калиберную 76-мм пушку с полуавтоматическим затвором и обещал попинать электромеханическую промышленность с целью получения более мощных моторов. С весом же не обнадёжил, заявив, что конкуренты тоже в 20 тонн не уложились, как и проект со стандартным плоским ЯГовским мотором.

Коли речь зашла о конкурентах, я поинтересовался новостями.

— В Ленинграде что-то мудрят, всё напрочь засекретили даже от себя самих, — улыбнулся Гинзбург. — Однако достоверно известно, что обеспечить вращение малых башен Т-28 и одновременно усилить бронирование до 45 мм не удалось. В Харькове же мудрить не стали, просто увеличили бронезащиту до ТТЗ, а увеличение веса компенсировали пятнадцатикатковой ходовой с подвеской Кристи и 520-сильным шестицилиндровым плоским мотором на агрегатах опозита ЗИЛ и авиационного АЧ-100-12, от последнего взяли коленвал и детали ТНВД. Новый корпус они упростили, убрав носовое сужение и разместив рядом с водителем ещё одного члена экипажа с курсовым пулемётом, и понизили, даже сверх меры, из-за чего водитель и стрелок сидят головой в литых броневых колпаках-люках, заходящих на лобовой лист и откидывающихся вверх, избавились, получается, от наследия БТ-2. Башня же так и осталась у них двухместной, так как, в противном случае, широкий погон пришлось бы надвинуть на шахты подвески. Правда, говорят, будто в Т-34 будет установлен "тройник" из 45-мм пушки,

7,62-мм пулемёта и 40-мм автоматического гранатомёта с ленточным питанием. В таком случае, при стрельбе по небронированным целям, командир танка становится свободным от необходимости постоянно заряжать пушку и может вести наблюдение и корректировку огня. Сильный соперник, — подвёл главный конструктор спецКБ ЗИЛ итог, показав рисунок, на котором был изображён почти что тот танк, который навсегда отпечатался в моей памяти, разве что, с очень приземистым корпусом.

— Зря вы это здесь повешали, — кивнул я на размещённые на башне спаренные фары от ЗИЛ-5, — снесёт в первом же бою. Попробуйте вместо них какие-нибудь осветительные ракеты. Направляющие можно на внешней броне башни разместить, а пульт внутри у командира. Заодно так же и дымовые гранаты можно отстреливать при нужде.

— Эх и заживём теперь! — потирая руки хромал вокруг Т-126 Бойко. — Теперь бронбойщики точно умоются. Ишь ты, изобрели новый патрон для ПТР и наострились 30-мм броню ковырять! Всё, хватит, пушку в руках уже не потаскаешь, по окопам не побегаешь. Да и пушка не всякая возьмёт. Прямо скажем, у нас до дивизионной артиллерии нет ничего, что могло бы этот танк взять!

— Тоже мне, невидаль, — отозвался я непочтительно, — спорим, я пробью его оружием, которое можно одному человеку в руках унести?

— Врёшь?!

— А вот посмотрим!

— А пойдём, покажешь!

— А не торопись, его сперва сделать нужно. С тебя, кстати, бронелист. Кто проиграл, тот за него и платит.

Эпизод 3

Леший побери мою горячность, но очень уж захотелось "умыть" Бойко свысока отнесшегося к конструкторам стрелковки. Об этой эпопее я узнал от своих, от группы, занимающейся стальными сердечниками. В ноябре им пришёл заказ на станок для массового изготовления пуль нового, 14,5мм бронбойного патрона, который был разработан в 1935 году, так как 12,7мм с бронёй Т-26М и Т-28 не справлялся. И вот теперь, когда и патрон и пятизарядное ПТР Симонова были приняты на вооружение, оказалось, что танки подросли и их шкура снова стала не по зубам пехоте. Следовало бы уже подумать о гранатомёте, но для этого надо было привлекать ракетчиков, которым сейчас не до меня. К тому же, требовалось участие артиллеристов, так как нужен был чувствительный и, одновременно, безопасный взрыватель. В общем, это показалось мне слишком сложным и я пошёл другим путём, правда, не сразу.

В начале февраля в моторный отдел промышленного управления ГЭУ НКВД передали дело Чаромского. Суть его состояла в том, что в Крыму, во время учебного полёта столкнулись два новейших советских морских истребителя И-18 с двигателями этого конструктора. Машины были потеряны, но лётчики выжили и обвинили в случившемся именно двигателистов. Чтобы разобраться в вопросе, я затребовал дополнительную информацию по самолётам, но, очевидно, без допроса свидетелей обойтись было никак нельзя и я, взяв с собой сержанта госбезопасности Сафонова, вылетел в Евпаторию.

Летели спецрейсом, на наркоматовском АИР-5, с промежуточными посадками, что избавило

нас от хлопот с гостиницей, так как, приземлившись на аэродроме Евпаторийского авиагарнизона, мы сразу попали в объятия местного особиста, который взяв на себя заботу о нашем размещении, поселил нас в комнате для политзанятий рядового состава прямо в казарме. В тесноте, да не в обиде. Зато к работе близко и сейф для документов имеется. Весь остаток вечера, захватив ещё и полночи, я с ними-то и знакомился.

Судя по технической документации, истребители И-17 и И-18 являлись переделкой под дизель жидкостного охлаждения бензиновых И-15 и И-16, но эта переделка оказалась столь глубокой, что пришлось давать отдельное название. Технология изготовления самолётов осталась прежней, а вот обводы фюзеляжа, при оставшемся почти неизменным крыле, похудели.

Биплан И-17 не оправдал надежд морских лётчиков в отношении дальности, так как имел запас топлива, как и его бензиновый прародитель, 150 килограмм, что обеспечивало всего 40 минут полёта на полной мощности двигателя и около часа пятнадцати на крейсерской 75-процентной. Серия из двенадцати машин, выпущенная для войсковых испытаний, стала первой и последней, а единственный поставленный в строй 29-й эскадрильи авиаотряд, базировался здесь же в Евпатории.

И-18, "худой" моноплан, напротив, с запасом топлива в 360 литров мог на полной скорости, достигавшей 520 км/ч, лететь целых полтора часа, а его перегоночная дальность достигала тысячи восьмисот километров при скорости 300 км/ч. Вооружение истребителя составляли три пулемёта ШКАС. С перспективой замены одного из них, установленного в развале цилиндров и стреляющего через полый вал редуктора, на крупнокалиберный пулемёт или пушку. Понятно, что самолёт с такими характеристиками сразу же после первого удачного испытательного полёта засекретили.

Что же касается других участников этого дела, то командир звена старший лейтенант Губанов и лётчик лейтенант Авдеев имели достаточный налёт, явно не новички в небе. Первый стал на крыло в 29-м и успел много где послужить, в том числе и инструктором в Каче. Второй в небе с лета 32-го, но успел налетать уже под 500 часов. Остальное, происхождение, образование, я счёл пока не важным и завалился спать.

С утра, отправив Сафонова к технарям 24-й отдельной истребительной эскадрильи ВВС ЧФ с целью сбора информации по поломкам и рекламациям на двигатели, вызвал к себе свидетелей, по одному. Начать я решил с младшего по званию Авдеева.

— Здравия желаю, товарищ капитан госбезопасности! По вашему приказанию прибыл! — войдя, вытянулся передо мной дюжий молодец. Красавец мужчина, аж завидки берут, девки, наверное, когда он мимо проходит, как подкошенные падают.

— Вольно, садитесь. Авдеев Михаил Васильевич?

— Так точно.

— Как давно летаете?

— С весны тридцать первого. Аэроклуб, Ленинградская лётно-теоретическая школа, Ворошиловградская школа военных лётчиков, а потом 24-я истребительная эскадрилья Черноморского флота.

— Да-да, налёт хороший, лётчик опытный... На каких типах самолётов летали?

— У-2, АИР, Сталь-2, УТ, Р-5, И-5, с августа на И-16 нас переучивать стали, но потом посадили

на И-18.

— Получается, вы пилотировали самолёты и с дизелями, и с бензиновыми моторами?

— Так точно!

— На И-18 давно летаете?

— С начала ноября прошлого года. Нам в Москве истребители, как подарок к седьмому ноября передали и мы их перегнали сюда.

— Что, прям так сели в незнакомый самолёт и отправились за тысячу километров?

— Лётчики в эскадрилье опытные. К тому же, ещё перед отправкой нас предупредили, что И-18 от И-16 по пилотажным свойствам не отличается. Да и видели мы этот И-18 раньше, когда его тут испытывали. И с лётчиками говорили, что на нём тогда летали. Про Чкалова слышали?

— Вам есть что скрывать?

— Нет! Почему вы подумали? — мой вопрос явно застал Авдеева врасплох.

— Зачем же вы тогда пытаетесь меня запутать, задавая посторонние вопросы?

— Я вовсе не хотел...

— Вернёмся к тому, на чём остановились, — не стал я больше страшить летуна сверх необходимого и сосредоточился на деле. — Значит, И-18 от И-16, на которых вас готовили до этого, по пилотажным свойствам не отличается?

— Вообще-то отличается немного.

— Чем?

— У него будто нос тяжелее, поэтому продольная устойчивость лучше, ручку от себя постоянно толкать не надо. Вообще говоря, можно её и вовсе отпустить, машина всё равно прямо дальше пойдёт. Как нам объясняли потом, это специально сделано, чтобы в дальних перелётах пилот не уставал. Зато и в фигуру И-18 чуть-чуть позже уходит, чем 16-й. По поперечной устойчивости равноценны. Одинаково легко переключаются с крыла на крыло. И, конечно, скорость! У И-18, при более мощном на 100 л. с. двигателе, диаметр "лба" фюзеляжа всего метр, а у И-16 почти полтора. Правда, у морского истребителя кабина значительно теснее, неудобно. А скорость не во всех случаях хороша. И-18 горку делает лучше, а вот пикировать на нём опасно, падает как камень. Мы одну машину так потеряли, лётчик лейтенант Любимов, ваш однофамилец, спасся. Сказал, что видел, как полотно сначала с элеронов сорвало, а потом с верхней поверхности крыла просто отсосало воздухом от нервюр и в клочья! Повезло, что выпрыгнуть успел.

— Значит, всего эскадрилья потеряла три машины?

— Четыре, ещё у одной нога при посадке подломилась, но её можно восстановить.

— Сколько истребителей всего было получено эскадрильей?

— Пятнадцать. Первый авиаотряд перевооружили полностью и звено комэска.

- Что можете сказать про двигатель самолёта.
- Что сказать, одно слово, дизель! Мощный, причём с высотой эта мощность хорошо сохраняется от земли до потолка, потери незначительны и совсем не ощущаются. Но раскочегарить его на полную – суцая морока. Поначалу бодро раскручивается, но чем выше обороты, тем медленнее он их набирает. А тут ещё один рычаг управления шагом винта поставили. Приходится следить, чтоб мотор не перекручивало, чтоб шаг и газ соответствовали режиму полёта. Это суцая морока для лётчика. То ли дело И-16, двинул сектор газа вперёд и машина отзывается. Просто и удобно.
- Это вы И-18 и И-16 сравниваете?
- Выходит так, — согласился Авдеев, — но и другие наши истребители с бензиновыми моторами тоже резво на дачу газа реагируют, хоть И-5, хоть И-15.
- На и И-15 вы тоже летали?
- Нет, но слышал о нём от заслуживающих доверия лётчиков.
- Хорошо, опишите мне тот полёт, в котором произошла авария.
- Да что описывать? Вылетели первый раз звеном...
- А до этого?
- А до этого осваивали машину индивидуально, в одиночных полётах.
- Сколько часов налетали на И-18?
- Двадцать два.
- Что входило в программу индивидуальной подготовки.
- Ну, в зачёт полёта по кругу нам перелёт посчитали, а в остальном, отработка взлётов и посадок, выполнение фигур высшего пилотажа. Кроме длительного пикирования после того случая. Стрельба по конусу в полёте по прямой.
- Скажите, а первый раз вылетали звеном именно вы, или вообще это был первый такой полёт для эскадрильи?
- Должен был комэск лететь своей тройкой первым в эскадрилье, но он заболел и назначили следующую по подготовке тройку. Комэск с земли наблюдал и командовал.
- Вы поддерживали радиосвязь с землёй?
- Да.
- А между машинами?
- Так мы все на одной волне. Можем и слушать и говорить.
- Вернёмся к полёту, продолжайте рассказ.
- Вылетели звеном, погода хорошая, солнечная, видимость отличная. Взлетали по одному.

Старший лейтенант Губанов встал в круг над аэродромом на малой скорости и высоте 2 километра, мы с лейтенантом Нихаминым к нему потихоньку пристроились. Потом по прямой пошли в зону с набором максимальной скорости...

— Задание какое было?

— Полёт в составе звена по кругу.

— Продолжайте.

— На максимальной скорости вошли в зону и старший лейтенант Губанов, по команде с земли, начал левый поворот. Я шёл слева по малому радиусу и мне пришлось прибрать газ, чтоб не обогнать командира. Нихамин справа по большому радиусу отстал. Когда вышли на прямую, я хотел дать газ, но перепутал рычаги, они рядом в кабине и прибавил шаг, дизель из-за этого еле раскручивался и я отстал, а Нихамин меня обогнал. С земли от комэска мы получили справедливое замечание за то, что растянули строй. Командир прибрал газ и мы снова к нему пристроились. Перед очередным поворотом мы снова набрали максимальную скорость. Губанов начал второй левый поворот. Нихамин опять отстал в вираже. Я в этот раз решил газ не прибирать, а чтоб не въехать в командира, пошёл по большому радиусу, но не в плоскости строя звена, иначе бы я врезался в Нихамина, а ушёл под неё. Получилось, что я ниже командира. Смотрю, я его догоняю, дёрнулся к сектору газа, посмотрев специально, чтоб не запутаться, поднимаю глаза, а передо мной бок командирской машины!

— И? — "пришпорил" я замолчавшего от вновь переживаемых впечатлений лейтенанта.

— Ударил его правой плоскостью в фюзеляж между хвостом и кабиной. А потом всё завертелось и я даже сейчас сообразить не могу, сам я выпрыгнул или меня выбросило из самолёта. В себя пришёл, когда уже на стропах под куполом висел.

— Какая же у вас дистанция в строю между машинами была, коли такое произошло?

— Как в уставе написано, максимально тесный строй, дистанция 10 метров.

Примерно в таком же русле протекала и беседа со старшим лейтенантом Губановым, один взгляд на шевелюру которого вызывал ассоциации с Индией.

— Над аэродромом собрал звено и мы пошли в зону. Набрали максимальную скорость и стали выполнять левый поворот. Оба ведомых в вираже отстали. Собрал их и повторил маневр. Учтя ошибку, я в вираже чуть прибрал газ. Смотрю в зеркало, Архипов на месте, а Авдеев пропал! Я подумал, что с ним что-то случилось и прервал выполнение фигуры, пошёл по прямой, и тут мне позади кабины как вдарит! Самолёт крутануло и у него оторвался хвост, я выпрыгнул.

— Вы лейтенанту Авдееву какие-нибудь команды по радио подавали?

— Да я только собрался его вызвать, а он в меня уже врубился! Всё в один момент произошло!

— И вы полагаете, что в происшествии виноват дизель конструктора Чаромского?

— Конечно, мы потом когда всё разбирали, поняли, что если б не неважная приемистость дизеля, ничего бы и не было! Из-за этого же невозможно маневрировать тягой при полёте в строю!

— Хорошо, вы свободны.

Следующим ко мне на расправу попал лейтенант Любимов, который полностью подтвердил слова Авдеева относительно опасности пикирования и поддежал Губанова по вопросу мотора. Потом, после того, как сержант госбезопасности Сафонов принёс сведения из 80-го авиапарка, обслуживающего 24-ю эскадрилью, очередь дошла до комэска майора Шарапова.

— Товарищ капитан, расскажите пожалуйста, в каком строю первый авиаотряд эскадрильи совершал перелёт из Москвы в Евпаторию.

— Мы шли двумя колоннами за лидером ТБ-3 с повышенными интервалами, чтобы было можно свободно маневрировать в случае чего.

— В день аварии со столкновением двух И-18 вы были больны?

— Да.

— И, тем не менее, были достаточно здоровы, чтобы руководить полётами?

— Да, — прямо-таки выдавил из себя комэск будто через силу.

— Чем болели?

— Головная боль одолела, товарищ капитан государственной безопасности.

— Документами это можно подтвердить?

— Наш фельдшер может выписать вам справку, если нужно.

— Значит, документов о вашей болезни, датированных днём аварии нет?

— Ну, нет. Какое это имеет значение?

— Выходит, вы, под надуманным предлогом отказались от важнейшего полёта, отправив неопытных лётчиков, недостаточно освоившихся с управлением И-18?

— Что вы здесь тень на плетень наводите? Какой там надуманный предлог? — комэск явно вёл себя вызывающе. — Да день рождения у жены был накануне, что тут непонятного? А лётчики как лётчики, не меньше и не больше моего на новом истребителе, будь он неладен, налетали.

— Хорошо, что вы не скрываете правду, до которой мы всё равно докопались бы.

— Делать вам нечего...

— "С моих слов записано верно", распишитесь, — сунул я комэску очередной протокол допроса. — У вас запланированы какие-либо полёты на сегодня?

— Любимов и Зайцев должны лететь со "Звеном" на новых машинах.

— Отмените и построите первый авиаотряд эскадрильи через десять минут.

— То есть, как отменить?

— Выполняйте приказ! — повысил я голос впервые за всё время общения с летунами.

— Я буду вынужден информировать командование!

— Минута уже прошла...

Шарапов демонстративно неторопливо вышел из кабинета, но к назначенному сроку лётчиков на краю аэродрома построил.

— Равняйся! Смирно! Товарищ капитан государственной безопасности, первый отряд 24-й истребительной эскадрильи ВВС ЧФ по вашему приказу построен!

— Граждане лётчики, — моё обращение и то, что команды "вольно" не последовало, на минуту заморозило строй, а больше говорить я и не собирался. — Вы все подписали коллективное заявление насчёт вредительской деятельности конструктора Чаромского, поставляющего заведомо негодные моторы истребительной авиации РККФ. В ходе проверки выявлено, что моторы поломок не имели и выдавали все заявленные в техническом описании характеристики, нареканий на их работу с вашей стороны не зафиксировано. Тем не менее, из-за низкой дисциплины, незнания и игнорирования особенностей машины, неумения ей управлять, было потеряно четыре самолёта из пятнадцати полученных с завода. Почти треть. Эту неприглядную картину вы решили прикрыть ложным доносом, свалив все беды с больной головы на здоровую. Учитывая эти обстоятельства, вы из статуса свидетелей переходите в статус подозреваемых. Вы арестованы. Сдайте оружие сержанту госбезопасности Сафонову и следуйте за ним на гауптвахту.

Шеренга лётчиков загудела и сломалась.

— Стоять! — я был готов к такому повороту событий, поэтому переложил свой ТТ в сделанную по моему заказу специальную кобуру с металлической вставкой внутри, которая позволяла двумя движениями сначала вниз, а потом вверх, передёрнуть затвор и тут же моментально извлечь пистолет. Чтобы эта часть моей амуниции не бросалась в глаза, я не стал одеваться, благо было относительно тепло, а просто накинул шинель на плечи.

— В случае неповиновения или оказания сопротивления буду стрелять! Быстро, но метко! Летать после этого уже не сможете, но в тюрьме сидеть простреленные колени не помешают!

Сафонов увёл лётчиков, а спустя пятнадцать минут ко мне в кабинет ворвался особист авиагарнизона капитан-лейтенант Буряк.

— Какого чёрта ты делаешь?

— Оформляю дело для передачи в прокуратуру флота. Будь добр, зайди к механикам, предупреди, чтобы на завтра, на утро, наш самолёт подготовили. В Севастополь полечу.

— Ты совсем охренел?! У нас всего две истребительные эскадрильи в Крыму, шесть авиаотрядов, а ты один, причём, на новейшей секретной технике, арестовал в полном составе! Это ж подрыв боеспособности!

— Смирно! Капитан-лейтенант! Никто не заставлял ваших летунов писать заведомо ложный донос с обвинением в особо тяжком преступлении! Такие действия квалифицируются по статье 95 А. До двух лет лишения свободы. Есть вопросы? Кругом! Шагом аррш!

Бум, бум, бум, бабах! Дверь с грохотом распахнулась, едва не задев особиста.

— По какому праву вы срываете полёты "Звена"? Кто вам дал право мешать моей работе?!

— Товарищ капитан госбезопасности, это товарищ Вахмистров, конструктор составного

самолёта, — отойдя в сторону, представил вошедшего Буряк.

— А, "цирк Вахмистрова", как же, как же.

— Вы посмотрите, он ещё и насмехается!

— Спокойно! Если у вас есть какие-то претензии, то говорите по существу.

— По существу? Ладно! — инженер возбуждённо стал ходить передо мной из стороны в сторону, поворачивая в мою сторону голову, когда хотел обратить особенное внимание на свои слова. — Сегодня должен был состояться первый полёт "Звена" с двумя дизельными истребителями. Мы две недели готовили самолёт с подломленной ногой, ремонтировали, стыковочные узлы ставили! Собирали второй самолёт, пришедший в ящике из Москвы! И вот, в день, когда "Звено" должно лететь, вы арестовали лётчиков! Это саботаж! Вредительство какое-то!

— Полегче со словами, а то и следом недолго отправиться, у меня не заржавеет. Крику до небес из-за какой-то ерунды, — сейчас я вовсе не старался казаться беззаботным и легкомысленным, я действительно так считал, — придумали тоже, истребители на бомбардировщик вешать.

— Это, знаете ли, не вам решать! — Вахмистров помахал у меня перед носом пальцем из-за чего остро захотелось дать ему в морду.

— А вы хотите, чтобы я занялся этим делом? Простая проверка с инсценировкой перехвата вашего "Звена" покажет, что отцепившиеся от него истребители окажутся в заведомо невыгодном положении без преимущества в скорости и высоте перед атакующим противником. А в качестве пикирующих бомбардировщиков СБ куда как предпочтительнее.

— Что ж, по-вашему, вообще на большую дальность без истребительного прикрытия летать?!

— Зачем же без прикрытия? Просто не надо привязывать истребители к тихоходному носителю. Пусть свободно летают как хотят.

— Вот зачем же вы с суконным рылом да в калашный ряд? — непочтительность Вахмистрова перешла все границы. — Вы думаете, можно свободно без топлива летать?! Эх, серость.

— Короче, — я встал из-за стола, закипая. — Пошли, сейчас я тебя умою, умник. Буряк! Веди к самолётам!

Все трое, на взводе, широким шагом мы вышли на лётное поле. Особист направился к ТБ-3, стоящему на краю.

— Не туда! — остановил я его. — Истребители где?

На этот раз мы двинулись в сторону ангаров, у которых стояли два доработанных И-18, назначенные в испытательный полёт. Вокруг них, бесцельно слонялись техники, ничего не понимая.

— Вот, смотри! Что у нас здесь? — я положил руку на обшивку фюзеляжа перед кабиной пилота. — Топливный бак! А здесь? — я обошёл длинный нос самолёта с небольшим лобовым радиатором, обогнул лопасти винта и взялся рукой за кок, прикрывающий механизм изменения шага. — Дырка! На глаз, сантиметров пять! Вот в эту дыру вставь трубу подлиннее,

чтоб вперёд подальше торчала и клапан присобачь! А другим концом в бак! С твоего ненаглядного ТБ-3 шланг с конусом на конце разматывается, истребитель подходит, суёт трубу в конус, стыкуется, ТБ-3 включает насос и всё! Истребитель заправляется прямо в полёте! Не надо его куда вешать! А с двухмоторными бомбардировщиками и того проще! Сколько твоё "Звено" истребителей поднимет? Штук пять? А шестью тоннами топлива, которое он несёт, две эскадрильи И-18 заправить можно! И не дай Боже ещё кому-нибудь помешать мне работать!

С этими словами я развернулся и пошёл доделывать начатое, а в спину мне запоздало донёсся изумлённый до невозможности голос Вахмистрова.

— И этот человек ещё обзывает "Звено" цирком!

Потратив остаток дня на оформление дела в соответствии с действующим процессуальным кодексом, я вымотался до дрожи в конечностях и ряби в глазах. Одна пояснительная записка в военно-морскую прокуратуру Черноморского флота чего стоила. По мне, так лучше уж день напролёт у станка стоять, чем такой писаниной заниматься. Это, скажу я вам, вовсе не свободное творчество, тут все правила и формулировки соответствовать должны. Как бы то ни было, работу я закончил и с совершенно спокойной совестью, которая ничуть меня не терзала, завалился спать.

Ранним утром следующего дня, едва рассвело, мы с Сафоновым, на нашем АИР-5, перелетели на Качинский аэродром, где нас уже встречали. Порученец-лейтенант из штаба Черноморского флота настойчиво предложил мне воспользоваться выделенным мне автомобилем и проследовать на узел связи ЧФ для беседы с наркомом ВМФ Кожановым. Понимая, что про мои художества куда надо уже настучали, я поехал, так как рано или поздно разговор всё равно должен был состояться.

В штабе пришлось почти два часа ждать, пока нарком в Москве соизволит прибыть на работу и выйти на связь. Наконец меня пригласили в особо охраняемую комнату ВЧ связи, судя по идеальному внешнему виду аппаратуры, протянутой совсем недавно.

— Капитан госбезопасности Любимов у аппарата, — представился я, как и положено, взяв в руки трубку телефона без наборника.

— Здравствуйте товарищ капитан, — послышался чистый, будто сам рядом стоял, голос наркома, — по какому праву вы арестовали лётчиков 24-й эскадрильи? Вы же знаете, что не можете это делать без согласования с их командованием.

— Не совсем так, товарищ флагман флота первого ранга, — я ждал этого вопроса, поэтому и ответ заготовил заранее. — Я не имею права арестовывать командиров РККА и РККФ без согласования с их командованием, если командиры изымаются из войск и содержатся в местах предварительного заключения в структурах наркомата внутренних дел. В данном же случае лётчики как были, так и остаются в своём гарнизоне, но под стражей. За которую отвечает ваш подчинённый, начальник особого отдела Евпаторийского авиагарнизона капитан-лейтенант Буряк. Дело также будет мною передано в военно-морскую прокуратуру ЧФ. Как видите, подозреваемые, как были, так и остаются в вашей юрисдикции и я не превысил своих полномочий.

— Мне кажется, товарищ капитан, что вы недостаточно вникли в обстоятельства дела. Вас послали разобраться с моторами, а вы принялись за лётчиков одной из двух, базирующихся в Крыму, истребительных эскадрилий. Арестовали их, чем вдвое ослабили наши силы. Я прошу вас более внимательно отнестись к делу и учесть все обстоятельства, — слово "прошу" нарком

произнёс таким тоном, будто "приказываю".

— Понимаю вашу заботу о подчинённых, товарищ флагман флота первого ранга, — возразил я, оглядываясь на присутствующих здесь же связистов и порученца, — но ваши слова могут быть расценены, как попытка давления на следствие.

— Семён, — Кожанов на другом конце трубки, разочаровавшись, видимо, в попытке поговорить официально, понизил голос, — ты что, не понимаешь, какой армейцы вой сейчас поднимут? Как это ударит по авторитету РККФ в ЦК? А потеряв авторитет, сам понимаешь, многое можно потерять.

— Напротив, товарищ флагман флота первого ранга, считаю, ничто так не укрепит авторитет РККФ, как принципиальная позиция в этом вопросе. Демонстрация готовности РККФ плодотворно сотрудничать с НКВД ради наведения в рядах революционного порядка даже в мелочах, так сказать, — оставался я непреклонным.

— Ничего себе мелочи! Целый авиаотряд арестовать в полном составе из-за какой-то ерунды! Мои лётчики не могли ничего такого сделать, чтобы их вот так, гуртом, под суд отдавать. И потом, как прикажешь теперь небо защищать? Сам, что ли, летать будешь? Сколько надо, чтоб истребителя подготовить, ты себе представляешь?

— Товарищ флагман флота первого ранга! — я повысил голос, поняв, что эти разговоры-уговоры никогда не кончатся, пока я не отошью наркома напрочь. — Лётный состав 24-й истребительной эскадрильи ВВС ЧФ имеет достаточный налёт, в том числе, на самолётах с дизелями. Причём, на учебных дизельных машинах лётчики налетали гораздо больше, чем на боевых истребителях И-5. Все особенности дизеля они знают прекрасно. Так, что на них даже возложены испытательные полёты в составе "Звена". Об этом же говорит и то, что едва сев в новый самолёт с дизелем, комэск сразу же, на перелёте в Крым, применил безопасное разомкнутое построение. Тем не менее, при отработке полётов в строю, он приказал руководствоваться уставным построением, без оглядки на то, что оно писалось для старых тихоходных машин с бензомоторами. Это привело к потере двух И-18. Ещё один самолёт был потерян безвозвратно по иным причинам и один повреждён, но уже восстановлен. Итого в минусе 20 процентов первоначально полученных машин. Это очень плохо, но можно сделать скидку на несовершенство нового истребителя, которое действительно имеет место быть. Никуда не годная для такой машины полотняная обшивка крыльев, недостатки в компоновке органов управления налицо. Но, кроме моторов, которые, по справке 80-го авиапарка, работали исправно и выдавали все обозначенные в техописании характеристики. Кроме того, показания лётчиков свидетельствуют, что столкновение произошло именно в результате их действий. Однако, повторяюсь, это преступлением быть не может, так как И-18 находился в опытной войсковой эксплуатации и его особенностей в полной мере лётчики знать не могли. Другое дело, что эту картину они решили прикрыть доносом, свалив собственные неудачи на Чаромского. Вот это уже преступление. Карается лишением свободы до двух лет. Если вы, товарищ флагман флота первого ранга, действительно считаете, что лётчики 24-й достойны и дальше служить в РККФ, то можете предоставить на них военно-морскому прокурору ЧФ положительные характеристики. Уверен, он примет их во внимание и ограничится требованием условного наказания. Надеюсь, личный состав ВВС РККФ сделает из всей этой истории правильные выводы и будет более ответственно подходить к освоению новой техники, используя её наилучшим образом без оглядки на устаревшие нормативы. Пусть парами летать учатся! Щит и меч! Высота, скорость, маневр, огонь! Вот путь к победам в будущих воздушных боях! Это даже я, сухопутный, ясно вижу!

Вот так, любезный Иван Кузьмич, как своих ни выгораживай, а я буду стоять на своей позиции

твёрдо и невзирая на личности. Ещё чего не хватало, зарубить Чаромского! Его мотор, по факту, мощнейший из всех, устанавливаемых на истребители. Есть, правда, ещё переделка цельнометаллического И-14 под 980-сильный дизель Микулина, но она, из-за своей дороговизны, доставшейся по наследству от прауродителя, из опытных образцов не вышла. И от этого отказаться, чтобы летуны могли по старинке тройками порхать? Да ни за что! А лазейку я подсказал наркому, чтоб народные деньги, вбуханные в обучение пилотов, на ветер не вылетели.

Во флотской прокуратуре, куда меня из штаба отправили пешком и с гордо поднятой головой, встретили откровенно холодно, мало того, что мурыжили бесконечными "подождите", так ещё и дело принимали, буквально, до запятой. Так что мои мучения с перьевой ручкой накануне не пропали зря. Пока вся эта волокита продолжалась, небо нахмурилось, поднялся сильный ветер и сверху посыпал мокрый снег, по всему было видно, что сегодня мы из Севастополя не улетим.

— Эх, застряли мы теперь здесь, — вздохнул Сафонов когда мы вошли в номер гостиницы, — жди теперь, пока погода наладится.

— Ага, а самолёт на аэродроме под этой гадостью ночь будет стоять, — поддержал моего помощника в пессимизме пилот АИРа Прошкин. — Глядишь, ещё и топливо сольют по доброте душевной или наоборот, соляры плеснут в бак вместо керосина. Больно уж радушно нас здесь встретили.

— Не преувеличивайте, кому надо с нами счёты сводить? — беспечно, даже радуясь предстоящему вынужденному безделью, ответил я. — Мы своё дело сделали, не больше, не меньше. Всё по закону и по справедливости.

— Хоть на это надежда, — вздохнул Прошкин, глядя через окно на серое небо.

— О! — воскликнул я радостно. — Хотите, спою?

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами города,
Взлётные огни аэродромов...

А через три дня, во время обратного перелёта, когда заняться всё равно было особенно нечем, пели уже втроем.

Надежда, мой компас земной,
А удача - награда за смелость.
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Эпизод 4

Что-то жизнь пошла пресная, сижу как паук в паутине, слушаю, как ниточки дрожат. Добычи нет, это вызывает беспокойство, вот и выдумываю сам способы, как бы навредить советскому моторостроению, а потом предпринимаю превентивные меры, чтоб этого не допустить. На заводах, куда частенько неожиданно приезжают откомандированные мной сержанты, тишина. Непроизводственные отделы, будь то кадры, гараж, склад или даже обычная котельная в структуре АХО, взяты под контроль за счёт вербовки информаторов среди первейших потребителей их услуг, но результаты усилий не оправдывают. Мелких пакостников и прочих

тунеядцев, растратчиков и расхитителей сливаем местным чекистам. Моторному отделу ПУ ГЭУ НКВД меньше чем преступной организацией на уровне завода в целом, заниматься не к лицу. Следующим шагом было выявление основных факторов, сдерживающих производство. Одной из самых важных причин оказалась вовсе не кривизна рук или отсутствие нужных станков, а задержки, недопоставки, а то и вовсе временное полное отсутствие какого-либо сырья или комплектующих. По сути, те же склады и транспорт, только уровнем выше завода. Сформировали сеть и там уже проверенным способом, привлекая самых заинтересованных. Рыбка пошла крупнее, но всё это были отдельные случаи халатности или нераспорядительности. А нам нужна была система и злой умысел. Вот и не знаю, радоваться или огорчаться, что пока ничего не нарыли. Может и нет вовсе кошки в комнате? Или она просто притаилась на время? Додумавшись в ходе своих измышлений до того, что лучшим орудием развала моторного сектора промышленности является мой собственный отдел, если его направить не туда, куда нужно, я поделился сомнениями с Косовым. Следующим моим логичным выводом было расформирование. По факту получилось бы самоубийство из-за страха смерти. Косов, выслушав наедине мой расклад, обозвал меня параноиком и предложил сосредоточиться на железках, коли на людей нервов не хватает.

Легко сказать, да сделать трудно. Время изобретательства в области моторостроения проходит, на повестке дня кропотливое совершенствование конструкций. И выискивать изъяны в тех или иных решениях инженеров становится всё сложнее. Да и новостей немного. На ГАЗе построили и испытали мотор "К" с новой верхнеклапанной головкой блока, добавив в конструкцию ГРМ коромысла, результат получили получше моего, но хуже, чем рассчитывали, объяснив его потерями на охлаждение межцилиндровых каналов. Но ставить на машину это чудо из-за вибраций псевдодвухцилиндрового мотора, все шейки коленвала которого были направлены в одну сторону, что избавило завод от пятиосевой его конструкции и положительно сказалось на равномерности работы, было нельзя. Победить тряску мотора можно было бы с помощью дополнительного уравнивающего механизма, но его ещё надо было рассчитать и изваять в металле. Конструкторы ГАЗа, столкнувшись с такими трудностями, загрустили и стали поглядывать за бугор с целью найти там что-то попроще, но этот порыв не встретил понимания ни у Лихачёва, ни у Орджоникидзе. Изменение образа мыслей "капитанов промышленности" было налицо. На место "купить и освоить" явно заступало понятие "создать, в крайнем случае, купить, только то, без чего никак не обойтись". Одобрено было только приобретение весьма ограниченного количества станков и приборов для заводского КБ. Это обстоятельство я смело мог записать в собственные заслуги.

Глядя на ГАЗ, прочие "бензинщики" осторожничали, выжидая, когда мотор "К" получит официальное одобрение и будет принят в серию. Вот тогда, используя положительный опыт, можно и попытаться. А пока все три легкотопливных авиамоторных КБ осваивали и понемногу совершенствовали купленные по лицензии моторы. Самым же главным их успехом было то, что глядя на совершенствование дизелей Чаромского и Микулина, превзошедших по мощности их детища, Климов, Швецов и Назаров добились наведения порядка в нефтепереработке и выпуска на Грозненском, а также, восстановленном из руин, Батумском НПЗ, качественного авиабензина с высоким октановым числом. Благодаря ему климовская "Испано-Сюиза" приподнялась на 100 л.с. до 960-ти. не отставал от неё и швецовский "Райт". Оба мотора, в которых был сполна использован опыт повышения мощности с помощью распределённого впрыска перед клапанами, в конце января вышли на испытания. В Запорожье дела шли похуже, но это было закономерно, так как в своё время, приобретя лицензию на французские конструкции, сэкономили на технологиях их изготовления.

Чаромский же с Микулиным стояли на пороге прорыва далеко за тысячу лошадиных сил. Правда, каждый своим путём. Первый дожал таки штампованные алюминиевые поршни со

вставками из тугоплавкого стального сплава, установил их на стандартный АЧ-100-12 и получил первый положительный результат. Правда, вылезли новые проблемы. Увеличенная средняя скорость поршня, следовательно повышенные обороты и мощность, требовали усилить внешние шатуны, равно как и сделать для равновесия более тяжёлыми внутренние. А это повлекло изменения в коленвале и блоках цилиндров. Кроме того, масляная система охлаждения перестала справляться с отводом тепла, в юбках поршней верхних блоков уже на средних оборотах масло начинало испаряться, а тут и до беды недалеко.

Микулин же, понимая, что Чаромского, который на алюминиевые поршни 100-го калибра потратил пять лет работы, не догнать, пошёл другим путём. Максимально используя наработанный задел, он сделал главной изюминкой своего мотора экономичность. Благодаря тому, что его АМ-36, как и любой другой "дизель Любимова", полностью сбалансирован, он решил просто механически "удвоить" мотор, отключая на крейсерском режиме половину цилиндров. АМ-37 был построен как два параллельных АМ-36, установленных с развалом в 30 градусов. Это была вынужденная мера, чтобы воткнуть в конструкцию общий редуктор, с которым каждая половина мотора была связана через фрикцион. Но зато теперь в развале можно было ставить пушку, чего АМ-36 был из-за вертикальной оппозитной компоновки начисто лишён. На такую идею Микулина видимо натолкнул его собственный двухступенчатый нагнетатель, у которого, в отличие от двухскоростного нагнетателя Чаромского с планетарной передачей, вторая ступень на малой высоте просто отключалась с помощью фрикциона. В итоге, на старте, когда требовалась вся мощь, чтобы поднять машину в воздух, АМ-37 развивал 1900 лошадиных сил, а в крейсерском полёте мог дать 950 или близко к тому, в зависимости от высоты. Пожалуй, этот мотор мог быть доработан в максимально сжатые сроки, главным препятствием была необходимость внятно объяснить необходимость одного мотора АМ-37 вместо двух АМ-36.

В прочих моторных КБ дела тоже шли своим чередом, моё вмешательство во что-либо вряд ли принесло бы какую-либо пользу, кроме вреда. Аналогичное положение сложилось и с оставшимися под моим началом станкостроителями. Группа, занимающаяся сердечниками, ваяла поперечно-прокатный стан, ибо станком это уже трудно было назвать, под 25-миллиметровые снаряды. Эта задачка была поинтересней, чем сердечники для пуль, но всё вполне решалось и без моего участия. Группа арочных шестерён построила для проверки концепции станок с механической передачей, где по одному шаблону фрезеровались сразу две шестерни. Особого смысла в нём не было, так как он требовал точно такого же количества рабочих, как и два отдельных станка. Тем не менее, мы убедились, что наблюдатель может контролировать процесс нарезания зубьев сразу двумя фрезами. Теперь на очереди был агрегат с гидropередачей и пятью рабочими инструментами, на который я мог, разве что, смотреть и удивляться.

И куда мне бедному податься? Где голову и руки приложить? Нажаловался дядюшке на Поликарпова и послал его лично посмотреть в глаза конструктору, который полотно на самолёты изводит, в то время, как детишкам на рубашонки не хватает. В двадцатом веке живём, в конце концов, надо же и новые конструкционные материалы использовать! Тем более, что наконец-таки пошла стеклоткань, сырьё для которой вовсе не надо выращивать, а можно добывать с помощью экскаваторов и карьерных самосвалов "Кировец". Замена полотна на стеклопластик напрашивается сама собой, тем более, что обшивка крыла И-18 не рабочая. Заодно оформил авторское свидетельство на шаг-газ, в котором подача топлива по-прежнему регулировалась положением рычага, а угол установки лопастей винта - вращающейся рукояткой, наподобие мотоциклетной, расположенной горизонтально. Теперь пилот мог бы управлять и тем, и другим, не отрывая руки. Разослал нарочными по московским авиационным КБ и в НКТП.

К середине марта я уж весь извёлся, даже перебрал и к тому моменту двигатель собственного "газика", и убедившись, что снижение мощности объясняется вовсе не растяжением поршней, а износом пеньков плунжеров ТНВД, которые теперь просто не доходили до крайнего верхнего положения. Наконец, из Ленинграда, из флотской лаборатории, пришла посылка. На отдельной машине и с охраной из троих морских пехотинцев. Конечно, гексогена россыпью мне не обломилось, придётся морячкам самим смешивать его с солидолом и начинять шрапнельные стаканы с целью получения БФС, а вот две шашки тротил-гексогенового сплава в пропорции 40/60, диаметром 10 и 15 сантиметров и длиной 2/3 калибра, мне выделили от щедрот своих. И не надо думать, будто это была милость или подарок. Всё оформлено официально заказом и деньги, мои личные, внесены вперёд.

Так как проект чудо-оружия составлял я сам, держа его исключительно в своей голове, то "рабочее место", то бишь инструмент и недостающие невзрывающиеся детали у меня были заготовлены заранее. Не имея никакого опыта в конструировании и изготовлении подобных боеприпасов, я исходил из простой истины, что всё совершенное по определению является пропорциональным. Поэтому и выбрал радиус сферической выемки равный калибру боеприпаса, вклеив в неё штампованную на шаровом шаблоне облицовку из электротехнической меди. Для лёгкого варианта её толщина составила полтора, а для тяжёлого – два миллиметра. Полости под детонатор я собственноручно делал у себя в лагерной мастерской, из которой предварительно выгнал всех любопытных, чтоб им не прилетело в случае чего, на обычном сверлильном станке, положившись на свою аккуратность. Точно так же были выточены и выемки, но, понятно, не сверлом, а специально изготовленной по такому случаю фрезой. Оглядев творение рук своих, я решил, что для прочности вполне подойдёт цилиндрический корпус, который я изготовил из обёрточной бумаги и клея, оставив торец со стороны детонатора открытым. Завершающими штрихами конструкции были деревянный лафеты-подставки с импровизированными прицельными приспособлениями мушка-целик, да два упаковочных ящика.

Эпизод 5

Далеко не все комкомы РККА имели полноприводные "Туры"-лимузины в качестве служебных машин, а вот у подполковника Бойко такой был. Причём, личный. Подарок коллектива завода. И управлял он им тоже лично, с помощью ручной системы вместо педалей. Вот такая вот инвалидная коляска. Январский наш спор близился к завершению, моё секретное оружие, которое переносится всего одним человеком, лежало сейчас позади нас, в салоне, уложенное в ящиках на толстую подкладку из мешковины во избежание порчи от сотрясений. Мало того, внутри ящиков я тоже засунул "гранаты" в мешки, чтобы не светить их при взвешивании. Позади нас ехала машина ЗИЛ-5 с бронеплитой 45-миллиметровой толщины и запасом леса для строительства рамы, удерживающей броню вертикально. В этом же грузовике ехали два десятка разнорабочих, которые и должны были оборудовать "испытательный стенд".

Путь наш лежал далеко за город, на Красноармейский артиллерийский полигон, так как где попало, а, тем более, у себя дома или на заводе, я применять чудо-оружие наотрез отказался. Из-за этого и вышла небольшая задержка и наша заявка на испытание брони обстрелом была поставлена в очередь на первое апреля. Военные также обязались снабдить меня детонаторами и огнепроводным шнуром.

Прибыв на место, чтобы не лазить по грязи, договорились с откомандированным в наше распоряжение капитаном-артиллеристом, что испытывать будем прямо на дороге, вернее, в тупике, за которым гравий кончался и начиналось настоящее болото. Пока рабочие ставили каркас с подпорками и прислоняли к нему броню, мы успели взвесить изделия. При этом, я

настоял, чтобы взвешивали ящики целиком, а потом после извлечения оттуда оружия. Деревянные части я привёз отдельно в свёртке, поэтому в остатке должен был получиться чистый вес "противотанковых гранат". Обычные весы, какие можно встретить в любом магазине, показали, что та, что поменьше, тянет на килограмм, а большая на четыре. Неплохо, надеюсь, что, по крайней мере, 15-сантиметровка даст нужный результат. Тем не менее, импровизированную палатку из мешковины, призванную сохранить мою тайну, я начал ставить, отсчитав с помощью капитана и землемерного "циркуля" ровно 50 метров. Если с этой дистанции 10-сантиметровая сработает как надо, тогда можно будет увеличить дистанцию до 100. А если последует неудача, то можно попробовать отсюда же, но более мощным боеприпасом. Покурили, поговорили о том, о сём, не касаясь дела, ради которого сюда приехали.

Наконец, броню установили и я, отогнав всех в укрытие ещё метрах в пятидесяти от места стрельбы, пошёл готовить оружие. Собрав подставку и установив на неё мину, подвинул, наводя по направлению, после чего подкрутил обычный болт, пока прицельная линия не упёрлась в центр мишени. За этот болт я, откровенно говоря, сейчас опасался. Раньше не подумал, а теперь уже поздно. Ну и что, что он должен, по идее, уйти вниз, в дорогу, но мало ли. Наконец, глубоко вздохнув и перекрестившись, поджёг огнепроводный шнур.

— Не глазеть! Гляделки повышибает! — крикнул я, сваливаясь в кювет.

Команда возымела действие, все дружно пригнулись, но прошла минута, полторы...

— Потух что ли? — приподнялся я повыше.

— Куда? А ну вни... — окончание фразы артиллериста пропало в резком хлопке и я увидел, как мешковина взлетела метра на три и, закружившись, упала, будто серый демон взмахнул крыльями над дорогой.

— Поту-ух... — передразнил меня Бойко. — Ты что, взрывчатку вместо пороха, чтоль, туда заложил?

— Именно.

— Пойдёмте, товарищи, на результат посмотрим, — поднялся артиллерийский капитан на дорогу, протягивая руку военпреду.

Народ, воспользовавшись разрешением, толпой ломанулся к бронеплите, далеко обогнав командиров, и обступил её полукругом, почёсывая затылки.

— Ничего себе! — сказал капитан, глядя на сквозную дыру диаметром полтора-два сантиметра с вывернутыми наружу с лицевой стороны краями. Изнутри пробоина выглядела примерно так же, разве что выходная воронка была побольше из-за откола брони.

— Ну, положим, — задумчиво сказал военпред. — Только это ни о чём ещё не говорит. Пятьдесят метров дистанция смешная. Считаю что в упор. Так и тяжёлый снаряд, если с танком рядом разорвётся, бывало, осколками пробивал. Где оружие-то, из которого стрелял? Мимо проходили, там только следы от взрыва.

— А оно всё сюда и прилетело, товарищ подполковник, — усмехнулся я.

— Граната, чтоль? — с сомнением спросил Бойко.

— Вроде того. Со ста метров пробовать будем?

— Ну, давай, коль не шутишь.

Бах! Второй раз взрыв был погромче и меня даже оглушило, а маскировочную мешковину попросту разорвало в клочья. Да и дыра в броне была куда как представительней, три пальца проходили. А реакция военпреда, понявшего окончательно, что спор он проиграл со счётом 2:0, была бурной.

— Ах ты ж изобретатель! Да ты знаешь, сколько народу над 126-м танком ночей не спало?! Петька Милов, кум твой, с завода не вылезал, чтоб бронекорпус нормально сварить! А этот..., гранаткой своей взял и испоганил всё! Слушай меня сюда! Гранатку эту выкинь из головы и забудь! Чтoб ни слова, ни полслова никому! Если ты, конечно, меня, Петьку, весь коллектив нашего завода хоть чуточку уважаешь! Обещай мне сейчас же, что молчать будешь!

Глядя на подполковника, я понял, что обидел его, прямо скажем, в самых нежных чувствах к новой машине спецКБ ЗИЛ. Этот тёртый, суровый мужик, казалось, сейчас вот-вот заплачет. И я не смог ему отказать. Пообещал. Оговорившись, что молчать о секрете буду до тех пор, пока соответствующие цели не появятся по ту сторону воображаемого фронта.

А вот с рабочих военпред такого обещания взять не догадался и слухи поползли один другого страньше. Уже через неделю комитет комсомола Москвы отрядил ко мне делегацию, которую интересовал один-единственный вопрос, а поскольку завод ЗИЛ располагался по пути, то зашли и к Бойко, чтоб уточнить информацию.

— Товарищ подполковник, а правда, что товарищ Любимов со ста метров четырёхкилограммовой гранатой танк подбил?

Военпред, осознав свою ошибку, а также то, что шила в мешке не утаишь, ответил утвердительно, но какие-либо пояснения давать отказался. О том, что ко мне пожаловала толпа юных ленинцев, я узнал от дежурного по КПП и, что делать, вышел к ним за периметр, так как проигнорировать было бы политически неграмотно, а пригласить к себе - противозаконно. Мне ещё кучи несовершеннолетних за колючкой для полного счастья не хватало.

— Здравствуйте, товарищи! — поприветствовал я их, увидев, что молодёжь организовалась и зачем-то построилась.

— Здравия желаем, товарищ капитан! — на зависть моим бойцам, звонко и дружно прокричали мальчишки и девчонки. Впрочем, среди них были и вполне взрослые представители обоих полов, а особенно выделялся крепыш на полголовы меня ниже и в полтора раза шире. В плечах.

— Чем могу быть полезен? — сразу же после моего вопроса и строй и порядок кончились, ко мне, галдя наперебой, бросилась толпа.

— Товарищ капитан, товарищ Бойко сказал, что вы четырёхкилограммовой гранатой со ста метров танк подбили! Научите, а?!

— Положим, не гранатой, а ударным ядром и не танк, а бронеплиту и не подбил, а пробил, — принялся я оправдываться, не ожидая от военпреда такой подставы.

— Научите!

— А ну становись! — нашёлся я, как взять ситуацию под контроль. — Смир-рна-а! — и уже спокойно, отеческим тоном, стал увещевать. — Ну зачем вам это, ребятки? Вот пойдёте в армию, там всему вас научат. А девчонкам это и вовсе ни к чему.

— Никакие мы не ребятки! Мы комсомольцы! Настоящие! На деле, как вы и учили! — крепко горячо стал доказывать свою правоту. — И отговаривать нас политически близоруко, я считаю! Вот, товарищ Ворошилов, например, звание "Ворошиловского стрелка" ввёл и значок за сдачу норматива! И за парашютный прыжок тоже значок дают! И мы, будущие защитники рабочего класса, хотим научиться метать противотанковые гранаты так же, как и вы!

Осознав, что взаимопонимания не достичь, я просто наотрез отказался от должности тренера, сославшись на юный возраст предполагаемых гранатомётчиков, которым рановато иметь дело со взрывчаткой. В ответ получил заверение, что справятся и без моей помощи.

После этой беседы нагатинский лагерь подвергся нешуточной осаде. Часовые докладывали, что даже самым ранним утром за моими занятиями со взводом академиков "второго захода" внимательно и скрытно наблюдают. Кроме того, бойцы роты охраны, которым и так было нелегко из-за весеннего наплыва гормонов, в увольнениях оказались под пристальным вниманием со стороны прекрасной половины человечества, которая всё время почему-то старалась свести разговор к гранатам. И моментально теряла интерес к тем, кто либо ничего не знал, либо просто не умел красиво врать. Самые языкастые продержались дней десять, но потом всё равно абсолютное большинство, за редким исключением пар, которых постигло внезапно вспыхнувшее настоящее чувство, получили отставку. От сознательных комсомолок такого подхода я, честно говоря, не ожидал.

Как только все "разведданные", с переменным успехом, так как кое у кого получилось попасть наугад в яблочко, были проверены, комсомольская организация Москвы пришла к выводу, что источник иссяк и дальше надо действовать своим умом и трудом. Норматив был ясен, а дальше как в анекдоте: что тут думать, надо прыгать! Мало того, в "Комсомолке", на первой странице, напечатали побудительную статью с моей фотографией "Бей врага ядром-гранатой как капитан Любимов!". Что тут началось! С Первоя ССССР поразил гранатомётный психоз и первым в этой обстановке сориентировался "матросский флагман" нарком ВМФ Кожанов, учредив значок-медаль на белой колодке с узкой синей полосой, с оттиском богатыря-морпеха в позе, живо напомнившей мне матроса с панорамы "Оборона Севастополя". Сверху, по дуге, был начертан девиз "Бей гранатой", а внизу скромно и со вкусом "Кожанов". Значок имел первоначально три ранга и был, соответственно медным, бронзовым и серебряным, а в народе эти знаки отличия, которые чеканили всего-то около месяца, мигом обозвали "кожаными гранатомётчиками", что Ивана Кузьмича несколько не расстраивало. Он даже перестал на меня обижаться за ту февральскую историю.

Между тем, события набирали обороты. Комсомольцы, отчаявшись запулить четырёхкилограммовый чугунный шарик хотя бы не на сто, а на полсотни метров, обратились к олимпийскому опыту и перешли на молот, с которым результаты были гораздо лучше. Но тут один шибко умный дядя в журнале "Армия и революция" опубликовал статью, в которой обосновал, что ядро всё-таки предпочтительнее молота, поскольку для его метания не нужен обширный окоп, а достаточно уширенного участка траншеи. Кроме того, он авторитетно заявил, что двухкилограммового заряда взрывчатки для поражения современного танка достаточно и имеет смысл метать диск. "Кожаный гранатомётчик", при сохранении ленты и надписей, преобразился, став бронзовым, серебряным и золотым с изображениями дискобола, метателей ядра и молота соответственно. А профильные организации получили задачу на разработку реальных боеприпасов.

Вельми обширна Земля Русская и богато талантами украшена. Комсомолец Громыхайло из деревни Подмышки первым метнул четыре за сто. Через два дня после того, как это было объявлено, его лично посетил нарком ВМФ и сагитировал вступить добровольцем в ряды морской пехоты на вновь учреждённую должность "тяжёлого гранатомётчика". На проводах порвали три баяна, о чём с восторгом написала центральная пресса с "Правдой" во главе. Ворошилов бесится, его "стрелки" среди молодёжи перестали котироваться. Пулькой пальнуть за километр каждый может, а ты попробуй ядром за сто метров в движущуюся мишень попасть! Девчонки любят сильных! А мальчишки любят Нину Лазореву, собственные "ядра" которой тянули далеко за четыре килограмма. Да что там мальчишки! Престарелые деды собирались во время мастер-классов на стадионах с морскими биноклями, чтоб не пропустить момент броска!

В военкоматах начались драки между "покупателями" с криками "больше одного на роту не выдавать!" При этом, надо было ещё и убедить добровольцев вступить именно в армию, а не в морскую пехоту к товарищу Громыхайло, у которого можно было бы поучиться. Военные теоретики сошлись в печатных баталиях на тему места тяжёлых гранатомётчиков в боевых порядках в наступлении и обороне.

Вопрос, между тем, вышел на международный уровень. "Фёлькишер беобахтер" разразился статьёй на тему, что русские, в ничтожных попытках бросить тень на намечающуюся в Берлине летнюю олимпиаду, мухлюют, бросая бабские спортивные снаряды. Ничего удивительного в этом нет, ведь устроил весь этот балаган некто Любимов, известный аферист, обманом заставивший французов вывести арестованное за долги ржавое корыто в море за собственный же счёт. Детские хитрости могли бы пройти с лягушатниками, но истинные прямые потомки Ария интеллектуально и физически стоят много выше славян, их невозможно обмануть или победить в состязании. Советы знают это и даже не пытаются соревноваться как все цивилизованные народы на Олимпиаде, прикрывая свою немощь фиговым листочком глупой лжи.

"Сами напросились!" - ответили комсомольцы и перешли на семикилограммовые "боеприпасы". Теперь, чтоб получить золотой значок третьего ранга, надо было попасть в движущийся на тебя танк не ближе, чем в 50 метрах. Следующий, второй ранг давали за поражение танка, едущего перпендикулярно направлению броска на 60 метрах. А на высший, первый ранг, надо было бросить реальный боеприпас за семьдесят. Последних пока не было и золото первого ранга выдавали "автоматом". Точно такие же требования, с поправкой на дистанцию, предъявлялись и к метателям ядра и диска. А для того, чтобы тебя вообще допустили до зачёта, надо было отлично бросать обычную ручную гранату на дальность и меткость, попадать в малый круг на уставной дистанции тремя попытками из трёх.

Эпизод 6

— Семён Петрович, — непривычно, по имени-отчеству, вдруг обратился ко мне майор госбезопасности Кобулов после того, как во время моего внеочередного доклада с глазу на глаз, все рабочие моменты были обговорены, — у меня к вам будет одна совсем небольшая просьба. Даже не так. Поговорить с вами меня просил товарищ Меркулов, а его, в свою очередь, товарищ Берия. Кто просил наркома, думаю, вам понятно. В общем, считайте, что это просьба партии от лица всего советского народа. Да вы сидите-сидите, не надо вставать. Я понимаю, звучит внушительно, но дело-то, в общем, пустяковое. Тем более, вы нечто подобное уже один раз проделали.

Начальник управления посмотрел на меня, видимо, ожидая заверений, что я готов на всё,

лишь бы оправдать высокое доверие, но ответом ему было лишь молчание. Просто в этот момент я был сильно занят, устроив себе ревизию памяти на предмет пустяков, которые могли бы понадобиться от меня всему народу СССР.

— Подумайте, когда вам удобно будет бросить молот весом в семь, а не четыре килограмма. Партия очень надеется, что вы и здесь покажете выдающийся результат. Но сделать это крайне желательно до начала Олимпийских игр.

— Чего? — голоса хватило только на одно короткое слово, после чего горло будто сдавило.

— Не надо так волноваться. Вам всего лишь надо поддержать репутацию первого тяжёлого гранатомётчика нашего наркомата и всей страны. В присутствии представителей иностранных посольств, зарубежных компартий и широкой советской общественности. Всё будет снято на киноплёнку, в том числе и контрольное взвешивание спортивного снаряда. Есть распоряжение выделить под это мероприятие стадион "Динамо". Поэтому я и спрашиваю, когда вам будет удобно. Чтобы товарищи могли скорректировать расписание работы стадиона, — судя по тону Кобулова, он ни капли не сомневался в пустячности дела, о котором говорил. Его волновали организационные моменты, а в результатах моего будущего броска он даже не сомневался!

— Вы что? И правда ничего не знаете? — спросил я в состоянии крайнего изумления, чем не на шутку напугал начальника.

— Не знаем ЧТО?

— ТО! Я не метал никакого молота! Никаких гранат! Вообще ничего! Я в кювете сидел тогда и двадцать человек это видело! Какого лешего! Я что, похож на безмозглого метателя тяжестей?! Да если б я таким был, то до сих пор грёб бы из Бизерты на вёслах! — припомнил я давнишний разговор с Кузнецовым. — Это абсурд какой-то! Ловим врагов, шпионов, а то, что под носом творится не ведаем! И это работа наркомата!

— То есть как?! Значит всё враньё?! Ничего не было?! — Кобулов был потрясён.

— Да почему же не было? Было! Только совсем не то, что сплетники разнесли! Я всего лишь взорвал некий боеприпас в ста метрах от 45-миллиметровой бронеплиты. В результате чего она оказалась пробита насквозь!

— И молчал?!

— А что я должен был делать?! Заявить на весь мир, что создал нечто четырехкилограммовое, "на раз" дырявящее новейшие советские танки?! Я слово, между прочим, дал, что молчать буду! Чтоб наши враги, которых предостаточно, ничего об этом способе не узнали!

— Вот ходячая катастрофа, опять подложил свинью всему наркомату, — упавшим голосом проговорил начальник главка. — Как теперь об этом докладывать, ума не приложу...

— Никому никаких свиней я не подкладывал! Никаких мудрёных операций, чтобы выяснить суть произошедшего, проводить не требовалось! Достаточно было один раз у меня спросить, а не устраивать никаких спортивных демонстраций!

— Ты думаешь, наверное, у нас под каждым кустом сексот сидит и за несознательными сотрудниками, поддавшимися тщеславию, приглядывает? — взвился майор. — Ты должен сразу был сам доложить! Выговор тебе!!

— Тогда сами гири и метайте, товарищ майор госбезопасности! — моя ответная зеркальная реакция не заставила себя ждать, но мне почти сразу удалось взять себя в руки, и закончил я уже абсолютно спокойно. — Впрочем, о чём это я? В любом случае мероприятие надо отменить.

— Нельзя ничего отменять... — совершив над собой титаническое усилие, Кобулов понизил тон, сознавая в глубине души мою правоту, и протянул мне свежий номер газеты "Правда", нарочно повернув нужной статьёй кверху. "Ложь вместо дела". И подпись — Киров. М-да, Мироныч в последнее время прочно застолбил за собой пост главного идеолога партии. Посмотрим, что внутри. Ёлки зелёные! Да он же просто перчатку бросил, расписав меня со всех сторон! "Товарищ Любимов, начав свой путь из простых рабочих, достиг выдающихся успехов в деле моторизации народного хозяйства... Как настоящий большевик, он шёл от победы к победе, являясь примером для пролетариата всей планеты... Нападки фашистской пропаганды так же смешны, как смешон броненосец "Дойчланд" по сравнению с советским дизельным линкором "Фрунзе". И так далее и всё в том же духе. Прямо не сказано, будто я собираюсь утереть немцам нос, но намёки более чем прозрачны.

— Не только можно, но и нужно! — я даже вскочил с места. — Представьте, что будет, если расписанный в красках герой вдруг при всём честном народе обмишулится. Это позор на весь мир! И не только мой, но и партии и страны в целом. Не знаю, как вы оправдываться будете, но я, как честный человек, участвовать в аванюре отказываюсь!

— Свободен, — коротко бросил мне майор, сообразив, что решать мою судьбу будут гораздо выше. — Доложить так и так придётся, а там пусть хоть в ЦК решают, — сказал он сам себе.

Возвратившись к себе на остров в самом скверном расположении духа, я некстати решил заняться вновь набранным "спецконтингентом" и испортил себе день окончательно. Вот были времена, когда в лагерь могли упечь просто за происхождение! А теперь? Ворьё, жулики, осужденные за халатность, даже один убийца, явный психопат. Высокие звания инженеров вся эта публика носила явно по какому-то недоразумению. Ещё неделю назад я объявил, что главной темой работ станут газовые турбины и дал время на предварительную проработку вопроса, предоставив всю доступную информацию. Благо время ещё терпело, так как МИСИС медлил с ответом на запрос относительно жаропрочных сталеникелевых сплавов, работы над которыми начались ещё пять лет назад с поршневых колец для Д-100. Каково же было моё разочарование, когда мне заявили, что моя затея бессмысленна в любых видах. Автономная турбина с самоподдерживающимся процессом горения, что уже смахивает на фантастику, будет иметь ничтожный КПД, много меньший, чем у обычных моторов. А турбокомпрессор наддува, работающий от выхлопных газов, принесёт больше вреда, чем пользы, создавая дополнительное сопротивление на выпуске. Для КПД критически важна температура газов перед турбиной и если её поднять до уровня, когда овчинка будет стоить выделки, наличные стали и сплавы просто прогорят. Обобщили, короче, информацию. Не пытаюсь даже подумать, как перепрыгнуть барьер.

— Значит так, — выстроив "спецконтингент" на плацу, выступил я с речью, — чтоб вам было понятно. Мы здесь не занимаемся повторением прошлых достижений инженерной мысли. Если вы думаете, что вам гарантировано здесь тёплое место, ошибаетесь. Быть ходячим вычислителем, выполнять "от и до" спущенное сверху задание, совершенно недостаточно! Если бы я, в своё время, занимался тупым копированием иностранных конструкций, серийных автомобильных, тракторных, авиационных дизелей в СССР и по сей день, вероятно, не было бы. Мы не смогли бы, даже в опытных образцах, сделать надёжный шести-, восьми- или двенадцатиплунжерный ТНВД типа "Бош". Пришлось применить схему с двухтактным циклом, минимальным количеством цилиндров и свой оригинальный ТНВД, пусть и проигрывающий по

ресурсу немцам. Мы четыре года потратили на освоение игольчатых форсунок, которые сейчас устанавливаются исключительно на авиамоторы и судовые дизеля. Если бы мы в самом начале дела не применили шариковые форсунки, не добились бы сразу успеха, дизелей в серии не было бы. Шариковые форсунки хуже распыляют топливо, нежели игольчатые, но мы применили для компенсации продольно-вихревую продувку. Интенсивный рабочий процесс в каждом цилиндре predeterminedил высокую тепловую нагрузку на выпускные поршни, но мы избавились от шатунов и их пальцев в юбке, применили интенсивное масляное охлаждение. Вот так был создан теоретически неподъёмный для нашей промышленности мотор. И я ожидаю от вас именно поиска решений, а не унылого нытья. Сказку, как мужик камень с дороги убрал, надеюсь, все знают? Вы все отобраны по специальности, паровые турбины вам знакомы. Даю два дня на размышление, после чего опрошу каждого индивидуально. От никчемных избавлюсь сразу.

Признаваясь самому себе в том, что покривил душой, как-никак я сам всё-таки умыкнул идею из будущего, а все мои ухищрения были направлены лишь на приспособление конструкции к реалиям, я, тем не менее, намерен был поступать максимально жёстко. Товарищ Сталин сказал, что мы должны пробежать столетний путь европейской и американской промышленности за десять лет, иначе нас сомнут, и был полностью прав. А от себя я бы добавил, что на открытых в последнее десятилетие направлениях, мы просто обязаны идти вровень с конкурентами и даже опережать. Подобно тому, как в эталонной истории произошло с "Катюшами".

Чуть лучше, но тоже не блестяще, складывалась ситуация с пополнением для станкостроителей. В основном, благодаря тому, что это направление поначалу было второстепенным и поэтому ресурс потенциальной рабочей силы, вернее мозгов, не был в должной мере охвачен. По этапу порой приходили ЗК, осужденные в 32-м, а то и в 30-м году. Их специальность, "металлообработка", мало что говорила НКВД-шному начальству, то ли дело авиаконструкторы, прочие двигателисты и судостроители! Поэтому пришлось перелопатить кучу уголовных дел, выискивая золотые зёрна. Набралось не особо много, но достаточно, чтобы расширить работы по существующим направлениям и приступить, наконец, к исследованиям в области сварки трением.

— Что-то ты не весел... — заметила жена, встретившая меня со службы.

— Думы тяжкие замучали, — ответил я хмуро.

— Тогда, мой руки и ужинать садись, только не напивайтесь.

— Ты о чём это?

— Петька Милов в гости пожаловал, смурнее хмари осенней, говорить с тобой хочет.

Говорить, так говорить, тем более, что бывший мой ученик давненько ко мне не обращался, успешно осваивая полученную от меня информацию. Но, на текущий момент, эта успешность вышла ему боком, потому что реализовать наработки в полной мере не давала не поспевающая за Миловым советская электротехническая промышленность. Попробовав сварку в среде инертных газов и на время отложив эту тему из-за дефицита этих самых газов, Пётр, перешёл на сварку под флюсом. При этом, он, не жадничая, делился сведениями и полученными практическими результатами с харьковчанами, отвечавшими взаимно, из-за чего, на удивление, обычной в таких случаях конкуренции между коллективами не возникло. Скорее, это можно было назвать кооперацией. Непаханое поле было просто огромно и пока на нём всем

хватало места с избытком. Плодом сотрудничества стал надёжный сварочный полуавтомат, бравший за один проход броневую сталь до тридцати миллиметров, что изначально и предусматривалось техзаданием, поскольку на момент его выдачи танковая броня была именно такой. Шов получался очень аккуратный, а околошовная ослабленная зона минимальной. Жаль только, что выпуск танков с такой бронёй скоро свернут. На повестке дня броня в 45 миллиметров и выше. Справились и с этой задачей, но повышение мощности, фактически, при использовании тех же комплектующих, начиная с элементарных проводов, обернулось снижением надёжности построенного пока в единственном экземпляре, вернее, модифицированного станка, который то и дело выходил из строя. А сегодня и вовсе сгорел при сварке очередного корпуса Т-126. Ничего удивительного, ведь, по сути, всё свелось к увеличению силы тока. Восстанавливать его в прежнем виде было бессмысленно, а компоненты нового были только заказаны заводу "Динамо", к работам по ним, похоже, даже не приступали. Серия Т-126 оказалась под угрозой.

— Пётр, вот честно, мне б твои проблемы, — сказал я, наливая водку в рюмки. — Ты что, надавить на смежников не можешь? Бойко подключай, Рожкова, в конце концов. Пусть шевелятся. Не будешь толкать, тебя же потом и обвинят, что мало старался. Давай за решительность твою выпьем!

— Хорошо тебе рассуждать, а я год работал, как проклятый. Жди теперь, когда смежники раскachaются. Да мне даже проволоку с боем выбивать приходится, потому как её в начале пятилетки в плане не было. А наркомат обороны ждать не даёт, ему танки нужны. Рожков крутится, договорился, чтобы старое шасси Т-26М в производстве оставили под самоходки и вспомогательные машины. Агрегаты-то ЗИЛ-5 в серии, никуда не делись. Но если не дадим новый танк к концу года, боюсь, голову снимут, и мне и ему.

— Знаешь, Петь, — сказал я, уложив ломоть сала на кусок чёрного хлеба, но так и не донеся его рта, — есть у меня одна идея. Смешно сказать, только что перед своими выступал, мол если упёрся в препятствие, надо не лбом в него бить, а подумать, как обойти.

— Не томи.

— Ладно. Смотри. У меня в станочном КБ объёмные модели шестерён с арочными зубьями из множества плоских элементов собирают.

— Это ты к чему?

— Да к тому, что толщина бронеплиты, которую ты с успехом можешь варить, 30 миллиметров, а длина и ширина её могут быть любыми в разумных пределах. Хоть во всю длину и ширину танка.

— Ну, допустим. И что?

— А вот смотри. Вот хлеб, вот сало, вот ещё хлеб сверху, опять сало, — ощущая себя чуть ли не Чапаем с картошкой, подталкивал я Петьку к правильной мысли, — а вот и рамочка из пары кусков хлеба с боков.

— Да ты очумел! Это ж сколько швов-то!?

— Зачем спрашиваешь? Попробуй кто быстрее нижнюю лобовую деталь 126-го сварит. Сварщик вручную 45-миллиметровую плиту или твой полуавтомат этот "бутерброд" из 30-миллиметровых деталей. И обстрелом испытать не забудь. Думаю, и Гинзбургу это интересно будет в свете маневра с геометрией брони.

— Ага, и Бойко тоже. Что-то он в последнее время суетится, всё допытывается, нельзя ли броню ещё больше усилить. А тут смотри, — Милов взялся за мой "макет" и вытянул всё сало так, чтобы оно торчало в одну сторону, общая толщина "бронезащиты" при этом увеличилась раза в полтора, — в промежутки даже 37мм свободно не войдёт. А большой калибр и подавно. И раскрой проще, фаску снимать не надо, задний пакет наклоним градусов на 5-10. И катать такую броню на малых станах можно, она ж как полоса получается. А нам знай себе по длине поперёк режь сколько надо.

— Правду говорят, что иногда без поллитра не разберёшься, — усмехнулся я устало, разливая по крайней. — Вижу, у тебя голова опять заработала как надо. Накрепко запомни, Петя, не бывает безвыходных положений, это, знаешь ли, ещё барон Мюнхгаузен говорил, просто мы порой зацикливаемся на очевидном, ходим по кругу. Аппарат наш самый важный, тот, что промеж ушей помещается, тоже порой перезагрузки требует.

— Чего? Какой загрузки?

— Перезагрузки. Надо сбросить всю информацию полностью, а потом снова, с самого начала, с самого важного, загрузить себе в голову. И не просто так, а осмыслив. Тут-то, ты и от ошибок, которые прежде не замечал, избавишься, и, глядишь, новые пути откроются. Вот, скажем, колешь ты дрова, а если к ним ещё и голову приложить... — запутался я в мыслях.

— Шишка будет! Сам себе не поставишь, так я тебе помогу! — вмешалась вошедшая Полина. — Просила же не напиваться! И ты, Пётр, тоже хорош! Машке скажу, чтоб головомойку тебе устроила! Мигом закругляйтесь, деятели, а то на пьяную голову мало ли до чего додумаетесь!

— И то верно, — не стал я спорить, взглянув на жену и, повернувшись к Петру, предложил. — Пойдём, я тебя провожу.

— Ага, сейчас! — возмутилась Полина. — А тебя потом кто проводит? Завалишься в канаву где-нибудь, позору не оберёшься!

— Всё! Хватит! — повысил я голос, пресекая дальнейшие наезды, и твёрдо сказал. — Решил идти - значит пойду! Тут полчаса самое большее туда-обратно. Заодно и проветрюсь по дороге. Ненавижу во хмелю спать ложиться.

Поля как чувствовала, что прогулка без приключений не обойдётся. И верно, на полдороге мы напоролась на изрядно подвыпившего молодца. Обошлось словами, но лучше бы мне морду набили.

— А-а-а... Товарищ Любимов! — личность мою местный житель установил влёт. — Великий метатель гранат, ети его... А я тоже пьяный! Как и ты! А знаешь почему? А потому, что меня из комсомола выперли! А знаешь за что? А за тебя! Никто не верит, что ты ничего не бросал! Даже те, кто вместе со мной тогда ту бронеплиту ворочали! А я, вот беда, врать и молчать так и не научился... А ты научился, как погляжу... Вот и сейчас молчишь... Ну, молчи, молчи, а я дальше пойду. Всё равно мне уже.

— Фамилия? Имя? — решительно, напоказ, спросил я, внутренне сгорая со стыда.

— Думаешь, спужался я тебя? А вот и нет! Костин я, Иван. Только что с меня теперь взять, с беспартийного?

В довершение всего, по возвращении домой Полина встретила меня новостью.

— Сталин звонил. Сказал, перезвонит позже. Опять вляпался, да? — спросила она меня участливо.

Тут меня прорвало и я рассказал жене всю эту историю с географией без утайки, от технических подробностей боеприпаса до последних слов чернорабочего Ивана Костина.

— Тебя пожалеть что ли? Так нечего, вины твоей в случившемся нет, — пожала Поля плечами. — А если совет нужен, так брось эту несчастную гранату и дело с концом.

— Ты так легко об этом говоришь, будто каждый день только этим и занимаюсь. А ведь я спортивный молот в руках никогда не держал!

— А чего? Мужик ты здоровый, каждое утро битый час мечом своим ненаглядным машешь, — беззаботно, но вместе с тем чуть ревниво, заявила жена. — И вообще, не думала, что ты испугаешься.

— Я? Испугаюсь?! — такая постановка вопроса возмутила меня до глубины души.

— Ну да. Как вспомню с какой лёгкостью ты в самые безнадёжные предприятия ввязываешься, так ума не приложу, почему ты жив до сих пор, относительно цел и при этом дома. В Грузии уцелел, корабль без машин через два моря привёл, стало быть огонь и воду прошёл, только медные трубы остались. И только тут ты вдруг сомневаться начал.

— Знаешь, сказки сказками, а тут дело серьёзное, дальше некуда.

— Сказка ложь, да в ней намёк. Знаешь, в чём испытание медными трубами заключается? — Поля взглянула прямо мне в глаза. — Когда витязь преодолет и воду, и огонь, слава о нём по миру расходится и всяк язык к той славе, в меру таланта, небылиц добавляет. И вот тут-то и настаёт момент совершить подвиг, именно такой, какой болтуны сами и придумали. Сумел — можешь без боязни потом говорить, что про тебя лишнего наговаривают, никто поперёк не скажет. Не сумел — подумают, что и воду ты не прошёл, и в огне не был, брехня это всё, и звать тебя никак. Сказка эта как раз про тебя, коли уж ты тихо и спокойно жить не можешь и мне не даёшь.

— В смысле?

— В том, что с третьей работы уже увольняться приходится. Чуть освоишься, как парторг местный тут как тут. Неприлично, видите ли, жене товарища Любимова в беспартийных ходить.

— Погоди, а я почему ничего не знаю? И где ты теперь?

— У тебя своих забот полно. А мне дядюшка Исидор пропасть не даст и всегда устроит в лучшем виде. Благо у него сейчас дел с химией развелось, что хоть наркомат открывай. Я уж и искусственными волокнами позаниматься успела, и синтетической смолой, да только не моё это всё, ничего не чувствую, неживое всё какое-то.

— Мочевинной займись. Азотные соединения всё ж. К живой природе поближе. Из неё как-то пенополиуретан получить можно, чтоб пробкой металлические понтоны не набивать...

— Ты давай, зубы мне не заговаривай. Что решил-то? Будешь бросать или нет? Имей в виду, я не просто так в тебя вцепилась, товарищ Сталин попросил, причём очень обходительно, повлиять на тебя.

Ничего себе! Я даже не нашёлся как на это заявление отреагировать. Ко всему был морально готов, к приказам, давлению, настроился уже, так сказать, на конфликт, но не к такому. Ничего не скажешь, Сталин сидит на своём месте по таланту и праву, просчитал меня и нашёл дипломата, с которым я бодаться не буду.

— Ну, решайся же! Сам же твердишь, что война с немцами не за горами. Встарь всегда перед битвой поединчики сходились, да так, что порой, и без боя всё решалось. Былину про Мстислава и Редедю знаешь? То-то! А теперь, выходит, тебе выпало, пусть и простое состязание. Победишь, может Гитлер, будь он неладен, испугается и войны не будет, — уговоры жены лились равномерно и успокаивающе.

— Это, конечно, вряд ли. Но ты права. Если попытаюсь, то позор возможен, а если откажусь, то просто гарантирован. Брошу и пусть все утрусся. И наши и немцы. Зато потом буду всех, кто от по-настоящему нужных дел отвлекает, лесом посылать.

— Вот и правильно, — с улыбкой одобрила меня жена. — И не сомневайся, всё у нас получится. Помогу тебе, есть у меня одно средство...

То ли время звонка было заранее оговорено и Поля к нему как раз подгадала, то ли случайно так получилось, но прозвучал он как раз вовремя.

— Доброй ночи, товарищ Сталин, — сказал я заранее зная, кто находится на другом конце провода.

— Здравствуйте, товарищ Любимов. Как вы себя чувствуете? — вопрос вызвал у меня усмешку. Ох уж эти мне дальние заходы. Как может чувствовать себя человек, когда второй час ночи за окном?

— Я готов бросить молот, товарищ Сталин, — ответил я по существу, чтобы избежать долгих вступлений.

— Вы прямо сейчас готовы? — я как наяву увидел, что Иосиф Виссарионович тоже усмехнулся.

— Не сейчас, конечно, — смутился я. — Надо попробовать, примериться, потренироваться.

— Какое время это займёт?

— Я бы выбрал, если это возможно, двадцать второе июня, этот день многое значит для меня, — сообразив, что здоровее и за полгода не стану, а пару оставшихся недель успею использовать с толком, сделал я свой выбор. При этом я заметил, что Полина взглянула на меня с лёгким удивлением и явным одобрением.

— Если вам потребуется больше времени, сообщите. Мы вас не торопим. И рассчитывайте на любое содействие, обращайтесь напрямую.

— Спасибо, товарищ Сталин, — заметив, что жена подаёт мне недвусмысленные знаки, я сказал. — Моя супруга хочет сказать вам пару слов. Передаю трубку, товарищ Сталин.

Полина, конечно, слышала, что говорят с той стороны, поэтому и попросила помощи в снабжении некими крайне важными вещами, продуктами питания, в частности. И получила, конечно, положительный ответ.

— Он тебе спокойной ночи пожелал, — сказала она, повесив трубку, подойдя ко мне и обняв за

шею, — но я тебе обещаю прямо обратное. А ты не так прост, как кажешься. Надо же, солнцеворот! Я и сама лучшего дня не выбрала бы.

Эпизод 7

С самого утра следующего дня у меня началась упорная борьба с самим собой. Подсказка жены насчёт поединка перед битвой, казалось, давала мне прочное моральное основание, но в месте с тем, унылые мысли о том, что я такой, весь из себя, информированный, мог бы принести стране гораздо больше пользы в каком-нибудь другом качестве, нежели в виде метателя молота, сводили на нет чисто физические усилия. Браться за спортивный снаряд просто не хотелось. Понимал, что надо, что без этого уже никак, что обещал, подписался, но... душа не лежала. Пытаюсь вспомнить, хоть по трансляциям соревнований по лёгкой атлетике из прошлой жизни, восстановить технику броска, а в голову лезут охлаждаемые лопатки турбин, которые, усилием воли, постоянно приходится отодвигать "на потом". Просто из рук всё валится. Пытался мысленно себя корить и уговаривать — всё бесполезно. В конце концов, почти отчаявшись, стал повторять "Отче наш". И, о чудо! Кроме слов молитвы, повторяемой раз за разом, в голове не осталось вообще ничего. И осмысление правильных действий пошло совсем по-другому. Теперь я не говорил уже сам себе, что надо взять молот, крутануться раза два-три и запулить его подальше. Теперь я действовал совсем без слов, по принципу вижу-повторяю, благо "кино" памяти с течением времени становилось всё отчётливее.

Дней за пять всё встало на свои места и вечером, перед сном, мне уже думалось, что кем бы ты ни был, что бы от тебя не потребовало твоё Отечество, это в любом случае почётно и крайне важно. Скоро те, кто уж точно не хуже меня, будут выполнять приказы "удержать любой ценой", ложиться под танки, ходить в атаки, а ведь могли бы стать мастерами, учёными, хорошими родителями, поэтами и композиторами, как Окуджава, или даже любимыми всеми клоунами, как Никулин. Но кто может додуматься их в этом упрекнуть? И да укрепит меня в мыслях Сашка Матросов, которому сейчас лет двенадцать, наверное, бегаёт где-то, наслаждаясь каникулами и обеспеченным самым прогрессивным социальным строем счастливым детством!

После того, как я навёл порядок у себя в душе, и тренировки, казалось, пошли гораздо продуктивнее. Конечно, я не стал рвать с места в карьер, а начал постепенно. Даже сперва и бросать не пытался, а прохаживался, покручивая вокруг себя отлитый на МССЗ чугунный спортивный снаряд, привыкая к его весу. Да и Полина, которая на это время вообще перестала ходить на работу и став для меня в какой-то мере и тренером и врачом и диетологом одновременно, не советовала сразу напрягаться, а укрепить сперва связки, для чего очень плавно увеличивать нагрузку и, самое главное, пить особый густой рыбный бульон с приправами. Вообще, всевозможными зельями она начинала меня пичкать сразу с подъёма, подавая какой-то душистый травяной отвар от которого страшно хотелось жрать. Надо сказать, что и питание было весьма и весьма сытным, богатым калориями и витаминами. А уж ингредиенты, из которых Поля составляла свои рецепты, порой ставили в тупик "поставщиков". Одно мясо разъярённого дикого медведя, обязательно доставленное в виде туши и не замороженным, а только охлаждённым, чего стоит! Вообще-то моя ведьмочка всегда была резко против поедания медвежатины, ссылаясь на какие-то свои табу, но сейчас заявила, что случай особый. Заодно, под шумок, она пополняла впрок наши запасы провизии, различными деликатесами в невероятных количествах, даже не думая себе в чём-то отказывать, сказывался менталитет человека, хоть раз пережившего настоящий голод. В принципе, конечно, мы были достаточно обеспечены, чтобы всё просто купить, но, скажем, дальневосточного лосося в московских магазинах сейчас просто не водилось.

От такой диеты "с примесями" я постоянно находился в состоянии потребности совершать какие-то действия, расходовать энергию, что и делал с утра до вечера, мало при этом уставая. Раньше бы я под конец дня, наверное, пластом бы валялся, несмотря на то, что слабаком не был, а сейчас был готов хоть вагоны разгружать. А ещё мне очень хотелось женщину, но супруга категорически отлучила меня от тела, заявив, что потом – хоть сотрись, а сейчас ни-ни. Очередная волшебная настойка на ночь и глубокий здоровый сон уже минуты через три.

Знание, умение, навык. Первое взять было неоткуда, кроме как из зрительной памяти и в процессе пробных бросков вносить коррективы. Упор ногами в землю должен быть постоянный, молот надо раскручивать не горизонтально, а под углом, продвигаясь вперёд, а в конце, распрямляясь, совершить мощное движение, послав снаряд вперёд и вверх, к цели. Умение пришло само собой, в процессе, подобно умению плавать или держать равновесие во время езды на велосипеде. А вот для наработки навыка нужно было время, которого у меня просто не было. Всю вторую неделю подготовки бойцы роты охраны только давались диву, глядя на своего командира, который, поначалу, после разминки бросал молот вдоль канала, используя запретную зону вдоль внешней его стороны, бежал к нему, считая шаги для оценки дистанции, бросал обратно и так без конца. Поняв, что уже могу, я усложнил задачу, сделал тренировки более приятными. Теперь молот летал с берега на берег, через всю пятидесятиметровую ширь, а капитан госбезопасности, в одних труселях, скидывал у кромки воды сапоги, специальные, мягкие, идеально сшитые ради такого случая строго по ноге, и преодолевал преграду вплавь, спасаясь таким образом от июньской жары, обувал на той стороне запасную пару и процесс повторялся.

Назначенный день приближалось неумолимо, обычно о ходе тренировок, ради того, чтобы я не отвлекался, ездил докладывать Косов, но 20-го числа Кобулов приехал сам посмотреть на мои успехи. Впечатление я произвёл благоприятное и мои слова, что переносить ничего не требуется, были приняты с одобрительным кивком. Программу-минимум, хорошую дальность броска, я продемонстрировал, а вот точность попадания гарантировать был не готов. Однако большего желать было бы грешно, а немцы, пожелав меня переплюнуть, всё равно столкнутся с теми же самыми трудностями.

Эпизод 8

22-го июня 1936 года я проснулся очень и очень рано даже для себя, привыкшего вставать в пять утра, будто почувствовал что-то неладное. Потянувшись рукой, понял, что Поля рядом нет, а за окном хоть глаз коли. Вот те раз! Тело, напичканное за последние две недели всевозможными возбуждающими народными средствами, отреагировало на вброс адреналина мгновенно. Я ощутил непреодолимую потребность куда-то бежать, искать, в конце концов, поднять на уши караул. Если жена на острове, быстро найдём. Впрочем, если нет, то это ничего не меняло, сейчас я был готов поднять на уши не то что близлежащие посёлки, но и всю Москву.

Чу, в из сеней послышался тихий скрип аккуратной открываемой двери.

— Ты где была? — встал я перед супругой не только уже одетый, но и, вдобавок, вооружённый. Шестилетняя привычка снимать поутру ради тренировки меч со стены оказалась сильнее логики.

— Тише, детей разбудишь, — шикнула на меня Поля и, как ни в чём не бывало, спросила. — Что это ты вдруг вскочил ни свет, ни заря?

— Что вскочил, что вскочил? Вскочил и всё! А тебя нет! — затараторил я, давая выход рвущейся наружу энергии хоть таким способом, раз беготни не случилось. — И вообще, ты что мне зубы заговариваешь, вопросом на вопрос отвечаешь? Где была, спрашиваю?

— А ты о самом хорошем, наверное, сразу подумал? Ревнуешь, что ли? — подколола меня Поля.

— С чего это ты взяла, что ревную?

— Значит, не ревнуешь? — она приблизилась и взяла меня обеими руками за портупею. — Так, значит?

От её лукавого взгляда в голове у меня окнчательно всё перемешалось и я на миг растерялся, почувствовав, что жена загнала меня в угол.

— Беспокоюсь я!

— Верю, — шепнула Поля и очень нежно поцеловала. — Дела у меня были в купальскую ночь, на которые батюшка точно не благословил бы, — тихо сказала она глядя прямо мне в глаза.

— Надеюсь, без баловства?

— Ах ты охальник! — шутливо стукнула она меня в грудь своим кулачком. — За то, что вообще мог подумать такое, завтрак готовить не буду тебе. Вон, мёду с орехами поешь и простой водой запьёшь.

— Может, чайник поставить? — брякнул я, думая между тем, как бы половчей смыться на зарядку, где и умотать себя до полного выветривания дурных мыслей.

— Так надо, — твёрдо сказала Полина и мне пришлось смириться. Да, сегодня надо именно так. И вообще, близким людям порой лучше доверять не оценивая и не рассуждая, если в их словах слышится хоть десятая доля той уверенности, с которой вынесла свой вердикт Поля.

— А теперь, пойдём рассвет встречать, — разделив со мной трапезу из свежайшего мёда, который, налитый в стеклянную банку, давал при её перевороте всего лишь один большой пузырь, наполненного смесью из дроблёных грецких и лесных орехов, закономерно приправленного какой-то травкой, белого хлеба и воды, заявила моя жена.

— Что, это тоже обязательно? — переспросил я.

— У тебя совесть есть? Ты когда со мной последний раз рассвет встречал? Если не сейчас, то сколько ещё такого хорошего случая ждать?

— Слушай... А ведь действительно...

— А я о чем? Пойдём, говорю!

На всём нашем острове, с восточной стороны, оставалось единственное место, не засаженное по берегу "зелёной" и не опутанное колючей проволокой. Забранная в гранит, стрелка у самого начала канала представляла собой круглую площадку, на которой, на ступенчатом возвышении, со соего постаментов наблюдал встающее светило высеченный из гранита отец народов. В моём мире, после того, как к власти пришёл кукурузный Никита, новоявленные борцы с культом Личности, не утруждая себя тяжёлой работой, просто сбросили памятник в воду и забыли о нём. И только старожилы ещё помнили, что где-то здесь, под самым берегом,

лежит Иосиф Виссарионович, Генеральный секретарь партии, Вождь страны и Верховный главнокомандующий Красной Армии. А гранитная ротонда и пустой постамент остались, тоже став памятником отсутствию совести народа, воспользовавшегося талантом человека без остатка и выбросившего его, как более не нужную вещь, вопя при этом об изнасиловании и припоминая настоящие или мнимые злодеяния и ошибки, погибших по его вине. Забывая при этом оглянуться вокруг и посмотреть на живущих благодаря ему, ибо простое перечисление занимаемых Сталиным в то непростое время должностей однозначно говорит о его месте и роли в истории. Можно хоть сто раз менять общественный строй и правительства, каждое из которых будет лить помой на головы предшественников, но уже ничто и никогда не изменит того, что именно этот великий человек привёл Красную Армию в Берлин, так или иначе обеспечив её всем для этого необходимым, от высокой мотивации до прозаических портянок, уничтожил зверя, шедшего истребить всех нас.

Так мы и встречали рассвет втроём, я с Полиной, сидя на ступенях у подножия, да гранитный Иосиф Виссарионович, не подозревающий, какая его ждёт судьба, и думали каждый о своём.

— Знаешь, — мои мысли приняли неожиданный оборот, когда я подумал о начале двадцать первого века и посмотрел на происходящее через призму той реальности, — некоторые народы думают, что существуют супергерои, которые справятся со всеми врагами вместо их самих.

— Глупость какая... — пожала Поля плечами. — Постой, это ты о себе подумал что ли? Из-за того, что я сказала, что немцы испугаются? Вот уж не думала, что ты меня так поймёшь. Тут другое. Без своего народа, без тех, кто стоит за тобой, ты ничто. Напротив, только с теми, кто встанет с тобой плечом к плечу, кто даст тебе каравай в дорогу и даже просто будет молиться за тебя, победишь. Немцы знают это, били многих и сами биты бывали. Но глядя на тебя, могут подумать, что то, что совершишь, для русских обычное дело. Вот это может утратить. Или ты поговорку, что один в поле не воин, забыл?

— Вот и я так думаю... — сказал я вслух, добавив про себя, что кое-кому, для вправления мозгов, не мешало бы хоть раз по-настоящему вломить.

— Кровавая война будет, — глухо сказала Поля, — заря какая алая, да и медведь егеря задрал до полусмерти. Гадание такое. Хозяина своим именем уж и забыли как зовут, а столица немецкая как раз Берлин. Но мы победим.

— Я знаю.

— Поэтому я и взялась. Не будь ты так в победе уверен, послала бы куда подальше, невзирая на личности, со всеми их уговорами, — призналась Полина. — Смотри, солнце уже встаёт. Знаешь, пожалуй сегодня не надо силы зря расходовать, перед делом разомнётся, лучше отдохни.

— Как скажешь, — опять согласился я. — Есть одно место, куда бы я сейчас хотел съездить...

Да, есть такое место. Стоя в Москве, в Старом Симонове, на могиле инока с языческим, почему-то, именем Пересвет, я будто потерялся во времени. Стоял и думал о той битве, когда крымские татары не за данью пришли, а заручившись поддержкой и благословением папы, возжелали сесть на нашей земле. И вдруг всё вокруг стихло. И я как наяву увидел тот миг, когда Челубей был выбит из седла, его конь, заложив широкий круг унёсся в сторону строя генуэзской пехоты, а Пересвет, стараясь не подавать вида, держаться прямо, медленно и величаво, шагом, поехал к русскому строю. И невысокое утреннее солнце играло искорками на его кольчуге. Старый боец, уже было ушедший в монастырь доживать свой век, он знал, как важно продержаться, не подать виду, лишить врага любой надежды, он сам сошёл с коня, уже

замертво, только въехав в русские ряды.

Да, были времена, по сравнению с которыми нынешнее положение, несмотря ни на какие угрозы, можно считать прочным, когда Русь балансировала на самой грани. Положа руку на сердце, надо признать, это состояние даже более привычным, чем периоды относительного затишья, когда битый внешний враг даже в мыслях не дерзал ставить перед собой задачи уничтожения нашего государства. Да, привычным. Потому, мы знаем цену войне, и что самое главное, готовы её платить. До конца.

По возвращении домой Полина отправила меня в баню, где самолично выпарила, выбила и выдраила из меня всю грязь, размяв тело так, как и здоровый мужик, наверное, не смог бы. Обычной после таких процедур разморенности я совсем не чувствовал, напротив, в теле появилась удивительная гибкость и лёгкость. Ради интереса я даже попробовал сесть на шпагат и это у меня почти получилось.

— Делать тебе нечего, — не одобрила мой поступок жена и принесла неуставную, с вышивкой по вороту, подолу, плечам и рукавам нательную рубаху, сказала, — одевайся, машина уже ждёт.

Новая, чистая и выглаженная форма, орден на груди, сапоги, даже синяя фуражка, и та ни разу ещё не ношенная, древний меч, последний штрих. Перед посадкой в правительственный "Тур", Поля поднесла мне крынку тёплого молока, оказавшегося на вкус нестерпимо горьким.

— Пей до дна, — сказала она строго. — И что бы вокруг ни происходило, просто делай своё дело.

А в машине меня уже ждал товарищ Киров, душа компартии СССР, превзошедший по дороге самого себя в ораторском искусстве, накачивая меня на победу.

— Ну, дружище, не подведи, — хлопнул он меня по плечу, когда "Тур", въехав прямо на стадион "Динамо", пройдя по беговой дорожке четверть круга, остановился перед правительственной трибуной, и молодецкато выскочил из машины, которая потом доставила меня к воротам на противоположной от въезда стороне арены. Всю дорогу я слушал Сергея Мироновича вполуха, изредка кивая, чтобы обозначить внимание, а сам всё ждал начала чего-то такого, на что не надо обращать внимание. Очень уж мне то молочко подозрительным показалось. Первый эффект появился, когда я вылез из лимузина и вдруг понял, что звуки вокруг изменились, став гулкими, будто из тубы. Что-то говорил диктор, как ветер в кронах леса шумел народ, заполнявший трибуны, бериевцы, Меркулов с Кобуловым, тоже подошедшие дать мне своё напутствие. А я слов не могу понять! На поле у самого края, сборище, операторы с кинокамерами, фотографы.

— ...ровно семь килограммов! — разобрал я объявление и увидел, как трое отделились от сборища и пошли к выложенной из набитых землёй мешков имитации "окопа тяжёлого гранатомётчика". Один молот несут втроём, чудно... Боятся, что ли, чтоб по пути спортивный снаряд не подменили? Поймал себя на мысли, что начинаю хихикать и усилием воли взял себя в руки, сосредоточившись на окопе. Этот момент я упустил в процессе тренировок, но на глазок прикинул и решил, что места должно хватить для раскрутки и броска.

— ...капитан Государственной безопасности товарищ Любимов! — разнеслось над бескрайней равниной. Лёгкий толчок в спину, а куда идти? Передо мной люди в белых одеждах, стоят, смотрят на меня, мужчины, женщины, дети, иногда старики и старухи. Почувствовал растерянность, нашёл выход.

— Вижу Род свой... — слетело с языка, хотя я намеревался произнести "Отче наш". Спыхватился, стал читать молитву про себя. Пришло удивление, как древняя дохристианская молитва, в которой Бог прямо именуется нашим отцом и упоминается хлеб, легко прижилась в православии. Следом пришло понимание, что никакой разницы нет, там, наверху, всё равно, какие обряды люди выбирают себе в помощь, лишь бы жили в верном направлении. Дажьбожьи внуки, рабы Божии — одно и то же. Ведь слово "ребёнок" есть всего лишь уменьшительно-ласкательная форма слова "раб" и никак иначе. Истинный смысл слов, бывает, меняется под воздействием морального разложения общества, вот и на моей памяти стало не очень удобно называть что-либо "голубым". Несамостоятельный, требующий опеки и руководства член общества, семьи, рода, превратился в развращённом людском сознании в рабочий скот.

Серый, плотный дым накопленных за века грехов стал окружать меня, отгораживая от окружающих меня людей, застилая к ним прямой путь и я попытался разогнать его руками, но не тут-то было. Дым клубился, казалось, становился осязаемым, плотным, хоть режь его пластами. Дело как раз для меча. Обнажив оружие, я сделал несколько махов и понял, что рубить мало, разрубленное тут же обратно срастается. Вот ядро на стальном тросе, спортивный молот, кистень-переросток! Как раз кстати! Крутанув снаряд вокруг себя, я заставил дым отпрянуть и вдруг увидел его источник. Двухголовый змей, ворча, полз на меня, грозя сожрать и тело, и бессмертную душу. Господи, укрепи и помоги попасть туда, где хребет чудовища разветвляется, там слабое место! Оборот вокруг себя. Стальной трос, казалось, загудел, рассекая воздух. Второй, третий.

— Раз!!! — вложил я, распрямляясь, всю свою силу в снаряд, как никогда до этого никуда её не вкладывал и вдруг познал Имя Бога. Начала всех начал, Творца всего сущего, которого, даже не сознавая того, мы призываем ежедневно в помощь, совершая какое-либо действие или даже просто ведя счёт. А заодно и понял смысл вдруг раздавшегося многоголосого русского боевого клича, в котором воины одновременно и прощались с этим миром, и обещали друг другу встретиться, воссоединиться в Боге, не дав трусости испачкать душу.

Я стоял потрясённый, пока меня не подхватили на руки не стали подбрасывать вверх, к небу, куда мне так отчаянно вдруг захотелось, но брэнное тело не пускало, тянуло всякий раз вниз. Люди вокруг, совсем обычные, в форме и обычной гражданской одежде, радовались и смеялись. Ведь они видели только то, как товарищ Любимов вошёл в окоп, выложенный из обычных серых дерюжных мешков, помахал для разминки руками, а потом, зачем-то, ещё и мечом, взялся за молот. Судья, решив, что я готов, махнул флажком и с противоположного конца поля на меня пополз, копя убитым движком, старый двухбашенный Т-26 ещё ленинградского выпуска, взятый, наверное из училища. А потом был бросок и чугунное ядро, ударив в стык крыши корпуса и лобового листа, расколосось, наилучшим способом продемонстрировав свою, без обмана, монолитность и полноту. Мехвод, испугавшись грохота, дёрнулся и танк заглох на рубеже 78 метров. Рекорд Союза, а может и всего мира.

— Да отпустите же его! Смотрите, укачали, на ногах еле стоит, — едва ощутив себя в вертикальном положении я обвёл окружающих мутным взглядом и каким-то шестым чувством скорее угадал, нежели увидел, что говорил Киров. — Молодец, Любимов! Знай наших!! Давай, соберись, народ слова твоего ждёт. Дай жару, чтоб буржуев до коликов пробрало!

— Что-то мне не хорошо, — промямлил я еле ворочая языком.

— Ладно, сам скажу, за мной не заржавеет, — легко согласился Сергей Миронович. — Э, э, дорогой, что-то ты заваливаешься. Не спи! Машину скорее, видите, устал человек!

До беговой дорожки, на которой остановился "Тур", я дошёл самостоятельно, упрямо повторяя про себя имя "Пересвет" в такт шагам. Нельзя свалиться, нельзя дать никакого повода наблюдающим за всем действием для малейших домыслов. Залез в салон лимузина, упал на сиденье и уже где-то далеко-далеко услышал сказанное Кировым тихо, только для меня.

— Ну, спасибо тебе, брат, проси теперь чего хочешь.

— Костина, рабочего с ЗИЛа, в комсомоле надо восстановить. Ванька его зовут... — брякнул я первое, что пришло в голову, и отключился.

mir-knigi.org